

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

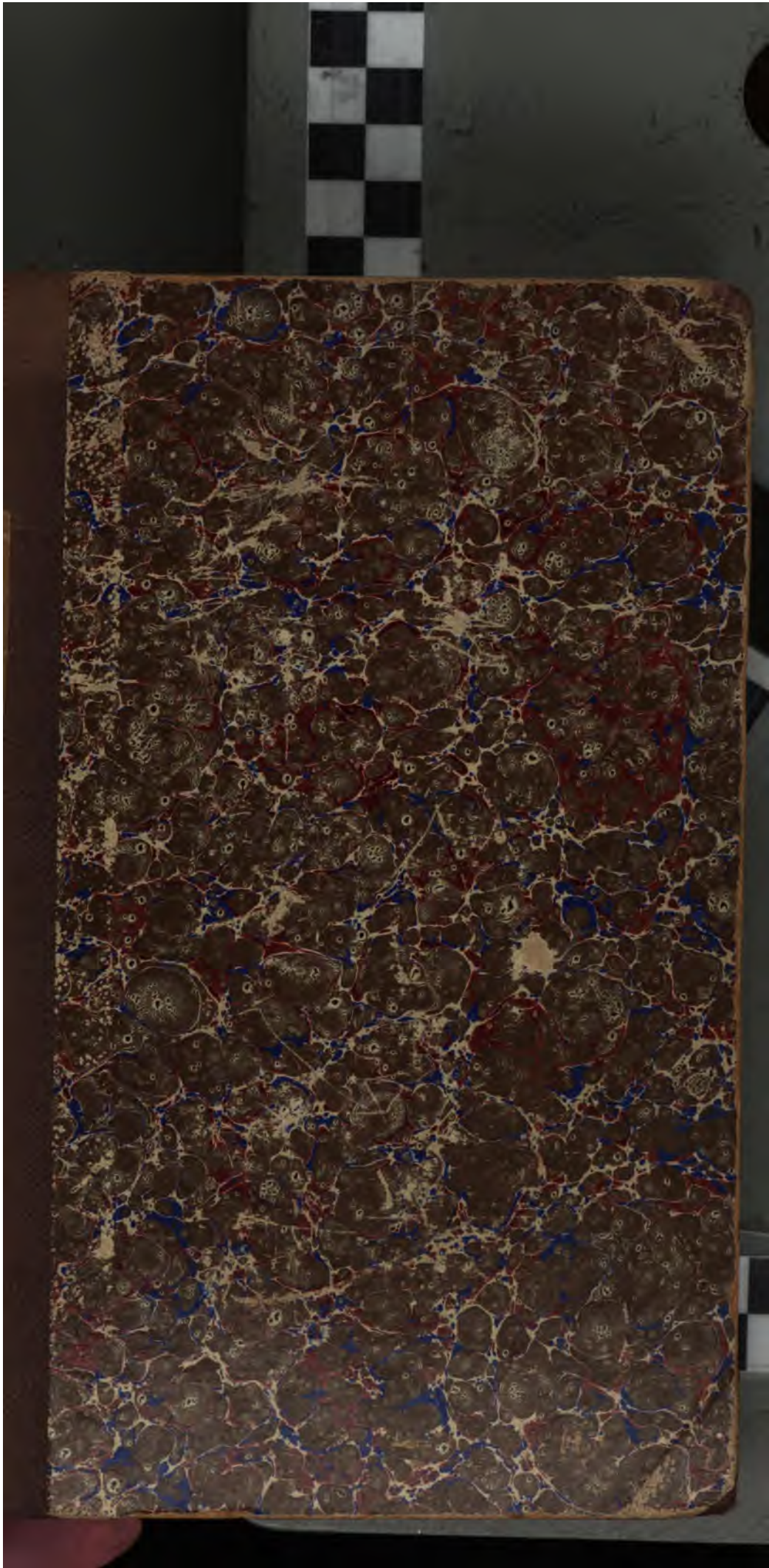
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WLP

Сумароков, 1

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

И

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА

СУМАРОКОВА.

ИЗДАНЫЯ СЕРГЪЕМЪ ГЛИНКОЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. С. ГЛИНКИ И КОМП.

1841.

PG3318

AG

1841

v 1/2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С. Петербургъ, Марта 7 дня 1841 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

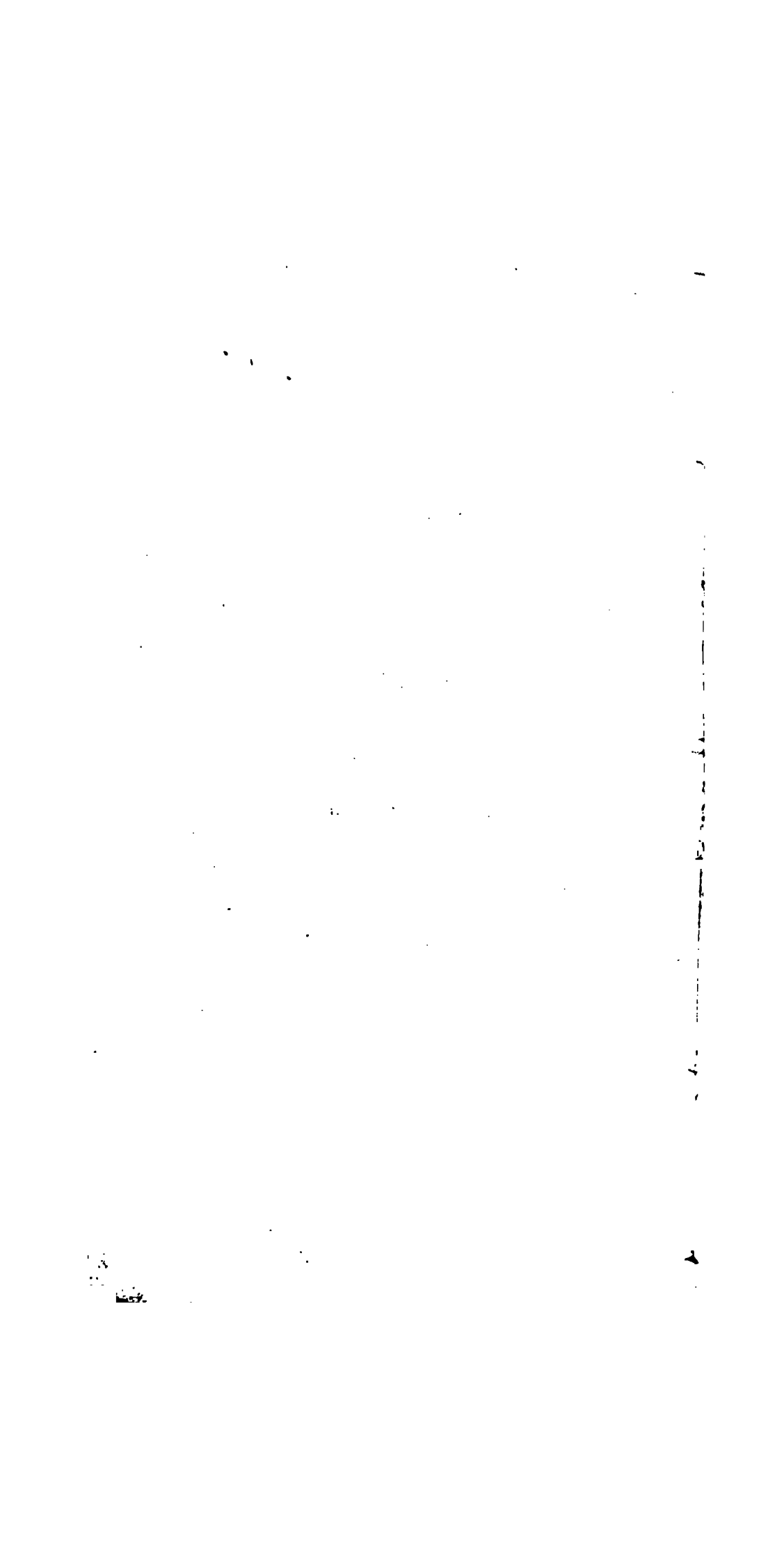
vous :

J'ai pu
facilement
vous a
malgré
de vos
l'œuvre
l'hon.
toit p
mais n
le pro
les ma
drame
etc. c
de sa
frères
comme
non p
du co
côté
sa ma

ПРЕСЖЕШЕ И СМЯТИ

ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ С ДРУГОЮ ДОПОЛНЕННОЮ
ПРИЛОЖЕНОЮ.

Въ то самое время, когда устроивая благоденствіе сыновъ Россіи, Ты вызывала изъ вѣковъ мннувшихъ древнія событія нашего отечества, и наблюдала ходъ новаго времени; въ то самое время, Николай Ивановичъ Новиковъ посвятилъ Имени Твоему, сочиненія писателя Твоего вѣка, Александра Петровича Сумарокова.

То было 1787 года, когда на небосклонѣ древней Галліи, скоплялись тучи, вскорѣ разразившіяся бурей, которая потрясла вѣковое бытіе областей Европейскихъ. А Европа, взирая на безмятежный жребій Россіи вѣщала: гдѣ найдемъ такую блистательную чреду, на какую Екатерина возвела Россію? Посмотрите, сколько владѣтельныхъ Германскихъ князей, восхищались

звѣтывъ, благодатнымъ спокойствіемъ народа
Русскаго, желалибъ свой санъ обмѣнять на участь
сыновъ Россіи. (*) Это были слова Европы.

А ты, пѣвчая Матерь нашего Отечества! Ты,
повторяя собственное Твое изрѣченіе, говорила
и напечатала: «Я живу благодарною душою къ
моему отечеству!» И силою святой любви, Ты
на всѣхъ попріцахъ своего существованія, вы-
зывала весь завѣтный бытъ русскій, чтобы въ
годнну испытанія, Россія собственными силами
отстояла жизнь свою.

*) См. книгу, изданную 1794 года въ Берлинѣ, подъ за-
главіемъ «Екатерина Вторая, представленная въ дѣяніяхъ сво-
ихъ.»

Такъ и сбылось. Казалось, что цѣлыя столѣтїя пролетѣли съ того времени, когда Ты сказала, что «Россїя не въ Европѣ!»

Но была удивительная година, когда цѣлая Европа была въ Россїи. Но потомъ, блеснули дни обновленїя нашего Отечества. А въ эти великіе дни, вступилъ на престолъ Державы Русскїя, Тотъ порфирородный Твой внукъ, у колыбели котораго, поэтъ Державинъ сказалъ:

«Родителямъ по крови,
По сану — Исполнѣ;
По благости, любви,
Помсвѣта Властелинѣ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатерины равенъ!»

И Онъ обновилъ всѣ памятники славы русской; и Онъ вѣнчалъ духъ слова народнаго въ лицѣ Крылова, которому проложилъ первоначальное поприще Александръ Петровичъ Сумароковъ, Праздникъ Крылова, былъ днемъ торжества двухъ нашихъ первыхъ баснописцевъ.

Незабвенная Царица и Любительница русскаго слова! въ имени Твоего поэта, прими отъ насъ новую жертву! А я и здѣсь повторяю, что (*) Ты, собственною рукою записала меня въ нынѣшній первый кадетскій корпусъ, по выходѣ откуда, я вѣнчалъ въ стихотвореніи Тебѣ поднесенномъ:

(*) Это было 1781 года іюня 4-го, на обратномъ пути Императрицы изъ Белорусіи.

«Ты отрокомъ меня прияла,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердца чувствіе влила;
Благотворительной рукою
Ты правила моей душою:
Ты жизнь мнѣ новую дала!»

При этомъ душевномъ воспоминаніи, повторяю стихъ Поэта Твоего Державина:

«Добро не умираеть!»

Не умираеть и слава. Нашъ историографъ, переносясь мыслею къ гробницѣ Твоей, вѣщала: «Екатерина Вторая, въ силѣ творческаго духа, и въ дѣлительной мудрости правленія, была непосредственною преемницею Великаго Петра;

раздвѣляющее ихъ пространство въ исторіи исчезаетъ.»

А вотъ, что сказалъ о Тебѣ поэтъ Твоего времени, А. П. Сумароковъ. Слова его, живой, громкій отголосокъ всѣхъ твоихъ почитателей.

«На Тебя, говоритъ Сумароковъ: на тебя ссылаюсь я, на Сѣверъ премудровладѣющая Вѣнецносица! что и Тебя, достойною Высшаго Престола учинило просвѣщеніе, почерпаемое изъ книгъ. Не санъ Твой, но оно обвѣщаетъ Тебѣ безсмертіе, въ этомъ ручается вся Европа! Всѣ отличные, не титулами, но премудростію жди, видятъ уже славу, соплетающую Тебѣ въ-

нецъ. Безмолвствую. Слава твоя и безъ меня
гремять.» (*)

А когда жизнь твоя перешла въ память душевную, сочинитель книги, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе Царствованія и свойствъ Екатерины Великія;» Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, воскликнулъ: «громкій ударъ раздася во всѣ концы; то былъ трауръ и для всей Имперіи!»

А Пиндаръ твоего вѣка, Державинъ, обращался къ Россіи, вѣщаль.

«Россія, Се Екатерина!
Владычица твоя и Мать!»

(*) Смот. полное изданіе соч. А. П. Сумароковъ часть X, стр. 144.

Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать!
Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай! рыдай! рыдай о ней.»

И въ слѣдъ за Державинымъ, подходя къ гробу
Твоему, Царица незабвенная другой Поэтъ, не
выставляя имени своего, говоритъ:

»Для рамъ обширной сей картины,
Малъ льсъ всей здѣшной Палестины;
А гдѣ взять красокъ и кистей?
Опомнися! тебѣль пристаю
Явить намъ ясное зеркало
Великихъ дѣлъ Царицы сей?» (*)

(*) Смотри обзоръ о Царствованіи и свойствахъ Екатерины Великія. Ч. 3.

Съ такимъ же глубокимъ удивленіемъ 1793 г. когда Европа оглашалась убійственными перунами грозной войны, Карамзинъ, взирая на престоль Твой, говорилъ:

«Мнѣли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обниметь свѣтъ?»

Рыдала Россія! раздавался стонъ горестный и за предѣлами нашего Отечества. Историкъ жизни Суворова, Лаврентъ писалъ: «Чѣмъ знаменитѣе событія, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ подѣ нашимъ воображеніемъ, когда внезапно свершаются. Россія, Петербургъ, Европа, встрѣтили 5 Ноября, 1796 г., сильное для себя пораженіе.»^(*)

(*) Смт. вышеупомянутую книгу, ч. 3. ст. 246.

«Съ ея жизнею, прибавляетъ *Лаврнъ*; соединяясь общаа безопасность, первое человѣческое благо.»

А принцъ Де-Лицъ говоритъ: «Екатерины Великой уже нѣтъ! слова ужасныя!... перомое едва могло ихъ начертать. Вселенная лишилась въ ней Великой жены; Россія—Матери Отечества. Я ее видѣлъ, внималъ ея рѣчамъ, сопровождалъ во многихъ путешествіяхъ. Образъ ея, слова, каждый шагъ напечатѣлись въ душѣ моей.»

Привода свидѣтельство Принца де Лицъ, сочинитель обзорѣнія Царствованія и свойствъ Твоихъ, Монархиня безсмертная! говоритъ: позавидуйте Намъ! мы имѣли Екатерину.»

А одинъ изъ поэтовъ твоего времени, соглася
унылый голосъ сердечный съ печальными зву-
ками лиры, въщаль:

«Возможноль, чтобъ Тебя Россія позабыла?
Ты чувство ей дала и свѣтъ во тмѣ открыла,
Ты начертала ей божественный Наказъ.

И въ этомъ дивномъ Наказѣ, въ которой Ты
переселила всѣ сокровища ума законодатель-
наго Ты, Царица - законодательница! Ты,
передъ лицомъ вселенной и Россіи, крот-
кою душою своею, говорила: Боже сохрани!
чтобы послѣ окончанія сего законодательства
былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣд-
ственно, больше процвѣтающъ на землѣ; на-
мѣреніе законовъ нашихъ было бы не ис-

полнено: несчастіе, до котораго я дожить не
желаю.» (*)

Такъ Ты вѣщала, Царица незабвенная! и въ
этомъ изрѣченіи вся душа твоя, жившая Рос-
сіей и для Россіи!

(*) Наказъ § 550.

Издатель.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

первый взглядъ на Сумарокова писателя.

При чтеніи о русскомъ языкѣ, Н. И. Гречемъ сказано, что и для русской словесности и для русскаго языка былъ двѣнадцатый годъ. Истинна неоспоримая. Съ того достопамятнаго времени, когда слово русское гремѣло и въ сильныхъ воззваніяхъ на борьбу за отечество и въ душевныхъ пѣсняхъ поэта въ станѣ русскихъ воиновъ, и въ общемъ стремленіи къ отысканію роднаго завѣтнаго слова: съ того времени предѣлы нашей словесности распространились на всѣхъ ея путяхъ. Наконецъ исторія Н. М. Карамзина и особенно присовокупленныя къ ней примѣчанія, извлеченныя изъ старинныхъ нашихъ лѣтописей, со всею безпримѣсною завѣтною ихъ жизнею, открыли новое поприще и повѣстямъ и романамъ историческимъ и поэмамъ въ духъ руссомъ. Но съ другой стороны, видя быстрые перелеты мнѣній литературныхъ, и

II

приступая къ возобновленію Русскаго Вѣстника , я рѣшился перечитать прежнихъ нашихъ писателей и началъ съ А. П. Сумарокова. Около двадцати лѣтъ не заглядывая въ его сочиненія , я удивился прозаическимъ его статьямъ , дышащимъ полною жизнею мыслей современныхъ. Тутъ предъявлено о собраніи, соображеніи и приведеніи законовъ въ единство (*); тутъ находится свѣдѣтельство о государственномъ совѣтѣ и о книгѣ законовъ (**), тутъ сказано и объ обществѣ къ сохраненію силы и чистоты русскаго слова (***) . Тутъ наконецъ , обращая зоркое вниманіе на ежедневныя нужды народа, А. П. Сумароковъ предъявилъ и объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ(****). Онъ какъ будто непрестанно стоялъ на стражѣ нуждъ общенародныхъ. Скажутъ, можетъ быть, что слогъ его устарѣлъ? Для меня не совсѣмъ. Оболочка и прозы и стиховъ подвержена такимъ же превратностямъ, какими увлекаются и непостоянныя наши моды. «Но, говоритъ Сумароковъ, природа и истинна не умираютъ». Можно прибавить: не только не умираютъ, но и въ теченіи вѣковъ оживаютъ новымъ бытіемъ на олтарѣ пользы челоуѣчества.

И такъ вспикнувъ во всѣ подробности произведеній пера А. П. Сумарокова , издаю книгу

(*) Пол. издан. соч. Сумарокова, часть 2.

(**) Часть 6.

(***) Часть 10.

(****) Часть 9.

III

подъ заглавіемъ: «Очерки жизни и сочиненій А. П. Сумарокова», съ замѣчаніями о всеобщей словесности, въ 3-хъ частяхъ.

Второй взглядъ на Сумарокова писателя.

Въ дружеской бесѣдѣ Ломоносовъ замѣтилъ Сумарокову, что онъ взялъ нѣсколько стиховъ изъ Расина, Сумароковъ отвѣчалъ: это правда, но и Расинъ бралъ изъ греческихъ Трагиковъ; дѣло не въ томъ, а въ томъ, чтобы на своемъ природномъ языкѣ предлагать ясно и вразумительно. Тредьяковскій предполагалъ, что Сумароковъ, въ комедіи своей *Трисотиніусъ*, мѣтилъ на него, хотя эта комедія отчасти заимствована изъ *Голбергова театра*, въ грозной критикѣ, въ томъ же укорялъ Сумарокова. Но кто изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ не подражалъ? Кромѣ выраженія борьбы страстей, вся Омирова Иліада подраженіе. Загляните въ извѣстія новыхъ путешественниковъ въ Египтъ; вы увидите, что въ развалинахъ стовратыхъ Фивъ, на стѣнахъ древнихъ палатъ, изображенъ Озирисъ, подобно Ахиллу, летящій на громоносной колесницѣ; вы увидите сраженія, въ которыхъ означены и всѣ раны пораженныхъ воиновъ и разнообразное ихъ паденіе. Вы увидите весь объемъ Ахилсова щита, на которомъ изваяна вся видимая природа,

IV

весь сельскій бытъ и безконечный хороводъ, тянущійся по длиннымъ стѣнамъ ликующаго города. Наконецъ , вы увидите и обширный океанъ, обхватившій этотъ огромный щитъ. И кто же изъ эпическихъ поэтовъ не подражалъ творцу Иліады и Одисея. Главное — не міръ вещественный, но міръ внутренній, міръ мысли и перехода страстей , главное дѣло выраженіе этихъ различныхъ міровъ , своимъ роднымъ словомъ. А для высказыванія ихъ, Сумароковъ и Ломоносовъ, (о чемъ будетъ далѣе показано и доказано) были въ свѣтской нашей словесности , первыми изобрѣтателями новыхъ выраженій и вообще новаго слога.

Сумароковъ зналъ Шекспира и оцѣнялъ красоту его ; онъ зналъ и Голландскаго трагика Фонделя (*); почему же онъ не подражалъ имъ въ пораженіи глазъ вещественною мечтою театральною. Потому что духъ его отстранялъ внѣшность, и потому, что ему, какъ отцу Русскаго театра, надлежало учить выраженію различныхъ вдохновеній души и сердца, т. е. первоначальной и главной жизни драматической.

(*) Полн. соч. Ч. 1.

ТРЕТИЙ ВЗГЛЯДЪ НА СУМАРОКОВА ПИСАТЕЛЯ.

Сочиненія Сумарокова при жизни его были уже искажены различнымъ образомъ.

Во первыхъ. Послѣ бури, опрокинувшійся на московскомъ театрѣ, противъ трагедіи Синава и Трувора за востаніе его противъ *Евгеніи* драмы *Бомарше*, очемъ подробно будетъ сказано далѣе, началось неблагонамѣренное перепечатываніе его трагедій (*).

Во вторыхъ. Неискусные переписчики и наборщики, наполняли всякаго рода неправильностями и прозу и стихи Сумарокова (**).

Въ третьихъ. Въ разборѣ своемъ, трагедіи Синава и Трувора, А. С. Шишковъ свидѣтельствуеъ, что, въ разсвѣнномъ состояніи мысли, Сумароковъ и самъ портилъ свои трагедіи, добивался богатыхъ, звучныхъ римъ, ко вреду силы выраженія.

Въ четвертыхъ. Н. И. Новиковъ, въ усердной своей торопливости, чтобы скорѣе украсить пмс-

(*) Часть IV.

(**) Часть X.

VI

немъ Екатерины сочиненія, Ею уважаемыя, не успѣвъ сообразить всѣхъ изданій, и отъ этой поспѣшности допустилъ въ полномъ изданіи, вкрасться новымъ несправностямъ.

По вышеозначеннымъ причинамъ, на западъ жизни моей, рѣшился я пройти все поприще *десяти частей*, искаженныхъ всякаго рода ошибками. Но свозъ эти несправности, сверкають лучи живой поэзіи; а что еще болѣе, жаркая любовь къ общему благу и человѣчеству, то чувство, которое всегда было и будетъ до исхода дней, владычствующимъ чувствомъ души моей. Касательно исправленія погрѣшностей, затѣняющихъ произведенія Сумарокова, я старался вникать и вслушиваться въ тѣ мѣста, которыя дышатъ самобытною его жизнію и въ движеніе его духа, въ строгость наблюдаемаго имъ словоударенія и въ растановку словъ. — Въ прозѣ же его, все самостоятельно, каждая мысль, относящаяся къ благу человѣчества, и особенно роднаго края, такъ сказать, представляется мыслію олицетворенною, передъ которою останавливаются всѣ поколѣнія быта общественнаго.

Наконецъ касательно исправленія стиховъ въ трагедіяхъ, мнѣ предстоитъ также обязанность

VII

устыенныя славянскія мѣстоименія , замѣнить частницами нынѣшняго слога.

По выходѣ объявленія моего объ очеркахъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова , нѣкоторымъ странно показалось , что я въ русской книгѣ , ссылаюсь на свидетельства иностранныхъ . Но спросимъ : откуда первые наши изобрѣтатели новой словесности—Сумароковъ и Ломоносовъ , заимствовали образцы стихотвореній? Изъ писателей иностранныхъ . Сближеніе нашей словесности съ словесностью европейской , часть отъ часу усиливалось и кажется , и теперь еще не прекратилось . Во время этого сближенія 1769 г. вдругъ произошелъ во Франціи необычайный переломъ и въ слогъ и въ искусство драматическомъ , что случилось при появленіи *Евгеніи*, драмы *Бомарше*. Какимъ образомъ , въ одно время и одна драма потревожила такъ и Парижъ и Москву? Это до меня и касается . Но торжество *Евгеніи* на московскомъ театрѣ было смертельнымъ ударомъ для Сумарокова , и какъ увидятъ далѣе и переломомъ всей его жизни . Могъ ли я умолчать объ этомъ? Не правъ ли я? возражайте . Но въ послѣдованіяхъ о словесности , намъ нельзя не касаться того источника , изъ котораго цѣстка наша новая словесность . Будемъ ли когда нибудь имѣть свою самостоятельную , положительную словесность? Не знаю . Меня тогда бы надлежало

VIII

уирекать, ееслибъ говори о Сумароковъ, упустилъ о важнѣйшемъ обстоятельстве. А что это обстоятельство неразрывно было съ сношеніемъ заграничнымъ, о томъ свидѣтельствуеетъ самъ Сумароковъ. Стена подь огромленіемъ театра и гоненіемъ тогдашняго моднаго московскаго свѣта, онъ говорилъ:

«Слезамъ я кроплю, Вольтеръ письмо твое (*)»

А. П. Сумароковъ порывистъ и въ любви къ отечеству и въ рвеніи къ общему благу и въ удержаніи пальмовъ трудовъ и славы своей. А когда недоброжелательство посягало на эти душевныя его сокровища, онъ восклицалъ:

«Возьмите свѣтъ отъ глазъ и выньте духъ мой вошь!»

«Какому то подъячму, пишетъ Сумароковъ, препоручили перевозносить до небесъ *Евгенію*. Подъячій утвердитель вкуса въ Москвѣ, конечно скоро будетъ свѣта представленіе. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячму, нежели Вольтеру и лунѣ?» (*).

Вотъ о чемъ шло дѣло, снова повторяю, могъ ли я не сослаться на многащныя свидѣтельства. Словесность есть своя исторія, не такъ она изложена, докажете: «Du choc des opinion jaillit la

(*) Часть 1.

(*) Часть IV.

IX

vérité.» *Изъ борьбы липей сверкають лучи истины.*

Все показанное здѣсь убедительно свидѣтельствуесть, что у Сумарокова былъ зоркій взглядъ на всь разряды быта общественнаго и ревностное желаніе блага общаго. Рѣшительно также можно сказать, что въ прошедшемъ столѣтїи, никто съ такимъ жаромъ, кромѣ А. П. Сумарокова и Н. И. Новикова, не вступался за тѣхъ полезныхъ и необходимыхъ людей, которыхъ Л. Б. Княжнинъ называетъ почтенными питателями рода человѣческаго. Фонъ-Визинъ, въ *Недоросль* своемъ огромялъ закоснѣлое невѣжество, а Сумароковъ и Новиковъ, показывали и изслѣдовали причины его. Но обозрѣвая въ лицѣ Сумарокова и сына отечества и человѣка, я не скрылъ ни бурнаго волненія его страстей, ни слабостей, въ которыя вовлеченъ былъ онъ и, борьбою съ существующимъ тогда обществомъ и съ самимъ собою.

Часто, очень дорого духъ пылкій платилъ за стремительные свои порывы! Силою творческою обладалъ Торквато Тассо, но куда увлеченъ былъ вихремъ страстей?... Бурны были и переходы жизни А. П. Сумарокова, а потому я не окинулъ ихъ никакою завѣсою, подтверждаю ихъ событіями историческими.

*Содержаніе и обзорныя десяти частей сочиненій
А. П. Сумарокова, издаваемыхъ Н. И. Новиковымъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1) Псалмы, покойный А. Θ. Мерзляковъ, которые ставилъ на одну чреду съ псалмами Симіона Полоцкаго. При всемъ моемъ уваженіи къ памяти его, скажу однако, что это несправедливо. Часто очень неровенъ слогъ Сумарокова въ преложеніи псалмовъ; но въ нихъ есть и мягкость языка и живость чувства. А сверхъ того сказано было выше, что большая часть его стихотвореній и при жизни его подверглась въ печати искаженію.

2) Оды, и духовныя сочиненія и преложенія. Тутъ кромѣ собственныя оды, главныя стихотворенія почерпнуты изъ книгъ пророческихъ. Изъ второй части моей книги, гдѣ помѣщены стихотворенія изъ пророчествъ, безпристрастные читатели увидятъ, что онъ умѣлъ поэзію пророчествъ разграничить съ поэзіей псалмовъ. Въ послѣднихъ болѣе слышимъ и моленія и томленія души умиленной; а въ пророчествахъ сильнѣе выражаются порывы души восторженной.

3) Надписи, въ числѣ которыхъ находятся и надпись къ памятнику, воздвигнутому Екатерину вторю Петру первому.

XI

4) Отрывки изъ Титъ Лавія и переводы нѣкоторыхъ мѣстъ изъ трагедій Расина.

5) Начало поэмы : *Димитрій Донской*. 1769 года при Екатеринѣ второй вспыхнула первая война съ Портою Оттоманскою. Одушевляясь воспоминаніями о грозныхъ нашествіяхъ Монголовъ и о битвахъ съ ними Русскихъ , онъ порывался сочинить поэму отечественную. Но этотъ самый годъ, какъ увидать далѣе: былъ началомъ главнаго разгрома его жизни. Искра эпическая блеснула и погасла, и онъ самъ угасилъ оную.

6) *Персей*, опера въ родъ оперъ Кино.

7) Отрывки изъ трагедій Корнеля и Вольтера переводъ посланія Фридерика втораго къ Вольтеру , сочиненное подъ тучею бури военной. Преложеніе въ стихи начало первой книги Фенелона телемака.

8) Описаніе огненнаго представленія въ первый вечеръ новаго года 1760.

9) Епистола (а) о любви къ Отечеству , (б) желаніе Петра перваго, чтобъ музы обитали на берегахъ Невы. (в.) Къ неправеднымъ судьямъ, (г). Епистола о русскомъ языкѣ. (д) Епистола о стихотворствѣ, заимствованная у *Горація* и *Буало*.

ХП

Не вступаясь ни за поэта римскаго, ни за поэта французскаго, ни за самаго Сумарокова, приведу только новый примѣръ превратности вкуса и правиль въ словесности. Къ исходу осмнадцатаго вѣка *Мармонтель*, *Седень*, *Мерсие* и другіе въ торжественномъ собраніи предали проклятію и пламени *L'art poétique de Voileau*. долго затанвался онъ въ печьъ всеожженія, наконецъ въ прошедшемъ 1840 году повѣщаютъ, что извѣстный профессоръ французской словесности *Маркъ Жирарденъ*, съ какимъ-то даже благоговѣніемъ юному поколѣнію и съ живымъ чувствомъ объясняетъ таинства Буалова произведенія. И сколько было такихъ переходовъ на всѣхъ путяхъ быта человеческого. А потому невольно скажешь и повторишь слова Сумарокова:

«Закрѣты будущіе дни
Отъ смертныхъ тайными судьбами.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1) Оды торжественныя: Ломоносовъ первый написал торжественную оду на взятіе *Хотина*. Но онъ и Сумароковъ вмѣстѣ, безъ всякаго сношенія другъ съ другомъ заимствовали *Ямбъ* изъ германской поэзіи. *Гентеръ* служилъ имъ въ томъ образцѣ. А Сумароковъ первый сочинилъ оду *Хореемъ* на победы Петра Великаго. Петра уже не было на свѣтъ, но онъ былъ живъ для современниковъ памятью дѣяній своихъ. Въ наше время оды отжили даже и для громовъ военныхъ. Но тогда на мирное возвращеніе Императрицы Елисаветы изъ Москвы, Ломоносовъ написалъ болѣе *сорока* строфъ. Сумароковъ пѣлъ Петра, Елисавету и Екатерину и пѣлъ ихъ по жаркому чувству къ нимъ любви и усердія. Въ области поэзіи есть своя исторія; исторія—высказывающая, что даетъ направленіе мысли и духу писателей. Не думайте однако, будтобы наши первые лирики *гроль* и *молиты* почитали душою лирической поэзіи. По свидѣтельству Сумарокова, Ломоносовъ обижался, слыша, что оды его величаютъ только

XIV

одами грозили. Сумароковъ, шутя надъ хо-
дульною высокопарностью и въ доказательство,
что громозвучность и безсмысліе могутъ итти
рядомъ, сочинилъ нѣсколько одъ, названныхъ
имъ: вздорными; онѣ звучать въ слухъ, а мысли
не говорятъ ничего. Въ исходѣ тогоже осмнад-
цатаго вѣка; Княжнинъ въ посланіи своемъ къ
Княгинѣ *Дашковой* сказалъ:

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать.
Онѣ всегда Екатерину,
За риемой безъ ума гонясь
Уподобляютъ райску крину,
Пуская свой бумажный громъ.»

Н. М. Карамзинъ предлагаетъ, будто мы долж-
ны быть благодарны Тредьяковскому за предъав-
леніе размѣра всѣхъ родовъ стихотвореній, Это
несправедливо. Сумароковъ и Ломоносовъ съ
тридцатыхъ годовъ начали то предъавлять, а
Тредьяковскій въ *пятидесятихъ* годахъ издалъ
книгу свою о *стихотворствѣ*.

2) Различныя стихотворенія, переводы изъ Го-
рація; сонеты Флименга къ Москвѣ и такъ да-
лѣе. Мысль Сумарокова не удовлетворилась од-
ною современностію, она вездѣ искала себѣ пищи.

3) Слова похвальные въ честь Елисаветы и Екатерины второй, не прибѣгая ни къ какимъ *риторическимъ* изворотамъ, Сумароковъ просто бвсѣдовалъ съ Екатериною о законахъ о народномъ просвѣщеніи; словомъ: о всемъ томъ, что подкрѣпляетъ общество и относится къ нераздѣльной его пользѣ.

4) Слово, сочиненное Сумароковымъ и произнесенное Архитекторомъ *Бажановымъ* на заложеніе при Екатеринѣ Второй новаго Кремлевскаго дворца. Въ этой же части находится и слово на открытіе С. Петербургской Академіи Художествъ. Страстно любя отечество, А. П. Сумароковъ во всѣхъ случаяхъ былъ исполнителемъ славы и торжествъ его.

5) Слово о любви къ ближнему.

6) Слово на возшествіе на престолъ Екатерины Второй. Это слово сочинилъ Сумароковъ тогда когда оружіе русскихъ гремѣло и на берегахъ *Ларгу* и подъ *Кагуломъ* и на моряхъ Греціи. Страстно любя страну *Омира*, *Софокла* и *Платона*, Сумароковъ первый изъ нашихъ писателей возвысилъ голосъ въ пользу и возрожденіе древней *Елады.*» О Греціи, восклицалъ онъ въ словѣ, посвященномъ Екатеринѣ: «оби-

XVI

талище наукъ и мать Героевъ! скажи, гдѣ дѣв-
лася слава твоя, куда скрылось твое великолѣ-
ліе?» Дорожа жребіемъ Греціи и тѣмъ днемъ, ко-
гда ему казалось, что уже первородное отече-
ство искусствъ и поэзіи оживаетъ, онъ означилъ
и время сочиненія слова. Въ *пять* часовъ утра
началъ а въ *десятомъ* часу кончилъ.

ЧАСТИ ТРЕТІЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

1) *Хоревъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная Сумароковымъ въ бытность его въ кадетскомъ корпусѣ. Ни одна изъ трагедій въ области европейской словесности не имѣла, такъ сказать, такого всеобъемлющаго успѣха. Въ одно почти время разыграна и сопитомцами Сумарокова въ стѣнахъ корпуса, и въ чертогахъ Императрицы Елисаветы и на берегахъ Волги, въ Ярославлѣ мастеровыми на заводѣ Полушкина. Первый трагическій подвигъ Сумарокова сдѣлался собственностью общенародною. Это, повторяю еще было необычайное явленіе въ европейскомъ мѣрѣ драматическомъ.

2) 1750 года *Хоревъ* перешелъ на театръ Императорскій и того же года, представленъ былъ *Гамлетъ*, заимствованный Сумароковымъ изъ *Шекспира*. И такъ онъ первый ознакомилъ русскихъ и съ именемъ и съ театромъ поэта великобританскаго. Ни новость театра русскаго, ни вкучъ того времени не позволялъ Сумарокову

XVIII

слѣдовать шагъ за шагомъ за образцемъ своимъ. Появленіе мертвеца на театры возмутилобъ всѣхъ зрителей. Но объ этомъ будетъ далѣе.

3) Въ началъ того же 1750 года вмѣстѣ съ *Гамлетомъ* появилась трагедія *Синавъ и Труворъ*, представленная въ первой разъ въ *Петергофѣ* въ присутствіи Елисаветы и двора ея. Въ посланіи своемъ къ *Дмитревскому*, Сумароковъ говорилъ, что игра *Тропольской* сдѣлала нмѣ его извѣстнымъ въ цѣлой Россіи. Но въ Очеркахъ его жизни показано будетъ, что та же самая трагедія, которая въ *Петергофѣ* и на берегахъ *Невы*, дарила его вѣнками славы, нанесла ему смертельный ударъ на берегахъ Москвы рѣки 1770 года. Въ то же самое время она переведена была въ Парижъ; *Лагарпъ* вѣнчалъ ее пальмами въ *Mercure de France*, и Вольтеръ дивился простотѣ ея. Подробности и объ этомъ предложу въ своемъ мѣстѣ.

4) Въ началъ 1750 года представлены были *Гамлетъ*, *Синавъ*, *Труворъ* и *Аристонъ*. А въ октябръ того же года первая играна была въ зиниенѣ дворцѣ. Въ одинъ годъ Сумароковъ переводилъ своихъ зрителей и въ *Данію* и на берега *Волхова* и въ предѣлы *Персіи*. Въ концѣ третьяго дѣйствія *Дарій*, царь Персіи говоритъ *Аристотонъ*:

ХІХ

«Телерь я отхожу на должну оборону
И примеру тебъ и славу и корону.»

Эта трагедія , хотя и не списокъ съ Расинова *Балзета*, но въ ней такой же недостатокъ , какой и въ Расиновой трагедіи. Тутъ щегольство любви , а не любовь восточная. Расина упрекали , что онъ въ турецкомъ нарядѣ представилъ Французовъ ; и Сумароковъ въ одеждѣ персидской вывелъ Европйцевъ. Объ этой трагедіи нѣтъ преданій ; а потому и не знаю , пожалъ ли нашъ поэтъ тѣ лавры , которыми хотѣлъ подарить *Артистону*.

5) *Семира* , 1751 года представлена была на Императорскомъ театрѣ. Сумароковъ почиталъ ее лучшею своею трагедіею. Замѣчу здѣсь , что хотя Владиславъ Александровичъ *Озеровъ* учился словесности у Я. Б. Княжнина , но онъ душою драматической своей поэзіи обязанъ А. П. Сумарокову.

Предлагаю доказательства изъ моихъ частныхъ и историческихъ записокъ.

Въ очеркѣ своемъ о В. А. *Озеровѣ*, князь П. А. *Вяземскій* предполагаетъ , будто бы творецъ *Эдипа* и *Фингала* заимствовалъ сплу русскаго

слова у *Болтина*; сочинителя примѣчаній на Русскую исторію *Леклерка*. Это несправедливо. *Озеровъ*, какъ сказано было, учился отечественной словесности у *Княжнина*, а перечивался въ сочиненіяхъ *А. П. Сумарокова*. *Озеровъ*, пожатій блистательный палмы музы трагической, былъ меня постарѣе, но былъ сопитомцемъ моимъ въ сухопутномъ кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ въ послѣдствіи за отличныя душевныя качества и примѣрное поведеніе, находился въ числѣ кадетскихъ офицеровъ. Въ это время онъ жилъ и дышалъ французскими трагиками, а на Русскій языкъ перевелъ только *Геронду Ковардъ Абелара* къ *Елоизѣ*. 1796 года, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, *Озеровъ* увидя меня изъ окна того дома, гдѣ жилъ, пригласилъ къ себѣ. Это было въ іюль мѣсяцъ. Я засталъ его за чтеніемъ *Сумароковыхъ трагедій*. Замѣтя удивленіе мое, онъ сказалъ: «намъ преподавалъ словесность *Я. Б. Княжнинъ*. Я люблю его трагедіи; въ нихъ много стиховъ великолѣпныхъ. Напримѣръ въ *Ярополкѣ* и *Владимиру*, *Свенельдъ*, говоря о страсти послѣдняго къ *Гречанкѣ Клементѣ*, восклицаетъ:

«На твердомъ тронѣ семь, герон, гдѣ владыи,
Отколѣ молніи ужасныя летѣли,
Объятый Ярополкъ цѣпами изъ цвѣтовъ
Задремлетъ, и падетъ къ ногамъ своихъ враговъ.»

XXI

«Это прекрасно, продолжалъ *Озеровъ*; но давно обдумывая трагедію *Эдипа*, и я сталъ перечиваться стопосложенію по поэзіи Сумарокова. У него стихъ мягче, а мнѣ нужна эта мягкость для роли *Антигоны*. Признаюсь, что я теперь дивлюсь Сумарокову; гдѣ и у кого отыскалъ онъ выраженіе трагическое? Говорятъ, что онъ подражалъ французскимъ трагикамъ; это ничего не значить. Корнелій, Расинъ и Вольтеръ заимствовали у Грековъ, некоторыя содержанія своихъ трагедій. Но языкъ у нихъ свой. Я пристрастенъ къ *Расину*, но *Корнелій* выше его тѣмъ, что онъ изобрѣлъ слогъ трагическій; тоже должно сказать и о Сумароковѣ.»

Тутъ прочиталъ онъ мнѣ слѣдующее мѣсто изъ *Синава* и *Трувора. Гостомысль*, убѣждая дочь Свою Ильмену отдать руку *Синиву*, говоритъ:

«Вступи на тронъ, будь мать народа своего.
Когда оставишь ты сердечныя уставы,
Ищи утѣхъ среди величества и славы,
Не гордости тебѣ искать отецъ велитъ;
Но чтобъ ты свѣла повсюда добродѣтель;
На эта власть пріялъ надъ обществомъ владѣтьсѣ.
Съ престола своего обширныя страны,
Которы отъ боговъ ему поручены
Объемлетъ взорами, стрежетъ и учреждаетъ,

XXII

Искореняетъ ложь и правду утверждаетъ.
Въ супружество вступивъ, участницею ставъ
И сердце княжеска и силъ его и правъ,
Въ сей пышности себя между боговъ не числя;
Родясь смертною, какъ смертная и мысль.
Отъ ядовитыхъ устъ ты слухъ свой отвращай,
И въ утѣшеніи невинныхъ защищай.
Храни незлобіе, людей чти въ чести твердыхъ;
Отъ трона удаляй людей немилосердыхъ.»

И такъ далѣе.

Вотъ нашъ разговоръ съ Владиславомъ Александровичемъ Озеровымъ.

Онъ. Вы конечно замѣтили, что я въ этихъ стихахъ измѣнилъ нѣсколько словъ?

Я. Замѣтилъ.

Онъ. Это бѣздѣлица. Нашъ Херасковъ сказалъ:

«И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.»

притомъ же Сумароковъ жалуется въ сочиненіяхъ своихъ, что переписчики и типографіи часто искажали его стихи. Какъ бы то ни было, но, я еще, повторю: откуда Сумароковъ взялъ такіа выраженія и сильныя и живыя?

XXIII

Я. Военаргъ сказалъ : «Les grandes pensées viennent du coeur». Величественныя мысли выходятъ изъ сердца.

Онъ. Это правда. Но вить и величественныя и простыя мысли надобно выражать : кто же научилъ этому Сумарокова? Впрочемъ мнѣ одно кажется не естественнымъ въ *Синаопъ* и *Труворопъ*. Сумароковъ слишкомъ представилъ его , такъ сказать : *метафизическимъ патриотомъ* Il a outré son caractère. Онъ даже поставилъ его выше столка *Катона*. Посмотрите въ *Адисоновой* трагедіи , какія изъявляетъ чувствованія Катонъ при видѣ сына его *Маркуса* , убитаго на битвѣ фарсальской. Онъ говоритъ : счастливый юноша! ты умеръ за отечество! о, друзья мои! дайте мнѣ исчислить раны его. Кто бы не захотѣлъ такъ умереть за страну родную? Друзья мои! Не оплакивайте моей потери ; не жалѣйте о сынѣ моемъ. Оплакивайте Римъ ; палъ властелинъ вселенной. Конечно и тутъ *стоицизмъ* ; но онъ естественъ. Въ смерти сына Катонъ видитъ паденіе всемірнаго владычества римскаго.

Я. И я читалъ Адисонову трагедію; и я восхищался этимъ мѣстомъ. Отецъ, торжествующій духомъ при видѣ сына , павшаго за отечество; Герой — отецъ.

XXIV

Онъ. И это правда. Но Адисонъ, такъ сказать привелъ въ дѣйствіе любовь къ отечеству. А дѣйствіе — есть душа трагедіи. Вотъ почему и Сумароковъ долженъ былъ усилить причины, по которымъ онъ настаиваетъ, чтобы *Ильмена* вступила въ бракъ съ *Синавомъ*. Онъ бы могъ призвукъ трубъ и подъ развѣвающимися знаменами новгородскими, вывести раненаго *Синава*, поддерживаемаго *Гастомысломъ*, котораго онъ спасъ въ битвѣ кровопролитной, подвергая за него жизнь свою. Тутъ была бы борьба душевная; т. е. тутъ была бы жизнь трагедии.

Вслѣдъ за этимъ В. А. началъ мнѣ читать первый свой драматическій опытъ: трагедію *Ольгу*. Охотно принималъ онъ мои замѣчанія и при мнѣ дѣлалъ поправки. Наконецъ я сказалъ ему: «вы сейчасъ сказали, что дѣйствіе — душа трагедіи:» а потому вмѣсто разсказа о смерти *Игоря* заставьте очамъ *Ольгу* представить трупъ ея супруга на ратныхъ щитахъ, освѣнясь знаменами. «Онъ» согласился и на это, но не знаю привелъ ли мои слова въ исполненіе. По тогдашнимъ моимъ обстоятельствамъ я вскорѣ долженъ былъ поспѣшить въ полкъ и не видѣлъ представленія *Ольги*, можетъ быть инымъ покажется что я какъ будто изъ книги вычитываю разговоръ мой съ творцемъ *Едина*. Но онъ дѣйствительно существовалъ. Я непомню только зла и

XXV

обидъ, или, по крайней мѣрѣ стараюсь ихъ забывать : но впрочемъ безъ всякаго самохвальства могу признать къ себѣ то , что въ трагедіи *Дюма* , уроженецъ знойной Африки говорить о памяти своей.

«Oubliant le présent et l'avenir — je songe
A mon matin si beau — qu'il me semble un mensonge »

У сердца — есть память любви : у мысли — есть память соображенія.

Въ исходѣ 1805 года въ день представленія драмы моей *Натальи* , встрѣтился я въ театрѣ съ В. А. Озеровымъ. У него сердце было чувствительное и душа прекрасная. Онъ привѣтствовалъ меня дружескимъ объятіемъ. Были и для меня проблески торжества драматическихъ ; но, они, какъ будто вѣками отмежевались отъ меня. Не жалю. Разъигрываются драмы ежедневныя и почти на каждомъ шагу. Счастливы тотъ , кто въ этихъ горестныхъ драмахъ отеръ слезы въ очахъ страдальца и поднялъ утѣшеннаго. Буквы тускнѣютъ и исчезаютъ, душа завѣдываетъ, куда добро переходить.

Обращаюсь къ Сумарокову и Озерову.

XXVI

Изъ Сумарокова нарочно выпиcываю, а у Озерова на удачу развертываю Эдипа, чтобы показать, что отголоски поэзии Сумарокова слышны и у Озерова. *Хоревъ*, липшась *Оснелды*, страстно и несчастно имъ любимой, восклицаетъ:

«На что мнѣ лавры? сонъ? наследственна держава!
Погибли все теперь, величество и слава!»

Въ *Семиръ* Олегъ говоритъ *Ростиславу*, названному его сыномъ и влюбленному въ Семпру:

«Вспомни мужество великія дѣла,
Для конхъ въ свѣтъ тебя природа извела,
И какъ рука твоя въ народы смерть летала
Когда съ твоимъ мечемъ здѣсь грозна смерть летала:
Не для любви, мой сынъ! рожденъ ты для побѣдъ.»

РОСТИСЛАВЪ.

«Не для, не для любви — для нестерпимыхъ бѣдъ.
Свѣтъ видѣлъ, что тебѣ я въ славу подражаю,
Подъ знаменемъ твоимъ я лавры пожинаю.
Не устыдишься ты, что я рожденъ тобой,
Въ день брани зрѣли всѣ, что ты родитель мой.
Какой порокъ, когда, герой любовью таетъ —
Коль мечъ въ его рукахъ весь свверъ устрашаетъ.
Когдабъ герой умѣлъ отъ красоты спастись,
Онъ могъ бы надъ самимъ собою превозвестись,
Ужасно мужество великихъ душъ въ день брани;
Но каждый человекъ даетъ природе дань.»

XXVI

У Озерова, Эдиту вопрошала Полашица, восклицает :

« Скажи злодѣй! чего ты хочешь отъ меня ?

ПОЛЕНИКЪ.

Чтобъ чувства свои ко мнѣ перемѣни,
Мой стонъ слышала ты, разкаянье увидѣла,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ,
Нѣтъ я не варваромъ, не извергомъ рожденъ,
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю
Но сердце вѣжное тобою мнѣ дано.»

Тутъ музыка стопосложенія одна, но, гдѣ сильнѣе выраженія? Не вхожу въ разборъ. Замѣтьте только, что Сумароковъ болѣе нежели полвѣкомъ предварилъ Озерова, у котораго были уже передъ глазами и Ломоносовъ и Державинъ и Княжнинъ и Богдановичъ и Дмитріевъ и Херасковъ и Карамзинъ. А Сумароковъ въ свое время былъ одинъ самъ съ собою, съ своею собственною мыслию. И какъ эта мысль умѣла выражаться и сильно и разительно! Въ трагедіи его *Семиръ*, Оскольдъ, обращаясь къ дружинѣ своей, говоритъ:

« Насталъ намъ часъ искать или смерти, или свободы,
Умремъ, или побѣдимъ, о, храбрые народы!
Надежда есть: друзья! Оскольдъ еще живетъ;
Везерлинъ — мужество, победы плоть даетъ.

XXVIII

Не страшно все тому, кто смерти не боится.
Пускай хотя на насъ природа ополчится.
Что можетъ болѣе намъ счастья приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить,
О, градъ родительскій! Отечество драгое!
Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покое,
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ
И отъ твоего престола отчужденъ!
О, вѣрные друзья! отринемъ плѣна бремя!
Настало то, судьбой, назначенное время,
Въ которое должны всеиной показать,
Что намъ несвойственно подъ игомъ унывать.
Коль нашей храбростью оковы разорвутся,
Какія радости по граду раздадутся!
А ежели судьба намъ умереть велитъ,
Друзья! паденіе дѣлъ нашихъ не затмитъ.»

Тутъ огонь, тутъ движеніе слова, живо высказывающаго порывы души пылкой. Скажутъ, можетъ быть, что это подраженіе *Замировой* рѣчи въ Альзирѣ. Согласенъ. Но такое подраженіе стоитъ подлинника, да развѣ и Вольтеръ не подражалъ и Грекамъ и Шекспиру!

6) *Ярополкъ и Димиза*, представлена была на Императорскомъ театрѣ, 1753 года.

7) *Вьшеславъ*. Въ этой трагедіи не стихи, но основа превосходная, о чемъ объяснюсь въ своемъ мѣствѣ. Должно замѣтить, что здѣсь въ первый

XXIX

разъ поименованы дѣйствующія лица, разыгрывавшія эту трагедію. Вышеславъ, *Дмитревскій*, Зенеида, *Тропольская*; Любочестъ, *Лапинъ*, Станобой, *Бахтуринъ*; Свѣтима, *Волкова*.»

Я. И. Шушеринъ, небылъ еще тогда на поприщѣ театральномъ, но въ послѣдствіи слышалъ онъ отъ *Лапина*, что при каждомъ появленіи дѣйствующихъ лицъ раздавались громкія рукоплесканія и что Сумароковъ называлъ этотъ день *торжествомъ своимъ*. Неудивительно. Онъ былъ и начальникомъ театра и наставникомъ юныхъ драматическихъ питомцевъ. И какихъ питомцевъ! *Дмитревскій*, недавно работавшій на ярославскомъ заводѣ *Полушкина*, выходитъ въ лицѣ Князя и восхищаетъ зрителей сильнымъ, душевнымъ выраженіемъ, заимствованнымъ у Сумарокова.

Впечатлѣнія и воспоминанія юности откликаются во всѣхъ возрастахъ жизни нашей.

Шушеринъ, простясь въ Петербургъ и съ *Мельпоменой* и съ *Таліей* и переселясь въ родную свою Москву передъ грознымъ нашествіемъ 1812 года, съ восторгомъ читалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ *Вышеслава*. Но большею частію очарованіе тѣхъ мѣстъ, осталось въ голосѣ его; а въ память мою зашли стихи:

XXX

«Я царствую, хочу вознестись санъ человека;
Законодатель я, народу я отецъ;
Хранитель чадъ моихъ, блаженства ихъ творецъ.»

Вышеславъ по поэзии не Синавъ и Труворъ, не Семира и не Хоревъ. Но въ ней основа пре-восходная; въ ней есть вдохновеніе мысли нарядней, что будетъ показано выписками изъ нее въ своемъ мѣстѣ. И выраженіе любви имѣетъ свои предѣлы. Впрочемъ эта трагедія доказываетъ, что душа дѣйствующихъ лицъ и посредственной драмъ придастъ новую силу и оживленіе.

8.) *Дмитрій Самозванецъ*. Объ ней будетъ предложено въ своемъ мѣстѣ по соображенію съ трагедіей А. С. Пушкина: *Годуновъ*. Замѣчу однако и здѣсь, что она представлена была въ первый разъ 1771 года, т. е.: послѣ того года роковаго, когда мщеніе тогдашнихъ щеголей моднаго московскаго свѣта обрѣло *Синава* и *Трувора* на театрѣ содержателя, Итальянца *Бельмонти*; о чемъ изложены всѣ подробности въ первой части очерковъ жизни Сумарокова.

9) *Мстиславъ*, трагедія представленная въ первой разъ на Петербургскомъ театрѣ 1774 года. По случаю представленія Мстислава, Сумароковъ писалъ къ Дмитревскому! «Мой другъ! Мстиславъ

твое торжество; ты подарилъ мени новымъ вын-
комъ.»

Продолженіе содержанія той же *четвертой*
части.

1) Новые лавры, прологъ. Эти *новые* и бли-
стательные лавры пожаты были 1759 года по-
бѣдою подъ *Франкфуртомъ* и взятіемъ *Кистрина*
Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ, кор-
пуснымъ сопитомцемъ Сумарокова. Восхищаясь
славою сотоварища своего, нашъ поэтъ въ про-
логъ своемъ соединилъ все то, что очаровываетъ
и взоры и слухъ. Онъ вызвалъ всю прелесть
искусствъ.

2) *Приблѣжище добродѣтели*, драма въ сти-
хахъ.

Въ то самое время, когда Вольтеръ огромлялъ
насмѣшливыми перунами и въ стихахъ и въ про-
зѣ своихъ *Вельховъ*, т. е. Французовъ осмнадца-
таго вѣка и когда Жанъ-Жакъ Русо писалъ,
что и Франція и Европа тонуть въ развратъ,
Сумароковъ влагалъ въ уста добродѣтели:

«О, ты, превратный миръ! ты самъ тому свидѣтель,
Сколь страшно стѣснена тобою добродѣтель!»

XXXII

Уже приближица нигдѣ не вижу я.
Скончалась на землѣ навѣки власть моя.
Лишилась истинна великолѣпна вида.
Вездѣ безчувствіе, лукавство и обида;
Убийство и татьба, насиліе, разбой,
Не правосудіе, вдовиць и сирыхъ вой.
Хотя меня уста всеміяство прославляютъ,
Сердца безъ жалости всечасно оставляютъ,
И мнѣ ругаются — не чувствуя стыда:
Ожесточилася Европа навсегда.»

3) Подъ перомъ Сумарокова Еврепидова *Альцеста* превратилась въ оперу. Вся театральныя украшенія устроены были Францискомъ *Градицельмъ*, придворнымъ живописцемъ, архитекторомъ и театральнымъ инженеромъ; такъ сказано въ заглавіи оперы. Вероятно, что въ ней существовала и мечта театральная. Но для Грековъ *Альцеста* имѣла и другую прелесть; она принадлежала къ преданіямъ ихъ вѣроисповѣданія.

4) *Цербаль и Прокриса*, опера въ родѣ лирическихкихъ драмъ *Кино*.

5) *Пустынникъ*, драма въ стихахъ, представленная въ первый разъ на Петербургскомъ театрѣ.

6) *Странное дѣло!* Вслѣдъ за *пустынникомъ*, торопливое усердіе издателя сочиненій Сухаро-

XXXIII

кова въ десяти частяхъ, помѣстило: *любовную гадательную книжку*. Сумароковъ для разсѣянія скуки выписывалъ изъ трагедій свои нѣжныя двустипшія, но онъ и не думалъ, что эту невинную забаву помѣстятъ нераздѣльно съ его драматическими произведеніями.

7) Мнѣніе въ сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ.» Въ этомъ отрывкѣ замѣчанія Сумарокова не уступаютъ ни разборамъ *Вольтера*, ни разборамъ *Лагарпа*. А въ разсмотрѣніи Расинова *Митридата*, онъ предъявилъ даже то, что ускользнуло отъ ихъ взгляда на классическій ходъ трагедій.

ЧАСТИ ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ.

1) Комедіи. — Опекунъ. — Лихоимецъ. — Три брата совмѣстники. — Ядовитый. — Нарцисъ. — Приданое обманомъ. — Чудовище. — Трисотниусъ: — Пустая есора. — Рогоносецъ по воображенію. — Мать совмѣстница дочери.—

Тутъ весь объемъ , вся картина тогдашняго общества высказывается однимъ поименованіемъ комедій. Это живое зеркало тогдашняго времени; а что оно часто тускнѣетъ , это дѣло другое. Впрочемъ очеркъ комедій А. П. Сумарокова предложу въ своемъ мѣстѣ , а здѣсь приведу только изъ нихъ нѣкоторыя, такъ сказать, неумирающія выраженія.

«Скромность, ожерелье красоты.

«Упасть каждый можетъ ; и лошадь падаетъ, хотя у нее четыре ноги.

«Ты Русскій, а не говоришь по Русски.

XXXV

«Пьяному да крючкотворцу и море по колено.
И подушки у ябедниковъ не слишкомъ вертятся.
У тѣхъ вертятся больше, которые дорожа
своею честностію по міру ходятъ.»

«Умъ превосходный лучше превосходительства
чиновнаго.»

«Что присвоено незаконно, то отдать свыше
силъ человѣческихъ.»

Тутъ по неволѣ остановишся и скажемъ : «это
рѣзкой и живой оборотъ слова *Ла Брюера* и
Паскаля.»

«Хвали сонъ, когда сбудется.»

«И змѣя птенцовъ своихъ не пожираетъ.»

«Отруби себѣ ту руку яо локоть, кто себѣ
добра не желаетъ.»

«Но кто живетъ только для себя, тотъ не жи-
ветъ, а тяготитъ землю. Онъ мертвый членъ въ
обществѣ.»

«Тѣлу пужна голова, но—и мизинецъ членъ.»

XXXVI

«Одинъ дуракъ бросить камень въ воду, а сто умныхъ его не вытащутъ.»

Прошло около столѣтїя комедїямъ Сумарокова, но изъ этихъ изрѣченїй видно что умъ не подвластенъ времени. А притомъ Сумароковъ въ *разговорномъ языкѣ* былъ наставникомъ цѣлаго юнаго поколѣнїя современниковъ своихъ.

Въ другой половинѣ шестой части: 1) Нѣкоторыя статьи о добродѣтели, изъ которыхъ, какъ показано будетъ въ первой и во второй части моей книги, и Г. Р. Державинъ заимствовалъ мысли въ свою поэзію.

2) Основаніе любомудрїя.

3) О Россійскомъ духовномъ краснорѣчїи.

4) Статьи историческія. Московская лѣтопись, Стрѣлецкїй бунтъ и проч.

5) Смѣсь: замѣчанїя, относящїяся къ различнымъ разрядамъ общей словесности.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

1) Притчи или басни.

2) Сатиры.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Эклоги и пѣсни.

Новиковъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени въ очеркѣ о Сумароковѣ, называетъ ихъ: *эклогами превосходнѣйшими*. Такъ ли теперь думаютъ? это не мое дѣло. Время на время не приходитъ. Однакоже о эклогахъ А. П. нельзя того сказать, что *Вольтеръ* говоритъ ось эклогахъ *Фонтенелля*.

Вотъ его слова,

Упомянувъ о настоящихъ пастухахъ, онъ прибавляетъ:

« Ils ne sont point formés sur le brillant modele
De ces pasteurs galans qu'a chante Fontenelle. »

У Сумарокова пастухи не щеголяютъ остроуміемъ, они просто выражаютъ свои чувства и кисть его во многихъ мѣстахъ живо изображаетъ природу. А пѣсни его можно назвать, порывами сердца страстнаго.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

1) Различныя стихотворенія.

2) Различныя статьи прозаическія. Первая изъ нихъ: «разговоръ въ Царствѣ мертвыхъ *Александра съ Еростратолія.*» Повторяю я здѣсь, что этотъ разговоръ и слѣдующій за нимъ: «Разговоръ Монтезумы съ Кортесомъ о томъ что: *благость и великодушіе необходимы Героямъ!*» принадлежатъ Александру Васильевичу Суворову, отдавая ихъ въ академическое ежемѣсячное изданіе пятидесятыхъ годовъ, Суворовъ выставилъ только двѣ гласныя буквы: *А. С.* что и ввело въ ошибку Н. И. Новикова.

3) Смѣсь: замѣчанія, относящіяся къ общей словесности.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

1) Разсужденіе о русскомъ языкѣ и разсмотрѣніе одѣ Ломоносова, безпристрастное, и внимательное и отчетливое.

2) Отвѣтъ на критику Тредьяковскаго.

3) О происхожденіи Русскаго народа.

4) Переводъ повѣсти Монтескю : *Искленія и Имена.*

5) Смѣсь.

6) Разборъ Синава и Трувора, напечатанный во французскихъ журналахъ и предложенный по русски въ послѣдней части сочиненій Сумарокова.

Изъ эгаго простаго изложенія полныхъ сочиненій А. П. Сумарокова явствуетъ, что онъ проходилъ общее поприще Европейской словесно-

XI

сти. А потому и я въ очеркахъ жизни и сочиненій его, вездѣ, гдѣ было нужно, произведенія его пера, соображалъ съ произведеніями иностранныхъ писателей. А въ ея время, его словесность была *словесностью самобытною* и въ Европѣ и въ Россіи, то есть: въ двухъ столицахъ нашихъ, перенимавшихъ все у тогдашняго парижскаго свѣта. Теперь и у насъ и въ Европѣ доискиваются своей отечественной, родной словесности, отъ всего сердца желаю успѣха. Но и при стремленіи къ новому поприщу словесности, на поприщѣ А. П. Сумарокова никогда не померкнутъ вдохновенія мысли и души его.

29 Января 1841 г.

С. П.

Содержаніе первой части очерковъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Отзывъ П. М. Карамзина о Сумароковѣ. — Сумароковъ родился въ годъ побѣды князя Голицина въ Финляндіи. Первымъ его наставникомъ былъ отецъ его; а первымъ его учителемъ былъ Зейкенъ, участвовавшій въ воспитаніи Петра втораго. Отзывъ П. И. Дмитріева о Сумароковѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Сумароковъ поступаетъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, основанный при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Имена нѣкоторыхъ его товарищей.

Общество любителей Русской словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Прикосновенность къ оному А. В. Суворова. Анекдотъ о Суворовѣ П. И. Хераскова. — 1748 года Сумароковъ сочиняетъ трагедію: *Хоревъ*, сперва представленную каде-

тамъ въ кадетскомъ корпусѣ , и потомъ ими же игранную во дворцѣ Императрицы Елисаветы Петровны. *Хоревъ* дѣлается драмою общенародною. Представленіе этой трагедіи въ Ярославль и выписка объ основаніи тамошняго театра изъ прогулки по 12 губерніямъ П. И. Сумарокова. — Трагедія Семира. — Замѣчаніе о силѣ выраженія. — Трагическая актриса Троепольская. — Мысли о трагическомъ искусствѣ изъ Шатобриана и Вольтера. — Мнѣніе Н. М. Карамзина о Ломоносовѣ и Сумароковѣ. Замѣчаніе на это мнѣніе.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Различныя переходы слова Русскаго со времени преобразованія Петромъ первымъ Россіи. — Смѣсь Русскаго слова съ чужезычіемъ. Примѣръ о томъ изъ Сумарокова. — Мнѣніе Н. И. Греча о слушаніи Русскаго языка съ иностранными нарѣчіями.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Вольтеръ и Сумароковъ проходятъ въ одно время поприще историческое. — Первое лирическое произведеніе Сумарокова. — Посланіе Сумарокова къ Хераскову въ кадетскомъ корпусѣ.

Соображеніе нѣкоторыхъ мыслей изъ сего посланія съ предсмертными стихами Г. Р. Державина. — Чтеніе Сумароковымъ оды на победы Петра великаго въ корпусъ, въ кругу любителей Русской словесности.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

По выходѣ изъ кадетскаго Корпуса А. П. Сумароковъ съ пылкою страстію предается изученію древнихъ языковъ. — Сумароковъ пачальникъ и образователь перваго Русскаго театра въ сѣверной столицѣ. Парижскій театръ по примѣру Петербургскаго освобождаетъ свою *сцену* отъ столпленія на ней зрителей. — Дмитревскій, Волковъ ученики Сумарокова. Стихи его къ Дмитревскому послучаю смерти Волкова. — Въ Парижѣ появляется переводъ трагедіи *Синавъ и Труворъ*, а И. А. Дмитревскій, съ блистательнымъ успѣхомъ, играетъ на парижскомъ театрѣ роль Оросмана въ Вольтеровой Запрѣ; а въ Лондонѣ удивляетъ Гарика внезапностями искусства драматическаго. Трагедіи Сумарокова представляютъ въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дворянъ, въ присутствіи И. И. Бецкаго и сочините-

XLIV

ля. — Громкій успѣхъ трагедіи «Мстиславъ» и стихи Сумарокова по сему случаю къ Дмитревскому.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Проявленіе мыслей А. П. Сумарокова. 1767 года при открытіи въ Москвѣ Депутатскаго Собранія, и предложенныя имъ въ похвальномъ словѣ Екатерины второй 1762 года. — Слова Екатерины второй въ ея Наказѣ, сообразныя словамъ Сумарокова. — Мысли Сумарокова о Государственномъ Совѣтѣ и о книгѣ законовъ. Такая же мысль въ наказѣ Екатерины, въ § 158. — Речь Сумарокова Екатерины второй 1798 года по случаю исцѣленія ея отъ прививнаго оспы, и мысли его о древней и новой славѣ Россіи. —

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Подробности, относящіяся къ Сумарокову, какъ къ сыну отечества, какъ къ человѣку и какъ къ писателю. — Мысли Сумарокова о любви къ отечеству. — Вниманіе Сумарокова ко

XLV

всѣмъ сословіямъ народа Русскаго и мысли его о воспитаніи. Уваженіе его къ Русскимъ земледѣльцамъ. — Сумароковъ вступается за сиротъ профессора Крашенинникова и стихи его по сему случаю. — Порывистое состраданіе Сумарокова къ бѣднымъ. Анекдотъ. Рѣчь его на трехъ горахъ. Воззваніе его въ пользу Греціи 1770 года. — Возраженіе на несправедливую мысль, будто бы Сумароковъ былъ врагомъ Ломоносову.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

Перемена судьбы А. П. Сумарокова, Письмо къ нему Вольтера. — Московскій модный свѣтъ вооружается противъ творца Синава и Трувора за колкій его отзывъ о драмѣ *Евгенія*. Возстаніе на московскомъ театрѣ содержателя Италіица Бельмонти противъ Синава и Трувора. Письмо его по сему случаю къ Бельмонти. Скорбь творца Синава и Трувора и элегія его по случаю громкой бури возставшей на его трагедію. Письмо Сумарокова по сему же случаю къ Екаторинѣ второй и отвѣтъ Императрицы на французскомъ языкѣ.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

Душевная скорбь Сумарокова. Грусть сопровождающая разочарованіе; мысли о томъ А. С. Пушкина и А. П. Сумарокова. — Ответъ Сумарокова на вопросъ Екатерины о Москвѣ, Онъ желаетъ путешествіемъ разсѣять уныніе свое. Мысль о политикѣ 18 столѣтія. Ответы его на четыре вопроса пріятели. Уваженіе его къ законамъ.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

Последніе годы жизни А. П. Сумарокова. Сближеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его Дмитрія Самозванца съ Борисомъ Годуновымъ Пушкина. Борьба Сумарокова съ кознями ябеды. Письмо его по сему случаю къ Князю Таврическому.

СТАТЬЯ ОДИНАДЦАТАЯ.

Продолженіе очерковъ жизни Сумарокова, относящихся къ его личности, къ его семейству и къ его друзьямъ, ненависть его къ неправдѣ. Благодарное его посланіе къ тогдашнему врачу

Вульфу. — Посланіе, Сумарокова къ князю отъ имени сына своего Павла. Отцовская его горячность. Анекдотъ, посланіе его къ Ушакову при полученіи извѣстія о кончинѣ Гр. Алекся Григорьевича Разумовскаго. Три элегии: первая на смерть Гр. Шереметовой, невѣсты графа Н. И. Панина, вторая на кончину юной дочери И. П. Елагина, третія, на смерть гр. Марыи Владиміровны Салтыковой. Посланіе къ князю А. М. Голицыну, въ которомъ поэтъ вполне излагаетъ причину своего страданія. Замѣчаніе на неосновательное мнѣніе Н. И. Греча, что будто бы съ какимъ то принужденіемъ читали сочиненія А. П. Сумарокова. — Возраженіе на мнѣніе издателей Отечественныхъ Записокъ о Сумароковѣ, Херасковѣ и Княжнинѣ. Въ тѣхъ же Отечественныхъ Запискахъ въ число тружениковъ включены: Сумароковъ, Херасковъ и Иполитъ Богдановичъ; замѣчаніе на это предположеніе издателей Отечественныхъ Записокъ. — Мнѣніе о славіи писателей: Вольтера и Сумарокова. — Сонетъ Сумарокова въ борьбу его съ ябедой. Предсмертное его прощеніе съ отечествомъ. — Примѣненіе переходовъ его жизни къ различнымъ разливамъ Волги, имъ воспѣтой.

СТАТЬЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Отрывки изъ рѣчей Сумарокова, произнесенныхъ по случаю основанія Академіи Художествъ и заложеніе кремлевскаго новаго Дворца Бажановымъ.

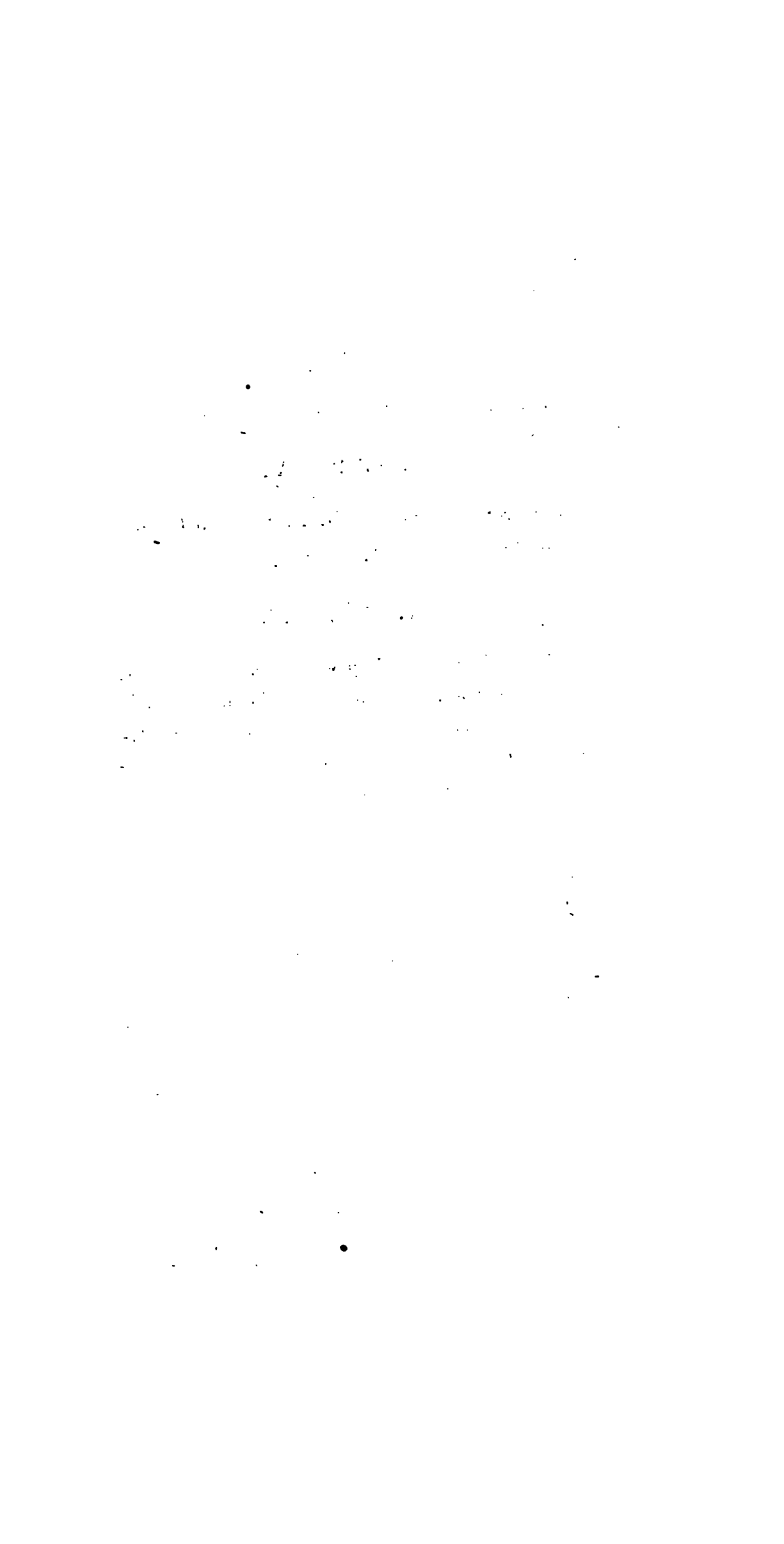
Послѣднія двѣ дополнителныя статьи.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Возраженіе на мнѣніе Н. И. Греча о Сумароковѣ, Ломоносовѣ, Петровѣ и фонъ-Визинѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Сближеніе мыслей Карамзина съ мыслями А. П. Сумарокова. Переходъ пренія о Русскомъ языкѣ изъ вѣка Сумарокова въ нашъ вѣкъ. Замѣчаніе на отзывъ князя П. А. Вяземскаго о Сумароковѣ и Ломоносовѣ.

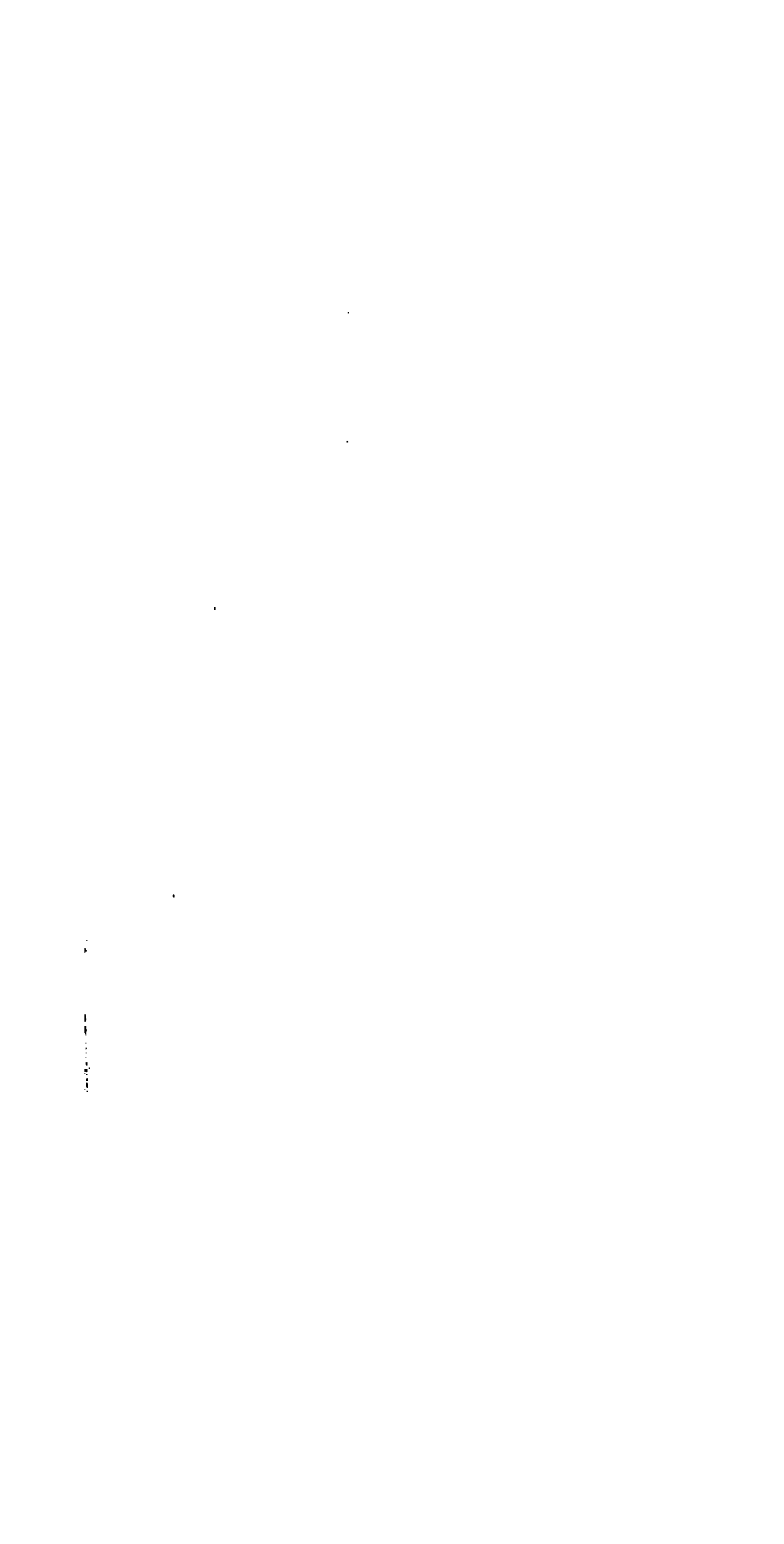
ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

И

СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА

СУМАРОВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

«Первыми основаніями въ русскомъ словѣ обязанъ я быть моему отцу.»

(См. полное собраніе соч. А. П. Сумарокова, Часть IX стр. 278.)

Въ краткихъ своихъ обзорніяхъ русскихъ писателей первой половины осемнадцатаго столѣтія. Н. М. Карамзинъ въ статьѣ о *Сумароковѣ* сказалъ: «уже ѳиміамъ не дымится передъ кумиромъ, но не тронемъ мраморнаго его подножія, оставимъ въ цѣлости и надпись: *великій Сумароковъ!* Соорудимъ новые памятники, если надобно, но не будемъ разрушать тѣхъ, которые воздвигнуты благородною ревностію отцевъ нашихъ.»

Такъ говорилъ нашъ исторіографъ; и это справедливо. Слава каждаго изъ нашихъ соотечественниковъ, собственная наша слава, не всѣмъ предназначено судьбою пожинать лавры и пальмы; и каждый любуйся славою героя, писателя, или славою доблести душевной, можетъ, сказать то, что говорилъ А. П. Сумароковъ: «это мой

соотечественникъ, съ именемъ его сливается слава народная и вниманіе иноземцевъ!»

И такъ приступаю къ изложенію подробностей о жизни и сочиненіяхъ А. П. Сумарокова.

На зарь преобразованія Россіи, когда живыя способности ума дѣятельнаго, нужны были къ поддержанію новаго устройства государственнаго, Петръ Панкратьевичъ *Сумароковъ*, отецъ нашего поэта, проходя съ честію различныя поприща, службы, достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и въ царствованіе Екатерины великой пожалованъ былъ Кавалеромъ Св. Анны первой степени. Супруга его была Просковья Ивановна изъ рода *Приклонскихъ*. У нихъ было пять дочерей и три сына: старшій дѣйствительный статткій совѣтникъ *Василій Петровичъ*, средній *Александръ Петровичъ* и младшій, Егереймейстеръ *Иванъ Петровичъ*, отецъ нынѣшняго Сенатора *Павла Ивановича*, извѣстнаго сочиненіями, согрѣтымъ любовью къ отечеству и который 1806 года при первомъ возстаніи Россіи за Россію, находясь при особѣ Государя Императора Александра Павловича, былъ правителемъ канцеляріи областного начальника Витебскаго, Могилевскаго, Смоленскаго Князя Сергія Феодоровича Голицына.

Александръ Петровичъ *Сумароковъ* родился 1718 года, въ тѣ самые дни, когда слава оружія Петра перваго гремѣла и на сушѣ и на волнахъ морскихъ. Въ стихахъ своихъ къ Герцогу *Бургунцу* онъ говорилъ:

Гдѣ *Вильманштрадъ*, я тамъ по близости рожденъ,
Какъ былъ Голицынымъ край Финскій побѣжденъ.»

Можно сказать, что колыбель нашего поэта вступила въ храмъ славы преобразователя Россіи и озарилась отблескомъ его славы. Счастливы также и тотъ, кому голосъ отца и матери переселяетъ въ душу, тѣ вдохновенія, которыя съ такою силою дѣйствуютъ на зарю жизни, и съ такою стремительностію развиваются на дальнѣйшихъ поприщахъ нашего бытія! *Бюфонъ*, великолѣпною кистию рисуя природу, съ чувствительностію воспоминалъ о томъ, что первоначальнымъ ученіемъ обязанъ онъ былъ матери своей. Поэтъ *Галлеръ*, олицетворившій родныя вершины горъ альпійскихъ въ творческой пѣснѣ своей, съ восторгомъ говорилъ, что умный его отецъ окрылилъ юную мысль его. Такимъ же счастіемъ наслаждался и А. П. *Сумароковъ*, и съ такимъ же жаромъ воспоминалъ о томъ, что:» первыми основаніями въ русскомъ словѣ обязанъ онъ былъ отцу своему.» *) Поэтъ нашъ по-

*) См. полное собраніе сочиненій Сумарокова: часть IX стр. 278.

лучилъ блистательное образованіе. *Зейкенъ*, выписанный Петромъ I и бывшій въ числѣ наставниковъ Петра II, преподавалъ ему уроки общей словесности. Отецъ *Суморокова* бесѣдуя въ *Виргиліемъ* и *Гораціемъ*, пожиналъ и самъ цвѣты ихъ; описывая великія событія вѣка Петра Великаго; онъ воспламенялъ его юное сердце благоговѣйнымъ чувствомъ къ герою Полтавскому. Это чувство съ живымъ порывомъ выразилъ онъ въ одѣ своей: *на побѣды Государя Петра Великаго*.

Вотъ его слова, обращаясь къ Россіи, поэтъ говоритъ:

«Вскорѣ Петръ тебя прославилъ
О, блаженная страна!
Ахъ! Но скорѣя оставилъ —
И печаль тебѣ дана.
Вянетъ прелесть розы скорѣя.
Море! о, пространное море!
Что за вѣсть твой валъ несетъ?
Что тогда ты ощущало,
Какъ вселенной возвѣщало,
Что Петра на свѣтъ вѣтъ!»

Уныло и громко откликнулись воспоминанія юности въ душѣ нашего поэта, когда уже Петръ давно отъ тяжелыхъ трудовъ своихъ покоился въ могилѣ. Но не умираетъ голосъ сердечный,

и потому припомню здѣсь то, что рассказывалъ мнѣ И. И. *Дмитріевъ*, и что 1827 года напечатано было въ моей «*Незабудогль* :» родительница моя, говорилъ Иванъ Ивановичъ, страстно любя русскую словесность, однажды съ жаромъ читала мнѣ оду *Сулорокова* на победы Петра Перваго. Воображеніе мое часъ отъ часу, болѣе воспламенялось и при слѣдующихъ стихахъ я пришелъ внѣ себя отъ восторга:

«Цесарь страшенъ былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ,
Къ Александру носить дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ,
Петръ природу превъняетъ;
Новы души въ насъ влагаетъ,
Строитъ войско, входитъ въ Понтъ;
И во-дни такой превъны
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Рветъ и движетъ горизонтъ.»

«При слуханіи этой оды, прибавилъ *Дмитріевъ*, и почувствовалъ первый порывъ къ поэзіи.» А я отвѣчалъ ему собственнымъ его стихомъ:

«Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ!»

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

«Питай водами лавръ, до кога не увянеть.»

Сумароковъ.

Очаровательнымъ блескомъ свѣтилась заря жизни, А. П. Сумарокова! Ни чего не упоминаеть онъ о матери своей; но мы видѣли съ какою нѣжною заботливостію встрѣтила его любовь отцовская, у самой колыбели, и руководствовала имъ на пути развитія мыслей. Напрасно думаютъ, будто бы первый возрастъ чловѣка не призываетъ такого же вниманія, какъ и весеннія его дни; свѣтлая струя жизни отроческой, сольется и съ свѣтлыми струями юности, если только тяжелая рука пѣстуна не придавить возникающихъ понятій справедливо уподобляемыхъ мягкости воска. «Для младенца, говоритъ *Ласепедъ*, жизнь есть лугъ цвѣтушій. На ясномъ челѣ его, не омраченномъ ни туманными заботами, ни горестями жизни, сіяеть печать завѣтнаго его происхожденія; печать властелина природы.

Быстро развивалось понятіе Сумарокова и подъ руководствомъ отцовскимъ и подъ руководствомъ

наставника своего *Зейкина*. Онъ съ пламенною охотою къ ученію, поступилъ въ кадетскій корпусъ; учрежденный въ томъ домъ, гдѣ театръ историческій предварилъ драматическій, въ томъ домъ откуда великодушный князь *Меншиковъ* сосланъ былъ въ дальней край Сибири, и куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и основатель того корпуса графъ Эрнестъ *Минихъ*. Въ стѣнахъ корпуса надлежало также возникнуть и первому *Русскому театру*, а основателю его, въ свою очередь испытать переходы судьбы и волненія жизни. Между тѣмъ, съ какими товарищами свела Сумарокова счастливая звезда юныхъ его дней! Тутъ былъ князь *Репнинъ* побѣдитель гордаго *Юсуфа*, тутъ былъ князь *Прозоровскій*, первый образователь легкой строевой конницы; тутъ былъ графъ *П. И. Панинъ* покоритель Бендеръ, тутъ былъ графъ *М. Ѡ. Каменскій*, котораго Фридрихъ II, называлъ первымъ тактикомъ Европейскимъ; тутъ былъ *Херасковъ*, творецъ Россіады и Владиміра; тутъ былъ *Елагинъ*, сочинитель опыта Русской Исторіи, тутъ былъ *П. С. Свистуновъ*, переводчикъ дѣтскаго чтенія принцессы де-*Болонъ*, тутъ былъ *Мелисано*, отважно метавшій грома подъ Маргою и подъ Кагуломъ, наконецъ тутъ былъ и *Русланцевъ* Задунайскій, къ которому въ послѣдствіи Сумароковъ писалъ:

«Русланцевъ! я тебя хвалить хотя стремился,

Однако не хвалю; а только лишь дивлюся,
Ты знаешь! не скажу я лести ни о комъ,
Отъ самой юности, я былъ тебѣ знакомъ.»

Кто воспитывался съ юнымъ поколѣніемъ со-
товарищей, тотъ только можетъ чувствовать пре-
лестъ душевныхъ связей юныхъ весеннихъ дней.
Въ эти очаровательныя связи, не вмѣшивается,
ни какая почетность, имя сіятельствъ исчезаетъ;
тутъ остается только имя товарища, друга, брата
сердечнаго.

А по тому Сумароковъ и его товарищи, оду-
шевленные взаимною склонностію къ русскому
слову, составили между собою: *общество люби-
телей Русской словесности*. Въ праздничные дни
и въ часы свободные, читали они другъ другу
первые опыты сочиненій своихъ и переводовъ.
Тутъ не было ни зависти, ни соперничества;
тутъ было одно наслажденіе мысли и души. Это
золотое время жизни умственной. Ошибочно пред-
полагають, будто бы и А. В. Суворовъ воспиты-
вался въ кадетскомъ корпусѣ. Окончивъ военное
ученіе въ домъ отца своего, будущій герой Ита-
лійскій, по страсти своей къ словесности, только
посѣщалъ кадетскій корпусъ, гдѣ познакомился съ
Херасковымъ, Сумароковымъ, съ Елагинымъ, съ
Свистуновымъ. Словомъ, со всѣмъ обществомъ
любителей Русской словесности; съ обществомъ,
первоначально учредившимся въ стѣнахъ Сухо-

путнаго кадетскаго корпуса. Николай Ивановичъ *Новиковъ*, издавшій по смерти А. П. Сумарокова полное собраніе его сочиненій, по ошибкѣ, помѣстилъ тамъ два разговора Суворова въ царствѣ мертвыхъ; разговоръ *Кортеца* съ *Монтезумою* и Александра съ Геростратомъ, напечатанные 1756 года въ ежемѣсячныхъ Академическихкихъ изданіяхъ подъ буквами: А. С. т. е. *Александръ Суворовъ*. М. М. *Херасковъ* рассказывалъ мнѣ, что онъ, *Сумароковъ*, и *Елагинъ* дѣлали свои замѣчанія, когда Суворовъ читалъ имъ тѣ свои разговоры. Всѣмъ также известно, что Суворовъ говорилъ: «еслибъ я не былъ полководцемъ, то былъ бы писателемъ.» Должно прибавить, что и *Румянцевъ* и *Прозоровскій* любили словесность; первый читалъ наизусть лучшія мѣста изъ *Генріяды*; а послѣдній перешедъ уже за восемьдесятъ лѣтъ, но все еще начальствуя войскомъ, въ Молдавіи 1809 года, проговорилъ за однимъ обѣдомъ, съ жаромъ юноши, посланіе Фернейскаго поэта, *ты и въ*.

Вотъ въ какомъ кругу пылкая, порывистая мысль А. П. Сумарокова часъ отъ часу болѣе распалаялась огнемъ поэзіи. Слабы были первые его опыты: но и въ нихъ уже сверкали живые искры истиннаго дарованія. Первымъ блистательнымъ его успѣхомъ была трагедія *Хоревъ*, сочиненная 1748 года.

Въ чемъ предстояла главная трудность нашему трагику? Въ избраніи, въ отысканіи, въ созданіи, такъ сказать, не только новыхъ выраженій, но новаго русскаго языка, къ изображенію всѣхъ движеній души, сердца и всѣхъ измѣненій нѣжныхъ и бурныхъ страстей. А этаго не могъ онъ заимствовать ни изъ одного стариннаго, ни современнаго писателя. *Ломоносовъ* гремелъ въ одахъ, но то былъ языкъ лирической.—*П. М. Карамзинъ* говоритъ: «Сумароковъ, называя героевъ своихъ именами князей русскихъ, не думалъ сообразить свойства дѣлъ и языкъ ихъ, съ *характеромъ* времени.» Это было и невозможно; *вопервыхъ*, тогда неизвѣстно было даже и слово о полку князя *Игоря*, въ которомъ откликается, какое то русское нарѣчіе, отчасти различное отъ языка Славянскаго. Следственно Сумарокову не откуда было почерпать старинную рѣчь русскихъ князей. *Во вторыхъ*, при Сумароковѣ воспитаніе и моды французскія, въ полномъ объемѣ, существовали въ сѣверной русской столицѣ; языкъ французскій владычествовалъ при Дворѣ; а потому, еслибъ Сумароковъ въ трагедіяхъ своихъ говорилъ и доселѣ еще, не во все разгаданымъ стариннымъ русскимъ нарѣчіемъ, то слушатели не поняли бы его. Что же оставалось нашему поэту? Ему оставалось прислушаться къ общему выраженію страстей и къ голосу души и сердца своего. Скажутъ, что онъ въ этомъ подражалъ

Расину; согласенъ; но ни *Расинъ* ни *Вольтеръ* немогли научить его новому русскому языку; *Сумароковъ* научилъ насъ ему, а самъ ни у кого не перенималъ его. Въ первомъ явленіи *Хорези*, въ первомъ его трагическомъ опытѣ, не взирая на перелетъ почти цѣлаго столѣтія, слышны еще звуки души и сердца. *Оспельда*, припоминающая наперсницъ своей *Астрадъ* о той плачевной повѣсти, въ которой изображала она бѣдственную кончину отца своего, говорить: «это было тогда:

«Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава прежняя въ одно мгновенье пала.
Благополучный Кій побѣду—одержалъ;
Родитель мой тогда въ пустыню убѣжалъ,
Въ отчаяньи своемъ тревожась, унывая,
Озера на конѣ и рѣки преплывая —
Съ дружиною одной лѣсъ, рѣки преходя,
Разбить и побѣжденъ изъ степи въ степь бродя.
Моя несчастна мать сыновъ своихъ лишася,
И наконецъ съ своимъ супругомъ разлучася —
Узнавъ печальную вѣсть, что Кій какъ вѣтеръ, прахъ
Народы размѣтавъ—ужъ въ Кіевскихъ стѣнахъ,
Страдая, горькихъ слезъ потоки проливала,
И въ грудь свою кинжалъ убійственный воизала
Не помня ни отца, ни матери своей!»...

Въ стѣнахъ Кадетскаго Сухопутнаго корпуса, (гдѣ устроилось первое общество любителей русской словесности,) положено было и первое основаніе русскому театру. Юные сотоварищи

Сумарокова, восхищенные его трагедіею, закипѣли желаніемъ разыграть ее. Свистуновъ игралъ *Оснельду*;—Мелисина, *Кія*;—Бекетовъ *Хорсва*. Вскорѣ долетѣла вѣсть въ чертоги Императрицы Елисаветы о новомъ зрѣлищѣ, до тѣхъ поръ невиданомъ въ Россіи, и тѣже кадеты нѣсколько разъ представляли *Хорсва* во Дворцѣ. Громкія рукоплесканія и слезы, увѣнчевали представленіе трагедіи юнаго поэта, можетъ быть она теперь и не произвела бы такого дѣйствія. Но то неоспоримо, что душа передаетъ силу чувствъ и звукамъ музыки, и выраженію словъ. А эта душа пылала тогда въ юныхъ кадетахъ, умѣвшихъ все высказывать и все оживлять. Вотъ отъ чего безъ всѣхъ побочных очарованій театральныхъ, безъ переменъ кулисъ; словомъ всѣхъ тѣхъ перелетовъ и мыслей и глазъ, не существовавшихъ и на французскомъ театрѣ до *Вольтера*, душевное выраженіе слова такъ сильно дѣйствовало на сердце.

Мы помѣстимъ здѣсь, о началѣ русскаго театра изъ книги: прогулка по 12 губерніямъ. сочиненіе Павла Ивановича Сумарокова.

«Когда это происходило, открылось въ Ярославѣ то, чего не доставало въ столицѣ. Купецъ Полушкинъ содержалъ кожевенной заводъ, и старшій пасынокъ его Федоръ Волковъ, отвозилъ товаръ на продажу въ Петер-

бургъ. Волковъ стремился выйти изъ тѣснаго круга понятій, выучился по Нѣмецки, рисовать, играть на скрипкѣ, на гусяхъ, и часто посѣщалъ нѣмецкой театръ. Онъ чувствуя нѣчто привлекающее его къ Котурну, сдѣлалъ чертежъ сценъ, кулиссамъ, мѣстамъ, оркестру, и по возвращеніи домой, устроилъ это въ кожевенномъ заводѣ. Пригласилъ сотоварищей, и въ день именинъ отчима они дали первое представленіе Хорева, съ комедіею: лѣкарь по неволѣ. Легко вообразить какое изумленіе, произвела въ посѣтителяхъ не быдлая забава.—Пушкинъ, воевода, дворяне, и присланный изъ Сената экзекуторъ Игнатьевъ, посматривали другъ на друга, и не знали, какъ очарованные, мѣры своему восхищенію. Ободренный тѣмъ Волковъ, продолжалъ представленія, но уже съ платою, въ переднихъ скамейкахъ по пятаку, въ среднихъ по алтыну, и въ заднихъ по одной копѣйкѣ. Двѣ скрипки, съ шелковыми струнами, гусли составляли оркестръ, съ дюжину плашекъ освѣщали пространство, и жители полюбили зрѣлища, толпились при входѣ. Кто бы повѣрилъ тогда, что кожевенный заводъ превратится нѣкогда въ великолѣпный храмъ Мельпомены, и что случайные изъ купцевъ, канцеляристовъ Гистріоны, содѣлаются славнѣйшими актерами, которыхъ, до сихъ поръ, ни кто не превзошелъ.

Екзекуторъ Игнатъевъ по прїѣздѣ въ Петербургъ донесъ, о видѣнной рѣдкости, генералъ-прокурору князю Трубецкому, сей довелъ то до свѣдѣній Императрицы, и немедленно отправилъ другаго экзекутора Дашкова привезти всю тамошнюю труппу. Купили для нихъ тулупы, кафтаны, то было зимою, и примчали караванъ изъ 14 человекъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ. Едва успѣли они отдохнуть, какъ получили повелѣніе играть Хорева. Государыня въ нетерпѣніи; распоряжалась, поспѣшала, приносили изъ кладовыхъ бархаты, парчи, атласы, кроми, шили на скорую руку. Государыня прикалывала брилліанты на голову Оснѣлды, румяна ее, спросила, какъ твое имя?—Нарыковъ, Ваше Величество.—Нѣтъ, называйся Дмитровскимъ, ты очень походишь на этого Посольскаго графа, и подь сямъ то новымъ названіемъ, съ малымъ измѣненіемъ, Дмитревской,—увѣнчался лабрами съ Геликопа. Подняли занавѣсъ, услышали сладкозвучіе стиховъ, борьбу страстей, и тронулись разлукою, кончиною любовниковъ. Зрители прослезились, и знаками передавали взаимно удовольствія. Императрица утирала глаза платкомъ, потребовала въ свою ложу сочинителя, сняла съ руки свой перстень, подарила ему, и разговаривала съ нимъ милостиво. Пусть читатель перенесется мыслию почти за сто лѣтъ, и сообразить блистательную славу Сумарокова.

«Послѣ многихъ представленій Ярославскими актерами, выбрали изъ нихъ двухъ Волковыхъ, Дмитревскаго, Шумскаго, Попова, помѣстили ихъ въ кѣдетской корпусъ, подѣ начальствомъ оберъ-штаб-мейстера Петра Спиридоновича Сумарокова, для обученія наукамъ, языкамъ, съ приказаніемъ играть по воскреснымъ днямъ при Дворѣ, а прочихъ отпустили съ награжденіями въ Ярославль. Долго мужчины замѣняли женскія роли, первыми актрисами поступили: Зорина, двѣ офицерскія дочери, Анашійна, Мусина - Пушкина, и Авдотья Михайловна Михайлова. Въ 1756 году послѣдовалъ указъ о бытіи Россійскаго театра, и Сумароковъ, виновникъ онаго, опредѣленъ директоромъ. Наконецъ взяли съ Университетской сцены славную Троепольскую, и Россійской театръ достигъ вышшей степени славы.»

«Федоръ Григорьевичъ Волковъ, которому Дмитревской уступалъ преимущество, зналъ иностранныя языки, извѣстенъ по диктатечскимъ твореніямъ, и неокончанная его ода Петру Великому признана отличнѣйшую. Шумской представлялъ ростовщика, жида, хитреца, въ истинномъ ихъ видѣ. — Михайлова играла служанку, какъ невозможно лучше. — Троепольская молодая, прекрасная, величественная, выражала страсти пламенно, строго сохраняла, выдерживала отъѣнки, порывы, и Дмитревской равняла ее съ Кле-

рошшею, Лекрувершею. — Дмитревской имѣлъ мало соперниковъ во всей Европѣ. Голосъ, движенія, взгляды его изображали въ точности царя гнѣвнаго, надмѣннаго, или побѣдителя, тирана. Всякое слово, дѣйствіе, имѣли свой вѣсъ, свое приличіе, онъ основатель сцены нашей, перевелъ съ иностранныхъ языковъ на русской до 50 піесъ, и образовалъ лучшихъ актеровъ. Онъ ѣздилъ два раза въ Парижъ, Лондонъ, подружился тамъ съ Лекеномъ, Гарпкомъ, и на театрѣ Виллерау игралъ по французски роли Гусмана, Оросмана, съ великой похвалою.»

Въ это время Сумароковъ сочинилъ новую свою трагедію: *Селмира*, и не смотря на перелетъ почти цѣлаго столѣтія, слышишь и нынѣ, въ первомъ явленіи этой трагедіи отклики сердца и души, нѣкъмъ еще дотолѣ не выражаемые. Тутъ театръ не представляетъ ни живописнаго Кіева, ни береговъ величественнаго Днѣпра, надъ которымъ плаваетъ свѣтлая луна; тутъ одна *Селмира* или *Тропольская*. Она одна съ однимъ своимъ душевнымъ голосомъ сердца, и тогдашніе зрители ловили каждое ея слово. *Селмира* говоритъ наперстницѣ своей *Избраннѣ*.

«Что къ горестамъ меня любовь воспламеняла,
Я часто то тебя, Избрана! повторала,
Сбылось ли то теперь?... рокъ вуди тебѣ принцесс!»

Гдѣ помощи искать?... Правители небесъ!
Въ уныніи, въ тоскѣ мой духъ изнемогаетъ
И сердце томное крушится и страдаетъ!
Съ предвѣчной высоты взоритѣ къ сей странѣ,
И унывающей—подайте помощь мнѣ...
Избываю! я хочу любезнаго оставить
И одолѣвъ любовь, на вѣкъ себя прославить.»

Въ этихъ стихахъ живые и быстрые переходы, давали *актрисъ* средство овладѣть душами не *зрителей*, но *слушателей*. Известно, что при *Расинъ* лица Грековъ и Римлянъ представляли въ французскихъ кафтанахъ и въ огромныхъ парикахъ; а актрисы выходили на театръ въ ребронтахъ и оромныхъ фижамахъ. «Но, *Буало* говорить, никогда Греція не пролила столько слезъ, сколько мы пролили при представленіи *Ифигеніи*.»

Такую же дань слезъ платили и *Селиръ Су-марокова*, одушевляемой голосомъ *Тропольской*. Немного пожинала она на русскомъ театрѣ вѣн-ки первенства трагическаго. Говоря словами поэта:» она цвѣла срокъ розы—одно утро!»

Et rose—a vecn autant que viventies roses,
L'espacе d'un matin.»

Изливая горестъ свою въ посланіи къ *Дмитревскому*, *Сумароковъ* говорилъ:

Ужь Троепольской нѣтъ,
Нѣтъ новой Мельпомены!»

Безъ всѣхъ вѣшнихъ блесковъ при Сумароковѣ трагедія кипѣла жизнью душевною. А въ чемъ заключается эта жизнь? Послушаемъ объ этомъ *Шатобріана*: «въ человѣкѣ, говоритъ онъ: два человѣка; человѣкъ своего времени и человѣкъ всѣхъ вѣковъ. Лица Расиновыхъ трагедій представляли въ огромныхъ парикахъ по образцу парика Людовика XIV, но души зрителей сливались съ душами Грековъ и Римлянъ. А отъ чего! отъ того, что видѣли людей всѣхъ вѣковъ, отъ того, что слышали голосъ природы, голосъ сердца и души.»

За полвѣка до *Шатобріана* и *Вольтеръ* сказалъ почти тоже самое.

Вотъ его слова:

«1516 года Папа *Левъ X* посѣтилъ театръ въ тотъ день, когда представляли *Бужелеву* трагедію: *Роземонду*. Съ того времени быстро посыпались трагедіи, и все правильныя, все чистыя слогомъ и излагаемыя естественно, но онѣ были холодны, и падали. Такъ труденъ поэтическій разговоръ, и такъ рѣдкимъ гениямъ дано искусство покорять сердца! Даже и *Тассъ*, творецъ освобожденнаго Іерусалима, упалъ на поприщи трагическомъ.»

Спросишь теперь; отъ чего отчаяніе *Синава*, такъ сильно дѣйствовало на современниковъ Сумарокова, когда театръ походилъ на простую комнату, гдѣ каждое лице произнесло роль свою? Отъ того, что въ этомъ отчаяніи слышенъ тотъ голосъ, который во все времена изторгался изъ глубины души, взволнованной бурей страстей. Еслибъ Сумароковъ на помощь трагедіи своей захотѣлъ призвать весь объемъ природы вещественной, онъ могъ бы отчаяннаго *Синава* перенести на берегъ Волхова, заставилъ бы грозно бушевать рѣку, затемнилъ бы театръ тучею, пересѣкаемую сверканіемъ молній, и оглашаемой раскатомъ отдаленнаго грома. Онъ могъ бы сдѣлать тоже, что сдѣлалъ *Гете* въ трагедіи своей *Клавиго*: онъ заставилъ бы по другому берегу Волхова нести гробницу *Ильмены*, озаренную тусклымъ сіяніемъ факеловъ; онъ заставилъ бы восклицать *тризненные* возгласы; онъ явилъ бы очамъ *Синава* горестнаго отца, идущаго за гробомъ дочери, съ главою обнаженною; подъ шумомъ бури громоносной, онъ могъ бы все это сдѣлать къ пораженію взоровъ своихъ зрителей; но онъ этаго не сдѣлалъ. Онъ зналъ, что когда *Вольтеръ* въ *Танкредѣ* своемъ хотѣлъ выставить эшафотъ, приготовляемый для казни *Аменаиды*, другъ его *Даламбертъ* писалъ къ нему; «Бога ради не дѣлайте этаго! вы выдвините на театръ эшафотъ, а другіе представляютъ и колесованіе.»

Зналъ также Сумароковъ, что и пылкій *Дидеротъ* сидѣлъ въ ложъ зажмурясь, чтобы ничѣмъ не развлекать вниманія *слуха душевнаго*. Наконецъ онъ зналъ, что гению трагическому нужна только душа, а потому и не требовалъ пособій ни отъ *декорацій*, ни отъ *музыки*. Вотъ отъ чего Сумароковъ, не выводя Синава изъ комнаты, однимъ душевнымъ голосомъ вызывалъ изъ сердець своихъ современниковъ, и порокомъ и ужасомъ стонъ жалостный. Я и теперь помню, съ какими живымъ чувствомъ, Я. Б. Кнлжиничъ въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, читалъ намъ изъ трагедіи Сумарокова послѣдній монологъ Синава:

«Ужь ты теперь, судьбина! совершила;
Ты въ свирѣпости, о, рокъ! являе на мнѣ;
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ....
.
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ.
Уже нѣтъ Трувора; уже Илмепы нѣтъ!
Моя кипяща кровь на сердце замерзаетъ!..
Или въ сей страшный часъ вселенна исчезаетъ?...»

Видѣли тогдашніе зрители и туманъ, скрывавшій дневной свѣтъ отъ очей Синава; видѣли и вселенную, исчезающую передъ нимъ; видѣли все это въ очахъ *Дмитревскаго*; въ чертахъ его лица; на блѣдномъ его челѣ. Слышали и въ стѣнищенъ его голосъ вопль, когда Синавъ меч-

тая, что видитъ окровавленный трупъ брата своего, восклицалъ:

«Какой страдалецъ тамъ въ крови своей трепещеть,
Едва, едва дыша томится человекъ....

То Труворъ! то мой братъ!....»

Н. М. Карамзинъ приписывалъ Ломоносову паренія; а Сумароку нежность выраженія.

На это отвѣчаю словами Сумарокова «миѣ, уже прискучно, говорить онъ, слышать всегдашній разсужденія о Ломоносовѣ и о себѣ. Слово *громкая рѣда*: къ чести стихотворца не можетъ служить; иногда это одно только звучное пустословіе. Миѣ приписываютъ нежность, и это трагическому писателю не приноситъ чести. Можетъ ли *мирихъ* позать вънокъ славы однимъ *громомиѣ*; и можетъ ли представленный въ трагедіи *Геркулесъ* быть нежною *Сильвіею* и *Амарилою*, вздыхающими у *Тасса* и *Гваринія*.» *)

Скорѣ бы можно было согласиться съ Н. М. Карамзиньмиѣ, еслибъ онъ сказалъ, что нѣкоторые изъ нежныхъ стиховъ Сумарокова, отъ времени поблекли, срокъ весеннихъ розъ не дологъ. Но то неоспоримо, что Сумароковъ новымъ русскимъ словомъ первый высказалъ ду-

*) См. полное собраніе сочиненій Сумарокова: часть IX.

шу и силу выраженія трагическаго. Описывая дочь своей *Ильменть* неустройства, клонившія Новгородъ къ паденію, Гостомысль говоритъ:

«Вообрази себѣ тѣ страшны времена,
Когда мутился градъ и вся сія страна;
Отечество твое, отечество Геройско,
И ополчался въ волненьи грозномъ войско.
Прибытокъ всѣхъ вельможъ въ Новгородъ разделялъ
Гражданъ и воинство на злобу устремлялъ,
Одинъ остался я при итгивѣ святой
И часть отечества вѣрнѣйшихъ чадъ со мной.
Безжалостная смерть Славиль здѣсь пожирала;
Ихъ злоба—на самихъ себя вооружала.
Друзья противъ друзей, родня противъ родни
Возстали разрушать благополучны дни.»

Тутъ цѣлая исторія сѣверной страны Славянской до вступленія въ нее князей Варяжскихъ, которые, по словамъ поэта, пришли: «не для владѣнія:

«Но чтобы отвратить напасти и бѣды.»

Въ мужественныхъ сильныхъ стихахъ Сумарокова видимъ живую кисть *Тацита*, и слышимъ голосъ *Вико*, убѣждающаго въ томъ, до чего доходитъ общество человѣческое, потрясенное во всѣхъ своихъ основаніяхъ, желѣзною дланью своей корысти и разврата.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

*Внѣшній міръ общественный
перемѣняется, а радушноє—
родное слово, неизмѣнно.*

Ни когда не было на лицѣ земли такого не
обычайнаго преобразованія внутренней жизни въ
цѣлой обширной области, какое происходило въ
древней Россіи, по волю и по мысли одного чело-
вѣка. Но тотъ одинъ чловѣкъ былъ *Петръ I*, а
та мысль была *опредѣленіемъ Провидѣнія*. Россія
изъ существо; ванія вѣковаго переходила въ колы-
бель новаго бытія, не постепенно, не по возрастамъ
жизни; но мгновенно: она не двигалась, она летѣла.
Перемѣнялись нравы, обычаи, одежда, образъ мы-
слей; перемѣнялся весь прежній бытъ, а вмѣстѣ съ
нимъ перемѣнялся и языкъ отечественный. Вче-
ра міръ былъ свой, промелькнула ночь и явился
міръ повый. Сильною, могучею волею обладалъ
Петръ первый; но и онъ былъ чловѣкъ. Пре-
образовывая Россію, по объему древней Европы,
онъ немогъ доставить Европѣ, истлѣвавшей въ

нѣдрахъ своихъ, ни одной животворной капли. Въ бытность свою въ Парижѣ, приподнявъ юнаго Людовика XV, онъ сказалъ: «я держу Францію!» Но думалъ ли онъ тогда, что этотъ самый Людовикъ на прощаньи съ свѣтомъ, скажетъ: *прежняя Франція отжила!* (*) Такъ и сбылось, Европа отживала; но изъ этой одряхлѣвшей Европы Петръ первый, хотѣлъ переселить въ Россію только то, что никогда не отживетъ, пока будутъ существовать общества человѣческія, то есть: ремесла, художества и искусства. Вотъ, что ему было нужно для перестройки Царства Русскаго. Но въ отворенную дверь, рано или поздно, должны были, въ слѣдъ за художествами и искусствами, войти и *моды* и обычаи и весь внѣшній объемъ Парижа, который изъ подъ мишурной своей оболочки, часъ отъ часу болѣе уклонялся подъ саванъ могильной. Учредились на берегахъ Невы *Ассамблеи*.—Взвѣсть съ *Ассамблеями* Петръ допустилъ и ученіе европейскіхъ языковъ. Но онъ не хотѣлъ сдѣлать того, что сдѣлалъ *Карлъ II*, возвратясь изъ Франціи въ Англію, на престолъ отца своего *Карла* перваго; онъ не хотѣлъ, чтобъ русскій свѣтъ кружился вихремъ тогдашняго Парижа, онъ полагалъ, что собраніе людей знако-

*) Cette monarchie a quatorze cents ans de durée. Elle est bien vieille; cela n'ira pas long—temps.

мыхъ и незнакомыхъ въ *таицахъ* и за толберными столами, послужить къ нравственному соединенію; онъ полагалъ, что людскость и общезительность, что такъ называемый отблескъ образованности, высказываетъ просвѣщеніе народное. Рукою исполнскою, извлекая сѣверную столицу изъ глубины болотъ и лѣсовъ, раскидывая по морямъ флоты, устроивая войска, къ отраженію тогдашняго бича Европы Карла XII, наконецъ, какъ будто размножая самаго себя, чтобы лично обозрѣвать весь вишній и внутренній распорядокъ преобразуемой Россіи, ему нѣкогда было заглядывать вдаль будущаго. Настоящее торопило и за-торопило его въ многообразной дѣятельности. Время рабочее, время трудовое сошло съ нимъ въ могилу. Когда Екатерина великая приглашала Ивана Ивановича *Неплюева* въ наставники сыну ея Павлу Петровичу, онъ сказалъ:

«У насъ, у питомцевъ Петра перваго, мозоли были на ладоняхъ отъ жизни трудной, а теперь свѣтъ закружился въ забавахъ, и я ни на что не гожусь.»

Какъ бы то ни было; но съ измѣненіемъ прежняго быта русскаго, часть отъ часу болѣе измѣнялся и отечественный нашъ языкъ. Въ чтеніи своемъ о русскомъ языкѣ Н. И. *Гречъ*, при-

велъ нѣсколько словъ, заимствованныхъ нами изъ англійскаго языка, и особенно отпосящихся къ мореплаванію, и слова два, переселившіяся въ *модной* нашъ свѣтъ. Не только нельзя порицать, но можно и пожелать, чтобы въ области морей, чтобы на пространствѣ Окена, былъ общій языкъ, который тамъ отчасти и есть, по существующимъ различнымъ условнымъ повѣсткамъ. Моря и Океанъ общее отечество того, кто вѣрится имъ, и кто идетъ на борьбу съ грознымъ ихъ владычествомъ. Но на землѣ, въ ежедневномъ сношеніи членовъ различныхъ сословій, чѣмъ явственнѣе слово, тѣмъ оно способнѣе къ выраженію мысли и голосомъ и перомъ. А въ нашъ русскій языкъ втѣснились не десятки чужихъ словъ—они составили огромную книгу, подъ названіемъ: *Словотолкователь*.

«Вотъ чудо, говоритъ *Сумароковъ*, въ одной изъ своихъ комедій! вотъ чудо, будь Русскій и не говори по русски!»

И это чудо у насъ осуществилось.

А вотъ и отголосокъ тогдашняго разговорнаго языка, полубарыня, поддѣлывающаяся подъ большую модную барыню, говоритъ также въ одной изъ комедій Сумарокова: «лице мое не *фатальо*; лѣта мои не стары, по французски

съ наслышки говорю, и русской нашъ языкъ украшаю французскими словами, не хуже другихъ. Слѣдуя *модль*, я первая, въ чемъ ссылаюсь на всю Москву, нарядилась въ барсовое платье. Въ театрѣ, я изъ ложи простыми глазами не смотрю, всегда въ *спектакль* съ *лорнетомль*; особливо когда представляютъ *трагедіи*, говорю я всѣхъ больше, хохочу въ *трагедіяхъ* больше всѣхъ, а въ комедіяхъ кричу громче всѣхъ. Дома бываю рѣдко, долго не засиживаюсь нигдѣ; *визиты* и *контръ-визиты* дѣлаю по *рѣзстру*, и какъ свойственно *модной даль*, перебѣгаю отъ *матеріи* къ *матеріи*, мужа не люблю по *антипатіи*. Ну! что во мнѣ *манкируетъ*. »

Это живой, жеманной бредъ своего времени.

Отъ чего французскій языкъ, при всей, такъ называемой бѣдности, такъ одушевленъ подъ перомъ писателей: отъ того, что онъ постоянно былъ языкомъ общественнымъ, съ того времени, когда при *Францискъ* первомъ отмѣненъ былъ въ судопроизводствѣ, языкъ латинскій. При Людовикъ XIV, была милолетняя мода на языкъ италіанскій; но посредствомъ своему съ языкомъ французскимъ, онъ не могъ испестрить его, тоже можно сказать и о латинскомъ языкъ. А куда у насъ не втиснулись слова чужеземныя! Даже и

въ *Юрти Милославсколь*, на площади Нижегородской, слышали слова во всё не русскія. У насъ хвала и хула, укоризна и одобреніе, все очужеземплось. Это говорю не въ предосужденіе иностранцаімъ, они любятъ, они дорожатъ своимъ роднымъ словомъ, и не худо бы было и намъ подражать имъ. Н. М. *Карамзинъ* очень справедливо сказалъ: что мы чужимъ умомъ умны не будемъ, и чужою славою не будемъ славны. И такъ, если наши писатели желаютъ, чтобы ихъ понимали, и въ домахъ большаго свѣта, и въ скромномъ кругу соотечественниковъ, и въ хижижинахъ (ибо и оттуда вылетаютъ отклевки душевные), то пусть ихъ слогъ дышетъ и цвѣтетъ жизнію самобытною, безъ примѣси чужезычія. Дѣло другое книги учебныя. *Карамзинъ* отъ части справедливо говорилъ *Бонету*, что въ его время недоставало еще у насъ словъ для выраженія понятій отвлеченныхъ. Карамзинъ правъ отъ части. Но загляните въ полное собраніе сочиненій Сумарокова, и вы увидите, какъ отчетливо изложилъ онъ по русски разборъ книги *Локка*. На каждую мысль найдется свое слово, если только мысль будетъ отыскивать его, а если и въ повѣстяхъ, и въ сказкахъ, и въ другихъ разрядахъ текущей или временной словесности, будутъ слова иностранныя: то для объясненія ихъ нуженъ переводъ, и русскія сочиненія доведется читать съ словаремъ.

Взглянемъ на общій ходъ отечественнаго нашего слова. Изъ одного только Несторова летописца, до отысканія пѣсни о полку Игоря, можемъ отчасти, и по догадкамъ судить о духѣ и объемѣ русскаго языка. Я говорю по догадкамъ: ибо на каждомъ изъ насъ, какъ будто высказываются два различныя нарѣчія. Мы говоримъ и *глаголю* и *люблю*; и *оку* и *оги*; и *ланиты* и *щечки*; и *губы* и *уста*; и *плечи* и *рамена*; и *грудь* и *перси* и *руки* и *длани* и такъ далѣе. Скажутъ, что это одно и тоже нарѣчье, и что этими словами означается различіе *слоговъ*. Въ древней Руси, былъ одинъ общій языкъ, различіе *слоговъ* появилось у насъ тогда, когда одна часть общества, по примѣру парижскаго свѣта, отделилась отъ прочихъ сословій, съ пышнымъ названіемъ *лучшаго большаго свѣта*. Языкъ церковный появился у насъ съ преложеніемъ при Ярославі *каноновъ*, *акафистовъ* и другихъ хвалебныхъ духовныхъ пѣснопѣній, съ тогдашняго греческаго языка; но переведенныхъ, не по составу русскаго или славянскаго, а по духу языка греческаго, который укоренился потому, что со времени Князя Владиміра учредились народныя училища, а современни Ярослава языкъ церковный сталъ языкомъ учебнымъ, наконецъ языкъ Библейской убѣждаетъ насъ, что краткость выраженій есть сила и душа Русскаго слова.

Вотъ примѣръ.

Въ тридцать второй главѣ *Второзаконія*, Моисей, перечисливъ вѣковыя благодѣянія, изліянныя Богомъ на народъ Израильскій, укоряетъ потомъ соотечественниковъ своихъ за то, что въ счастливые дни яде, упитавъ душу гордынею, забыли милости небесныя. « И *Иаковъ*, говоритъ онъ: » и насытися, и отвержеся возлюбленный: *уты, утолстѣ, разшире*, и остави Бога, сотворшаго его. »

А на три слова, мною подчеркнутыя, сколько французскихъ словъ? Посмотрите, « *le peuple, rempli d' embompoint, et mis dans une pleine abondance, il a abandonné Dieu son créateur.* »

Скажутъ, что приведенныя слова устарѣли: согласенъ. Но и все устарѣетъ, если наводнимъ русское слово чужезычіемъ. А тутъ повторю съ Сумароковымъ:

«Питай водами лавръ, доколь не увянетъ!»

Н. И. *Грегъ* говоритъ, что чистотѣ нашего языка не столько вредятъ иностранныя слова, сколько не русскія обороты. И то и другое искажаетъ родное наше слово. Приведенный здѣсь примѣръ изъ Библии свидѣтельствуетъ, что на

одно наше слово приходится по нѣскольку словъ французскихъ, переводы съ французскаго языка и повѣсти и сказки, мы, такъ сказать: вводимъ и затагиваемъ въ нашъ языкъ излишній рядъ и наборъ словъ; впрочемъ мы и въ этомъ ошибаемся. Сколько могу судить; известные французскіе писатели двинули и убыстрыли свой разказъ. У нихъ живой слогъ, онъ летитъ; уловляйте рѣчь русскую — она пресмыкается черепашинымъ шагомъ. Въ старину мы не богаты были словесностію: но за то мы богаты были *жизнію слова*. Что воспламянило и одушевило Минина? Грамоты, рассылаемыя изъ Троицы. Что дѣйствовало тогда къ соединенію душъ и мыслей? Соединеніе словъ русскихъ въ одну общую рѣчь. Мининъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили тогдашіе князья и бояре. Вошло въ нашъ языкъ изъ подъ владычества Монгольскаго нѣсколько Монгольскихъ словъ, но оно не затѣснило въ немъ ни какихъ оборотовъ рѣчей. Рядъ старинной нашей *писменности* заключила лѣтопись *Никона*. Но и одни очевидныя событія древней Руси говорятъ, что ей не нужно было излишней *писменности*. Въ годовну разгромнаго удѣльнаго правленія, кипѣла *поэзія* битвъ, почти непрестанныхъ и шумныхъ преній въ *пригородкахъ*, исчезли удѣлы рушилось владычество Монгольское и по свидѣтельству нашего почтеннаго историка *Устрялова*,

дѣдъ Іоанна грознаго на два столѣтія сохранилъ внутреннюю жизнь Россіи. Какъ это? Каждый можетъ самъ изслѣдовать. Этотъ двухъ-вѣковой промежутокъ чрезвычайно важенъ въ нашей исторіи, жизнь *своя*, не заимствованная, шла два, вѣка; стоитъ обдумать такой переходъ двухъ столѣтій. По сказанію самихъ иностранцевъ, красная Кремлевская площадь, какъ будто олицетворяла древнія площади Рима и Аѳинъ. На зарѣ утренней приходили туда бояре учинить судъ и расправу; тамъ переливались соимы различныхъ сословій, разсуждавшихъ о дѣлахъ своихъ. Оттуда бояре расходились обозрѣвать темницы; и потомъ вмѣстѣ съ народомъ посѣщали церкви заходили въ свои приказы, или спѣшили на засѣданіе въ Думъ Царской. День былъ короче теперешняго дня; тогда полночь не была оборотнемъ настоящаго дня. За то и не было требованій, такъ называемыхъ, общественныхъ увеселеній. При Царѣ Алексѣ Михайловичѣ театръ только промелькнулъ при дворѣ. Время не требовало еще его властительнымъ голосомъ своимъ. Извѣстно также, что при Іоаннѣ Грозномъ, нѣсколько молодыхъ московскихъ гражданъ отправлены были въ Англію *присмотрѣться къ промышленному и руководящему производству*. Шекспировъ театръ уже существовалъ въ Лондонѣ; но они не заботились о

немъ, А когда пришло свое время, тогда люди русскіе сами учредили театръ

А. П. Сумароковъ прежде всѣхъ занялся сличеніемъ русскихъ словъ подобныхъ звуками и выговоромъ съ словами иностранными. Но если и заимствованіе словъ будемъ судить по звукамъ и по выгору, то, какъ замѣтилъ Сумароковъ, можно составить цѣлый словарь, на примѣръ: слово *матерь*, ближайшее и къ колыбели и къ сердцу челоуѣка, откликается и въ латинскомъ и въ италіянскомъ и въ нѣмецкомъ, даже отчасти и французскомъ языкѣ, но которому оно изъ нихъ принадлежитъ, или откуда и къ намъ перешло: объ этомъ и не могу, и не стану вдаваться въ излѣдованіе. Но нельзя не замѣтить, что и самые наши остроумные писатели, не уклонились отъ чужезычія. Въ чтеніяхъ своихъ о русскомъ языкѣ Н. И. Грегъ въ примѣръ показанія прежняго слога, приводитъ отрывокъ изъ путешествія по Европѣ Фонъ-Визина. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого отрывка, и съ нѣсколькими чужими словами. «Всякой живетъ во Франціи для одного себя. Дружба, родство, честь, благородство, все это считается *химерою*, на противъ того все *сентименты* обращены въ одинъ *пунктъ*.... Кто самъ въ себѣ *ресурсовъ* не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ.»

Ужели Фонъ-Визинъ не могъ высказать того

по русски, что замѣнилъ или лучше сказать: что затемнилъ чужими словами? Могъ. Но, говорилъ словами Сумарокова:

«Привычку одолѣть гораздо трудно.»

Вотъ отъ чего и самъ сочинитель о чтеніяхъ русскаго языка, часто употребляетъ слова не русскія. Скажутъ: онъ вошелъ въ обычай. Отвѣчаю. Вы знаете душу русскаго слова; вы пишете въ Россіи и для русскихъ; преодолѣйте закоснѣлый навѣкъ: вы этого достойны. Въ наше время учать знаками передавать самыя огвеченныя понятія глухихъ и пѣмыхъ. Ошибутся ли они въ одномъ знакѣ, въ одномъ движеніи: вся условная рѣчь знаковъ перепутывается. Тоже производятъ въ русской рѣчи, и слова иностранныя. Приращаясь къ мысли неожиданно, они, какъ будто увлекаютъ ее туда, откуда перешли къ намъ. Къ чему этотъ перелетъ? Къ чему замѣнять свое чужимъ?. Перѣдко и самое легкое облачко затѣмняетъ весь блестящій кругъ солнечный. Удерживайте и утверждайте свое своимъ. Неосновательно также *Н. И. Грегъ* предполагаетъ будто бы первое проявленіе государственнаго и дѣловаго слога, началось у насъ съ манифеста, по случаю нарушенія мира *Кайнарджискаго*. Указъ о лихонствѣ, изданный 1741 года и помѣщенный въ запискахъ *Я. И. Шаховскаго*, тогдашняго Генераль-Прокурора, написанъ чистымъ,

сильнымъ русскимъ языкомъ; а въ упомянутомъ манифестѣ слышенъ откликъ рѣчи Славянской. Но возразить: развѣ Славянскій не русскій языкъ! и говорю не о языкѣ, а о слогахъ. Я не говорю будто бы намъ нужна была разлетная словесность Европейская; но я пишу о Сумароковѣ, слѣдственно и долженъ сказать и показать, какія трудности предстояли ему въ изобрѣтеніи различныхъ слоговъ, для различныхъ разрядовъ словесности, особенно тогда, когда и остроумнѣйшіе люди увлекались чужезычіемъ.

Королева *Христина*, говоритъ *Кондильякъ*: знала девять языковъ: неудивительно. Легче знать нѣсколько языковъ, нежели изучить основательно душу своего природнаго слова. Известный *Пикъ де Мирандола* зналъ двадцать четыре языка, и оставилъ плохія, ученическія разсужденія. И у насъ при преобразованіи Россіи, быстро и успѣшно шло изученіе французскаго языка. *Шуваловъ*, Князь *Бѣлосельскій* и другіе, писали *Вольтеровскіе* стихи, въ чемъ сознавался и самъ поэтъ *Фернейскій* и это была не лесть, *Шувалова* посланіе къ *Нинонтъ* и посланіе К. Бѣлосельскаго къ *Вольтеру*, дышатъ полнотою жизни французскаго языка. У нихъ были образцы имъ стоило только внимательно прислушаться къ нимъ. А какъ далѣе увидимъ: къ кому было прислушиваться юному Сумарокову? И потому напрасно утверждаетъ сочинитель чтеній о Рус-

скомъ языкѣ, будто теперь смѣшно приводитъ стихи Сумарокова. Напротивъ того я предложу различныя его стихотворенія, въ которыхъ есть и мысли и согласіе, и часто живая поэзія, одушевленная и парціей духъ *Державина*.

Переходя часть отъ часа болѣе отъ церковной словесности къ свѣтской, мы также часть отъ часу болѣе затѣснили ее въ подражаніи. Но въ исходѣ осмынадцатаго столѣтія, по дальновидности зоркой мысли, или по душевному предчувствію чего нибудь необычайнаго, также усиливалось отмежевать Россію отъ Европы, когда Петръ первый старался сблизить ее съ Европою. Вотъ двѣ разительныя и отличительныя черты осмынадцатаго вѣка. Углубясь въ изученіе роднаго нашего слова, Екатерина вычитывала въ немъ минувшее и старалась вычитать будущую судьбу нашего отечества. Я не удивляюсь, встрѣчая въ стихотвореніяхъ *Петрова*, множество изреченій и оборотовъ Славянскихъ, Екатерина сама любила писать по Славянски, а поэтъ ея времени угождалъ ея склонности. Такой жертвы нельзя осуждать. Незнаю, выйдутъ ли когда нибудь въ свѣтъ записки Князя И. М. *Долгорукова*, но въ тѣхъ любопытныхъ запискахъ, есть славянскія письма писанныя имъ къ Екатеринѣ. Вотъ почему и *Фонъ-Визинъ*, Иосифа перевелъ, Битобе поддѣльваясь подъ слогъ Славянскій. Въ томъ же осмынадцатомъ

стоятъи третій переходъ нашей словесности начался съ Н: М: Карамзина; а еще живѣе выразился послѣ нашего двѣнадцатаго года разливъ тогдашнихъ громовъ военныхъ, какъ будто пробудилъ, и вызвалъ изъ вѣковъ, и всемірныхъ историческія событія, и голосъ прежняго слова народнаго. Во Франціи, въ Германіи, у насъ въ Россіи и вездѣ, съ жаромъ, и съ страстнымъ порывомъ устремились вопрошать памятники отечественныя, и доискивать, самобытной словесности. До какой степени въ томъ успѣли, не вхожу о томъ въ изслѣдованіе, довольно и того, что мы наконецъ живо почувствовали, что въ отечествѣ своемъ нужно свое.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

*Геній неждетъ никогда наукъ
и просвѣщенія, летитъ и бле-
скомъ своимъ сзарлетъ пустыни
(Карамзинъ).*

По соображенію годовъ *Вольтеръ* и *Сумароковъ* въ одно и тоже время изучали всемірныя лѣтописи и прокладывали себѣ поприще трагическое. «*Вольтеръ*, говоритъ *Вильиенъ*:» разбѣзжал на почтовыхъ читалъ жизнь Александра Македонскаго, сочиненную *Квинтъ Курціемъ*, и писалъ исторію Карла XII слогомъ живымъ, быстрымъ, увлекательнымъ.» Словомъ, онъ писалъ исторію по собственному вдохновенію. Но невидимъ, того въ исторіи его Петра перваго, сочиняемой имъ по вызову. Императрица Елисавета отправила къ нему въ Ферсей золотыя медали всѣхъ Великихъ Князей, и Государей Русскихъ; но посланный подмѣнилъ ихъ мѣдными съ позолотою. Онъ, какъ будто отмстилъ Вольтеру за безцвѣтное описаніе дѣланій Петра Полтавекаго. Но этѣже самыя дѣянія изложены рѣзкими, живыми чертами въ жизни Карла XII.

Вотъ примѣръ. «Геній юнаго Петра проявился внезапно. Онъ хотѣлъ быть и самъ человекомъ и повелѣвать людьми. Многіе до него отказывались отъ престола, страшась заботливаго бремени дѣлъ; но никто не слагалъ съ себя сана Царскаго, чтобы научиться царствовать, этотъ подвигъ принадлежитъ одному Петру первому.... Карла XII вѣнчали *непобѣдимымъ*; но одинъ опрометчивый шагъ уничтожилъ это названіе, а Петра перваго Европа наименовала *великимъ* за дѣла мира и за труды, возвысившіе его личность.»

Въ то же время и Сумароковъ, проходя поприще всемірной исторіи, переселялъ, по собственному его свидѣтельству, событія вѣковъ миновавшихъ въ первые свои стихотворческіе опыты, сочиняемые въ стѣнахъ Кадетскаго корпуса. Но и въ этихъ опытахъ видна уже зрѣлая мысль и новый слогъ, нмѣ самымъ изобрѣтенный.

Вотъ что писалъ юный кадетъ.

«Вѣрять мысль въ претѣны міра
И разныхъ лѣтъ и разныхъ странъ;
Взыграй! взыграй моя мнѣ лира
И счастья паткаго обманъ
И вмѣстѣ съ нимъ, ты мнѣ исчисли
Тѣхъ смертныхъ, коихъ праха нѣтъ;
Которы яростью смущались
И только въ книгахъ намъ остались
По памяти ужасныхъ бѣдъ.»

Вспомнил о завоевателях Македонскомъ, поэтъ
говорить :

Сынъ гордости, суетъ любитель!
Тебя мечта, побѣдъ ловитель,
Въ страны индійскія звала;
Тебя покоя разоритель
Тщета—въ край свѣта завела.
Когда бы смерть не опоздала
Скончать твой вѣкъ, земля бы стала
Театромъ греческихъ тешницъ.
Въ порывахъ гордости, тыбъ, вскорѣ
Пошелъ въ пространнѣйшее море
Искать невѣдомыхъ границъ.»

И это писано было около 1736 года: а первая
ода Ломоносова доставлена имъ изъ заграницы
1739 года.

Поэтъ продолжаетъ :

«До разрушенія покоя,
Что ты была, о, пышна Троя!
Была всей Азіи краса.»

Но ударилъ часъ роковой и въ томъ *Пергамъ*,
который простиралъ владычество свое и въ Азію
и въ Европу:

«Тамъ башни—пещломъ покровенны;
Домъ Царскій—грудами лежитъ:
Жилища, храмы разрушенны—
И Ксаносъ въ пустыхъ мѣстахъ шумитъ.»

Далѣе, Сумароковъ упоминаетъ, что древній Римъ, незараженный еще отравами роскоши Азіатской, съ презрѣніемъ отвергалъ онѣмъ лести и величавыя наименованія.

Вотъ его слова:

«Твой градъ побѣдой украсался,
И ложныхъ гѣхъ имень гнушался,
Которы міръ ему давалъ,
Его судьбиной ослѣпленной.
Онъ внемля гласъ тотъ дерзновенный
Ту честь на небо возсылалъ.»

Это и поэзія и исторія. При вторженіи Ганибалы въ Италію, Римъ вручилъ судьбу свою волю боговъ своихъ. Римляне полагали, что консулъ Фламиній отъ того разбитъ былъ Ганибаломъ при озерѣ Трезименскомъ, что не спросилъ внутренности жертвъ. А когда Фабій Максимъ назначенъ былъ диктаторомъ, тогда при первомъ шагѣ своемъ онъ посвятилъ всю весну олтарямъ боговъ, то есть: все то, что произраститъ настоящая весна; отъ чего и названа она была, *весною священною*.

Снова обращаясь къ завоевателю Персіи, поэтъ говоритъ:

«Филиповъ сынъ, когда корона
Сѣла на главѣ его,

Слыть сыномъ возмечталъ *Амона*
Среди народа своего.»

И тутъ же вспоминая о высокомерномъ *Находоносорь* постъ продолжаетъ:

«И Царь, владѣвшій Вавилономъ
Возмнилъ себя въ гордынь богомъ;
До звездъ гордыня возросла.
О, лествъ! душъ подлыхъ жертва смертнымъ;
Куда ты прославленъешь тщетнымъ
Тлѣнь жизни нашей вознесла,
Иерусалима разоритель
Воззри, гдѣ твой престолъ стоялъ!
Ты мертвъ, о, гордый повелитель:
Блестательный твой тронъ упалъ,
Израиль плѣнь свой оставляетъ
И храмъ свой снова созидаетъ.
Когда лишился ты вѣнца,
Куда лествъ гнусная дѣвалась,
Которой не было конца,
Востокъ покрылся тѣнью древа
И палъ великій Вавилонъ.»

Тутъ, какъ будто слышимъ голосъ пророка *Иеремии*: «Како сокрушися и сотресе млатъ вса земли; како обратися въ пустыню Вавилонъ во языцѣхъ?» Лѣтъ за семь сотъ до Р. Х. прогремѣлъ этотъ глаголь карательный; а въ половинѣ пятого столѣтїя новыхъ временъ исчезли даже и слѣды великолѣпнаго Вавилона, превращеннаго въ болото разливомъ водъ Евфрата. Одни дикіе звѣри скитаются по обширной его могилѣ.

Что же прочно на землѣ и что увѣковѣчивается въ исторіи? Поэтъ отвѣчаетъ:

Прибытка, счастья и славы
Основанъ въ истинѣ предѣлъ,
Благословеніе державы,
Благихъ побѣдъ, великихъ дѣлъ
Не сила, умъ одинъ, солдаты,
Хранящій въ сердцѣ добродѣтель,
Пусть мечъ рветъ области изъ рукъ;
Огонь въ пепелъ грады превращаетъ
И грозны горы разрываетъ —
Въ неправдѣ, то мечта, то звукъ.

Напрасно говорятъ, будто-бы Сумароковъ написалъ только нѣсколько нѣжныхъ стиховъ. Даже и въ этихъ юношескихъ строкахъ, видѣнь и огонь слова и зоркій взглядъ на событія вѣковыя и живое чувство истинны.

На зарѣ еще поэтического поприща своего и въ стѣнахъ Кадетскаго корпуса написалъ онъ посланіе къ сопитомцу своему М. М. Хераскову.

Вотъ оно:

«Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней,
Среди богатства, чести, славы
И въ полной радости своей —
Что все, какъ дымъ, проходятъ,
Природа къ смерти насъ приводитъ:
Вспоминай, о человекъ!
Умрешь! хоть смерти не увидишь»

И все, что ты теперь ни видишь
Исчезнетъ отъ тебя на вѣкъ.
Во всемъ на свѣтъ переменна,
И все непостоянно въ немъ *)
И все составлено изъ тлѣна,
Не зримъ мы твердости ни въ чемъ.
Премъной естество играетъ,
Оно даруетъ, отбираетъ;
Свѣтъ этотъ—образъ колеса.
Не гряпеть громъ и вѣтръ не *дохнетъ*—
Земля падетъ, вода изсохнетъ
И разрушатся небеса
Зри, какъ животныхъ гибнуть роды,
На собственный свой родъ возри :
Возри на красоты природы,
И коловратность разбери,
Зимой — дуга покрыты снѣгомъ;
Рѣка — спрягается со берегомъ
Творя изъ струй крѣпчайшій мостъ;
Очаровательныя розы,
Однѣ лишь оставляютъ лозы
И обнаженный только гроздь.
Почтемъ мы жизнь и свѣтъ мечтою
Что мы надѣлаемъ, все сонъ;
Живемъ, родимся съ суетою
Изъ свѣта — съ ней выходимъ вонъ,
Достигнемъ, роскоши, забавы,
Великолѣбїя и славы:
Пройдемъ печаль, досаду, страхъ,
Достигнемъ пышности, богатства
И все то превратится въ прахъ.
Умѣримъ же страстей желанье;
О чемъ чрезмѣру намъ тужить?
Оставимъ лишнее желанье;

*) Не постоянство доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ — вкуса счастье ихъ (Державинъ.)

Не вѣчно намъ на свѣтѣ жить
Отъ смерти удержать не можно;
Предвѣль смерть — смертнымъ неотложно;
Мы свѣтъ оставимъ навсегда,
На свѣтъ — жизни нѣтъ милѣ;
И нѣтъ на свѣтъ смерти злѣе;
Но смерть — послѣдняя бѣда!»

М. М. Херасковъ обладалъ, такъ сказать: не умирающею памятью: и это посланіе читалъ онъ мнѣ наизусть 1806 года, когда вручалъ я ему трагедію мою *Сулбеку*, посвященную имени его. Замѣтимъ также, что все содержаніе этого посланія не только въ стихахъ на смерть *Мещерскаго* не только въ одѣ къ *первому сосѣду*, но оно отражается и въ послѣднихъ стихахъ Державина, начертанныхъ ослабѣвающею его рукою на грифельной доскѣ хранящейся въ Императорской библіотекѣ.

Вотъ эти предсмертные стихи, слившіеся съ поэзіи юнаго Сумарокова.

Рывка временъ въ своемъ стремленьи
Уносить все дѣла людей;
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей,
А если, что, и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей неуйдетъ судьбы.»

Перенеситесь теперь полетомъ мысли въ стѣны

Кадетскаго корпуса; взгляните на пламенныхъ юношей, окружившихъ юнаго поэта А. П. Сумарокова. Тутъ и графы и князья; но тутъ не слышно этихъ именъ почетныхъ, тутъ цвѣтущая весна лѣтъ соединяетъ въ души чувствомъ дружбы и любви. Юные сотоварищи Сумарокова, будутъ и героями и писателями въка Екатерины второй. Но тогда еще ихъ слава, ихъ подвиги; ихъ лавры и пальмы скрывались вдали непроходимой. Тогда, они, такъ сказать, жили однимъ воспоминаніями о Петрѣ первомъ: и сотоварищъ ихъ Сумароковъ читаетъ имъ оду: «на победы Петра великаго.»

«Быстры пѣсни возглашая,
Яко дерзностный орелъ
Пиндаръ, крылья простирая
Выше облакъ возлетѣлъ —
И достигъ границы міра,
О, моя любезна лира!
Дай и мнѣ путь въ небеса;
Вознесися днесъ со мною,
Да воспрянуть подъ тобою
Горь Фракійскихъ дресеса!
Не шумите бурны воды,
Не бушуй полночный вѣтръ;
Да услышутъ весь народы!
Мнѣ въ умъ стихъ вселяетъ Петръ,
Какъ планеты вы стояли,
Въ свѣтъ когда Петра встрѣчали?
О, премудро Божество!
Отъ начала перва вѣка;
Таковаго челоувѣка

Не видало естество.
Цесарь страшенъ былъ въ день браги,
Августъ покорилъ весь свѣтъ;
Къ Александру носить данн,
Гдѣ лишь мечъ его сверкаетъ.
Петръ — природу прѣмънаетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строить войско, входить въ Пенгу,
И во дни такой прѣмъны,
Мещетъ пламень, рушить стѣны,
Рветъ и движитъ горизонтъ.»

Во второй разъ привожу эта двѣ строфы, и ихъ можно еще нѣсколько разъ привести въ показаніе силы и стремительнаго порыва поэзіи юнаго Сумарокова. Въ этихъ строфахъ *хорей*, почитаемый нѣжкою, мягкою страфою, Сумароковъ превратилъ въ слово живое, кипучее, быстрое какъ молнія. Тутъ видимъ Петра въ борьбѣ съ народами, въ борьбѣ съ грозною природою. Изъ длани могущей мещетъ перуны онъ:

«Рветъ и движитъ горизонтъ.»

Этотъ *хорей* не уступитъ и самымъ звучнымъ самымъ громкимъ *либелль* Ломоносова.

Поэтъ продолжаетъ:

«Петръ къ востоку прелетаетъ
Отъ Бальтійскихъ береговъ,
Мечъ и тамъ его блистаетъ
Петръ и тамъ разитъ враговъ

Хиша стонетъ за стѣною,
Отлучаяся покою —
Ужасаясь руссикъ странъ,
Снова *Кодоманъ* трепещеть.
Индъ, робѣя, смугно плещеть
И страшится океанъ.»

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Съ живымъ воображеньемъ, вольнымъ,
Бывало онъ орломъ парилъ.

Я. Б. Княжнинъ.

Для души пылкой, породнившейся съ силою живой мысли, окончанное поприще въ училищѣ, открываетъ новое поприще по выходѣ изъ него. Юный Сумароковъ, увѣнчанный лаврами поэта въ стѣнахъ Кадетскаго корпуса, съ новымъ жаромъ приступилъ къ изученію греческаго и итальянскаго языка, онъ хотѣлъ въ подлинникъ читать и перечитывать великихъ поэтовъ древней Греціи, спросить: для чего же онъ не подражалъ имъ? На это рѣшительно немогу отвѣчать. Замѣчу однако, что еслибъ дѣйствующимъ лицамъ первой своей трагедіи (недалъ русскихъ именъ, то она не поступила бь такъ быстро начреду тогдашней народной драмы. Одинъ человекъ, принужденный въ одно время изобрѣтать и новый языкъ и новое драматическое искусство, не могъ раскинуться мыслию по всемъ поприщамъ театровъ всемірныхъ. Это удалось одному *Шекс-*

тиру, но и ему не пужно было изобрѣтать новаго языка, онъ только изъ существовавшаго слова почерпалъ жизнь выраженій, уловляемыхъ умственнымъ взоромъ генія. Сумароковъ былъ и сочинителемъ драмъ и наставникомъ въ разыграніи. Но драма, перешедшая изъ души поэта въ буквы и на бумагу, какъ будто мертвѣетъ.— Она ждетъ новой жизни отъ дѣйствующихъ лицъ; она посредствомъ ихъ или пожнетъ пальмы или сойдетъ въ плѣнь могильный. Кто же были первоначальные дѣйствующія лица? работники ярославской суконной фабрики. А потому кромѣ изобрѣтенія драматическаго языка, Сумарокову предстоялъ еще трудной подвигъ: ему надобно было изобрѣсть къ выраженію словомъ души, сердца и мысли то, что называютъ, *декламацией*; перенеситесь мыслію къ колыбели русскаго театра; взгляните на Сумарокова, окруженнаго юными питомцами *Мельпомены* и *Талии*. Посмотрите, какъ онъ усиливается передать каждому порывы души своей, жаръ сердца своего, устремительность своей мысли. Онъ одинъ размножается на всѣхъ. Это борьба, это такая же битва, какъ и тѣ гремящія битвы, которыя Наполеонъ называлъ трагедіями; какія же сильныя и жаркія битвы драматическія долженъ былъ выдерживать первый наставникъ искусства драматическаго! А потому и не удивительно, что семена преждевременной смерти запали въ грудь

его. За то онъ первый основалъ народный русскій театръ, о чемъ мы уже предлагали разсказъ Павла Ивановича Сумарокова.

Скажу болѣе А. П. Сумароковъ не только первый сблизилъ словесность нашу съ Европою, но онъ и далъ урокъ французскому театру. Известно, что не только при Корнелии, Расинѣ, но даже въ XVIII столѣтїи *театральная сцена* главное поприще дѣйствующихъ лицъ, наполнена была зрителями, которые подходили къ актерамъ и актрисамъ пристально всматривались въ нихъ, а еще болѣе прислушивались къ выраженію чувствъ сердечныхъ. Вотъ отъ чего французскіе трагедїи, Корнелия, Расина и другихъ обращали все то въ расказы, что Шекспиръ преводилъ въ дѣйствїе; а когда Вольтеръ, возвратясь изъ Лондона захотѣлъ по примѣру великобританскаго трагика вызывать изъ гробовъ могильные призраки, тогда зрители занимавшїе *сцену* и видившіе поддѣльною блѣдность и театральные саваны вмѣсто ужаса превѣствовали громкимъ смѣхомъ театральныхъ мертвецовъ. Но нашъ русскій трагикъ при первомъ шагѣ драматическаго нашего искусства, далъ такъ сказать сцену въ полное обладанїе дѣйствующихъ лицъ, а Вольтеръ, упрекая французовъ въ неумѣстномъ смѣшенїи зрителей съ актерами, восклицаетъ: «изъ глубины сѣвера блеснулъ къ

намъ лучъ просвѣщенія!» Спросить можетъ быть, по чему Сумароковъ вмѣсто расказовъ не ввелъ Шекспировскаго движенія въ своихъ трагедіяхъ, и почему передѣлывая его Гамлета, отмѣнилъ всѣ тѣ пораженія, которыя теперь насъ восхищаютъ. Причина простая онъ вполне чувствовалъ и опытъ въ его время доказалъ, что выраженіе душевное передаваемое голосу вдохновенія внутреннаго чувства, всего сильнѣе владѣваетъ надъ сердцами. Такъ и было; первые наши дѣйствующія лица Дмитревскій, Волковъ, Тропольская, безъ всѣхъ такъ называемыхъ эффектовъ театральныхъ, очаровали слушателей своихъ, чему непосредственно содѣйствовалъ ихъ первый начальникъ наставникъ и въ полной силѣ слова ихъ ревностный другъ; Сумароковъ былъ и сочинитель и одушитель тогдашняго театра. Занимаясь съ каждымъ актеромъ онъ передавалъ ему и мысль, и выраженіе, и чувство. Вотъ отъ чего Дмитревскій достигнувъ уже почти старости, въ нашъ 1812 годъ съ такою силою и жаромъ выражалъ вдохновеніе любви къ отечеству, возбуждавшій самоотверженіе въ сынахъ Россіи. Я сказалъ, что Сумароковъ былъ другомъ учениковъ своихъ. Вотъ доказательство. Извѣщая Дмитревскаго о смерти Волкова, въ 18 злѣгн онъ сказалъ.

«Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный:
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!

Преставился мой другъ; прости мой другъ любезный!....

На вѣки Волкова пресекался часы,
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
Кастальскій предомной источникъ замерзаетъ.»

Нѣкоторые упрекали Сумарокова, за то, что онъ въ элегіи на смерть Волкова, изъ который привелъ я первые стихи, сказалъ: «*Расиновъ я театръ явилъ о Россы валь.*» Но тутъ не только поэзія тутъ истинна историческая. Онъ первый русскимъ словомъ открылъ путь въ сердца и началъ извлекать слезы, а потому я согласенъ съ мнѣніемъ его родного племянника, который упрекаетъ тѣхъ, которые произведенія нашего перваго трагика называютъ: *Сумароковищиной*. Я хочу говорить безпристрастно объ отцѣ нашего театра, потому что съ того времени когда въ отечествѣ нашемъ разыгрывалась такъ сказать: великая драма судьбы нашего отечества, я пересталъ посещать театръ.—Но тѣ которые наслаждаются этимъ удовольствіемъ, должны приносить дань благодарности тому; кто первый доставилъ имъ это увеселеніе, не зависимое не отъ какихъ приличій и условій свѣта, но само собою говорящее сердцу и уму.

Упомянуто было что Сумароковъ, первый ознакомилъ иностранцевъ съ нашею словесностію; а здѣсь прибавлю, что трагедія его *Синавъ* и

Труворъ переведена была на французскій языкъ и разсмотрѣна съ величайшею и безпристрастною отчетливостію. Въ то же время ученикъ его И. А. *Дмитревскій*, удивлялъ *Лекена* въ Парижѣ игрою своею въ *Заиръ*, и соперничествовалъ въ Лондонѣ съ *Гарикомъ*. Рассказываютъ, что за обѣдомъ у этого коринѣя тогдашнихъ английскихъ актеровъ, *Дмитревскій*, держа въ рукахъ задравный кубокъ, вдругъ поблѣднелъ; уста его зашмыгались и онъ стремительно упалъ со стула. *Гарикъ* бросился приподнять его, *Дмитревскій* самъ привсталъ взялъ за руку *Гарика*, разсмѣялся и сказалъ: «это ничего; это только внезапность театральная.» А всѣмъ извѣстно, что такое былъ *Гарикъ*. Другъ его *Фильдингъ*, сочинитель прекрасныхъ романовъ умеръ въ то время, когда живописецъ только что принялся списывать его портретъ. Чрезвычайно жалѣлъ о томъ и художникъ и всѣ *Фильдинговы* друзья. Въ одинъ день *Гарикъ* является къ живописцу; останавливается у дверей рабочей его комнаты и поддѣлывая свой голосъ подъ голосъ *Фильдинга*, громко сказалъ: «*Фильдингъ* здѣсь! бери кисть и оканчивай портретъ.»

У древнихъ Грековъ выраженіе взоровъ и лица было неизвѣстно. Имъ нужно было только слушать, а они слышали на театрѣ все то, что слышали отъ самой колыбели своей и что слы-

валось съ душами ихъ во все теченіе ихъ жизни. Они слышали голосъ своихъ мнѣй; голосъ своихъ преданій и летописей: они слышали въковой голосъ Греціи. Да и какіе были слушатели древніи Греки! То были ть самыя люди, которые однимъ возгласомъ останавливали на площадяхъ согражданъ своихъ и передъ которыми нерѣдко робѣли и *Перикль* и *Демосенъ*. Со всѣми усиленіи нашего воображенія, мы едва ли можемъ представить себѣ какое дѣйствіе производили надъ Греками драматическіи представленія!

Но за то у насъ подъ руководствомъ Сумарокова въ полномъ объемѣ развилось выраженіе души во взорахъ, въ чертахъ лица и въ словѣ.

«Каждый, говоритъ одинъ умный французскій писатель; каждый, благодаря могуществу слова, воспріимлетъ въ будущемъ свой санъ; то есть: санъ души своей.»

Хотя это относится къ слову письменному, но и живое слово въ свое время, выражалъ душу, съ такою же силою торжествуетъ. А потому Сумароковъ, страстно ревновавшій, чтобы слово русское цвѣло и гремяло повсемѣстно, *) желалъ, чтобы пастырскія поученія усиливались и распространялись въ отечествѣ нашемъ. Онъ пер-

*) См. Пол. Соч. Ч. VI.

вый предъявилъ въ статьѣ своей о Россійскомъ духовномъ краснорѣчїи, что въ такихъ поученїяхъ не столько должно заниматься историческою частїю библіи, сколько духомъ двухъ заветовъ, внушающихъ любовь и милосердіе; и въ этомъ духѣ сочинилъ онъ слово: о *любви къ б. ближне. му.* Усердствуя осуществить мысль свою, онъ часто бесѣдовалъ съ *Гіаріило. ичъ, Платономъ* и съ другими духовными сановниками того времени, онъ любилъ также вступать съ ними въ пренїи на Греческомъ языкѣ о философіи и логикѣ.

Между тѣмъ и въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, *) находившемся подъ начальствомъ И. П. Бецкаго, въ присутствїи Сумарокова разыгрывали его трагедїи. Въ то же время представлена была во дворцѣ трагедїя его *Синавъ* и *Труворъ*, увѣчанная одобренїемъ Екатерины II. Наконецъ драматическое искусство И. А. Дмитревскаго, созрѣвавшее часъ отъ часу болѣе, умножало и число зрителей въ театрѣ. А съ появленїемъ новой его трагедїи: *Мстиславъ*, посылались на него новые выкрики. Не только тотъ, кто проходитъ поприще драматическое, болѣе всего сближающее поэта съ зрителями всѣхъ сословій, но и на каждомъ пути словесно-

*) Въ смолянскомъ монастырѣ.

сти, сердце оживляется отрадою при успѣхъ произведеній. И такъ: легко можно представить себѣ какимъ восторгомъ воспламененъ былъ Сумароковъ, видя, что его поэзія была душою цѣлаго общества. Въ радостномъ порывѣ писалъ онъ къ Дмитревскому:

«Тобой, мой вѣрный другъ! игравшій намъ Мстп-
слава;
Тобой умножилась моя въ Россіи слава.»

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

*Прокленія мыслей А. И. Су-
марокова 1767 года при от-
крытіи депутатскаго собранія
въ Москвѣ.*

Въ достопамятный день Августа 2 1767 года, открылось въ Москвѣ депутатское собраніе, названное: *всемирнымъ Сеймомъ*. И дѣйствительно, тутъ вполне можно было сказать:

Народовъ русской здѣсь державы
Различна рѣчь, одежда, нравы.»

По всѣ разноплеменные народы обширной Россіи слились тогда въ одно чувство ожиданія будущаго блага.

Въ это же самое время Екатерина II писала къ Вольтеру, что къ ней прискакали изъ Франціи адвокаты съ пышными предначертаніями о собраніи депутатовъ, но что она съ честью отравила ихъ; ибо, прибавляла она: «у насъ есть и своя мысль.»

И это было сущою правдою. Изъ *опыта о русскихъ писателяхъ*, изданныхъ Митрополитомъ *Евгеніемъ* и напечатанныхъ въ Московскомъ другъ просвѣщенія, явствуетъ, что Екатерина II при възчаніи своемъ на царство разрѣшила свободное печатаніе на *трое сутокъ* и что въ этотъ промежутокъ напечатано было посланіе: «къ слугамъ моимъ» *).

Изъ всѣхъ тогдашнихъ писателей, одинъ А. П. Сумароковъ удовлетворилъ желанію Екатерины; одинъ онъ съ пламенною любовью къ отечеству въ похвальномъ словѣ своемъ къ Императрицѣ, вмѣсто хвалебнаго энміама, съ пламеннымъ рвеніемъ сына отечества, высказалъ ей то, чего ожидаетъ Россія отъ прозорливой ея мысли, изощренной и одушевленной опытами всѣхъ вѣковъ. Указывая на указъ Петра I 1722 года, столь живо выражающій козни и извилистые пути ябеды, Сумароковъ вѣщалъ Екатерину.

«Есть, государыня! есть весьма дикое разрушеніе правосудія. Судьи увѣряютъ, что человекъ можетъ быть правъ по законамъ, а по совѣсти виноватъ. По этому или неправедны законы, или безумны судьи, когда видно, что человекъ по совѣсти виноватъ, то въ томъ удобно его изобличить, ежели у судей въ голо-

*) См. въ другъ просвѣщенія очерокъ жизни Фопъ-Визина.

въ есть разумъ, а въ сердце—честность. Есть еще нечто и этаго чуднѣе. Говорятъ нѣкоторые люди о судахъ: *какъ судьи посудятъ!* Судьи не Боги и не цари, а мы не тварь ихъ и не подданные. Осуждать должны законы, а не они, если праведенъ судъ: а если судъ не праведенъ, то осуждаютъ насъ не судьи, а беззаконники... Говорятъ также, что можно дѣла вершить различными образами, думая, или лучше сказать, выдумывая ложь, будто указы разногласны, а не хотятъ видѣть того, что послѣдній указъ или статья въ указѣ, отрицаетъ прежній указъ или статью въ немъ; а что послѣднимъ указомъ не отменено, то остается въ прежней своей силѣ.» Нѣтъ точнаго на то указа; говорятъ иные судьи, хотя имъ и повелѣно представлять о томъ Сенату, о чемъ нѣтъ указа; а Сенатъ имѣетъ повелѣніе представлять Государю. Невѣжество — источникъ неправды; бездѣльничество полагаетъ основаніе храма его; безуміе созидаетъ; пронырство утверждаетъ. Разрушь! Государыня, разрушь стѣны сего пагубнаго зданія! Низвергни его столбы и разори основаніе! Но прежде всего повели собрать потребныя для новаго зданія вещи и основать училища, готовящимся соблюдать предначертанные премудростию твоею законы. Повели предъ писцами разогнуть книгу естественной грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, по которой многіе писцы и по

ямени незнаютъ. Повели имъ изображать дѣла ясно и мыслить обстоятельно, чтобы знало общество, что написано.»

Такъ говорилъ Сумароковъ 1762 года, а Екатерина II 1776 года, въ наказѣ своемъ сказала: «законы должны быть писаны простымъ языкомъ; а уложечіе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе *букваря* *)».

Въ предложенной выпискѣ изъ похвального слова Екатерины II и изъ другихъ мѣстъ, которыя далѣе буду предлагать изъ сочиненій Сумарокова, можно усмотрѣть главную сущность наказа. Екатерина прислушивалась къ мнѣнію писателей своего времени, а они прислушивались къ ея мысли.

Предъявля мысль о сводѣ законовъ и о приведеніи ихъ въ единство, Сумароковъ предъявлялъ мнѣніе свое и о *Государственной Совѣтѣ*. Предлагая въ шестой части, о счастливомъ обществѣ, онъ говоритъ: «тамъ *Государственный Совѣтъ*, которому принадлежитъ обзоръ государственныхъ узаконеній и прочихъ осно-

*) Наказъ § 158.

ваній; а книга тамошнихъ законовъ, не болѣе *календаря*.

Одинъ изъ нашихъ новыхъ поэтовъ недавно сказалъ:

«И то не суетное слово—
Не безполезное зерно;
Въ сердцахъ людей свѣжо и ново,
Созрѣетъ жатвою оно.»

Зерно, помѣщенное Сумароковымъ въ упомянутомъ похвальномъ словѣ, или лучше сказать въ душевной бесѣдѣ съ Екатериною, созрѣло жатвою въ нашемъ девятнадцатомъ столѣтіи, въ изданіи *Свода Законовъ*. Сбылись слова Сумарокова; собраны вещи для новаго храма правосудія.

1768 года, желая отвратить гибельныя послѣдствія оспы, Екатерина привила ее и себя и сыну своему. Сумароковъ, привѣтствуя съ прекращеніемъ опасности въ новомъ словѣ своемъ, сочиненномъ 1769 года, говоритъ: «бунтующая противъ рода человѣческаго скорбь, ядовитое страшилище оспы, сопровождаемое смертію и безобразіемъ, разверзала адскія пропасти и поражала челоуѣчество, зіяло на дражайшее наше сокровище, на домъ царскій и устремлялося приключить намъ трепеть, порываясь коснуться матеря нашего отечества и наслѣдника ея. По Все-

вышній преклонилъ небеса и милость его сошла на землю.»

Вслѣдъ за тѣмъ сочинитель упоминаетъ о древней и новой славѣ Россіи. Но тутъ же подобно *Периклу*, говорившему, что побѣда славна не громкостію своею, но внутреннимъ благоденствіемъ, приносимымъ отечеству: «и Сумароковъ прибавляетъ» однѣ ли побѣды приносятъ Государству славу? не въ нихъ душа благоденствія народнаго. Что пользы народу въ разширеніи границъ, когда онъ изнуряется нуждою и страдаетъ въ древнихъ своихъ обиталищахъ? оружіе нужно къ оборонѣ, побѣда къ устрашенію враговъ, а къ истинному и существенному блаженству, потребно спокойствіе.... А въ чемъ оно состоитъ? въ безопасности чести, жизни, имѣнія, свободы и дешевизнѣ нужныхъ вещей *).

*) См. Полное собраніе сочиненій Сумарокова: Ч. II стр. 250.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Подробности, относящіяся къ А. П. Сумарокову, какъ къ сыну отечества, какъ къ человеку и какъ къ писателю.

Страстно любя Россію и отечество, Сумароковъ въ посланіи своемъ о любви къ отечеству сказалъ:

«Любовь къ отечеству—святая добродѣтель.»

Пламенною струею кипѣла въ сердцѣ его эта любовь; но онъ не безусловно благоговѣлъ къ ней. «Любовь къ отечеству, говоритъ онъ: не въ томъ только состоитъ, чтобы возжигать ему хвалебный гимнъ, но въ томъ особенно, чтобы предъявлять то, что причиняетъ обществу вредъ, а отечеству наноситъ безславіе. *)»

Такъ писалъ онъ; такъ и дѣйствовалъ. Ни въ какихъ темныхъ и извилистыхъ ущелинахъ не могли утаться отъ взора его ни козни лавды, ни происки коварства. Смѣлымъ перомъ

*) Часть VI.

выводилъ онъ ихъ оттуда и отважною рукою срывая съ нихъ личины, отдавалъ на судъ общественный. Но, говоритъ умный *Дюкло*: «чтобы имѣть право исправлять людей, надобно сперва любить человечество; а тогда въ отношеніи къ людямъ, будемъ справедливы безъ жестокосердія и снисходительны безъ малодушія. *)»

Тутъ перечень всѣхъ нравственныхъ статей Сумарокова. Пламенною струею кипѣло въ сердцѣ его рвеніе къ всему тому, что могло способствовать къ сохраненію жизни народной. Онъ первый у насъ предъявилъ о *необходимости* народныхъ училищъ, желая, чтобы свѣтъ просвѣщенія подобно солнцу разлилъ сіяніе свое повсемѣстно.

Вотъ его слова:

«Многіе думаютъ, будто просвѣщеніе только однимъ начальникамъ нужно; но блаженство состоитъ не въ однихъ начальникахъ и не въ однихъ вельможахъ. Нѣкоторые говорятъ, что когда всѣ люди будутъ просвѣщены, тогда исчезнетъ повиновеніе, слѣдовательно не будетъ и порядка. Это мнѣніе принадлежитъ мелкимъ душамъ и мелкимъ умамъ **.)»

(* Pour être en état, de reprendre, et en état de critiquer les hommes, il faudrait d'abor aimer l'humanité.

**) См. статьи о добродѣтели, часть VI.

Почитая просвѣщеніе благодатнымъ союзомъ цѣлаго общества, Сумароковъ истинную любовь къ отечеству полагаетъ въ ревностномъ и самоотрѣченномъ служеніи ему.

«Можно, говоритъ онъ: бытъ военачальникомъ и безъ науки; преодолѣли варвары и берега *Тибра* и *Архипелага*; но какая вышла изъ того польза? Побѣдители въ потомкахъ своихъ исчезли: съ ними исчезли и науки; а съ науками исчезло и здравое сужденіе... Вы, разумные нашего вѣка военачальники и безпристрастные почитатели искусства своего! Вы сами скажете, что тѣлу всѣ члены нужны и не будете требовать, чтобы ласкательство должность вашу предпочитало всѣмъ прочимъ должностямъ. Проліаніе за отечество крови и отваживаніе жизни, есть великое дѣло, но великое, вамъ за то и возмездіе; а еще большее почтеніе. Но ни возмездіе, ни почтеніе не принадлежать однимъ военачальникамъ; ибо и безъ сего жертвоприпошенія много еще заслугъ, равномѣрныхъ сей жертвѣ, особенно въ просвѣщеніи рода человѣческаго и въ умноженіи внутренняго благоденствія. Но никакой сынъ отечества, служа обществу по долгу и способности, не долженъ, одушевляясь истиннымъ любочестіемъ, требовать награду разболѣннаго идолослуженія, и безъ нужды звонить своимъ заслугами отечеству... Молчи, служа оте-

честву; ему а не тебѣ должно вспоминать о твоихъ заслугахъ. *)»

Тутъ опять можно повторить слова Н. М. Карамзина. «Соорудимъ А. П. Сумарокову памятникъ, если надобно.»

И истинна говорить. *надобно*. Сумароковъ предугадалъ ту силу любви къ отечеству, которая въ нашъ *двѣнадцатый годъ* одушевляла сыновъ Россіи и спасла отечество. А такая любовь посылаемая въ годину пснѣганія, полагаетъ единственную награду въ тѣхъ святыхъ воспоминаніяхъ, что была полезна подъ грозною бурею, шумѣвшею надъ отечествомъ. Писатели вѣка Екатерины II, по какому то непостижимому предчувствію предрѣкали о томъ времени, когда душа Русскаго народа закипитъ безусловною, самоотрѣченною любовью къ отечеству за отечество. Поэтъ нашъ Василій Петровъ 1777 года, у колыбели Александра I, устами Россіи вѣщалъ:

«Пойду! себя на все отважа;
Тебѣ грудь русскихъ вѣрна стража —
И безотказна жертва кровь.»

Взглянемъ теперь на *Сумарокова* какъ на *исловѣка*.

*) Часть X.

Если справедливо, что произведенія писателя живое зеркало души его; то А. П. Сумароковъ высказалъ всего себя въ сочиненіяхъ своихъ. Пламенно любя отечество, онъ питалъ и нѣжнѣйшую любовь къ челоѳечеству. Повторяю и здѣсь; Сумароковъ не былъ льстецомъ Екатерины II: онъ обожалъ въ ней благотворительницу страстно имъ любимой Россіи; а потому и я не пишу ему похвального слова. Пусть онъ выскажетъ себя самъ. Историки увѣнчали древній Египетъ безсмертными пальмами за то, что тамъ, говоря словами Екатерины «обращали вниманіе на каждаго челоѳка» и гдѣ, по свидѣтельству историковъ всѣ ремесла, всѣ художества, всѣ искусства; словомъ: все полезное для быта челоѳческаго, было въ общемъ уваженіи. *Сумароковъ* обозрѣвшій мыслію всѣ вѣковыя истинны, о должномъ и нераздѣльномъ вниманіи къ челоѳечеству, выражается слѣдующимъ образомъ: «Всѣ члены рода челоѳческаго достойны почтенія; презрѣны только люди, непрносящіе пользу обществу, исключая изъ того числа больныхъ и увѣчныхъ, достойныхъ сожалѣнія и содержанія. (*) Крестьяне пахутъ; воины защищаютъ отечество; судьи судятъ; ученые возвращаютъ науки; художники вкусъ услаждаютъ; духовные проповѣдуютъ добродѣтель и сколько почтенны полезныя

*) Замѣтимъ къ слаѳъ нашего поэта, что онъ подалъ первую мысль къ учрежденію: *Приказа Общественнаго Призрѣнія*.

Государственные члены, столько презрѣнны тунеядцы, въ числѣ которыхъ полагаю я и дворянъ, помышляющихъ объ одномъ собственномъ изобиліи и возносящихся маловажною пороною.*)

Въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ съ жаромъ встаетъ противъ помѣщиковъ, истощающихъ для прихотей своихъ трудовой бытъ сельскій. «Безчеловѣчіе, говоритъ онъ, плодъ сердца ожесточеннаго **).

Предлагая о необходимости общественнаго и народнаго воспитанія, Сумароковъ пишетъ.

«Имя достатокъ и способъ обучать дѣтей, и не обучать ихъ вина непростительная, не чудно ли это? Мы своихъ дѣтей неучимъ, а Государыня наша и чужихъ дѣтей обучать старается? Ей нужны умные подданные; но и намъ надобны разумныя дѣти. А одомочадцахъ нашихъ почти никто изъ насъ и недумаетъ.»

Извѣстно, какое уваженіе Екатерина II питала къ заветному выраженію правоты русской. «Неустойку въ словъ, да будетъ стыдно!»

Также священна была эта рѣчь и для Сумарокова. «Нарушеніе даннаго слова, говоритъ онъ

*) Статя о добродѣтели; часть VI.

**) О Безбожїи и безчеловѣчїи; часть X.

безчестіе; преступленіе клятвы—беззаконіе, почтенъ тотъ человекъ, котораго слово какъ *крепостное письмо*, наши предки писали въ рядныхъ: *кто попятится, тому да будетъ стыдно*; и не преступали этаго. Мы выучились нарушать данное слово; мы ввели множество невозвратныхъ прѣвѣтствій, обещающихъ все исполнить и шчего неисполняющихъ.» *)

И это все дѣлается подъ блестящею оболочкою образованія! «Но, говоритъ одинъ писатель:» будь внѣшнее наше образованіе только радужною завѣсою, прикрывающею тревоженія жизни нашей, я охотно прогремѣлъ бы ему хвалу. Но оно сотворило новыя бѣдствія, оно сдѣлалось пыткой жизни душевной.»

Блесталъ Сумароковъ и воспитаніемъ и умомъ; громкими увѣнчивали его хвалами современники; но ничто немогло, заразить его тою гордостію, которую онъ называлъ: *порнею добродѣтели*. Вездѣ и всегда вступался онъ за тѣхъ людей, которыхъ зять его Я. Б. *Княжнинъ*, называлъ *поштенными питателями рода человеческого*; подлый народъ, говоритъ *Сумароковъ*: бездѣляники, а не земледѣльцы и не ремесленники. У насъ это имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достой-

*) Часть V т. I

ная презрѣнія и посрамленія! Истинная *чернь* — невѣжды, хотя и великіе чины имѣли, богатство *кресого* и вели свой родъ отъ *зесеса* и *юноны* которыхъ никогда не было: отъ сына *Филипова* побѣдителя, или лучше сказать разорителя вселеной *).»

Сильно вооружался Сумароковъ и противъ своекорыстія, которое въ самомъ себѣ, видитъ только одного себя и какими бы то нибыло средствами, добивается одной личной своей выгоды **). Онъ наставляетъ въ томъ, что каждый обязанъ содѣйствовать къ пользѣ другихъ и, если нужно, съ горячимъ усердіемъ спѣшить къ нимъ на помощь **).

Всѣмъ пзвѣстны заслуги *Крашенинника* русской словесности, и отечеству. Его переводъ *Квинта Курція* и теперь еще, въ своемъ родѣ, переводъ единственный. Въ немъ дышетъ великолѣпіе слога историка завоевателя Персіи. Всѣмъ также извѣстно, что *Крашенинникъ*съ, говоря словами Н. М. *Карамзина*: «жилъ четыре года въ Камчаткѣ, описалъ эту любопытную страну, гдѣ человекъ поселился вопреки природѣ, среди глубокихъ снѣговъ, влажныхъ тумановъ и горъ неприступныхъ.» Иностранцы обратили жи-

*) Часть IV.

***) Часть VI.

вѣйшее вниманіе на труды *Крашенинникова* и спѣшили переводить описаніе его *Камчатки*. Но сочинитель, богатый умственными и душевными сокровищами, ничего не пожалъ на поприщѣ сокровищъ вещественныхъ. Онъ умеръ 1755 года, оставя дѣтямъ своимъ горестное сиротство и тяжелое бремя нуждъ ежедневныхъ, ни одинъ изъ постовъ того времени не вступился за злополучныхъ сиротъ его, одинъ Сумароковъ сердечнымъ и смѣлымъ голосомъ сблизилъ ихъ съ милосердіемъ Императрицы Елисаветы.

Вотъ, что онъ писалъ къ сиротамъ, и вотъ чѣмъ вполне высказалъ чувствительность свою.

«Несчастливаго отца, несчастнѣйшія дѣти,
Которымъ злобный рокъ нужды раскинулъ сѣти!
Когда бы вашъ былъ отецъ приказный человекъ;
Такъ не были бы вы страдальцами въ нашъ звѣкъ,
По гербу вы бы рцы съ большимъ писали крюкомъ,
Въ которомъ состоятъ подъячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы
И статья бы могло, чтобъ вздѣли вы цукомъ;
Потомъ бы стали вы большіе господа; *)
А намъ бы сдѣлали пудъ тысячу вреда.

Стремительные порывы чувствительности развивались пылкому его нраву, состраданіе къ бѣднымъ было жизнію его души; однажды, зхавъ

*) Тутъ два стиха напоминаютъ стихи Н. П. Дмитріева въ *модной его женѣ*. Дмитріевъ изучалъ Сумарокова.

въ каретъ, увидѣлъ онъ бѣдняка, почти въ нищенской одеждѣ. Молніей вылетѣлъ онъ на улицу, сорвалъ съ себя и фракъ и манжеты кружевные; перебросилъ все бѣдняку и укрываясь отъ благодарности, вскочилъ въ карету и поспекалъ. Сумароковъ одѣвался щекольски въ бархатныхъ кафтанахъ, станъ его былъ стройной, лице пригожее: но отъ быстрого морганія, трудно и не возможно было разсмотрѣть его глазъ; быстрый перелетъ мыслей, какъ будто увлекалъ съ собою глаза его, онъ это самъ выразилъ въ слѣдующемъ стихѣ:

«Лету изъ мысли въ мысль,
Бѣгу изъ страсти въ страсть.» *)

А мы далѣе увидимъ, что онъ мыслилъ и очень много мыслилъ. Были на немъ и тогдашнія кружевные манжеты; но и онѣ исчезали подъ тучею табака. Въ одномъ изъ кармановъ камзола былъ у него испанской табакъ, а въ другомъ особеннаго разбора, почти непрерывно нюхая, онъ выхватывалъ пригоршнями то тотъ, то другой табакъ, и густые слоя табачные засыпали роскошныя, кружевные манжеты. Объ этомъ слышалъ я отъ П. И. Сумарокова.

Вотъ еще черта пылкой души Александра Петровича. У него былъ въ *Кудринѣ* красивой

*) Часть VIII.

домъ съ балкономъ, съ садомъ, съ парниками, и онъ первый въ Москвѣ сталъ разводить *ананасы* онъ былъ; говоря по нынѣшнему, *гастрономомъ* сластолюбивымъ. Въ это самое время, за Прѣсною, на трехъ горахъ, жилъ роскошный хлѣбосоль *Волытскій* и тамъ въ Троицынъ и Духовъ день, кипѣли разгульные пиры народные, на одномъ изъ этихъ шумныхъ и живыхъ праздниковъ, нашему поэту показалось, что полиція слишкомъ круто расталкиваетъ народъ. Онъ вскочилъ на высокой прилавокъ близь шалаша и звучнымъ голосомъ вскричалъ: «наша матушка Государыня бережетъ народъ; а вы, что тутъ вздумали озорничать!»

Эго разказывалъ мнѣ Н. П. *Николевъ* и онъ прибавилъ, что онъ и П. М. *Шацковъ* насилу могли увлечь за собою Александра Петровича и что до самого дома своего нѣсколько разъ съ жаромъ повторялъ: «не должно такъ расталкивать жителей; вѣдь они такіе же люди, какъ и мы.»

Такое же нѣжное, такое же живое чувство *Сумарокова* питалъ и ко всему человечеству. По выходѣ изъ Кадетскаго Корпуса, выучась по вѣщески, онъ еще болѣе сроднился съ безсмертными твореніями *Омира*, *Софокла*, *Пиндара* и другихъ греческихъ писателей. Съ горестію взиралъ онъ на Грецію, угнетенную, поработчен-

ную. Но въ это уже время, то есть 1770 года, русское оружіе, торжествовавшее на сушѣ и на волнахъ морскихъ, какъ будто гремѣло радостною вѣстію возстанія той Греціи, откуда постепенно въ области Европейскія разливался свѣтъ искусствъ и наукъ. Обращая на нее душевный взоръ, Сумароковъ воскликнулъ: о, Греція! обиталище наукъ, мать героевъ! Скажи, гдѣ дѣлася слава твоя, куда сокрылось твое великолѣпіе? Гдѣ та слава, которая до концевъ земли простиралась? Гдѣ то великолѣпіе, которому удивлялась вселенная? Гдѣ та премудрость, которая по всей Европѣ разливалась? Гдѣ твое мужество, весь міръ устрашавшее? Пышный Византійскій храмъ въ срадное капище превратился; герои въ узниковъ, войны въ игоносныхъ... отъ блеска сданій твоихъ едва видны вхомя обросшія развалины. О, Греція! Греція! что ты прежде была и что ты теперь стала? Но флотъ нашъ уже въ Архепелагъ, воззри на флотъ Россійскій, виждь имя Екатерины; сей флагъ есть праведнаго твоего отищенія знаменіе; сіе имя есть единственная твоя надежда. Обозри утомленные свои члены, укрѣпи отъ ига и работы ослабѣвшія силы свои и вознеси главу свою!»

Сбылось и это желаніе нашего поэта.

Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ нашихъ писате-

лей, что *Сумароковъ* былъ врагомъ *Ломоносова*; врагомъ преобразователя Русскаго языка!» *Во первыхъ*; Сумароковъ и Ломоносовъ въ одно время и наразличныхъ поприщахъ нашей словесности преобразовали Славяно-Русскій языкъ. Они оба изобрѣтали новый слогъ, новые обороты для выраженія мыслей и для высказыванія словомъ движеній души и сердца. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Сумароковъ сдѣлалъ болѣе Ломоносова. *Во вторыхъ*; Сумароковъ никогда не былъ врагомъ Ломоносова, и, какъ увидимъ далѣе, и не могъ быть, ибо онъ уважалъ его. Замѣчая ошибки его, онъ говорилъ: «посмотримъ на г. Ломоносова, челоуѣка имѣющаго достоинство.» *) Авторское самолюбіе, такъ легко раздражающееся и вспыхивающее, дѣлало ихъ соперниками, противниками, а не врагами. Но это самолюбіе къ счастью или несчастью, подстрекающее соревнованіе на всѣхъ тропяхъ искусствъ и наукъ, не означаетъ ни злобы ни ненависти. Сумароковъ спорилъ съ Ломоносовымъ не о блестящихъ почестяхъ міра чиновнаго; онъ съ нимъ спорилъ о правилахъ грамматическихъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ не поступалъ безусловно какъ будто не довѣряя самому себѣ, онъ обращался къ своимъ современникамъ и говорилъ: «Къ вамъ я прибѣгаю, для рѣшенія моего предложенія, *Василій Евдокимовичъ Адауровъ*,

*) Часть X, стр. 71.

Григорій Николаевич *Тепловъ*, Григорій Васильевичъ *Козицкій*, Николай Николаевичъ *Мотонасъ*, Григорій Андреевичъ *Полютика*, и ссылаюся на всѣхъ грамматистовъ и писателей Европы.» *) Это скромность, а не ослѣпленное тщеславіе. Всѣмъ любителямъ Французской словесности извѣстно, какими яростными перунами поруганій огромлялъ *Вольтеръ Жанъ-Жака Руссо*, особенно въ ядовитомъ пасквилѣ, названномъ: *позмою на сойну съ Женевъ*; то есть на борьбу умовъ, но тотъ же Вольтеръ услышавъ однажды, что бѣдный Руссо, гонимый и непріятелями и правительствомъ, скитаясь безъ пріюта, намѣренъ былъ укрыться въ Фернейскомъ его замкѣ, тотъ же Вольтеръ вскричалъ, проливая слезы, «пусть Жанъ-Жакъ поспѣшитъ сюда; я приму его съ отверстыми объятіями; приму, какъ друга, какъ страдальца!»

Наконецъ: во всѣхъ человѣческихъ обстоятельствахъ, находятяся, такъ называемые: *добрые люди*, которые или изъ зависти, или для забавы бросаютъ яблоко раздора и между писателями и между художниками и между сословіями всѣхъ людей. Въ теперешнемъ состояніи общества Европейскаго и безъ войны пушекъ и штыковъ, кипитъ непрестанная борьба и въ политикѣ и въ словесности и въ разгорномъ жарѣ промыш-

*) Часть X, стр. 56 и 57.

ленности. А борьба въ словесности часто неукрошается и тогда, когда уже нѣтъ на свѣтъ того съ кѣмъ обмѣнивались перунами слова и перьевъ. Если же утихаетъ эта борьба, тогда на могилу отжившаго писателя такъ же нередко налегаетъ свинцовое бремя забвенія. Фернейскій поэтъ сказалъ, а Карамзинъ повторилъ:

«Гордися славою, великими дѣлами—
И памятники строй: что пользы? ты забытъ,
Какъ скоро вѣтъ тебѣ, народомъ и друзьями;
Могилы твоя никто не посѣтитъ.»

Не такъ поступалъ Сумароковъ. Во второй части очерковъ его жизни увидимъ, съ какимъ чувствомъ воспоминалъ онъ о Ломоносовѣ и какую искренность питалъ къ нему Ломоносовъ.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

«Итъ счастья на землѣ: на небесахъ оно.»

(Сумароковъ).

Глубокая тишина владычествуетъ на поверхности океана передъ сильнымъ его волненіемъ. То же и на блистательной чредѣ, какой бы то ни было извѣстности. Тогда и въ мысль не приходитъ, что можетъ внезапно нагрянуть буря. Жрецы языческіе торжественными увѣщивали цвѣтами жертвы, обреченныя на всеожженіе; также поступаетъ и превратное счастье. Оно тогда съ обольстительнѣйшею улыбкою лелеетъ жертвы свои, когда готовитъ имъ паденіе.

Такъ случилось и съ Сумароковымъ, въ началѣ 1770 года; а бѣда налетѣла съ береговъ Сены, изъ театра Парижскаго. Разыгрывались еще тамъ Вольтеровы трагедіи; а трагедіи Расина,

Корнеля и даже комедіи Мольера, часъ отъ часу болѣе погружались въ безгласность. Зрители требовали новаго изобрѣтенія, новаго движенія драматическаго. Въ это время мѣтъ за двадцать до разгрома устарѣвшей Франціи, говоритъ *Карль Нодье*: «жили два писателя, какъ будто особеннымъ предопредѣленіемъ судьбы назначенные обогатить языкъ французскій, чтобы вдохнуть въ него новое выраженіе мыслей: то были, *Дидеротъ* и *Бомарше*, во всемъ одинокіе, не принадлежавшіе ни къ какой сторонѣ тогдашней словесности, походившіе только на самихъ себя, но впрочемъ различные по слогу своему. У Дидерота было, что-то таинственное и торжественное, подобное гулу бури отдаленной, но готовой уже разразиться; у Бомарше было что то *Диогеновское* и язвительное, похожее на откликъ духа тьмы, который хохочетъ, видя судорожное страданіе отжившаго міра.»

А вогу, что говоритъ самъ Бомарше: «чтобы разбить какъ нибудь скуку, нагнанную на меня несносными тяжбами, и чтобы разсѣять шопоть лукавой молвы, жужжавшей около меня, я рѣшился сочинить драму *Евгенію*, самую слезную и самую чувствительную. Безжалостные парижане освистали ее: бездѣлица! У меня въ запасѣ мой *Фигаро*. Онъ разшевелитъ любопытство и подаритъ меня вѣнкомъ.»

Такъ и сбылось. *Женидьбу Фигаро* играли сряду семьдесятъ разъ. Вольтеръ ахалъ отъ ужаса; въ тоже время налегалъ туманъ и на торжественные дни Сумарокова. Казалось, что съ переселеніемъ его съ береговъ Невы на берега Москвы рѣки, счастье распростилось съ нимъ. И это сопряжено было съ непосредственнымъ ходомъ тогдашней словесности и со вкусомъ зрителей двухъ столицъ. Кромѣ борьбы нравовъ и обычаевъ, между Петербургскимъ и Московскимъ театромъ существовало и разногласіе драматическое. На берегахъ Невы первенствовали *трагедіи*, на берегахъ Москвы рѣки укоренилось владычество, такъ называемыхъ: *слезныхъ драмъ*. На берегахъ Невы въ театрѣ соблюдались весь приличіи зрителей внимательныхъ: а что было на Московскомъ театрѣ? то вскорѣ увидимъ. *)

Петербургъ не принялъ роковой драмы Евгеніи; на театрѣ Московскомъ громкія рукоплесканія увѣнчали ее. Сумароковъ зналъ, что она переведена была *Зефирли* Московскаго моднаго свѣта, но въ укоризну имъ напечаталъ, будто бы ее перевелъ какой то безграмотный подъячій. «Какая лютаѣ обида для тѣхъ, которые говоромъ французскимъ щеголяли и первенствовали въ своемъ кругу! Но они до времени притаили перуны мщенія.

*) См. Пол. Соч. ч. VI.

Между тѣмъ пылкій Сумароковъ отправилъ къ Вольтеру жаркое письмо о переѣнѣ вкуса въ Москвѣ. По причинѣ послѣшняго отъѣзда въ *Ферней* того князя Козловскаго, который 1770 года погибъ подѣ Чесмою, Сумароковъ не могъ оставить у себя списка съ подлинника; но изъ Волтерова отвѣта, отчасти, видна сущность его письма.

Вотъ отвѣтъ Вольтера.

AU CHATEAU DE FERNEY 26. FEVRIER 1769.

Monsieur!

Votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve, que le genie et le gout sont de tout pays. Ceux qui ont dit que la Poësie et la Musique étaient bornées aux climats tempérés, se sont bien trompés. Si le climat avait tant de puissance, la Grece porterait encore des Platon et des Anacréon, comme elle porte les mêmes fruits et les mêmes fleurs; l'Italie aurait des Horace, des Virgile, des Arioste et des Tasse, mais il n'y a plus à Rome que des processions et dans la Grece que des coups de bâtons. Il faut donc absolument des Souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent le climat, ils font naître les roses au milieu des neiges.

C'est ce que fait votre incomparable Souveraine. Je croirais que les lettres dont elle m'honore me viennent de Versailles, et que la vôtre est d'un de mes confrères de l'Académie française. Monsieur le prince de Koslovski qui m'a rendu ses lettres et la vôtre, s'exprime comme vous, et c'est ce que j'ai admiré dans tous les seigneurs Russes qui me sont venus voir dans ma retraite. Vous avez sur moi un prodigieux avantage, je ne sais pas un mot de votre langue et vous possédez parfaitement la mienne. Je vais répondre à toutes vos questions dans lesquelles on voit assez votre sentiment sous l'apparence du doute. Je me vante à vous, Monsieur, d'être de votre opinion en tout.

Oui, Monsieur, je regarde Racine comme le meilleur de nos poètes tragiques sans contredit, comme celui qui le seul a parlé au cœur et à la raison, qui seul a été véritablement sublime sans aucune enflure, et qui a mis dans la diction un charme inconnu jusqu'à lui. Il est le seul encore qui ait traité l'amour tragiquement; car avant lui Corneille n'avait fait bien parler cette passion que dans le Cid, et le Cid n'est pas de lui. L'amour est ridicule ou insipide dans presque toutes ses autres pièces.

Je pense encore comme vous sur Quinault. C'est un grand homme en son genre. Il n'aurait pas fait l'Art poétique; mais Boileau n'aurait pas fait Armide.

Je souscris entièrement à tout ce que vous dites de Molière et de la Comédie larmoyante, qui, à la honte de la nation, a succédé au seul vrai genre comique, porté à sa perfection par l'inimitable Molière.

Depuis Régnard qui était né avec un génie vraiment comique et qui a seul approché Molière de près, nous n'avons eu que des espèces de monstres. Des auteurs qui étaient incapables de faire seulement une bonne plaisanterie, ont voulu faire des comédies uniquement pour gagner de l'argent. Ils n'avaient pas assez de force dans l'esprit pour faire des tragédies; ils n'avaient pas assez de gaieté pour écrire des comédies; ils ne savaient pas seulement faire parler un valet. Ils ont mis des aventures tragiques sous des noms bourgeois. On dit qu'il y a quelque intérêt dans ces pièces et qu'elles attachent assez quand elles sont bien jouées; cela peut être; je n'ai jamais pu les lire; mais on prétend que les Comédiens font quelque illusion. Ces pièces bâtardes ne sont ni tragédies ni comédies; quand on n'a point de chevaux on est trop heureux de se faire traîner par des mulets.

Il y a vingt ans que je n'ai vu Paris. On m'a mandé qu'on n'y jouait plus les pièces de Molière. La raison, à mon avis, c'est que tout le monde les

sat par coeur; presque tous les traits en sont devenus proverbes; d'ailleurs il y a des longueurs, les intrigues quelque fois sont faibles, et les dénouemens sont rarement ingénieux. Il ne voulait que peindre la nature, et il en a été sans doute le plus grand peintre.

Voilà, Monsieur, ma profession de foi que vous me demandez. Je suis fâché que vous me ressembliez par votre mauvaise santé. Heureusement vous êtes plus jeune et vous ferez plus long temps honneur à votre nation. Pour moi je suis déjà mort pour la mienne.

J'ai l'honneur d'être avec l'estime infinie que je vous dois.

Monsieur.

Votre très humble et
très obéissant serviteur

VOLTAIRE.

Вотъ переводъ.

«Ваше письмо разительно свидѣтельствуесть истинну, что гений — даръ всемірный. Чрезвычайно ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто бы музыка и поэзія цвѣтутъ только подъ небосклономъ роскошной природы. При такомъ всемогуществѣ климата, на очаро-

вательныхъ долинахъ Греціи и теперь бы еще рождались *Платоны* и *Анакреоны*; въ предѣлахъ Италіи раздавались бы звуки *Лиръ Горація*, *Аріоста* и *Тасса*. Но что теперь и въ Римѣ и въ Греціи? небо тамъ тоже; но гдѣ Гснїи? Нужны Государи, которые бы знали, любили и ободряли искусства. Они перемѣняютъ климатъ; они и равнины снѣжныя усѣиваютъ розами.

«Вотъ, что дѣлаетъ несравненная ваша Монархія. Мнѣ кажется, что тѣ письма, которыми удостоиваетъ она меня, я прямо получаю изъ Версаліи и что ваше письмо препровождено ко мнѣ однимъ изъ собратій моихъ Французской Академіи. Князь Козловскій, доставившій мнѣ письма Императрицы и ваше, съ такою же легкостію объясняется по французски, какъ и вы. Этимъ удивляли меня всѣ русскіе путешественники, посѣщавшіе мое уединеніе. У васъ надомною величайшее преимущество; я ни слова незнаю по русски, а вы совершенно обладаете моимъ языкомъ.

«И такъ: буду отвѣчать на всѣ вопросы, предлагаемые вами въ видѣ сомнѣній. Я хвалюсь тѣмъ, что во всемъ и вполне согласенъ съ вами.

«Да; я почитаю Росина превосходнѣйшимъ нашимъ поэтомъ трагическимъ; тѣмъ поэтомъ, который умѣлъ говорить сердцу и разуму и который оживилъ слогъ прелестію. Онъ также только одинъ выразилъ душу любви трагической. Корнель въ одномъ Сидѣ проявилъ ея голось; во всѣхъ другихъ его трагедіяхъ нѣтъ и искры любви; а Сидѣ не его.»

«Я вашего мнѣнія о *Кино*. Онъ великій поэтъ въ своемъ родѣ. Онъ не написалъ бы искусства поэтическаго; а *Буало* не сочинилъ бы оперы *Армиды*.

«Вполнѣ соглашаюсь съ вами въ томъ, что вы говорите о *Мольерѣ* и о плаксивой комедіи, которая къ стыду народному, замѣнила единственный, истинный родъ комическій, доведенный до совершенства неподражаемымъ *Мольеромъ*.

«Послѣ *Рейнара*, родившагося съ дарованіемъ дѣйствительно комическимъ, и который одинъ приблизился къ *Мольеру*, у насъ появилась комедія искаженная. Писатели, неспособные даже высказать и одной остроумной шутки, уцѣпились за комедіи изъ одной денежной наживы. Умъ ихъ былъ безсиленъ для трагедій; а для комедіи у нихъ не доставало веселости. У нихъ и слуга, не слуга. Они вывели плачевныя приключенія, подъ именами *мъщанскими* *). Сказываютъ, что эти драмы довольно привлекательны и занимаютъ, когда хорошо разыграны. Можетъ быть; но я немогъ ихъ читать; увѣряютъ однако, что актеры производятъ мечту. Эти драмы ни трагедіи, ни комедіи. У кого нѣтъ лошадей, тотъ радъ, если тянется и на лошакахъ.»

*) Но и мѣщанинъ могъ бы съ *Ловомъ* сказать Волтеру: «и у меня есть сердца, и даже и у васъ.» Волтеръ ни во что ставилъ народъ, въ чемъ, какъ увидимъ далѣе, онъ въ истиннѣмъ чувствѣ къ человечеству, далеко отстоитъ отъ Сумарокова. Призрака народа, Волтеръ домогался однако чиновной знаменитости. Si Louis XV, говоритъ *Шатобрианъ*: fait la moindre caressé au flateur de Mme de Pampadour, Voltaire eût abdiqué le scèptre, il eût troqué sa puissance contre une distinction d'antichambre.»

«Я двадцать лѣтъ не былъ въ Парижѣ. Ко мнѣ пишутъ, что уже болѣе не представляютъ Мольеровыхъ комедій, можетъ быть отъ того, что ихъ всѣ знаютъ наизусть и что множество его стиховъ превратилось въ поговорки и пословицы. Притомъ же въ немъ есть излишности; завязки его иногда слабы, а развязки остроумны. Онъ хотѣлъ только изобразить природу и въ этомъ онъ величайшій живописецъ.

«Вотъ исповѣдь, которую вы отъ меня требовали. Жалѣю, что вы угодоблаетесь мнѣ слабостію здоровья; но къ счастью вы моложе меня и вы долго еще будете славою своего отечества; а я для моего умеръ. Февраля 1769 г.»

Кого бы въ то время непольстило такое сношеніе съ Корнеемъ словесности и съ представителемъ славы своего времени! И такъ удивительно ли, что Сумароковъ перечитывая вездѣ письмо его, громкимъ именемъ Вольтера изобличалъ невѣжество модныхъ переводчиковъ *Евгеніи*. А тутъ и разразилось надъ нимъ гроза, давно замышляемая его противниками. Они рѣшились, во чтобы нистало: поколебать и если можно, разрушить до основанія трагическое его сданіе. Италіянецъ *Бельмонти*, тогдашній вольный содержатель частнаго Московскаго театра, былъ внѣ себя отъ радости, видя, что Сумарокову готовить роковой ударъ. Представленіе *Евгеніи* принесло ему нѣсколько обильныхъ

жатвъ тогдашней золотой и серебряной звонкости.

Долетали до Сумарокова слухи, что грозная буря забушуетъ при представленіи *Синва* и *Трувора*. Узналъ онъ также, что раздраженные модники, къ нанесенію ему рѣшительнаго удара за возстаніе противъ *Евгскіи*, внушили. Тогдашнему Московскому Градначальнику Графу *Салтыкову*, будто бы весь большой московскій свѣтъ нетерпѣливо ждетъ представленія трагедій Сумарокова. Привыкнувъ къ военному дѣлу и по добротѣ сердца своего, не зная мелкихъ козней пронырства, Графъ согласился удовлетворить общему желанію. А между тѣмъ изворотливый итальянецъ *Бельмонти*, усыпляя пылкость нашего трагика, увѣрялъ, что онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы отклонить представленіе *Синва* и *Трувора*. Обманъ открылся. Волненіе духа повергло Сумарокова въ болѣзнь и онъ огромилъ *Бельмонти* французскимъ письмомъ, съ котораго снимокъ приложенъ будетъ въ своемъ мѣстѣ; а вотъ русскій переводъ:

«Я принялъ сегодня лѣкарство, прописанное мнѣ врачомъ Его Сіятельства Генералъ Фельдмаршала. Онъ велѣлъ мнѣ не сердиться. Но вы умышленно довели до моего свѣдѣнія объявленіе о томъ, что мои трагедіи будутъ играны, вопре-

ки воля моей. Вы будете за это отвѣчать передъ лицомъ правосудія и вы расплатитесь со мною кошелькомъ своимъ, если захочу. Вы обманули меня и честь. Вы ее утратили, нарушивъ честное слово. Скажите ли, что вы исполняете приказаніе фельдмаршала? На это отвѣчаю, что и онъ подъ законами, а не свѣше законовъ. Онъ первый вельможа въ Москвѣ; но онъ не начальникъ надъ музами; честь ваша уже не честь. Мои трагедіи—моя собственность; а театръ, одежда, музыка и прочее, вамъ принадлежатъ. Если хотите, покажите письмо мое фельдмаршалу; я уважаю его, какъ знаменитаго градоначальника древней столицы; а не какъ властелина моей музыки; она не зависитъ отъ него. И такъ: по чредѣ, имъ занимаемой, я его почитаю, но на поприщѣ поэзіи, я ставлю себя выше его. А милостей его—отнюдь не домогаюсь.»

Такъ писалъ А. П. Сумароковъ 1770. года Января 30. И какой ужасной былъ этотъ для него день! Тутъ начался роковой и не возвратной переломъ его жизни. Несутся къ нему со всѣхъ сторонъ вѣсти, что трагедію его играютъ и что уже раздался гулъ замышенной противъ нее бури. Онъ былъ внѣ себя; онъ не вѣрилъ живъ ли онъ? онъ исчезалъ въ самомъ себѣ. То быстрыми шагами бѣгалъ по комнатамъ; то хватался за письмо *фернейскаго* поэта, и съ жаромъ

перечитывалъ его, чтобы убѣдиться: правъ ли онъ въ мнѣніи своемъ о театрѣ? то устремлялся къ письменному столу и торопливо изливалъ сильную скорбь свою на бумагу.

Вотъ его слова.

«Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фурія! ступайте вонъ изъ ада.
Грызите жадно грудь; сосите кровь мою;
Въ сей часъ, въ которой я терзаясь, вопію:
*Сей часъ, среди Москвы Синава представляютъ,
И вотъ, какъ автора несчастнаго терзаютъ:*
«Играйте, говорятъ: во мзду его уму;
«Игрой безсмысленной ударъ готовъ ему,»
Лишася музъ, увы! и свѣта я лишуся;
Тоской могильною въ душѣ моей томлюся:
Слезами я кроплю, Вольтеръ письмо твое.»^{*)}

Было отъ чего заплакать, и не такому пылкому и порывистому писателю, каковъ былъ А. П. Сумароковъ. Да и что происходило тогда на театрѣ Италіянца *Бельмонти*! Казалось, что *Этна* и *Везувій*, какъ будто условились, затопить губительнымъ пламенемъ прежнюю славу трагика и отца русскаго театра. Едва поднялась занавѣсъ, едва выступилъ *Гостомысль* и *Ильмень*, раздались съ различныхъ сторонъ и глухой гулъ и шиканье и отклики роковыхъ свистковъ. Дѣйствующія лица, по свидѣтельству самаго Сумарокова, усиливались искажать траге-

^{*)} Часть IX.

дію. *) И они раздражены были печатнымъ его упрекомъ, будтобы они, какъ бѣснующіся играли *Евгенію* и особенно укоряя въ томъ главное лице этой драмы, онъ напалъ на самую щекотливую струну сердца актрисы: на самолюбіе. Въ тоже время модники, превращая театръ въ площадную ярморку, то грызли орѣхи въ креслахъ то забѣгали въ ложи, чтобы пустыми разсказами умножать шумъ *). Такой же содомъ кипѣлъ и внѣ театра тамъ раздавался крикъ кучеровъ и тамъ бушевала надъ ними расправа конюшенная **). Валовая эта буря и на театрѣ и за театромъ, разгромила и трагедію и жизнь Сумарокова. Легко можно себя представить, какое отчаянное письмо препроводилъ онъ къ Екатеринѣ II. А вотъ ея отвѣтъ!

Monsieur. Soumarokoff! j'ai été fort étonnée de votre lettre du 26 Janvier et encore plus de celle du 1-er Fervier. — Toutes deux contiennent, ce qu'il me semble, des plaintes contre la Belmontia, qui pourtant n'a fait que suivre les ordres du comte Soltikoff. — Le feld-marechal a désiré de voir représenter votre tragédie, cela vous fait honneur. Il était convenable de vous conformer au désir de la première personne en autorité à Moscou, mais si elle a jugé à propos d'or

*) Часть IV.

**) Часть IV.

donner que cette pièce fut représentée, il fallait exécuter sa volonté sans contestation. Je crois que vous savez mieux que personne, combien de respect méritent des hommes qui ont servi avec gloire et dont la tête est couverte de cheveux blancs; c'est pourquoi je vous conseille d'éviter de pareilles disputes à l'avenir par ce moyen vous conserverez la tranquillité d'âme qui est nécessaire pour vos ouvrages; et il me sera toujours plus agréable de voir les passions représentées dans vos drames, que de les voir dans vos lettres.

Au Surplus, je suis votre
affectionnée

Catherine.

«Г. Сумароковъ! Чрезвычайно удивило меня письмо ваше отъ 20 Генваря, а еще болѣе письмо отъ перваго Февраля. Какъ мнѣ кажется и въ томъ и въ другомъ заключаются жалобы на *Бельмонти*, который однако только исполнилъ повелѣнiе Графа Салтыкова, желавшаго видѣть представленiе одной изъ вашихъ трагедiй; это дѣлаетъ вамъ честь. Вамъ бы слѣдовало сообразоваться съ желанiемъ перваго правительственнаго сановника въ Москвѣ; но если ему заблагоразсудилось приказать, чтобы эта трагедiя была играна, то надлежало исполнить его волю безпрекословно. Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженiя достойны люди, служившие со

славою и убьенные съдинами. Вотъ почему советую вамъ избѣгать впредъ подобныхъ преній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ.»

Вамъ благосклоннал, Екатерина.

Такъ писала Екатерина; но въ то же время къ удару, папесенному Сумарокову на театрѣ, присовокупился новый ударъ. Всѣмъ извѣстно, какъ тревожила *Жанъ-Жака Руссо* мысль, что послѣ его смерти, недоброжелатели злоумышленно перепечатаютъ произведенія его пера. Съ Сумаровымъ еще при жизни это случилось. Недоброжелатели въ искаженномъ видѣ перепечатывали его сочиненія. Видя стеченіе такихъ различныхъ огроменій, скажешь съ поэтомъ:

«Тутъ и самый терпливый
Хоть невольно—но вздохнетъ.»

Пылкій, порывистый Сумароковъ не запасся терпѣніемъ; а потому и неудивительно, что онъ среди волненій духа своего, часъ отъ часу болѣе затеривался въ самомъ себѣ.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

ДУШЕВНАЯ СКОРБЬ СУМАРОКОВА.

L'homme n'est que le roseau le plus foible de l'univers; mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour l'écraser.

P A S C A L.

« Увы! что есть мудрость мудрого, когда падение соломенки может разрушить ее! »

(Карамзинъ.)

Еслибъ кто въ безмятежный, очаровательный лѣтній вечеръ, при блескѣ полной луны, при сладостномъ журчаніи ручья подъ тѣнью кустовъ роскошныхъ, предался сну; и еслибъ какоюнибудь враждебною, невидимою рукою, былъ бы перенесенъ въ степь мрачную и проснулся бы тамъ при раскатахъ грома, сливавшагося съ ревомъ дикихъ звѣрей: чтобы онъ тогда почувствовалъ? Но еще ужаснѣе было состояніе души Сумарокова, когда въ очахъ его разсыялось туманнымъ дымомъ прежнее торжество, встрѣчав-

шее его въ области Мельпомены. Горестно восклицалъ онъ :

»Лишася музъ, лишусь, лишуся я и свѣта!»

Съ утратою жизни душевной, онъ отжилъ для свѣта.

Сохранила Исторія о томъ, что когда бурные валы океана угрожали поэту *Камоенсу* погибелью, — не заботясь о потерѣ имущества, онъ прижалъ къ груди поэму свою *Лузілду*, желая или погнубить вмѣстѣ съ нею или съ нею перейти въ потомство. Онъ спасся; впалъ въ челюсти убійственной нищеты; страдалъ на одрѣ болѣзни, но передъ мысленными его очами сіяла будущая его слава. Онъ видѣлъ свѣтлую жизнь въ потомствѣ и одушевлялся ею подъ тяжкимъ бременемъ нищеты и болѣзни. Никакая рука не срывала съ чела его пальмовъ, которыми увѣнчали его музы.

Не то было съ Сумароковымъ. Онъ жилъ; страдалъ и, повторимъ еще: онъ видѣлъ низверженіе въ могилу того, что почиталъ за вѣтною данью отечеству и потомству. Грознымъ призракомъ витало передъ нимъ это зрѣлище и онъ унылымъ голосомъ повторялъ:

«Возьмите свѣтъ отъ глазъ и выньте духъ мой
вошь:

Сбираются ругать меня враги и други:
Россія! этоль мнѣ награда за услуги?»

Разсмотримъ и съ другой стороны, какъ впалъ пашъ, поэтъ въ то *бахусово* упоеніе, которое изнурило жизнь завоевателя Персіи и противъ котораго онъ самъ такъ сильно возставалъ *).

Каждый членъ общества долженъ занимать въ нѣдрахъ его какую нибудь чреду, на которой умственная его дѣятельность могла бы находить ежедневную пищу. *Сумароковъ* не служилъ ни—въ военной, ни въ гражданской службѣ. Слѣдственно съ одной стороны онъ былъ развязанъ въ своихъ упражненіяхъ; но съ другой, необходимо стѣснялся, когда какая нибудь внезапная непріятность встревоживала пылкую его душу.

Чреда писателя, была для нашего поэта, чредою трудною. Грозными перунами разилъ онъ и спѣсь барскую и алчбу корыстолюбія, нещадящую человечества, и козни пронырливой ябеды; за то и тѣ, съ кого срывалъ онъ личины, зная запальчивость его, вездѣ домогались раскидывать ему сѣти. По раздраженію сердца моего, говорилъ А: П: Сумароковъ: я не могу смотреть на злоухищреніе моихъ согражданъ. Еслибъ предоставили мнѣ избирать службу, я избралъ бы военную: весело жертвовать жизнію; больше бы я сыскалъ удовольствія моему любочестию, по-

*) Полн: Соч: Часть VI; стр: 254.

ощряя честныхъ людей къ мужеству, нежели судя и осуждая неправедниковъ, хотя и отирая слезы невинныхъ; ибо еще бы лучше было, если бы невинные никогда не плакали; и это уже Угрызаетъ сердце мое, что они плакали. *)

Горе тому, кого печальные опыты выводятъ изъ области очарованія! Горе тому кто скажетъ съ Пушкинымъ:

«Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не призирать людей.»

Сумароковъ вышелъ изъ области мечты, еще сильнѣе Пушкина сказалъ: «Еслибъ львы и тигры, составя общества, захотѣли заглянуть въ нашу свѣтъ; они обратились бы въ бѣгство не отъ страха, но отъ стыда, видя, изъ чего и для чего пресмыкаются у насъ мелкія души.»

Сумароковъ целовалъ ни картъ, ни псовой охоты, ни пустословія свѣтскаго. Однажды по пріѣздѣ своемъ изъ Москвы, явился онъ во дворецъ и когда Екатерина спросила: «что новаго въ Москвѣ?» онъ отвѣчалъ: «голубчикъ и душинька?» то есть два модныя словца, бывшія тогда въ общемъ ходу. Въ другой пріѣздѣ его, Екатерина отнеслась къ нашему поэту съ прежнимъ вопросомъ; и онъ отвѣчалъ: «Москва на псовой охотѣ.» Императрица возразила съ горе-

*) Часть X, стр 146.

стію: «да развѣ тамъ нѣтъ отцевъ?» извѣстно, что тогда съ пышностію Азіятскою и съ величайшимъ разгромомъ, бояре Московекіе выѣзжали на войну съ зайцами. Что дѣлать чловѣку среди общества, гдѣ для умственныхъ его порывовъ степь и пустыня? Напряженіе мысли и души, какъ бы оно ни было могущественно, подвергается такимъ же передышкамъ и отдыхамъ, какіе встрѣчаемъ въ Омировой Иліадѣ. Что же дѣлать, страдальцу, который въ часы перерыва напряженія мысли, видитъ около себя или людей холодныхъ или занятыхъ мелочными погрешками или увлеченныхъ вихремъ ничтожной разсѣянности? Онъ одинъ, онъ радъ забыть, и свѣтъ и самого себя. Его душою пылкою, порывистою надѣлила природа, какъ *Дидерота*.казалось, что дѣятельность его, устремлявшаяся на всѣ предметы міра умственного и вещественнаго, должна была поглощать весь его день; но эта дѣятельность въ тогдашнемъ разлетномъ Парижѣ, о которомъ Вольтеръ писалъ 1776 года: «слышу что у васъ въ Парижѣ, все сплетни, все ребячества, все злоба;» въ этомъ Парижѣ что дѣлалъ *Дидеротъ*? дремалъ и писалъ къ своимъ друзьямъ: «я сегодня спалъ послѣ обѣда шесть часовъ сряду.»

Сумароковъ самъ чувствовалъ, что рано или поздно, онъ изнеможетъ подъ бременемъ души

тоскливой. А потому для разсвѣянiя грустныхъ мыслей горѣлъ желанiемъ путешествовать по областямъ Европейскимъ. Онъ говорилъ, что еслибъ выдано ему было двѣнадцать тысячъ, онъ бы уплатилъ ихъ выручкою денегъ за изданiе путевыхъ своихъ записокъ. «Въ этомъ онъ совершенно правъ. Зная основательно нѣсколько Европейскихъ языковъ и языкъ Греческiй, онъ могъ ко всему прислушиваться самъ и все наблюдать безъ помощи посторонней, сверхъ того зоркiй былъ у него взглядъ и на политику Европейскую.

Вотъ его слова.

«Истинная *политика* научаетъ насъ быть счастливыми безъ поврежденiя честности; развращенная *политика* научаетъ быть счастливыми и безчестными и очень часто повергаетъ насъ въ жесточайшiя бѣдствiя; а *мораль* научаетъ насъ быть счастливыми и добродѣтельными.» *)

Тоже самое говорилъ и *Даржансонъ*, бывшiй министромъ иностранныхъ дѣлъ при дворѣ Людовика XV. «Цѣль нынѣшней политики, одна позорная, личная выгода, *Платонъ* забыть; *Махiавель* торжествуетъ. Мы руководствуемся, правилами богини *Раздора*; а не вдохновенiями *Рей* и *Астреи*.»

*) Часть VI стр. 261.

Путешествіе за границу не состоялось. Сумарокъ былъ не богатъ. Получалъ онъ по временамъ вспомошествованія отъ Екатерины и графа Разумовскаго: но говоря словами *Стерна*: «въ рукахъ щедраго челоуѣка, золота—легче пуха.» Сумарокъ былъ расточителенъ на добро. А притомъ никакое покровительство не можетъ замѣнить дѣятельности, требуемой душою. Живой тому примѣръ Торквато *Тассо*, изъ дворца княжескаго перешедшій въ пріютъ жертвъ, лишенныхъ спокойнаго дѣйствія мысли.

Такимъ образомъ Сумарокъ остался среди того общества, о которомъ поэтъ Фернейскій говоритъ въ посланіи своемъ къ *Розалии*:

«Мой другъ! дыша уединеньемъ,
Пусть дружба, родственная связь
За все—намъ будутъ награжденьемъ.
Что мнимая глупцовъ пріязнь?
Быть общества золь и опасень.
Вихрь свѣта, вихрь пустыхъ затвй;
Онъ легкомыслію прекрасенъ:
Въ немъ мелкая борьба страстей.»

Наконецъ нашъ поэтъ пустынный среди тогдашняго Московскаго общества; самъ объясняетъ причину, вовлекшую его въ *бахусово* самозабвеніе. Трагикъ *Шилеръ* пилъ для воспламененія духа; Сумарокъ пилъ для утоленія скорби душевной.

Скажу еще нѣсколько словъ о путешествіи, а потомъ предложу собственное сознаніе Сумарокова, горестное но разительно выраженное. Всѣмъ извѣстны Римскія Елегіи поэта *Гете*. Незнаю, почему онъ назвалъ это стихотвореніе *Елегіями*. Онъ не плачетъ не вздыхаетъ; онъ блаженствуетъ въ нихъ; онъ самъ говоритъ, что вырвавшись изъ удушливаго круга тетушекъ, сестрицъ и мишурныхъ *протесвъ*, онъ какъ будто переродился подъ небосклономъ древняго Рима; онъдохнулъ тамъ новою жизнью и новая очаровательная вселенная разцвѣла въ очахъ его. Этого не случилось съ нашимъ Русскимъ поэтомъ. Онъ, повторю еще: остался среди общества многолюднаго въ пустынь, одинъ, съ своею мыслию кипящею—а я тоскливою. «Ибо, говорилъ А: П: Сумароковъ: какое увеселеніе находятъ люди въ большихъ бесѣдахъ гдѣ разномышленные разговоры, шумъ, споръ, а иногда и ссоры? Большая бесѣда пустая и ребяческая забава.» *) До крутова еще перелома жизни нашего поэта, одинъ изъ пріятелей его предложилъ ему слѣдующіе четыре вопроса. *Вопервыхъ*: чтобы онъ дѣлалъ, еслибъ онъ былъ малой человекъ и малой господинъ?» «Сумароковъ отвѣчалъ:» онъ прилагалъ бы все силы свои, чтобъ втереться въ дома знатныхъ и сильныхъ людей: что въ комнатахъ ихъ онъ бы

*) Часть VI. стр. 399.

ходилъ на цыпочкахъ и подчивалъ камердинеровъ ихъ табакомъ; что онъ выучился бы играть въ карты, ибо играя въ карты, можно съ первымъ господиномъ състь плечо о плечо, и вмѣсто того, чтобы говорить весьма низко, изгибаясь: *доношу Вашему Превосходительству о такомъ и такомъ дѣлѣ*; могу сказать ему пріосамаясь: *у меня на четырнадцать*. Наконецъ на все бы потдакивалъ, вездѣ бы громко хвалился, что меня такой-то вельможа удостоилъ взглядомъ, а такой-то улыбкою. А тутъ за низкопоклонную уклончивость, за лесть и потворство вельможескимъ придурямъ, выпросилъ бы себя *нажитое мѣсто*.»

Два вопроса пропускаю. Вотъ важнѣйшій вопросъ. Пріятель спрашивалъ у Сумарокова: «чтобы онъ дѣлалъ, еслибы былъ великимъ человекомъ и малымъ господиномъ?»

Вотъ его отвѣтъ и, такъ сказать: вся душевная его исповѣдь.

«Еслибы я былъ великій человекъ и малый господинъ, я бы по ревностномъ желаніи показывать моему отечеству и всему свѣту услуги, никого бы ни какою доукою не отягощалъ, полагая надежду на достоинство свое и на заслуги обществу; а когда бы въ томъ обманулся,

то изнемогая подъ бременемъ терпѣнія, сошелъ бы съ ума, и былъ бы такимъ человекомъ, который не только ничего не дѣлаетъ, но и ни о чемъ не думаетъ.» *)

А. П. Сумароковъ нигдѣ и никогда не величалъ себя именемъ: *великаго человека*. Но современники величали его этимъ именемъ; и какіе современники! Первые умы того вѣка. Однажды Александръ Ильичъ *Бибиковъ*, ревностный любитель словесности отечественной, и въ послѣдствіи кончившій жизнь, укрощая бунтъ *Пугачевскій*; пріѣхавъ въ морской корпусъ, услышалъ, что въ немъ появился новый юный поэтъ. То былъ *А. С. Шишковъ*. Бибиковъ пожелалъ видѣть поэта и произведенія его. Пробѣжавъ нѣсколько страницъ, онъ сказалъ: «Ужели ты думаешь, что превзойдешь Сумарокова?» *А. С.* и въ маститой старости своей съ наслажденіемъ читаетъ наизусть стихи Сумарокова и съ большимъ уваженіемъ помѣстилъ въ сочиненіяхъ разборъ нѣкоторыхъ произведеній его пера. Историкъ *К. Щербатовъ* и другіе доказывали *Левеку*, что басни Сумарокова едва ли не выше басенъ *Лафонтена*, и Левекъ объ этомъ помѣстилъ въ Русской своей исторіи. Но если имя *великаго человека* принадлежитъ тому, кто

*) Часть VI, стр. 347.

открытою грудью вступался за правду, за правоту, за утѣвленную невинность; кто, *служа царю вторю и правдою:*

«Змѣй предъ трономъ не сгибался
Стоялъ—и правду говорилъ;»

То качество *великаго чловѣка* неоспоримо принадлежитъ А. П. Сумарокову; за то, какъ дорого платилъ онъ въ холодномъ, мишурномъ обществѣ за защиту правоты и чловѣчества. *Quel homme sur la terre a jamais dѣfendu impunѣment les droits de l'humanitѣ.*» Какой чловѣкъ на землѣ и во всѣ времена могъ, не подвергая жизни своей опасности, защищать права чловѣчества? «А чтобы дѣлалъ Сумароковъ, еслибъ онъ былъ и великимъ чловѣкомъ и великимъ господиномъ?» Еслибъ я былъ, говорить онъ; и великій чловѣкъ и великій господинъ, я бы неумоимо старался о благополучіи моего отечества, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, объ утоленіи пороковъ и о истребленіи беззаконія; о приращеніи наукъ; о умаленіи цѣны необходимыхъ вещей для жизни чловѣческой; о наблюденіи правосудія; о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество, и воровство; о уменьшеніи лжи, лицемерія и пьянства, и о уменьшеніи ненужнаго обществу великолѣпія; о уменьшеніи карточной

игры, чтобъ она не отнимала у людей полезнаго времени; я старался бы о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищъ, о содержаніи опытнаго войска; объ укрощеніи буйства, мотовства и о искорененіи мздоимства.» *)

Тутъ въ маломъ объемѣ весь уставъ благоучрежденія общественнаго, но для приведенія его въ дѣйствіе животворное, нужны законы точные, ясные, какъ лучи солнечные. «Какъ членъ общества; говорилъ Сумароковъ Екатерины II» какъ членъ общества, я желаю, чтобы законы исправлены были. На что нѣтъ закона, или не ясенъ, законъ, на то бы сочиненъ былъ новый ясный, положительный.» **)

Замѣтимъ мимоходомъ, или лучше сказать: замѣтимъ и здѣсь то, что всего важнѣе для чело-вѣчества; замѣтимъ, что во все времена, люди, одушевленные любовью къ общей пользѣ, благоговѣли передъ священнымъ изрѣченіемъ слова: законъ. Одинъ Англинскій путешественникъ, жившій долго въ *Авинахъ*, 1761 года отыскалъ въ развалинахъ одного сельскаго пріюта разговоръ, въ которомъ подъ именемъ *Мелизизена*, *Омиръ* объясняетъ душу своей *Иліады*. Въ этомъ разговорѣ *Омиръ*, между прочимъ говоритъ:

*) Часть VI, стр. 348.

**) Часть II.

«Еслибы судьба надѣлила меня сокровищами, я желалъ бы тогда силою краснорѣчія дѣйствовать на умы народа; вступилъ бы, можегь быть на чреду законодателя, и сопрічислился бѣ къ правителямъ отечества!»

«Любовь къ отечеству и любовь къ законамъ. сказала *Платонъ* Аѳинскій: сопряжены узами неразрывными.»

Однажды Петръ I объѣдалъ въ троицкой гостинницѣ. Зашла рѣчь объ его учрежденіяхъ. *Пушкинъ* старался возвысить ихъ до небесъ; а *Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій* безмолствовалъ. Обратясь къ нему, Петръ сказалъ: а ты дядя! ты, что намъ скажешь?» «А вотъ Государь! что я скажу. Учрежденіемъ флота и строеваго войска, ты далеко превзошелъ своего отца; но твой отецъ превзошелъ тебя изданіемъ *уложеній*.» Правда, дядя! отвѣчалъ Петръ ласково трепля Долгорукова по плечу.

Да и чѣмъ было бы общество безъ законовъ, соединяющихъ людей узами взаимнаго согласія и побуждающихъ ихъ ревновать къ пользѣ общей. «Тогда общество, говоритъ *Су-марковъ*: разрушится; люди розойдутся по лѣсамъ и пустынямъ и безъ вспоможенія другъ другу, бу-

дуть жертвою дикихъ звѣрей. Какъ бы ни честенъ былъ человекъ, но если бесполезенъ роду человеческому, онъ достоинъ презрѣнiя.» *)

*) Часть X, стр. 137.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

Последніе годы жизни А. П. Сумарокова.

*Огненные страсти, сказалъ
одинъ Англійскій писатель:
курьеры жизни; онъ мчатъ
быстро: но куда? на кладби-
ще!*

«Гдѣ ты, зари прекраснѣй смѣль?
Померкъ! — Какъ дель въ ночи печальной!»

(А. Б. Княжнинъ.)

Когда Наполеонъ въ блескѣ новой славы, славы Египетской и азійтской, возвратился въ предѣлы Франціи и вступилъ на новый театръ политическій, тогда и у насъ и за границею говорили и писали: «кто остается на *театрѣ свѣта*, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ, и въ случаѣ отказа готовы освидѣтельствовать славнаго *актера*. Всего досаднѣе имѣть дѣло съ партеромъ Европы.» Но развѣ одинъ ложъ составляютъ и представляютъ весь объемъ театра? Всего справедливѣе то, говоря словами Сумарокова, что время летитъ и безжалостною рукою все и всякъ уводитъ въ урочной часъ въ даль за могильную,

угодитъ со всѣхъ театровъ нашей земной вселенной.

«Время проходить,
Время летать;
Время проводить
Все, что ни льститъ.»

Человѣкъ, говоритъ *Шатобрианъ*: една успѣтъ мелькнуть на лицѣ земли: и гдѣ онъ? «Справедливо и то, что и въ *райкѣ* бываютъ люди съ зоркимъ взглядомъ и съ зоркою мыслию». Неудивительно. *Актеры* и театральные и политическіе дѣйствуютъ, а зрители смотрять и судять о нихъ.

Вотъ по чему *Лафатеръ*, сидя въ партерѣ европейскомъ, предсказалъ то, чего не предсказали ни *Питъ*, ни *Адингтонъ*, ни *Фоксъ*, ни *Тугутъ*, ни всѣ тогдашніе знаменитости, заставляшія въ первыхъ ложахъ театра политическаго. *Лафатеръ* предсказалъ, 1797 то есть, въ блистательнѣйшій годъ славы Наполеона, а опытъ доказалъ 1815 года, что и Наполеонъ пережилъ славу свою. Это собылось въ наше время, когда на *театрѣ всесвѣтномъ* довелось дѣйствовать и ложахъ и креслахъ и партеру и райку и когда огромному главному двигателю этого театра исполнскаго, океанъ сталъ послѣднею *декораціею* великой, неслыханной непостижимой *драмы*, имъ разыгранной, доселѣ еще не разгаданной и едвали достигшей полной развязки своей: такъ было на

всемірномъ театрѣ нашего времени. А въ прошедшемъ столѣтіи, Сумароковъ первые припадки преждевременной кончины своей, ощутилъ также на *театрѣ*, имъ основанномъ и гдѣ блеснули первые лучи современной его славы. «Хотя труды и заботы, говоритъ онъ, изнурили мое здорье, но для пользы моего отечества я желалъ бы путешествовать по Европѣ и описать ее.» Повторяю и здѣсь, что это не сбылось. Но труды и заботы на поприщѣ театральномъ должны были истомить жизнь Сумарокова; онъ былъ въ одно время и творцемъ трагедій своихъ и наставникомъ въ трудномъ выраженіи всѣхъ движеній, всѣхъ волненій сердца и души. *Вольтеръ*, также пожилавшій на театрѣ блестящія вѣнки славы своей, палъ не подъ бременемъ осмидесяти четьрехъ лѣтъ; но отъ пылкихъ порывовъ. Известно, что Вольтеръ около сорока лѣтъ былъ въ изгнаніи изъ Парижа и жилъ въ *Фернеѣ*, то жалѣя о Парижѣ, то браня столицу Франціи. Наконецъ 1778 года друзья его восторжествовали и правительство открыло ему входъ въ Парижъ, куда и прибылъ онъ въ исходѣ января. Не отдохнувъ ни одной минуты, съ пылкостью юности, въ собольей шубѣ, въ собольей шапкѣ, подаренныхъ ему Екатериною, пошелъ онъ пѣшкомъ къ другу своему *Даржанталю*. Не ноги измѣнили ему; но грудь, гдѣ билось сердце не охлажденное глубокою старостію. Передавая угасаю-

щую жизнь свою актерамъ, онъ вскорѣ умеръ, истекая кровію, какъ будто на полѣ ратномъ подъ бременемъ новыхъ вѣнковъ побѣдоносныхъ.

И жизнь Сумарокова часъ отъ часу болѣе отуманивалась. Кипѣлъ онъ негодованіемъ видя, что Московскій театръ сталъ стѣсняться слезливыми драмами и предвѣщалъ по жаркому стремленію зрителей къ этимъ драмамъ, что они панесутъ ударъ его трагедіямъ. Трагикъ *Есхиль*, побѣжденный *Софокломъ*, удалился въ Сицилію къ *Герону* и бросилъ трагическое перо. Чувствительность удваиваетъ жизнь. Много доставляетъ она прелестныхъ, очаровательныхъ мгновеній, но за то среди свѣта холоднаго, говоря словами заветныхъ, какъ моль съѣдаетъ встревоженное сердце. Сумароковъ былъ жертвою пылкой чувствительности своей. При началъ *бахусовской* его страсти Екатерина вызвала его въ Петербургъ и сильными убѣжденіями взяла съ него честное слово, что онъ оставитъ пьянственную чашу. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ крѣпился въ данномъ словѣ Екатерины; но однажды въ домъ вдовы брата своего Ивана Петровича, онъ прислонился къ окну, на которомъ стояла раскупоренная бутылка Гунгарасси водки, запахъ ее, ошеломилъ его. Съ досадою и съ обыкновеннымъ порывомъ своимъ, стукнулъ онъ рукою по склянкѣ, разбилъ ее, до крови поранилъ себѣ руку; убѣ-

жалъ и, какъ будто убъжалъ и отъ свѣта и отъ самаго себя. Но и въ этомъ преобладающемъ туманѣ жизни, онъ еще писалъ и сочинилъ трагедію: *Димитрій Самозванецъ*; *) Она слаба, сбивчива; но въ ней видно, что онъ съ перваго явленія понялъ душевныя волненія Самозванца; съ глубокою, мрачною думою, съ предчувствіемъ гибельнаго жребія своего, выходитъ онъ на театрѣ и наперсникъ его *Парменъ*, спрашиваетъ:

«Какія горести судьба тебѣ дала?»

Димитрій.

«Ахъ! Фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ»

Когда Московскій актеръ *Лапкинъ* произносилъ эти стихи съ сильнымъ порывомъ смущенной совѣсти, готовящейся на новыя злодѣянія; зрители содрогались отъ ужаса.

Ловко также и новымъ слогомъ выражены мысли о премудрости и философін. *Димитрій* говоритъ:

«Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.»

Наперсникъ его отвѣчаетъ:

«Премудрость Вышнему быть можетъ ли противна?
Исполненъ ею—Онъ вселенную создалъ,
И мертву веществу и жизнь и разумъ далъ.»

(*) Слышалъ отъ Сумарокова.

На что не взглянемъ мы, его премудрость видѣть!
Иди, что въ Богъ чтимъ, въ себя возненавидимъ?»

Въ разговорѣ *Самозванца* съ *Шуйскимъ*, есть выраженія новыя и напоминающія драму: *Борисъ Годуновъ*. При входѣ Шуйскаго *Димитрій* восклицаетъ:

«Мнѣ дерзкой площади извѣстенъ наглый шумъ—
«И основаніе ея коварныхъ думъ.»

Шуйскій.

«Не важенъ черни шумъ, то только звукъ пустой;
Ихъ лай разноситъ вѣтръ; исчезнетъ онъ

Димитрій

Постой!»

И при этомъ громоносномъ словѣ: *постой!* Самозванецъ схватя за руку актера, представлявшаго Шуйскаго, быстрыми, зоркими очами и долго безмолствуя, какъ будто безъ словъ, говорилъ Шуйскому: «я тебя понимаю; и вдругъ прервавъ молчаніе, восклицаетъ:

«Все ясно!»

Шуйскій блѣднѣетъ. Самозванецъ опять всматривается въ него. Шуйскій молчитъ; зрители волнуются недоумѣніемъ: а Самозванецъ грозною дланью указывая на помертвѣвшее чело Шуйскаго, огромяетъ его новымъ приговоромъ:

«Все ясно! на моемъ быть хочешь ты престолъ!»
Тутъ цѣлая трагедія.

Хитрый, заторопленный Шуйскій отвѣчаетъ:

«Чтобъ я монархомъ былъ великой сей странѣ,
Не всходить и на умъ такія мысли мнѣ!
Ты нашъ монархъ и сынъ монарха Иоанна:
Въ соборной церкви намъ глава твоя вѣчная.
Тираномъ былъ у насъ злонаравный Годуновъ;
Ты кротокъ, справедливъ, отецъ твой былъ таковъ.
Роптанья на тебя злочестные—сугубять:
Безумцамъ страшенъ ты, а—прочіе все любить,
По нуждѣ ты лишь лютъ; но будешь милосердъ:
Великій Гоеударь! въ Москвѣ престолъ твой
твердъ.»

Годунову у Пушкина Шуйской говоритъ:

Конечно, Царь! сильна твоя держава;
Ты милостью, радвньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, млежна, суетверна,
Легко пустоѣ надеждѣ предана:»

Гдѣ болѣе игры для актеровъ—въ стихахъ ли Сумарокова или Пушкина?—рѣшите сами. Избавь меня Боже, отъ сравненія Самозванца съ Борисомъ Годуновымъ! Самозванца сочинялъ Сумароковъ въ уничтоженіи самаго себя; а Пушкинъ создавалъ драму свою въ полной силѣ и зрѣлости души и мысли своей.

Сумароковъ смѣлою, отважною рукою ведетъ Самозванца отъ одного волненія къ другому, еще стремительнѣйшему волненію. Въ послѣднемъ явленіи Самозванецъ видитъ передъ собою пропасть неизбежную, и самъ высказываетъ и себя и громъ, готовый на него грянуть. Туманно скитаясь по театру, и устремляя во всѣ стороны подозрительныя, мутныя взоры и недоувѣрчивый слухъ; онъ перерывающимся голосомъ говоритъ :

« Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ
И близокъ моего паденія конецъ.
Здѣсь поминутно жду внезапной перемѣны . . . »

Въ глазахъ Самозванца грозно встаютъ стѣны Кремлевскія и онъ восклицаетъ :

« О, устрашающіи меня—Кремлевскіи стѣны!
Вашъ голосъ слышу я; вѣщаете вы мнѣ:
« Злодѣй! ты врагъ, ты врагъ и намъ и всей
страпъ! »

Смертельное отчаяніе постепенно усиливается; оно доходитъ до изступленія, и самозванецъ восклицаетъ :

« Я гибну! множество народа погубя . . .
Бѣги, тирань! бѣги! . . . кого бѣжать . . . себя!
Бѣги! . . . куда бѣжать? твой адъ вездѣ съ тобой. »

Тутъ истина велитъ замѣтить, что эта несрав-

ненно сильнѣе того, что Годуновъ говоритъ у Пушкина.

Вотъ его слова :

«И радъ бѣжать; да не куда.»

Ужасно!

«Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.»

Пушкинъ все читалъ: онъ внимательно читалъ и Сумарокова. Годуновъ у него раскрывалъ передъ очами сына своего хартію царственной науки, говоритъ:

«Со временемъ и по немногу снова
Затягивай державныя бразды.»

У Сумарокова Георгій говоритъ Самозванцу :

«Всегда способнѣе къ труду не жирный конь,
Смирямый бичемъ и частою вздою —
И управляемый крѣпчайшею рукою.»

Въ роль *Ксеніи* есть чрезвычайно сильныя стихи, но они исчезаютъ въ воздухъ. Сумарокову слѣдовало бы вывести на театрѣ не мнимую дочь Шуйскаго; но подлинную *Ксенію*, дочь Бориса Годунова. Тутъ была бы сильная, разительная борьба страстей и волненій душевныхъ. Но когда Сумароковъ сочинялъ Самозванца, тогда говоря словами трагика Корнеля: «Рима не было въ Римѣ.»

Одному изъ нашихъ очень умныхъ писателей,

показались странными послѣдніи стихи, произнесенныя Самозванцемъ:»

«Подя душа во адъ и будя вѣчно-пльина:
Ахъ! если бы со мной погибла вся вселенна!»

Исторія свидѣтельствуетъ, что такія всеразрушительныя заклинанія существовали. Извергъ *Калигула* говорилъ: «будь у всего рода человеческого одна голова «и я бы сбиль ее однимъ взмахомъ меча.»

Можно было бы ловчее выразить адское желаніе Самозванца; но тогда, повторяю и здѣсь: сочинитель и самъ былъ въ неодолимомъ плѣну у *бахуса*. Не знаю какъ думаютъ другіе, но я съ моей стороны удивляюсь: какъ могъ тогда Сумароковъ съ такою силою выразить душу Самозванца, онъ какъ будто подслушалъ вопль совѣсти, распаленной адскими огнями; мы видѣли, что онъ въ первомъ явленіи и при наперсникѣ своемъ *Парментъ*, не могъ не высказать того, что громко и голосомъ карательнымъ откликалось въ душѣ его. Въ драмѣ *Пушкина* Годунову мечтаются младенцы, обрызганные кровью: а у Сумарокова Самозванецъ, какъ будто самъ себя мечтается. Не игра природы вещественной, но, кажется, само Провидѣніе ополчило противъ Годунова; чуднаго, непостижимаго человѣка, который и самому са-

мозванцу и людямъ постороннимъ, даже и самой матери, долженъ былъ казаться не призракомъ Дмитрія; но подлиннымъ Царевичемъ Дмитріемъ. У дѣйствительнаго Дмитрія были бородавки на правой сторонѣ носа и на лѣвой сторонѣ лба; тоже было у самозванца. У Царевича Дмитрія были уши большія и одна рука длиннѣе; тоже было и у самозванца. Едвали въ какой нибудь исторіи былъ подобный примѣръ сходства, не близнецевъ двухъ родныхъ братьевъ, но двухъ лицъ, рожденныхъ совершенно на различныхъ степеняхъ нашего міра земнаго. Одному предстоялъ — престолъ; другому келья. Борисъ Годуновъ въ драмѣ *Пушкина* говоритъ: «Ужели имя, ужели звукъ свергнуть меня съ престола?» Но тутъ не имя, не звукъ; тутъ, какъ будто самъ сынъ Іоанна всталъ изъ гроба съ карательнымъ перуномъ противъ Годунова. Тайна дивная! неисповѣдимая! Тутъ проявляются одніи судьбы, посылаемыя съ неба для вразумленія испытанія земли и для засвидѣтельствованія порывамъ страстей человѣческихъ, какъ шатки и какъ ничтожны замыслы гордыни земной. Если у кого найдется портретъ самозванца, то, по замѣчанію Сумарокова, онъ неправильно изображенъ. У Дмитрія Царевича и у самозванца, какъ выше было упомянуто: бородавки были на правой сторонѣ носа и на лѣвой сторонѣ лба; но портретъ ттиснутъ былъ на изворотъ. Сумароковъ извѣ-

щаетъ также, что портретъ самозванца, первоначально выгравированный въ *Лесбургъ*, получилъ онъ отъ Маріи, Анны *Колотъ*, бывшей сочленомъ С. Петербургской Академіи Художествъ и пансіонерки Императрицы Екатерины Великой.

Обращаясь къ трагедіи Сумарокова, снова повторяю, что лице самозванца представлено превосходно. Превосходны также и тѣ два мгновенія, когда *Ксенія* томится смертію о жребіи отца и жениха, осужденныхъ на смертную казнь и когда, въ то же самое время самозванецъ засыпаетъ и видитъ во снѣ зрѣлище погибѣли своей *Ксенія* восклицаетъ:

«Не рушится ль земля?.. не неболи падеть?
Ахъ! небо и земля въ поковъ обитають;
Но я; но я одна! и—цѣлый адъ сомной.»

Такой же адъ угрожаетъ и утѣснителю невинности. Онъ спитъ! Спитъ самозванецъ; но душа его опалется пламенемъ геенскимъ. Смутно, въ отчаяньи пробуждается онъ и восклицаетъ:

«Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайтежъ вы, мечты, моихъ мученій!
Мнѣ все приснилось чѣмъ сей ужасенъ градъ;
Очашъ моимъ предсталъ воспламененный адъ!»

И въ то же мгновеніе раздается гулъ набатный, вѣстникъ возстанія противъ самозванца, онъ вопіетъ:

«Домъ царскій зыблется; колеблется чертогъ:
О, боже!... но меня навѣкъ, оставилъ Богъ!»

Это и картина и объемъ омировой *мѣады*. Тутъ въ слѣдъ за зладѣлнѣемъ летитъ карательный перунъ небесъ. «Что, говоритъ историкъ *Иродотъ*: что должно предъявлять роду чело-вѣческому? то, что гнѣвъ боговъ всегда постигаетъ злодѣевъ.» Этою истинною одушевлена трагедія Суморокова и потому принята была съ громкими рукоплесканіями. Дмитревскій игралъ самозванца, Троепольская Ксенію, Волковъ Шуйскаго; Лакинъ Георгія. А эти актеры умѣли давать и давали вѣсь, силу и выраженіе каждому слову; они такъ сказать: творили новые трагедіи. И неудивительно Сумароковъ передавалъ имъ свое огненное, живое слово; Сумароковъ передавалъ имъ порывы души своей; а они все это понимали. Выраженіе—душа трагедій и драмъ.

Предлагаю доказательство.

Въ первомъ представленіи Вольтеровой трагедіи: *Китайская сирота*; Лекенъ игралъ роль *Чинъ Гисъ—Хана*. Трагедія была принята холодно, Вольтеръ, бѣсился и по обыкновенію своему называлъ земляковъ своихъ: *вельхами-невѣждами*, способными только быть тиграми или обезьянами. Въ этотъ разгромъ Вольтерова бѣшенства пріѣхалъ въ Ферней Лекенъ. Не давъ

ему ни передохнуть отъ дороги, ни образумиться, Вольтеръ звучнымъ голосомъ закричалъ: *прогитайте, проговорите, г. Лекенъ, роль Чинъ-Гисъ-Хана. Посмотримъ, какъ вы ее играли?* Лекенъ началъ возглашать высокопарно, приподнимался на ходуляхъ, размахивалъ руками; а Вольтеръ топая ногами, кричалъ, задыхаясь отъ досады; *скверно! ужасно, скверно! вы убили, мою трагедію!* Потомъ началъ самъ высказывать роль Чинъ-Гисъ-Хана, Лекенъ несводилъ съ него глазъ: ловилъ каждый его взглядъ, каждое движеніе, каждый звукъ его голоса и когда Вольтеръ замолчалъ, Лекенъ по вдохновенію Вольтера повторилъ роль свою. Вольтеръ въ очередь свою всматривался, прислушивался къ каждому выраженію Лекена и вдругъ, опрометью бросился къ нему и съ восторгомъ воскликнулъ. *«браво! браво! вотъ какъ должно выражать умнаго, хитраго Чинъ-Гисъ-Хана; теперь наши Парижане оглушатъ васъ рукоплесканіями.»* Такъ и сбилось.

Изчезалъ А. П. Сумароковъ въ Бахусовомъ обояніи, и вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто изчезало и тогдашнее Московское общество въ разлетѣ и вихрѣ кукольныхъ и ничтожныхъ модъ. «Скучно! говорилъ Сумароковъ: очень скучно! вездѣ видишь одно парижское обезьянство.» Увлекаясь чувствительностію къ прекрасному по-

лу, онъ любилъ сперва балы; но тутъ и блескъ баловъ потускнѣлъ въ очахъ его. Александръ Петровичъ былъ чрезвычайно рѣчивъ и красно-рѣчивъ. Разговоръ его одушевлялся остроумною *атинскою солью*; его заслушивались. Но и соловей, поэтъ весной: и соловей даритъ звуками своими только сорокъ дней. Умолкъ въ свое туманное время и соловей Московскій. «Нагрязнула на меня, прибавляегъ Сумароковъ: бѣда геенская. Какая была у меня подвижность; а приказные налетѣли описывать ее. Прощай Парцась! прощай Геликонъ! *)»

Вѣрю. Но кого рпнула судьба въ общество нашего свѣта, тотъ долженъ знать и всѣ ничтожности этаго общества, доблесть душевная—даръ неба, а не людей. Но въ нашемъ изворотливомъ обществѣ никто не можетъ сказать, что горькая чаша тяжбы обойдетъ его. Попался, и бѣдный нашъ поэтъ въ ежевые рукавцы присяжныхъ жрецовъ ябеды. Быстро парило воображеніе его въ области очаровательной; за то каково было съ вершины Геликона упасть въ хищныя длани приказныхъ!

Сумароковъ говорить:

«Кто слишкомъ тянетъ лукъ, порвется тетива.»

*) См. полное соб. соч. Сумарокова часть VI, стр. 371.

Порвется, тетива и ударить въ ту самую мысль, которая сномъ младѣнческимъ дремала— надъ пропастью. А потому волею или неволей, но должно знать объемъ вещественнаго хода дѣлъ и козней человѣческихъ.

«Кто дышетъ! недремли.»

Надобно знать все то, что дѣлается на землѣ: надобно знать всѣ ничтожности, которыя въ роковой часъ огромляютъ и губятъ человѣка.

Такъ и случилось съ А: П: Сумароковымъ.

Въ роковую и бѣдоносную годину, нашъ поэтъ заложилъ свой Пресненскій домъ одному тогдашнему Московскому богачу, бывшему и смѣсью всѣхъ причудъ и чрезвычайно дѣятельнымъ человекомъ, на поприщѣ общественной благотворительности, но который проказничалъ въ Парижѣ, а въ Лондонѣ дорого заплатился за проказы свои. Словомъ: говоря рѣчью Я: Б: Княжнина, зятя Сумарокова: «онъ былъ такъ богатъ, то ему оставалось только дурачить людей и самому дурачиться. Вѣроятно, что въ разгулъ бахусовомъ, нашъ поэтъ, какъ нибудь поразладилъ съ Крезомъ московскимъ. Непріатели его, этого только и добивались. Міръ приказный, огромля-

емый Сумароковымъ, заликовалъ отъ восхищенія и грозною тучею опрокинулся изъ него. Что было дѣлать бѣдному нашему поэту? Въ глазахъ его все вывозили изъ дома и живаго оставляли какъ будто въ могилѣ. Но и въ самомъ тяжеломъ горе житейскомъ, существуетъ льготная отрада для сердца, если оно встрѣтитъ, кому высказать и передать горе свое. Современникомъ Сумарокова былъ дивный человекъ, который слушалъ все и всѣхъ. Въ юности лѣтъ этотъ человекъ былъ выпущенъ изъ Московскаго Университета *недоученымъ студентомъ*: онъ не сердился и дарилъ радушными посланіями тогдашняго ректора Антона *Барсова*, который, какъ явствуетъ изъ Московскаго журнала Н: М: Карамзина, передѣлывалъ на свой ладъ все русское правописаніе. Къ этому человеку прибѣгали всѣ писатели вѣка Екатерины второй.

Къ этому человеку, жившему любовью и для любви, сочинитель *Душеньки* писалъ: «въ васъ видятъ и находятъ щить всѣ любители русскаго царнасса.»

Подъ щить этаго человека, то есть, Князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго прибѣгъ и горемычный нашъ поэтъ А: П: Сумароковъ. «Меня писалъ онъ Потемкину:» меня выгоняютъ изъ дома: и за что? кромѣ, за

занятія деньги, я придалъ подъ залогъ и брилліантовую табакерку, подаренную мнѣ Императрицею Елисаветою Петровною и оцѣненною въ двѣнадцать тысячъ рублей. Придирки и козни ябедъ сводятъ меня и, вѣроятно сведутъ съ ума. Я человекъ. У меня пылали и пылаютъ страсти. А у гонителей моихъ ледяныя перья приказныя: имъ любо будетъ, если я умру съ голода или съ холода.»

У меня теперь нѣтъ подъ рукою подлинной жалобы Сумарокова Князю *Таврическому*. Списокъ съ нее остался у И: И: Дмитріева, а подлинникъ я подарилъ Константину Федоровичу *Колайдовичу*, любителю отечественныхъ древностей. Далекъ отстою я отъ памяти *Лейбница*, котораго называли: *подвижною библіотскою*; но я все помню, что надобно помнить: особенно то, что мирить душу съ свѣтомъ и человечествомъ.

СТАТЬЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

*Продолженіе очерковъ жизни
А. П. Сумарокова по отноше-
ніи къ его личности и его се-
мейству.*

А. П. Сумароковъ три раза вступалъ въ бракъ. Въ первый разъ былъ онъ женатъ на *камеръ-юнгферль*, прибывшей съ Екатериною въ Россію, Иоаннъ Христіановнъ, матери Княгининой и Графини Головиной. Не случайность невесты привлекла его. Поэтъ нашъ прелстился въ ней, такъ сказать: тою душевною поэзією, которая дышетъ въ очарованіи весенней красоты. Тогда не разыгрывалась еще великая драма судьбы челоуѣчества; тогда ясность жила и цвѣла мечтами воображенія; тогда мысль не отуманивалась внезапнымъ налетомъ разгрома внѣшняго, который въ наше время срывалъ съ корня въ одно мгновеніе и быть общественный и быть семейный; тогда грома войны семпльтцей откликались только въ одахъ Ломоносова и Сумарокова. Словомъ: тогда нашъ поэтъ очарованіе будущей судьбы своей читалъ въ ясной лазури голубыхъ очей своей невесты. Зная совершенно немѣцкій языкъ,

онъ былъ первымъ учителемъ нарѣченной невѣсты въ русскомъ языкѣ. Наставникъ блаженствовалъ, передавая ей изъ души своей, всѣ наши слова *задушевныя*. Мысли, сердце, перо: въ немъ все дышало любовью. Онъ говорилъ:

«*Царица музъ; любовь!*» *)

Нашъ вѣкъ не такъ думаетъ. Въ бурномъ стремленіи своемъ онъ оттолкнулъ отъ себя и Музъ и Грацій и поэзію любви. Нашъ угрюмый вѣкъ, и здѣсь повторяю: «усвоилъ себѣ одну Музу: *скорбь душевную*».

Бракъ Сумарокова сблизилъ его и съ будущею русскою Царицею, прибывшею въ Россію въ то самое время, когда трагедія его въ полномъ блескѣ разыгрывалась въ чертогахъ Елисаветы. Живо выраженіе *дѣйствующихъ лицъ* часъ отъ часу болѣе плѣняло слухъ Екатерины и внушило ей ту страсть къ Русскому слову, которая всегда была душою ея жизни. Отъ перваго брака у Сумарокова были двѣ дочери: одна была супруга графа *Головина*; а другая Я. Б. *Княжнина*; двѣ другія женидьбы породнили нашего поэта съ его домочадцами. Подшучивая надъ самимъ собою, онъ говорилъ: «тесть мой кучеръ не сломилъ

*) Поля: Соч: Часть IX;

мнѣ головы; а дядя мой поваръ не окормилъ меня; свой своему по неволѣ другъ.» Онъ также говорилъ, что при видѣ неправды, утѣсняющей невинность и при видѣ наглой спѣси, нажившейся неправдою, у него кипѣла кровь и сердце рвалось изъ груди.

Вотъ примѣръ.

«Такой диковинки я въ вѣкъ не ожидалъ,
Какую случай мнѣ не давно видѣть далъ;
Я шелъ задумавшись; разбились мысли стукомъ;
Но чтожъ увидѣлъ я? подъячій скачетъ цукомъ!
Я очи къ небу взвелъ и закричалъ тогда:
«О солнце, ты весь міръ издревле обтекаешь,
«И землю каждый день лучами озаряешь:
«Такое зрѣлище ты видѣло ль когда?»
Потомъ съ досадою едва сыскавъ дорогу
Ворча: «ябъ задалъ вамъ! нельзя;—и тутъ беда—
Бодливому быку судьба не ставитъ рогу.»

Но при пылкомъ и горячемъ нравѣ, какъ было сказано выше, у него было вѣжтѣйшее сердце супруга и отца. Въ одно время болѣзнь поразила дочь его и мать ея. Немедленно пригласилъ онъ знаменитаго тогдашняго врача *Вульфа*. Въ благодарномъ восторгѣ къ врачу, онъ сказалъ:

«Искусный горести моей преобразитель,
Онъ матери болѣзнь внезапно отразилъ.»

Но болѣзнь дочери усилилась.

Усилилась смерть и косу подняла;
Какъ гидра закипѣла

Я вопіялъ въ слезахъ: «прощай другъ милый мой!
Но Вульфъ! смерть грозную ты оттолкнулъ рукой.»

Съ такою же нѣжностію любилъ онъ и сына своего Павла. Когда по ходатайству князя Г: А: Потемкина юноша поступилъ въ преображенскій полкъ, онъ отъ имени сына говорилъ князю Та-врическому:

«Потемкинъ! я себя зрю въ семь полку тобой!
Вели меня учить, какъ съ Марсомъ сталъ ты въ
дружбѣ,
Искусству своему въ военной русской службѣ,
Чтобъ могъ быть воиномъ и я такимъ какъ ты.»

1774 года въ октябрѣ мѣсяцѣ, преображенскій полкъ выходилъ изъ Петербурга въ Москву, Сумароковъ съ однимъ изъ пріятелей своихъ выѣхалъ провожать его. Простясь еще разъ съ сыномъ у Московской заставы, онъ стоялъ, какъ будто къ чему нибудь прикованный и не сводилъ глазъ съ Московской дороги. Погода была ненастная; наступали сумерки. Пріятель беретъ его за руку и говоритъ, что пора ѣхать домой, «дай понаглядѣтся.» возразилъ Сумароковъ. «Да что же ты увидишь?» сказалъ пріятель. «Скоро наступитъ ночь. Глаза отцовскіе и днемъ и ночью далеко видятъ.» А вотъ и стихъ его.

«Мнѣ этотъ полкъ изъ всѣхъ дороже:
«Въщаю такъ Тебѣ, великій, щедрый боже!
Благослови его пути,
И дай ему идти

Въ весельи, радости, въ утѣхахъ и блаженствѣ;
И пусть всегда живеть въ немъ сынъ мой въ бла-
годенствѣ.»

Сумароковъ говорилъ: «тотъ не человекъ, кто живетъ только для одного себя.» *) Горестъ его друзей была собственною его горестию. Получа известіе отъ тогдашняго Петербургскаго губернатора Степана Федоровича Ушакова о смерти Графа Алексѣя Григорьевича *Разумовскаго*, онъ писалъ къ нему:

«Мой другъ! уже дошло твое письмо ко мнѣ;
Дошло, и въ грудь мою и въ сердце мечъ вонзило;
Какъ молніей меня и громомъ поразило!
Я отвѣчать хочу; ничто на умъ нейдетъ;
Беруся за перо; перо изъ рукъ падеть.
Одну съ другою мысль неволею мѣшаю,
И токомъ горькихъ слезъ бумагу орошаю.»

Пылкая чувствительность А: П: Сумарокова истомляла душу его; но она же привлекала къ нему сердца всѣхъ сотоварищей юности его; онъ какъ будто не выходилъ изъ очаровательной весны лѣтъ своихъ. Нѣкоторые изъ корпусныхъ его сопитомцевъ поступили на знаменитую чреду государственную; другіе гремѣли на поле битвъ; но никто не забывалъ его. Съ своей стороны и онъ жилъ всегда съ ними и мыслею и душою.

(*) Смотр. полн. соч. Част VI.

Графъ Н: И: *Панинъ* былъ его сопитомцемъ и постояннымъ другомъ. Ему предстояла счастливая судьба; онъ готовился приступить къ брачнымъ оltарямъ съ графиницею А: П: *Щереметевой*. Но безжалостная смерть, не щадящая ни даровъ природы, ни качествъ душевныхъ, поразила ее въ счастливѣйшіе дни жизни. Сумароковъ проливалъ слезы и восклицалъ:

«Сверкнула молвія, слетѣлъ ужасный громъ,—
Онъ иду поразилъ и возмутилъ весь домъ . . .

.
Гужайся, Графъ, крѣпись! другихъ совѣтовъ нѣтъ.
Однако подавать легко совѣтъ полезный,
А трудно одолѣть внезапный случай слезный
Строжайшій стонъкъ самъ такой же человекъ.»

Неразрывное дружество соединило Сумарокова и съ Иваномъ Перфильевичемъ *Елагинымъ*, корпуснымъ его сопитомцемъ. 1774 года внезапная смерть постигла юную его дочь. Сумароковъ присутствовалъ при погребеніи и потомъ, осыпая гробъ юной жертвы цвѣтами стихотворства, вѣщалъ:

Отверзся храмъ! но пѣснь не брачную услышимъ!
Отъ лютой горести едва стѣсненно дышимъ.
Въ цвѣтущей владости того ли ты ждала?
На то ли только жизнь судьба тебѣ дала,
Чтобъ прелестями ты природы разцвѣла
А разцвѣтя—увла:
И розою явясь—цвѣтя со стебля пала?

Мы плачем! а въ другой ты переходишь свѣтъ;
Но смерть за слезы намъ друзей не отдастъ!»

Въ тоже почти время исчезла въ веснѣ мѣтъ
Графиня Марья Владимировна *Салтыкова*. Охла-
кшая раннюю ея кончину, поэтъ говорилъ:

«Любительница Музы!
Прими въ предѣль безвѣстный,
мой стопъ тебѣ неместный.
Внемли мои стихи, какъ ты внимала ихъ:
Прими тоску мою и жертву слезъ моихъ;»

Здѣсь нельзя не замѣтить, какая преждевремен-
ная смерть похищала юныхъ Россіянокъ и съ
чреды знаменитости и изъ лона всѣхъ даровъ
счастія! Быстрая переменна образа жизни въ Рос-
сию, которая, по словамъ одного Французскаго
врача, губила нашихъ соотечественницъ даже и въ
Парижѣ; вихрь разсѣянія; изворотъ времени; ноч-
ные балы; перелетъ модъ: все это дѣйствовало и
дѣйствуетъ и на здоровье и на душу, но всего
этого требуетъ свѣтъ; тотъ свѣтъ, гдѣ жизнь ни-
что; а приличія модъ—все. Горестная мысль!
Борьба свѣта съ природою, борьба не ровная.
Природа грозно мститъ за нарушение ея уста-
вовъ. «Природа, говоритъ Сумароковъ: ненадѣлила
нашъ край роскошью плодовъ, но она легветъ
у насъ красоту. Должно теперь сказать въ про-
шедшемъ: *легветъ*. Сумароковъ замѣтилъ также

шутя, что когда въ Москвѣ появилась мода на одежды досчатого цвѣта, то возвысилась и цѣна на доски.» Но такую ли дань приносятъ модѣ жертвы самоуправныхъ приличій свѣта? Надежда радостей и очарованій вводитъ въ него, а смерть часто сторожитъ за порогомъ. Не мы одни, но и *врачи—психологи* убѣждаютъ въ томъ, что ежедневная, безмятежная дань, приносимая страждущему челоѣчеству, удивительное приносить оживленіе и здоровью и душѣ. Это сушая правда. Благодатное благотвореніе и любовь къ челоѣчеству возвращаютъ душѣ, утраченный эдемъ сладости. Сколько ни усиливайтесь упорствовать въ приличіяхъ моды, но ежедневный опытъ будетъ говорить: «*qu'y-a-t-il de commun entre le monde et le coeuer?*» причуды моды не роднятся съ сердцемъ. А *Шекспиръ* поглядѣвъ на круженіе нашего свѣта, снова бы повторилъ: «о, Небо всевидящее! что это за свѣтъ такой!» Цвѣти вездѣ доброе сердце; и нашъ свѣтъ въ подлинномъ смыслѣ, былъ бы *блѣднымъ свѣтомъ*, гдѣ и въ туманное ненастьѣ, свѣтилобъ солнце любви. Было время, когда А. П. Сумароковъ въ разгулъ *бахусовскомъ* разхаживалъ по улицѣ въ одномъ халатѣ; но никто не указывалъ на него пальцомъ. Обыватели Московскіе, встрѣчаясь съ нимъ, привѣтливо и перешептывались между собою, говорили: «онъ хоть и крѣпко пьетъ; да добрый челоѣкъ. У него вѣрно какое

нибудь горе на сердце.» И было это горе. Въ письмѣ своемъ къ Князю Александру Михайловичу *Голицыну*, онъ высказалъ свою грусть душевную; и вотъ какимъ образомъ :

«Не веселятъ меня пріятности погоды,
Ни рѣки, ни луга, ни плещущія воды.
Неправда дерзкая—увы! эдемскій садъ,
Преобратила ты въ кипящій лютый адъ.
О, Боже! если бы была Екатерина
Всевидица, такъ ты, гдѣбъ дѣлся толкъ судей,
Гонящихъ безъ вины законами людей!»

Грустилъ Сумароковъ; и его жалѣли. Но паденіе желѣзной безчувственности и спѣси звучнымъ грохотомъ возбуждаетъ здѣсь презрительный смѣхъ; и за могилой, тоже прозвучить за ея презорство.

Была и другая причина горести нашего поэта И: *Грегъ* сказалъ не справедливо, будто бы до И: М: Карамзина наши Россіянки съ какимъ то отвращеніемъ принимались за русскія сочиненія. Изъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ разительно явствуетъ, что все тогдашнее блестящее общество съ восхищеніемъ слушало трагедіи Сумарокова, и съ такимъ же восторгомъ читало наизусть басни его, съ какимъ теперь высказываютъ басни Крылова. Но Сумарокову казалось, что ходъ словесности, созданный имъ въ нашемъ отечествѣ сталъ измѣняться, и что паденіе его нанесетъ не-

избѣжный ударъ его сочиненіямъ. Вотъ какъ онъ объ этомъ объясняется въ томъ же письмѣ къ Князю А: М: *Голыцину*.

«Взошло невѣжество на самый геликонъ,
И полномочіе свое тамъ изливаетъ:
Храмъ мудрыхъ музъ оно безумьемъ подрываетъ;»

Блисталъ въ свое время Сумароковъ; блисталъ и Княжичицъ; но:

«Все со временемъ проходить;
Славъ и перу конецъ!»

Конецъ: если изъ пера писателя не излилась ни какаѣ животворная струя для судьбы человечества. Въ отечественныхъ запискахъ сказано: вѣчность выносить на своихъ волнахъ только одно *обще-мировое* и обще—человѣческое, никогда не проходящее но вѣчно юное, и топить въ бездонной пропасти все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности.»

Мысль справедливая, но неновая.

Бальзакъ семнадцатаго столѣтія сказалъ: «истина не подвержена ни старости, ни смерти она переживаетъ время; она уцѣлѣетъ и въ развалинахъ вселенной.»

Вселенная не рушилась съ измѣненіемъ нашей

словесности; но изъ развалинъ того храма поэтического и прозаическаго, гдѣ нѣкогда пожинали вѣнки славы. Сумароковъ и зять его Княжнинъ воскресаютъ, говоря словами издателей отечественныхъ записокъ: тѣ *обще-міровыя* мысли и истинны, цвѣтушія изъ вѣка въ вѣкъ юною жизнію, и которыя дотолъ благодатною жизнію своею будутъ охранять бытіе человѣчества, доколѣ не угаснетъ послѣдній лучъ солнца на сводѣ небесномъ.

Недавно въ отечественныхъ запискахъ прочиталъ я слѣдующія слова: Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы отдалиться отъ *естественности* въ изобрѣтеніи и слоги. *)

«Со временъ Аристотеля, говоритъ Н. М. Карамзинъ, Дифиниці служатъ *фаросомъ* на стезяхъ умствованія.» А потому, говоря *оестественности*, надлежало бы опредѣлить, въ чемъ Сумароковъ и Княжнинъ не соблюли въ русскомъ словѣ и въ вымыслахъ драмъ своихъ той *естественности*, къ которой, по словамъ тѣхъ же отечественныхъ записокъ: Марлинскій всѣми силами старался приблизиться?

Но объ этомъ предложу послѣ, сперва замѣчу почему Сумароковъ и Княжнинъ придерживались

*) апрѣль 1840 г.

подражанію, а потомъ разберу сужденіе А: С: Пушкина о Княжнинѣ и Фопвизинѣ.

Нельзя или не должно переименовать ни событій историческихъ, ни времени, когда, кто жилъ. А по духу того времени, когда жили Сумароковъ и Княжнинъ, вѣрили, будто бы подражаніе образцовымъ писателямъ, подлиннымъ, или такъ названнымъ, возвышаетъ мысль и убыстряетъ ея полетъ. Сумароковъ, зная Греческій языкъ читалъ въ подлинникѣ сочиненіе *Лонгина* о высокомъ: а Княжнинъ въ переводѣ, *Буало*. Лонгинъ говорилъ имъ: «Блестящія красоты, одушевляющія творенія древнихъ писателей, представляются очамъ нашимъ, какими то священными источниками, откуда возникаетъ пламя животворное, переливающееся въ души ихъ подражателей. *Ирродотъ*, а до него *Стезихоръ* и *Архилокъ* были ревностными подражателями *Омира*; а *Платонъ* еще болѣе подражалъ Творцу *Иліады*, и *Одисеи*. Въ этихъ поэмахъ почерпнулъ онъ живой источникъ, раздѣленный на ручьи безчисленные. Но это не кража, это подражаніе; это мысль изящная; это оцѣнка, и превосходнаго духа и величія чужихъ произведеній.

«А потому *Изюдь* говоритъ:

«Соревнованіе для смертныхъ оживленіе.»

«И дѣйствительно прибавляетъ *Лонгинъ*: душа возвышенной и пріятно и славно сражаться за вѣнки побѣдъ, съ предшественниками нашими; тѣмъ болѣе, что въ такой борьбѣ не стыдно быть и побѣжденнымъ.»

Въ разнообразіи слова русскаго ни Сумароковъ, ни Княжнинъ, ни кому не могли подражать. Если же они подражали въ объемъ драмъ и стихотвореній своихъ: это не удивительно. Они жили въ то время, когда, такъ называемый французскій *классицизмъ* оковывалъ всѣ умы, сверхъ сего при нихъ вѣкъ пролеталъ въ мелочномъ и реблческомъ разбродѣ модъ, и въ кукольномъ разгулѣ тогдашнихъ блестящихъ обществъ Европейскихъ. «Весь умъ оснадцатаго столѣтія, говоритъ *Дюкло*: затѣспился въ моду. Она была судіею и поступковъ и понятій и чувствъ; а что ей не поработалось, то называли *странностію*. Мода *предписываетъ*, мода *запрещаетъ*: вотъ все законодательство большаго свѣта оснадцатаго вѣка.» А потому въ объемъ этаго вещественнаго и перелетнаго свѣта, могла ли существовать какая нибудь *естественность*? и я дивлюсь, какимъ образомъ ни Сумароковъ, ни Княжнинъ не упали мыслию при владычествѣ такогo ничтожнаго устава моды, и какъ отважились они съ нею бороться. Но не то было въ наше время, мы слышали бури, колебавшія

основанія всѣхъ областей Европейскихъ; мы и сами въ нѣдрахъ нашего отечества сражались съ грозною бурей нашествія; мы видѣли то, что превзошло ужасы огнедышущихъ жерлъ *Этны* и *Везувія*; мы видѣли исполнскій пожаръ Московскій; мы слышали гулъ и раскаты перуновъ убійственныхъ, гремѣвшихъ отъ береговъ океана *Атлантическаго* до береговъ рѣки *Нары*. Ужели и при такихъ дивныхъ событіяхъ, дотолѣ никогда непроявлявшихся въ предѣлахъ нашей земной вселенной, мысли и душа не могли вдохнуть въ себя пламени новой жизни; ужели воображеніе истомилось въ изобрѣтеніи, а сердце разучилось чувствовать? Что такое была *Троянская* война передъ событіями нашего девятнадцатаго вѣка? Искра мимолетная. А что было плодомъ ея? Чудесная *Иліада*, которую называютъ довершительнымъ твореніемъ цѣлаго народа, выраженіемъ высокой мысли и голосомъ вѣковой поэзіи вдохновенной. *) Въ то же время *Омиръ* подарилъ Греціи и другимъ вѣнкомъ безсмертія: *Одиссею*. *Иліада* льстила самолюбію Грековъ; а *Одисей*, какъ будто явилась къ утѣшенію пострадавшаго человѣчества. Сквозь всю эту поэму пролегаеъ животворная струя любви къ человѣчеству **). Вотъ почему въ пер-

*) Вольфъ.

**.) Примѣчаніе *пснѣ* на шеснадцатую пѣснь *Одисей*.

вой пѣсни *Минерва*, преобразившаяся въ *Мен- тора*, говоритъ юному *Телемаку*:» ты отбросилъ ребяческія игры и помыслы.» Гремѣли и въ наше время пѣсни отечественныя, но звуки лиры *Жуковскаго* сливались съ гуломъ громовъ пушечныхъ, раздавались и послѣ отголоски о дивныхъ событіяхъ нашего вѣка, но они часъ отъ часу болѣе стихали, и наконецъ нынѣшняго 1840 года на вечернихъ чтеніяхъ своихъ П. П. *Грець* сказалъ, что вдохновенія поэзіи перейдутъ въ прозу. Въ какую? какой бы ни былъ размѣръ стиховъ, онъ не составляетъ еще поэзіи, если въ немъ не дышутъ чувство и душа. А это принадлежитъ и прозѣ. Чтобы поэзію *Жуковскаго* перевести въ прозу, то надобно быть *Жуковскимъ*. Въ звукахъ теперешней нашей поэзіи встрѣчаешь и мягкость и какое то томленіе; но все это, какъ будто не досказано.

Я чрезвычайно люблю и уважаю Геній А. С. *Пушкина*, но *Онъгинъ* не представитель народнаго русскаго духа. При жизни еще нашего поэта я напечаталъ и самъ читалъ ему:

«Страннаго свѣта ты живописецъ;
Кистью рисуешь призракъ людей!...
Что твой *Онъгинъ*? онъ лѣтописецъ
Модныхъ безцвѣтныхъ, безжизненныхъ дней.»

Мы упрекаемъ *Сумарокова* и *Княжнина* въ подражаніи, а сами что дѣлаемъ? Мы подража-

емъ не только Французскимъ, Англинскимъ и Немѣцкимъ писателямъ, но повторяемъ то, что сказано въ сочиненіяхъ прежнихъ нашихъ писателей. Что такое *Выжигинъ*? продолженіе *погты духовъ*, издаваемой И. А. Крыловымъ и Рахмановымъ. Между ними промелькнуло пятьдесятъ лѣтъ; а кажется, что это одно и тоже сочиненіе. Но отъ чего такое неподвижное повтореніе и, такъ называемой *Юмористики* и слога? не вхожу здѣсь объ этомъ въ разсужденіе. Есть у насъ повѣсти и ловко и игриво рассказанныя; но въ нихъ нерѣдко встрѣчашь такія уродливыя картины, какихъ не было на руси и въ годпну владычества монгольскаго. Въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ А. П. Сумароковъ говорить: «Ты напрасно думаешь, будто татары развратили насъ. Предки наши съ татарами, спорили о дѣлахъ мужества и храбрости; они бились съ ними за отечество и умирали. Насъ заразили глупости и дурачества модъ. Мы сдѣлались обезьянами.» *)

Обращаюсь къ сужденіямъ издателей отечественныхъ записокъ о Сумароковъ и Княжнинъ. «Сумароковъ и Княжнинъ, сказано такъ; удвляли общество; *Озеровъ* трогалъ и заставлялъ плакать слезами *эстетическаго* восторга и умиленія.»

*) См. полныя сочиненія Сумарокова.

Отвѣчаю.

Сумароковъ и удивлялъ и трогалъ. Удивлялъ потому, что онъ творецъ русскаго театра; а что онъ трогалъ, вотъ доказательство. «Сумароковъ, говоритъ Н. М. Карамзинъ: любилъ, такъ называемыя, *прощальныя сцены*, для того, что онъ извлекали слезы изъ глазъ чувствительной Елисаветы. Прибавимъ и не у одной Елисаветы, но у всѣхъ зрителей. Такою же силою, повторяю, и здѣсь: дѣйствовала въ *Расиновыхъ* трагедіяхъ на зрителей, знаменитая актриса *Шамелей*, какою у насъ обладала *Тропольская*. въ трагедіяхъ Сумарокова.

Посмотрите! Прекрасная, какъ очаровательное майское утро, она выходитъ съ подругою своею. Глубокое уныніе во всѣхъ чертахъ ея лица; томленіе грусти въ очахъ ея; словами перерывающимися переливается она скорбь свою въ сердца подруги. Въ каждомъ ея движеніи страданіе; въ каждомъ ея словѣ слезы душевныя; и вдругъ голосомъ отчаяннымъ восклицаетъ:

«Сбылось ли то теперь?»...

Тутъ она безмолствуетъ, останавливается; тутъ она какъ будто не хочетъ вѣрить плачевной своей судьбѣ. Какія волненія на лицѣ ея! Но голосъ

внутренній говоритъ ей: «ты несчастна!» И она повторяетъ:

«Рокъ муки мнѣ привесъ.»

Опять молчаніе; опять томительное недоумѣніе, опять откликъ сердца:

«Гдѣ помощи искать?... Правители небесъ!»....

И вотъ! она повергается на колѣни; душа и рука ея устремляются къ своду небесному; въ слѣдъ за ея душею летятъ и души зрителей. Это было. Это не мечта и не выдумка. И какъ бы вознегодовали *слушатели* и *зрители*, если бъ въ этомъ очаровательномъ мірѣ, въ которой увлекла ихъ Троепольская, потревожила вниманіе и восторгъ ихъ, какая нибудь перестановка декорацій.

Что это такое? сила, жизнь, огонь выраженія слова. Слово поражаетъ умъ: но выраженіе его откликается въ душѣ. «Я знала, и слышала *Мирабо*, говорила г-жа *Сталь* Карлу *Нодіе*:» кажется, что и теперь еще слышу его. Но слова молодого офицера, бывшаго вашего друга, все превосходятъ. Я погрѣшила бъ, сказавъ только: онъ *краснорѣчивъ!* Нѣтъ! онъ олицетворилъ душевное краснорѣчіе.

Этотъ молодой офицеръ былъ полковникъ *Уде*, рыцарь *Балудъ* своего времени. Вотъ

мысль его о силѣ слова. «Слово, затѣсенное въ буквы — тѣнь краснорѣчія, Геіій челоуѣка—въ его словѣ.» *)

Въ отечественныхъ запискахъ 1840 года, въ число ошибочныхъ въ своемъ *призваніи труженниковъ*, включены А. П. Сумароковъ, М. М. Херасковъ, Я. Б. Княжнинъ, наконецъ и Иполитъ Богдановичъ, творецъ *душеньки*.

Что такое *призваніе труженническое* и почему поименованные писатели ошиблись, въ такъ называемомъ, *призваніи*? Не знаю. Однажды принесли *Сократу* глубокомысленное сочиненіе *Ираклида*, отысканное въ одномъ изъ храмовъ Афинскихъ. Прочитавъ его внимательно, онъ сказалъ: «То, что я поималъ, хорошо; можетъ быть хорошо и то, чего я не вырузамѣлъ; но признаюсь откровенно, что я послѣдняго не понимаю.»

Признаюсь и я въ моемъ невѣжествѣ. Однако мнѣ кажется, что каждый изъ упомянутыхъ писателей, понималъ свое *призваніе*: ибо каждый изъ нихъ любилъ свое званіе и занималъ въ свое время значительную чреду въ русской словесности. А если теперь существуетъ какое другое

*) L'èloquence treduite en lettres alphabétiques, n'est que l'ombre de l'èloquence. Le génie de l'homme est dans sa parole. C. Nadier, T, X.

поприще, на которомъ воображеніе всегда пламенеетъ, сердце всегда цвѣтетъ ясною жизнію, и мысль всегда одушевлена вдохновеніями: укажите и опредѣлите это поприще. За открытіе этого новаго очаровательнаго міра, современники и потомство сплетутъ вамъ вѣнокъ благодарности.

Не только А. П. Сумароковъ понималъ свое призваніе, но и вся его современная Европа убѣждена была, что онъ достоинъ той чреды, на которую возведенъ былъ *призываетъ* мысли своей. Прочитайте у Карамзина въ статьѣ. «О любви къ отечеству и гордости народной:» пусть нашъ большой свѣтъ читаетъ Французскіе и Нѣмецкіе журналы, и онъ увидитъ, что и самой худой переводъ *Домоносова* одъ и разныхъ мѣстъ изъ *Сумарокова*, заслужили вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ.» Сумароковъ какъ показано было выше, все предъявилъ и все высказалъ на чемъ въ его время нужно было основывать благо отечества и челоуѣчества. Выскажите и вы, что нужно и чего недостаетъ въ перелетъ времени отъ Сумарокова до насъ. Вы жалуете о *труженигествѣ* Хераскова, а Державинъ, прислушиваясь къ журчанію ручья, текущаго въ селеніи творца *Россіады* и *Владимира*, говорить:

«Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я!»

И съ чистою твоею струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ;
Да честь твоя пройдетъ весь грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучь:
Творца *безсмертной Россіи*ды,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства.»

Вы жалѣете о *труженигествѣ* Петрова, а онъ
былъ другомъ Князя Таврическаго и писалъ о
немъ:

«Въ ослабу утружденна духа—
Чтаетъ, внемлетъ звукъ музыкъ;
И судить тонкостію слуха,
Чѣмъ сладокъ отчества языкъ.»

А *И. И. Дмитріевъ* въ стихахъ своихъ Н. П.
Румянцеву, говоритъ; что онъ не смѣетъ воспѣть
героя задунайскаго, въ честь котораго гремѣла
лира *Петрова*. Вы жалѣете о *И. Богдановичѣ*;
и онъ кажется вамъ *труженикомъ*; а съ нимъ
бесѣдовала Екатерина. *Н. М. Карамзинъ*, пере-
давая ему вѣнокъ лафонтеновой *Психеи*, сказалъ:
«1775 года, Богдановичъ возложилъ душеньку
на олтарь Грацій.»

Наконецъ: въ тѣхъ же отечественныхъ запи-
скахъ сказано: «Простота есть необходимое ус-
ловіе художественнаго произведенія, по своей

сущности, открывающее всякое внешнее украшение и всякую изысканность.»

Сумароковъ и Княжнинъ давно предъявили ничтожность высокопарнаго слога. Первый, получивъ слишкомъ распещренное посланіе отъ *В. Майкова*, отвѣчалъ:

«Витійство лишнее, природѣ злѣйшій врагъ.»

Талейранъ называлъ риторикѣ блѣстящимъ обманомъ. Нашъ Княжнинъ прежде его сказалъ: «риторика—наука, приносящая большую пользу бѣднымъ сочинителямъ, какъ раскрашивать свою нищету.» А краснорѣчіе, называетъ онъ: «Излишествомъ и зло-употребленіемъ словъ.» Насмѣхался надъ высокопарнымъ слогомъ, Княжнинъ въ своемъ посланіи отъ дяди стихотворца *Рыфмоскрипа*, говоритъ:

. одни лишь низки слогъ
Понятны каждому; а кто—равно какъ боги—
Высоко говоря, на крыліяхъ парить,
Тотъ долженъ не понять и самъ что говоритъ.

Такъ думалъ и Сумароковъ. Онъ сказалъ:

«Нѣтъ мыслей, за слова—хватаемся тогда.»

Наконецъ издатели отечественныхъ записокъ, нашихъ писателей *тружениковъ*, переимѣняютъ на чреду историческую. По мнѣнію ихъ Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ, Петровъ, достойны уважительнаго вниманія, какъ лица истори-

ческіе. Но какимъ образомъ изъ поэтовъ преобразились они въ лица историческія? Это не объяснено. Въ нашъ вѣкъ словесность названа выраженіемъ общества *). И это не новая мысль. *Сенека* прежде сказалъ, что у Грековъ была поговорка: *каковы слова, таковы и дѣла*. Сказано также было, что по произведеніямъ пера отличнѣйшихъ современныхъ писателей, можно судить о духѣ вѣка. И такъ, если издатели отечественныхъ записокъ, хотятъ помѣстить въ рядъ или какъ теперь говорятъ: въ *категорію* историческихъ лицъ писателей вѣка Екатерины II; то и тутъ нужно доказать: почему они болѣе принадлежатъ исторіи, а не словесности? Издатели О. З. На это отвѣчаютъ Спартанскимъ *Лаконизмомъ*: Они неимѣли положительнаго таланта! Да и кто положилъ и уложилъ предѣлы стремленію мысли человѣческой! Столпы *Геркулесовы* и до Колумба рушились, и исчезли передъ отвагою мореплавателей. Сумароковъ отнюдь не думалъ, будто бы онъ истощилъ всю силу и выраженіе русскаго слова. Онъ зналъ, что есть такія движенія сердечныя, которыя душа высказываетъ однимъ молчаніемъ. А потому въ стихахъ своихъ, подъ заглавіемъ: «недостатокъ изображенія:» онъ говоритъ:

«Парнаскимъ жителемъ назваться я не смѣю;
Лишь сладости любви я чувствовать умѣю.»

*) La litterature est l'expression d'exa société. (Bonald.)

Онъ зналъ, что слава, оболочка только мыслей; онъ зналъ, что прихоть и мода измѣняютъ ихъ: наконецъ онъ зналъ, что у души есть тѣ сильныя, завѣтныя выраженія, которыми она увѣковѣчиваетъ вдохновеніе и жизнь мысли; зналъ онъ также, что ни одинъ великій писатель самаго себя не производитъ. А потому, снова повторяю, онъ и не возводилъ себя на горнюю чреду поэтическую. Но далѣе увидимъ чѣмъ вообще обязана ему русская словесность. Не мечтала также и Княгининъ ни о чредѣ исторической, ни о памятникахъ. «Исторія, говоритъ онъ: архива тшеславія; а *мосзолей* — знакъ высокомерія человѣческаго.» Не думала онъ также, что въ одномъ талантѣ создается и заключается вся жизнь душевная. Въ посланіи своемъ: «къ русскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ:» онъ говоритъ:

«Да! чтобы вѣчности въ безсмертный храмъ войти,
Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнѣмъ просвѣщеніемъ
Гордись однимъ собой, гнушаяся ученьемъ,
И самолюбіемъ на вѣки ослѣпленъ,
Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ.
Не видѣвъ въ грубости небесный оный пламень:
И самъ алмазъ въ корѣ простой и дикій камень.»

Но дорого достается *пламень небесный*. Дивная *миѳа* о *Прометѣѣ*, похитившемъ огонь небесный, къ одушевленію чловѣка, разительно

свидѣтельствуеть, чѣмъ часто платитъ человекъ за живое чувство, за полетъ мыслей и за теплоту сердечную среди общества холоднаго, окованнаго одиѣми приличіями и выгодами вещественными! Чувствительность часто и очень часто бываетъ тѣмъ неусыпнымъ врагомъ, который грызетъ и терзаетъ внутренность жертвы своей, прикованной къ вершинамъ *Кавказа*. Кажется, чего не доставало поэту *Байрону*? Когда въ областяхъ Европейскихъ затихли перуны *Наполеона*, тогда громъ поэзіи его огласилъ Европу и отгрянулъ за океанъ. Чего у него не было? Замокъ волшебный, осѣнененный рощами, окруженный садами; тамъ роскошныя луга, тамъ пруды, гдѣ плаваютъ лебеди; все у него есть, но душа его жаждетъ чего то другаго. Онъ вырывается изъ страны родной, какъ будто изъ оковъ темничныхъ; онъ говоритъ прощаясь съ берегами *Англій*: «какъ птица воздушная улетаю я отыскивать пріютъ безмятежный, отыскивать цѣлительный бальзамъ, который бы смягчилъ страданія мои и оживилъ отрадою сердца истомленное.» Такой же порывъ къ путешествію, какъ мы видѣли, тревожилъ и *Сумарокова*. «Душа поэта, сказала *Лейбницъ*: зеркало вселицей.» Она хочетъ все высмотрѣть, во все всмотрѣться, все изобразить и все высказать.

Разорялся *Сумароковъ*; а въ тоже время и

Вольтеръ писалъ къ одному изъ друзей своихъ:
«графы и герцоги разорили меня. Я давалъ имъ
въ займы; они промотали все на любовницъ,
на псовую охоту, на бездну глупостей; а ме-
ня заставляютъ умирать въ Фернзе съ голоду
и холоду. Вътеръ бушуетъ по комнатамъ моимъ,
а мнѣ не съ чѣмъ приступить къ починкѣ зам-
ка.»

Вольтеръ лучше всѣхъ зналъ, какимъ бурнымъ
превратностямъ подвержена жизнь поэтовъ и пи-
сателей. 1732 года писалъ онъ къ одному моло-
дому челоѣку, горѣвшему авторскою страстію:
«вы порываетесь къ бурямъ и къ воднеіямъ ду-
шевымъ. Поприще писателей, особенно гениевъ
тернисте поприща искателей счастья. Будете ли
вы писателемъ посредственнымъ; вы станете то-
миться до гроба разкаяніемъ. Увнчаются ли успѣ-
хомъ? На васъ отовсюда полетятъ стрѣлы зави-
сти. Вы будете идти на краю бездны между
презрѣніемъ и ненавистію. Когда же кончите
тревожную жизнь, вотъ ваша надгробная:

«Ci-git au bord de l'Hippocrène
Un mortel longtemps abusé;
Pour vivre pauvre et méprisé,
Il se donna bien de la peine.»

«Тутъ, близъ, парнаскаго селеня,
Мечтатель смертію уложенъ,
Чтобъ жертвой быть нужды, презрѣнья.
Былъ въкъ онъ свой засученъ.»

Завидуйте послѣ этого славѣ поэтовъ.

Но если жизнь фернейскаго поэта по временамъ отуманивалась, за то какое блистательное поприще встрѣтило его передъ могилою! На него посыпались тѣ вѣнцы, которые ожидали въ Капитолѣн *Tasso*, послѣ всѣхъ его страданій. Но что же вышло изъ этаго шумнаго великолѣпнаго торжества? Когда хлынула у Вольтера кровь горломъ; онъ кричалъ! «вы убили меня, за чѣмъ вызвали меня въ Парижъ?» Слава, звукъ пустой: «сказалъ Сумароковъ» и онъ правъ. Онъ же говорилъ въ тѣ дни, когда мысль его свѣтилась яркою жизнію: «не въ огромныхъ сданіяхъ, а въ сердцахъ спокойныхъ обитаетъ счастье.» Да и кто вполнѣ въ вихрь нашего общества находитъ его! Въ одинъ годъ, то есть: 1778 года три человѣка сошли въ могилу почти въ одно время. Вольтеръ палъ въ Парижѣ подъ бременемъ славы своей; Руссо спустя мѣсяца два умеръ внезапно въ очаровательномъ *Ermonnonville*, отдавъ, можетъ быть, послѣднія деньги, встрѣтившемуся съ нимъ бѣдняку. Сумароковъ, какъ будто въ удаленіи отъ самаго себя, постепенно сходилъ въ могилу. Тщетно предавался онъ безчувственному опьяненію; онъ страдалъ и писалъ:

Мнѣ прежде, музы! вы стихи въ уста влагали;
Парнасскимъ жаромъ мнѣ воспламеняли кровь;
Вспѣвалъ любовницъ я и ихъ ко мнѣ любовь;
И вы мнѣ въ вѣжности, о, музы! помогали,

Мнѣ нынѣ фуріи стихи въ уста влагають
И адскимъ жаломъ мнѣ воспаменяють кровь;
Пою злодѣевъ я и ихъ ко злу любовь;
А мнѣ злы фуріи въ суровствѣ помогаютъ.»

Его мучила, и истомляла, лютая борьба съ ябьдою. Онъ испивалъ всю ядовитую чашу презорнаго и наглаго крючкотворства, змѣиными изгибами обвивающаго жертву свою. Правда была его душою и онъ писалъ:

«Здѣсь, въ свѣтѣ посреди обмана, лжи и лести,
Душа безъ ясности и безъ великихъ думъ;
Тупѣютъ чувства, въ насъ и вида гибель чести—
Мутить теченье думъ.»

Кто истинны всегда ни въ чемъ непревзвитель,
Кто помнить долгъ святой и въ близости царей:
Коль счастливъ смертный тотъ! онъ истины хранитель,
Достойный олтарей.

Гнушается войти онъ въ помыслы лукавы,
Удача льстиваго его не обольститъ:
Когда толпы людей во зло вперили нравы,
Онъ мыслить и молчить.» *)

Но за нѣсколько дней до смерти своей, какъ будто пробудясь отъ тяжелаго сна, Сумароковъ одушевился одною мыслию о будущей судьбѣ

*) См. полн. соч. часть II, стр. 196.

отечества. Федоръ Григорьевичъ *Каринъ*, переводчикъ Расиновой *Ифигеніи*, разказывалъ мнѣ, что захавъ къ Сумарокову часу въ двѣнадцатомъ поутру, онъ засталъ его быстро бросавшаго мысли на бумагу. Взявъ Карина за руку, онъ сказалъ: «это моя лебединая пѣсня: это прощальная моя пѣснь съ отечествомъ.»

Вотъ она.

«Вижу будущіе вѣки,
Духъ мой въ небо восхищень,
Русскихъ странъ играйте рѣки;
Дальный океанъ смущень,
Въ трепеть приведенъ онъ нами;
Въ ужасъ вашими водами.
Ваше суетно препятство
Вѣтры! нашимъ кораблямъ;
Разсыпается богатство
По твоимъ, Нева! брегамъ!
Бѣдны, предъ Россіи окомъ,
Западъ съ югомъ и востокомъ.»

Горы злато изливають,
Къ намъ сокровища текутъ.
Степь народы засѣляютъ,
Разны тамъ плоды растутъ.
Гдѣ лѣса вы непроходны?
Гдѣ пустыни вы безводны?

Тамъ, гдѣ звѣри обитали,
Тамъ жилища разцвѣли;
Тамъ, гдѣ птицы не лѣтали,
Грады стѣны вознесли.
Гдѣ снѣга во вѣкъ не таютъ,

Тамъ лучи наукъ сіяютъ.

Тщетно бури возвѣвають
Дерзкій ревъ изъ глубины;
Море новы открываетъ
Намъ среди волонъ страны *).
Наступаютъ Россы пышно,
Имя ихъ и тамъ ужъ слышно.

Разверзается мнѣ болѣ
Высоты небесной видъ;
Петръ великій къ намъ оттолѣ
Восхищеннымъ ликомъ зрѣтъ.
«Зри, исполненный утѣхи
Въ мирѣ, Петръ! твои успѣхи.»

Воспѣваю безопасно;
Вся подсолнечна внемли;
Простерайся велегласно
Рѣчь моя по всей земли,
Я глашу Россіи тайну;
Россовъ честь необычайну.

Между тѣмъ домъ нашего поэта пустѣлъ часъ
отъ часу болѣе. Оставались однѣ стѣны. «Меня
выгоняютъ изъ моего дома, писалъ онъ къ Кня-
зю Потемкину:» правда я долженъ, но я извѣ-
щая васъ, что за занятыя деньги, я заложилъ
табакерку, подаренную мнѣ Императрицей Ели-
саветой Петровной. Ее, повторю и здѣсь, оцѣ-
нили въ двѣнадцать тысячъ, а на мнѣ всего дол-
га тысячъ до осьми. Ябѣдъ не домъ мой пу-
женъ; ей нужно подвергнуть меня посмѣлнѣю и
наругаться надо мною. Она мститъ мнѣ.

*) Алеутскіе острова.

Можетъ быть ябѣдъ и удалось бы выгнать хозяина изъ дома; можетъ быть удалось бы ей насладиться этимъ послѣднимъ торжествомъ. Но смерть была услужливѣе; она вывела его изъ дома, гдѣ нѣкогда цвѣло радушное гостепріимство и куда каждый бѣднякъ приходилъ съ живою надеждою, зная, что его встрѣтитъ и ласковое слово и вѣрная помощь. У А. П. Сумарокова не были на заперти ни двери, ни сердце; а рука, пока у нее, что было, торопилась приподнимать бѣдняка и давать ему.

Къ переходамъ жизни нашего поэта можно примѣнить то, что онъ писалъ къ *Волгѣ*.

Вотъ эти стихи:

«Долины, Волга! потопляя,
Себя въ стремленіи влечешь;
Брега различны омывая,
Поспѣшно къ устью ты течешь;
Токъ видить твой въ пути прѣтнны?
Противности и блага цѣль;
Проходишь ты луга зелены,
Проходишь и песчану степь;
Вѣкъ видить нашъ тому подобно
Различныя въ пути слѣды;
То время къ радости способно,
Другое намъ даетъ бѣды;
Въ Каспійскіе валы впадаешь,
Царица! мать русскихъ рѣкъ;
Въ Морской ты безднѣ исчезаешь;
А въ вѣчности нашъ тонетъ вѣкъ.»

По обычаю того времени Сумарокова называли *вольнодумцемъ*: а можетъ быть, увлекаясь духомъ своего вѣка, онъ и самъ иногда выдавалъ себя за вольнодумца. Но онъ кончилъ жизнь Христианиномъ благоговѣйнымъ. Родственникъ его Иванъ Ивановичъ Юшковъ поспѣшилъ въ пустынный домъ его и воздалъ ему всѣ почести погребенія. Московскіе актеры несли его гробъ до Донскаго монастыря. Присоединились къ нимъ и нѣкоторые люди, которые помнили добро оказанное имъ покойникомъ.

А тутъ и повторимъ слова нашего поэта:

«Все въ пустомъ лишъ только цвѣтъ;
Что ни видимъ, суета;
Добродѣтель! ты на свѣтъ
Намъ едина красота.

СТАТЬЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВНИМАНИЕ ВОЛЬТЕРА И СУМАРОКОВА КЪ ЧИСТОМУ ПРИРОДНОМУ ЯЗЫКУ.

«Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ.»

(Сумароковъ).

Заглянувъ въ десятую часть полныхъ сочиненій Сумарокова, увидимъ, съ какимъ вниманіемъ занимался онъ всѣми подробностями, относящимися къ душѣ русскаго слова. Но онъ также говоритъ, что съ искаженіемъ отечественнаго языка и съ разрушеніемъ коренныхъ его основаній, прекрасный нашъ языкъ подвергнется паденію.

Стихотворенія А. П. Сумарокова пльняли и восхищали его современниковъ: слѣдственно *рагительное словоудареніе* и одушевленное *разме-*

ценіе словъ доставляли имъ ту *музыку*, которая по словамъ *Горація*: «черезъ слухъ переходитъ и въ душу и въ движеніе мысли, прислушивающейся къ душѣ.» Эта музыка, съ переменною объема новаго стихотворства, для насъ отчасти исчезла. Дай Богъ, чтобы музыка теперешней поэзіи далѣе существовала; но о превратностяхъ и измѣненіяхъ прихотливаго вкуса, трудно предположить, что ибудь утвердительное. «Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, говоритъ Н. М. Карамзинъ, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на *вкусъ*, неизяснимомъ для *ума*; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе читателя рождается отъ его тайной *симпатіи* съ *авторомъ* и неподлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ Англичанами и Нѣмцами въ мнѣніи ихъ о *Шекспирѣ* или *Шиллерѣ*.»

Никогда! А давноли это было сказано и гдѣ? это говорилъ Карамзинъ 1818 года декабря пятаго въ стѣнахъ Россійской Академіи. Но слова *никогда* въ наше перелетное время, какъ будто смолкло. Отъ 1818 года до 1840 года сколько было превратностей въ міръ политическомъ и въ міръ словесности! Н. М. Карамзинъ предполагалъ что *Шекспиръ* никогда не будетъ свѣтиломъ въ драматической нашей области: а теперъ — онъ

солице наше. А *Шиллеръ* еще до великобританскаго поэта сбиль у насъ и Коцебу и французскія драмы и все наше, отъ чего такія быстрыя превратности во вкусъ? отъ того, что въ нашемъ вѣкѣ затѣняются событія вѣковыя; отъ того, что мысль, быстро возникающая и созрѣвающая, спѣшитъ все обозрѣть все изслѣдовать и во всемъ отдать себѣ отчетъ положительный или предполагаемой: все равно; только она не засиживается долго на одномъ мѣстѣ. Наконецъ и отъ того, что сила необычайныхъ событій, возбудила новыя требованія, прихотливья ли, основательныя ли? Не разбираю этаго; но мысль очевидно ищетъ новой пищи на всѣхъ путяхъ ума человѣческаго. А потому, если вмѣстѣ съ перелетомъ *модь* измѣняются и обороты и оболочки слога: то, что же остается послѣ нихъ! *мысли*. Я показалъ въ началѣ этаго сочиненія, какія животворныя *мысли* Сумароковъ, такъ сказать: завѣщалъ пользы общественной и человѣчеству; показалъ я также, что и ститотворенія его двигали духъ Державина.

Прибавлю здѣсь, что почти весь *всильможа* Державина, заимствованъ изъ Сумарокова. Но это не отнимаетъ достоинства у Гавріила Романовича. Лесть-оборотень; истинна во всѣхъ переходахъ своихъ неизмѣнна.

Но къ живому выраженію истинны нужно живое, ясное выраженіе слова роднаго. Плутархъ и другіе умные писатели говорили, что чужезычіе запутываетъ, затѣмняетъ мысль, и что отвычка отъ слова отечественнаго отклоняетъ отъ него и слухъ и душу. *Вольтеръ*, въ послѣдніи дни жизни своей, посѣтя французскую академію, сказалъ: придерживайтесь собственныхъ словъ. французскій языкъ надмѣнный нищій, но онъ не терпитъ подаянія. (* Тѣмъ болѣе, при обиліи нашего языка, намъ не нужны подаянія постороннія. Убѣдясь въ этой истинѣ, Сумароковъ сказалъ: «введеніе иностранныхъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка.» Такъ думалъ и Н. М. Карамзинъ. «Бѣда наша, говоритъ онъ: что мы все хотимъ говорить по французки, и не заботимся объ обработываніи своего языка; мудрено ли, что неумѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ. Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ: «что языкъ нашъ долженъ быть весьма темень, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ прибѣгаютъ къ французскому.» Разсказавъ объ этомъ Карамзинъ прибавляетъ: «не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ?» —

*) La langue française est une mendicante orgueilleuse, qui ne veut pas accepter l'aumône.

Что мы сами даемъ поводъ къ такимъ заключеніямъ, это совершенная истина но и министръ былъ правъ. Въ разлетъ и разбродъ нашего общественаго міра, мы разучились понимать другъ друга. Вольтеръ, проживъ три года въ Англіи говорилъ: «Мнѣ кажется, что я забылъ свой французскій языкъ.» У насъ, и не выѣзжая изъ отечества, забываютъ и свое и своихъ и языкъ—общее достояніе и сокровище народное, которой соединяетъ и мысли и души людей. Убѣжденный въ этой истинѣ, Сумароковъ сказалъ :

«Мы общей мыслию пространна языка
Все можемъ изъяснять, какъ мысль ни глубока,
Описываемъ все и чувствіе и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мѣлки части.
Даръ этотъ получая отъ щедрата Творца,
Изображеніемъ вселяемся въ сердца.»

А вотъ, что онъ говоритъ о переводѣ, и говоритъ очень основательно :

«Что очень хорошо на языкъ французскомъ
То можетъ въ точности быть снаредно на рускомъ.
Не мни перевода, что смыслъ въ творцѣ готовъ,
Творецъ даруетъ мысль, но не даритъ намъ словъ,
Въ спрѣженіе рѣчей его ты не вдавайся;
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишь тѣмъ путемъ, и область дай уму.»^{*)}

*) «Ступай лишь тѣмъ путемъ и область дай уму!
Вотъ лучшее опредѣленіе того, что мы теперь называемъ *романтизмомъ* т. е. свободнымъ, безусловнымъ полетомъ мысли.

Это совершенная истина. Лагарпъ послѣ Сумарокова сказалъ что: «переводъ— борьба съ сло-гомъ великаго писателя.» А чтобъ съ нимъ удачно бороться, то надобно запастись и силою своего природнаго языка и силою того писателя, съ которымъ вступаемъ въ битву словесную. А для этого должно понимать и очень помнить слова Сумарокова.

»Не мнѣ перевода, что смыслъ въ творцѣ готовъ.
Творецъ даруетъ мысль, но не даритъ намъ словъ.»

На поприщѣ французской словесности рано утвердилось значеніе и опредѣлительность словъ. «Первое творческое сочиненіе, говоритъ Вольтеръ, выдано во Франціи *Паскалемъ* 1654 года. То были *иногородныя его письма*. Въ нихъ всѣ роды краснорѣчія и въ нихъ въ продолженіи ста лѣтъ не измѣнилось ни одно слово. *Паскаль* утвердилъ французскій языкъ.»

Вольтеръ ошибся.

Громкіе раздаются теперь возгласы во Франціи:
гдѣ наша проза? гдѣ наша поэзія? онѣ пали.»

Время на время не приходитъ и Сумароковъ давно сказалъ что: все на свѣтѣ коловратно.»

СТАТЬЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Отрывки изъ рѣчей Сумарокова, произнесенныхъ по случаю основанія Академіи художествъ и заложенія Кремлевскаго новаго дворца Бажановымъ.

«Свѣтъ ума, вѣщаль Петръ первый, подобно свѣту солнечному долженъ озарять всѣ народы. изъ Греціи науки и искусства перешли въ Италію, во Францію, въ Англію, въ Германію. Пришла и наша очередь! ужели мы одни, сыны Россіи, были исключены изъ области просвѣщенія? нѣтъ и намъ Богъ далъ и умъ и способность дѣйствовать умомъ для славы Россіи и для пользы отечества.»

Такъ говорилъ Петръ первый послѣ двадцатиоднолѣтней войны, гремѣвшей въ различныхъ странахъ Европы и въ предѣлахъ Азіи. Сбылись слова образователя Россіи: и то, что предвидѣла зоркая его мысль, то А: В: *Никитенко* въ сильной рѣчи своей торжественно показалъ и доказалъ.

●

Уже въ первой четверти оснадцатаго столѣтія существовала у насъ *Академія Наукъ*, основанная Петромъ первымъ по совѣщанію съ знаменитымъ *Лейбницемъ*. Но *Академіи Художествъ* не было до Императрицы Елисаветы Петровны. А когда разнеслась молва объ учрежденіи храма искусствъ и художествъ; тогда люди предубѣжденные сильно возставали противъ сего заведенія, достигнувшаго въ наше время столь блистательной чреды. Но А. П. Сумароковъ вполне постигая дѣятельный умъ Петра перваго, говорилъ по случаю открытія оной при Екатеринѣ второй: »Слышу по берегамъ Невскимъ радостное сыновъ отечества восклицаніе и громкій гласъ Его съ небесной страны раздающійся по валамъ балтійскимъ. Народному восклицанію и гласу гремящей славы соответствуетъ премудрость, преселившаяся отъ Нильскихъ береговъ въ Европу. Въ вы, присутствующіе при семъ торжествѣ вѣдаете, какими плевсами поражаетъ невѣжество древнюю премудрость. Но это происходитъ отъ лѣности, праздности, тьмы и заблужденія! Ибо путь къ истинѣ требуетъ просвѣщенія, а просвѣщеніе—требуетъ трудовъ. Есть люди, говорящіе, на что эта академія художествъ; ее не было при Петрѣ первомъ? Но Петръ первый дорогою цѣною выписывалъ памятники искусствъ изъ Италіи. И при семъ великомъ Государѣ основалась бы Академію Художествъ, если бы онъ жилъ долѣ чело-

●

вѣка. Скажутъ мнѣ, какая польза народу отъ живописи и ваянiя? отвѣчаю: не можетъ ни исторiя, ни поэзiя изъяснить тѣлесныхъ качествъ геройскихъ; живопись и ваянiе въ томъ вспомошествоуютъ имъ. А памятники великихъ мужей, представленные очамъ и мысли нашей, оживляютъ изображенiя душевныхъ ихъ свойствъ и поощряютъ насъ къ подражанiю имъ. Къ поприщу художествъ и искусствъ, Екатерина, такъ сказать, созидаетъ новыхъ людей, чтобы ни какая посторонняя сила, никакiя обольщенiя не отвлекали ихъ отъ пути истины и слѣдственно отъ истинной пользы отечества.

Такъ говорилъ Сумароковъ на берегахъ Невы, въ стѣнахъ ново-учрежденной Академiи, а знаменитый нашъ зодчiй *Бажановъ*, произнося сочиненную для него Сумароковымъ рѣчь по случаю заложения новаго дворца въ кремль говорилъ: «празднуетъ Восточная Церковь обновленiе Царь-Града; ибо благочестивый Константинъ перенесъ престолъ съ береговъ Тибра въ Византию и украсилъ ее великолѣпiемъ, освятилъ благодатию вѣры. Въ сей день обновляется Москва. Ты, великая Екатерина! посреди кровавой брани, посреди множества порученныхъ тебѣ отъ Бога дѣлъ и объ украшенiи первопрестольнаго града приложила достойную тебя заботу. Кажется, что судьба для того противопоставляетъ различныя

препоны къ исполненію великихъ твоихъ дѣлъ,
чтобы болѣе превознестъ и возвеличить имя твое.
На сушѣ и на моряхъ, гремитъ слава твоя.

«А ты, се, благословенная рѣка, орошающая
кремлевы стѣны! Воздвигни главу твою, возведи
очи и зри: се къ твоему Сіону стекаются жите-
ли много-роднаго обиталища, видѣть о немъ
попеченіе премудрой Екатерины. Да украсятъ
берега твои, какъ берега протока, претворенна-
го изъ блата въ чистѣйшія нескія струи и но-
сящаго въ Петрополь имя Великія Екатерины! *)
Ликовствуй Кремль! Въ сей день полагается пер-
вый камень новаго твоего бытія.»

«Греки хотя и все отъ Египтянъ и Финикянъ
къ просвѣщенію своему получили; но одушевивъ
народъ новымъ рвеніемъ ко всему изящному,
возвели зодчество на чреду блпстательную. Отъ
несовершенной Египетской Архитектуры возник-
ли въ Греціи три степени зодчества: *Дорической*,
Ионической и *Коринской*; важной, нѣжной и цвѣт-
ной. Различны въ нихъ размѣры и расположе-
нія, но всѣ приведены въ совершенныя правила
и всѣ могутъ быть посвящены огромностямъ.
Нѣкоторые думаютъ, что и архитектура, подоб-
но одеждѣ, выходитъ изъ моды; но какъ логи-
ка, физика и математика не подвержены модѣ,
такъ и архитектура; ибо она основана на здра-

*) *Екатерининскій каналъ.*

выхъ правилахъ а не на модѣ. Когда Готы, овладѣли Италіею, они привыкнувъ къ великолѣпію зданій римскихъ и не постигнувъ того, въ чемъ состоитъ подлинная красота зданій, ударились только въ сіяющіе виды зодчества; безъ всякихъ правилъ и вкуса, умножали украшенія, ввели новый родъ созиданія, который въ послѣдствіи получилъ отъ художниковъ искусныхъ, хотя и неслѣдовавшихъ правиламъ, огромность и пріятность, такого рода наша Спасская башня, однако, какъ она ни прекрасна, но башня Гавріила Архангела болѣе пльилеть зрѣніе. Колокольня Ивана Великаго хороша, но колокольня, дѣвичьяго монастыря прелестнѣе по легкому зодчеству своему. Церковь Климента Покрыта златомъ; но церковь Успенія на покровкѣ болѣе нравится видомъ своимъ. Одна смѣсь прямой архитектуры съ готическою, а другая созиждена по одному благоволенію строителя.»

И потомъ исчисливъ еще нѣкоторыя тогдашнія зданія, Сумароковъ устами Бажанова привѣтствовалъ Екатерину сими словами: «Тебѣ, великая Государыня! врученъ отъ Бога скипетръ Россіи! Тебѣ повинуется побѣда, сопровождающая войско твое. Ты печешься о сырыхъ, убогихъ; и ты простираешь свой щитъ на гонимую невинность. Тебѣ поручено исправленіе правовъ, за-

коновъ и просвѣщеніе народа. Къ славъ твоей и зодчество устремляетъ усердіе свое, видя въ тебѣ Россійскую Паладу; а Москва видитъ новой залогъ, твоего къ ней вниманія.»

ПОСЛѢДНІЯ, ДВѢ ДОПОЛНИТЕЛЬ- НЫЯ СТАТЬИ.

*Возраженіе на мнѣніе Николая Ивановича Греча о Сумароковѣ,
Ломоносовѣ, Петровѣ и Фонѣ-Визинѣ.*

Мимо иссохшихъ и истлѣвшихъ
деревъ проходимъ неоглядываясь;
но передъ деревьями, увѣчан-
ными плодами животворными,
невольно остановишься и захочешь
разсмотрѣть ихъ. (Восточное из-
реченіе Абахамеда).

Прочитавъ въ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ Н.
И. Греча слѣдующія слова: «И Ломоносовъ, и
Петровъ, и Сумароковъ, и Фонѣ-Визинъ, жили не
извѣстностью въ публикѣ, а милостью знатныхъ
вельможъ;» я спрашивалъ самаго себя, что хотѣлъ
сказать сочинитель? толи, что Ломоносовъ и
Сумароковъ, не перешедъ подъ щитъ благоволе-
нія знатныхъ и вельможъ, не былибъ писателя-
ми? Или, что вступивъ на поприще словесности
въ отчужденіи отъ общаго мнѣнія, они жили,

только милостивымъ покровительствомъ современной знаменитости? Кажется, что эта послѣдняя мысль указываетъ на его мнѣніе; ибо объясняясь о *Хемницеръ*, онъ говоритъ: «Хемницеръ и въ службѣ не могъ остаться, когда вышелъ въ отставку одинъ изъ его благодѣтелей, какъ же можно было безъ протекціи добиться литературной славы; бывають перелетные выскочки и въ словесности. Въ одномъ изъ почетнѣйшихъ круговъ вѣка Людовика XIV, возвели *Шапеле* на горьную вершину Парнаса, откуда онъ съ своею поэмою упалъ въ такое могильное забвеніе, что *Виллеменъ*, приводи изъ него три стиха, сходные съ стихами Вольтеровой Генриады, прибавилъ: «стыжусь сказать, что эти три стиха разительнѣе Вольтеровыхъ стиховъ.» Можно съ помощію сильной руки добиться и случая и извѣстности; но безъ ума и дарованія, не добьешься до пальмы безсмертія. Правда, что пока будутъ существовать общества человѣческія, взаимное вниманіе ихъ членовъ необходимо для подкрѣпленія другъ друга на различныхъ путяхъ ихъ дѣйствія. Правда, что убійственное презрѣніе, можетъ охолодить и самые пламенные порывы душевные; также, какъ отъ порывовъ бури зимней мертвецъ и самый ясный источникъ, отражавшій въ прозрачныхъ струяхъ своихъ и солнце и сводъ лазурный и цвѣтушіе его берега; это правда. Но повторяю еще: что никакія милостивыя

улыбки почетной знати не сотворятъ ума тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не посвятъ тамъ дарованія, гдѣ природа, своенравная въ раздачѣ способностей не дала вдохновенія. Впрочемъ и *Хемницеръ* не вовсе былъ безгласенъ въ кругу тогдашняго свѣта, роскошный богачъ *Ф. Г. Каринъ* переводчикъ Расиновой Ифигиней и владѣлецъ семи тысячъ душъ, при первомъ моемъ съ нимъ знакомствѣ 1797 года рассказывалъ мнѣ, что у него бывалъ *Хемницеръ* и читалъ ему въ рукописи нѣкоторыя его сказки, написанныя игривымъ, острымъ и шутливымъ перомъ въ родѣ *Грекуровыхъ* сказокъ, ихъ нѣтъ въ печати. Говоря выраженіемъ *Суворовскимъ*, *терепашному* ходу его басенъ, была другая причина. Вотъ она. При первомъ появленіи его книжки, жили еще многіе современники Сумарокова, страстно любившіе его притчи, по привычкѣ къ разказу его, имъ казалось, что въ легкости и въ плавности разказъ *Хемницера* далеко отстоитъ отъ ихъ поэта. Упомянуто было, что историкъ Князь Щербатовъ внушилъ *Левеку*, а *Левскъ* напечаталъ, что притчи Сумарокова похитили вѣнецъ славы у басенъ *Лафонтеновыхъ*. При такомъ общемъ мнѣніи о притчахъ Сумарокова, трудно было внезапно почувствовать красоту басенъ *Хемницера*. Тѣмъ болѣе славы для *Хемницера* и тѣмъ убѣдительнѣе видимъ, что произведенія ума, ознаменованныя живою мыслію и истинною, рано или поздно взой-

дутъ на свою череду. Впрочемъ на Хемницера начинается вѣять ненастье; и о немъ вныне поговариваютъ, какъ будто изъ милости. О вкусахъ трудно спорить.

Но дѣло не отомъ. Н. И. Гречъ увѣряетъ будто бы: *Ломоносовъ и Сумароковъ жили неизвѣстностью въ публикѣ, а милостью знатныхъ и вельможъ*. Уже ли оба наши писатели по милости тогдашнихъ нашихъ вельможъ, были ежедневными ихъ застольниками? Н. И. Гречъ опытно меня въ изслѣдованіи силы и знаменованія словъ, а потому онъ и согласится, что *жить по чьей нибудь милости*, значить, получать все нужное для потребностей ежедневныхъ. Очень хорошо тотъ дѣлаетъ, кто питаетъ неимущаго. но способности ума не раздаются въ видѣ *милостивы*. Наконецъ, ужели вельможи, современные Ломоносову и Сумарокову, обладая тайною *прометеева* огня, воспалили въ нихъ жажду къ струямъ кастальскимъ? Сгарая этою жаждою, поэтъ Холмогорскій бѣжалъ изъ подъ крова отцовскаго: а Сумароковъ въ удаленіи отъ свѣта, въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, изобрѣталъ новое свѣтское нарѣчіе. Если Н. И. Гречъ почитаетъ *милостію* то, что тогдашніе вельможи любили сочиненія Ломоносова и Сумарокова, то и къ этому слово *милость* никакъ не приурочивается. Вдохновеніе мысли желаетъ сочувствія, а не *милостивы* и

это было. Въ письмахъ своихъ Н. М. Карамзинъ рассказываетъ, что въ бытность его въ Лондонѣ, Графъ С. Р. *Воронцовъ* съ восхищеніемъ прочиталъ ему наизусть нѣсколько строфъ изъ *оды* Ломоносова. Тоже было и съ *притчами* Сумарокова: и ихъ тогда также твердили на память, какъ теперь затверживаютъ басни И. А. Крылова. Хотя Ломоносовъ и называлъ И. И. *Шувалова* своимъ *Меценатомъ*, но онъ же говорилъ, что и за золотое *язонно* рупо не разстанется съ музами. Вниманіе къ быту человѣческому, должно быть солнцемъ, освѣщающимъ и палаты и хижины; но и оно не даетъ вдохновенія и не оно породило Ломоносова съ полетомъ Пиндара. Кадилъ онимомъ лести *Буало*, говоря Лудовику XIV.

«Un Auguste aisement peut faire des Virgiles.»

Тредьяковскій въ свое время былъ придворнымъ поэтомъ: а чѣмъ подарилъ онъ русскую словесность? *Телемахидою*.

Мечталъ и *Виландъ*, говоря Н. М. Карамзину, что онъ и на необитаемомъ островѣ и въ удаленіи отъ людей, не переставалъ бы заниматься чистотою и одушевленіемъ своей поэзіи.» Это восторгъ, это мечта поэта, не испытавшаго пустыни жизни.

«Да! безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздвлять.»

Были отшельники отъ міра: но и они не были одни. Они прислушивались—къ небу.

Обращаюсь къ Сумарокову. У него рѣшительно не было ни одного *мецената*; Друзьями его были корпусные воспитомцы и Графы и Князья. Но онъ съ ними сблизился въ тѣ золотые дни жизни, когда очаровательная, безусловная свѣчка соединяетъ души завѣтною памятью сердечною: это не *лиллостина*; это дружба. По пылкому, порывистому духу своему, онъ былъ спорщикомъ съ вельможами, а поклонникомъ—никогда. Загляните въ статью его о домостроительствѣ и вы увидите, что онъ даже бѣгалъ отъ пышныхъ пировъ, по непривычкѣ къ пищѣ, орошенной слезами сельскихъ труженниковъ.

Вникнувъ, по возможности моей, въ мысль Н. И. Греча, я полагаю, что онъ только хотѣлъ предъявить, что нынѣшніе первостепенные писатели, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, сами собою достигаютъ общенародной извѣстности. Это недавно видѣла сѣверная столица на вечернихъ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ. Но для чего бросать или перуны или стрѣлы насмѣшекъ на могилу прежнихъ великихъ писателей? За что отнимая у Сумарокова извѣстность, пріобрѣтенную имъ самимъ, называть его: *щепетильникомъ*?) Въ словарь Россійской академіи щепетильникъ значитъ продавецъ мѣлкихъ товаровъ. Въ этомъ словѣ заключаются также и захваты изъ чужихъ

*) Чтенія о русскомъ языкѣ Часть I. стр. 267.

сочиненій. Сумароковъ не грѣшенъ ни въ продажѣ илькихъ товаровъ, ни въ кражѣ письменной; а если онъ въ этомъ и грѣшенъ, то едвали кого изъ новыхъ поетовъ и писателей можно исключить изъ этаго грѣховнаго разряда. У нихъ почти вездѣ и во всемъ отклики старины, только въ другомъ объемъ и въ другой оболочкѣ слога. Сочинитель чтеній о русскомъ языкѣ, сравнивая поэзію Ломоносова съ поэзію Сумарокова, привелъ первыя строфы изъ оды на *счастіе*, переведенной съ французскаго языка; но онъ не упомянулъ свидѣтельства Сумарокова, что эта ода была напечатана въ кадетскомъ корпусѣ для показанія его *ученичества*. Вѣчная хвалами новыхъ писателей, проходящихъ еще путь жизни, на что срывать пальмы съ гробовъ умершихъ? А особенно съ той могилы, гдѣ покоится прахъ того, кто подарилъ обществу одно изъ лучшихъ его удовольствій. Двадцать семь лѣтъ не заглядываю я ни въ театры, ни на балы, ни въ концерты; слѣдственно для меня и театральное и всѣ другія поприща общественныхъ удовольствій не существуютъ. Но я радъ, что перечитывая вновь сочиненія Сумарокова, встрѣтилъ въ нихъ писателя, страстно любившаго человечество и чрезвычайнаго рачителя о пользѣ отечества и народа русскаго. На прощанье съ земнымъ міромъ, для меня та самая вдохновенная поэзія, гдѣ вижу существенное благо отечества. *Скажи* правду ска-

замъ, что тотъ благодѣтель людей, кто въ одного колоса научить дѣлать два. Замѣчу также, что П. И. Гречъ прочиталъ не лучшую басню Сумарокова. Въ его притчамъ есть нѣсколько прекрасныхъ разказовъ; особенно басня *заяцъ*, и по живости слога и по истиннѣ, высказанной въ ней, кажется, какъ будто вчера или нынче написана. «Сумароковъ, говоритъ П. М. Карамзинъ:» въ басняхъ своихъ язвить сильнымъ стихомъ безъ пощады.» Это сущая правда. Но если и великіе уроки исторіи призраками безмолвными проходятъ мимо глазъ, то кого вразумлять басни?

Нашъ летящій вѣкъ все быстро увлекаетъ. Давно ли поэзіи *Баратынскаго* повсюду гремѣли рукоплесканія? А слава промелькнулаи лѣтъ десять и А. С. *Пушкинъ* въ запискахъ своихъ, помѣщенныхъ 1840 года въ сынъ отечества, говоритъ, что поэзія Баратынскаго не такъ сильно дѣйствуетъ теперь отъ того, что умы сверстниковъ его стали зрѣлѣе. Нашъ вѣкъ, какъ будто и самъ себя ни въ чемъ не вѣритъ и самъ себя противурѣчить. Потому и не удивительно, что сочинитель о русскомъ чтеніи сбивчиво говоритъ о Сумароковѣ. Напримѣръ, на страницѣ десятой, во второй части, онъ пишетъ, что:» Сумарокова по справедливости должно назвать *отцелью русскаго театра* и что онъ первой началъ у насъ писать правильныя трагедіи; а въ первой части на стра-

ницѣ двѣсти семьдесятъ шестой называетъ его *щепильникомъ*. Но тотъ, кто, по собственному сознанию сочинителя, *отецъ русскаго театра*; тотъ, безъ сомнѣнiя, открылъ обширное поприще потомству. Для меня, какъ я уже сказалъ, театръ давно отжилъ. Однако же, вопреки мнѣнiю сочинителя о рускомъ чтенiи, я не соглашаюсь, будто бы то, что прежде казалось въ Сумароковѣ: *громкимъ и паметишискимъ, сдѣлалось нынѣ слабымъ, темнымъ и слышнымъ*. Въ трагедiяхъ Сумарокова есть мѣста сильныя, разительныя, которыя не отживутъ ни при какихъ превращенiяхъ нашей поэзiи, если только пристрастiе не станетъ загонять ихъ въ потемки. Встрѣчаются у него и другiя стихотворенiя, отличающiяся и паренiемъ мыслей и тѣми выраженiями, которыя имъ созданы и которыя, какъ будто нечаянно, и другiе наши поэты заимствовали у него. Это не выдумка: это увидать въ моихъ очеркахъ жизни и сочиненiй Сумарокова, хотя его и во все исключаютъ изъ числа *даровитыхъ писателей*. Ибо по мнѣнiю сочинителя о рускомъ чтенiи, главное безсмертiе писателей—*слогъ*. Что же такое слогъ? кто опредѣлитъ намъ его, видя, что нашъ книжной слогъ и въ прозѣ и стихахъ, въ такомъ же быстромъ перелетѣ, какъ и наши *моды*. Даже и о *слогѣ* Н. М. Карамзина, потому только не высказываютъ рѣшительнаго приговора, что, какъ будто совѣстится его предья-

вить. Оболочка мысли, то есть: *слогъ*, блекнетъ, старѣетъ, истлѣваетъ; но если подѣ нею хранится мысль, животворная для человѣчества, она отблеснетъ новымъ сіяніемъ; она выразитъ душу и умъ писателя. Это безсмертный лавръ Сумарокова. Онъ живъ и будетъ всегда жить на умственномъ поприщѣ за свѣтлое и разительное изложеніе тѣхъ истинъ, съ уничтоженіемъ которыхъ, говоря его словами; «общество человѣческое превращается въ пустыню и въ вертепъ дикихъ звѣрей.» Чѣмъ далѣе идемъ на путяхъ исторіи, говоритъ остроумный *Стеригъ*: тѣмъ болѣе должно оглядываться назадъ, не проронили ли чего нибудь и нѣтъ ли еще какихъ другихъ слѣдовъ для повѣрки и проясненія событій? Можно къ этому прибавить, что изъ времени настоящаго нужно почаще заглядывать въ будущее и по соображенію различныхъ переходовъ времени, высматривать, что изъ того можетъ проявиться и высказаться? — А. П. Сумароковъ это видѣлъ и потому мысли его всплыли надъ бездною, поглотившею непсчислимый перелетъ слоговъ. Прибавимъ, что не въ одномъ объемѣ человѣчества, онъ и въ объемѣ словесности оставилъ мысль зачатую.

Вотъ она.

«Ожесточай судъ, судя себя; ослабляй его, судя другаго.»

Исключивъ Сумарокова изъ круга общенародной извѣстности, сочинитель книги о русскомъ чтеніи, выводитъ оттуда и Петрова и Фонъ-Визина и Ломоносова, полагая, что и они жили одною милостію вельможъ. Если это правда, то сочинитель упомянутой книги въ нѣсколькихъ словахъ провозгласилъ безсмертіе тогдашнихъ вельможъ и возвелъ ихъ на чреду страстныхъ любителей Русскаго слова. Ибо, что имъ было отыскивать и въ Петровъ и въ Фонъ-Визинъ? Но съ своей стороны ни Петровъ, ни Фонъ-Визинъ ни передъ кѣмъ не сгибали спины, чтобы уловить какую нибудь калею случайности; напротивъ того, они оба громилъ силачей своего времени. Самъ Н. И. Гречъ разсказываетъ, что онъ слышалъ отъ нашего Исторіографа, что зрители съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прислушивались къ словамъ *Стародума* Фонъ-Визина. Но ужели и эти зрители не *публика*? Ужели милостивцы и вельможи предварительно упрасивали, чтобы зрители сходились въ представленіе Недоросля? можно подумать, что они задобряли ихъ и дарственными билетами. Изъ словъ сочинителя невольно выводимъ самыя странныя предположенія. Виновать ли Петровъ, что Григорій Александровичъ *Потемкинъ*, любилъ его и какъ друга и какъ писателя? Потемкинъ былъ уже начредъ *Высокопрево-*

сходительной, а Петровъ безъ всѣхъ чиновъ писалъ къ нему:

»Младый и храбрый вождь, другъ общества и
мой,
Препровождаемый соборомъ музъ Герой,
Что виднѣ по своей заслугѣ, не по дѣламъ:
Какъ агнецъ жилъ межъ насъ, какъ левъ пошелъ
къ победамъ:
Потемкинъ! будь счастливъ, геройствуй, уснѣвай,
И славой дѣль твоихъ съ львами созрѣвай.
Открыты подвиги; вселенна имъ свидѣтель;
Предложены вѣнцы; была бы добродѣтель.
О, другъ мой! не косни, устройся, потеки—
Всѣхъ очи, всѣхъ къ себѣ желанья привлеки.»

Не стало Потемкина и вѣрный другъ его Петровъ, пересылая на могилу его унылыя чувствованія души своей, говорилъ:

«О, лютая война! кто выдумалъ тебя?
Природы гнусный врагъ, врагъ обществъ и себя;
Ты, ты природнаго рушительница чина,
Толь тяжкаго для насъ урона, ты причина!
Герои, внявъ твой зовъ, къ тебѣ изъ стѣнъ бѣгутъ;
Дерзакъ на бѣды и жизни не брегутъ;
Далекіе пути и трудные подъемлютъ,
Томятся день и ночь, едва когда воздремлютъ.
.
Когда бы пагубно война не возгремѣла,
Россія бы поднесъ Потемкина имѣла.
Предъ мужемъ симъ лежалъ путь къ славѣ не
единъ;
Онъ былъ и безъ войны великій гражданинъ.»

Незнаю, кто бы изъ насъ не пожелалъ быть другомъ того Потемкина, съ которымъ Петровъ сливался такою жаркою душою; незнаю, кто бы изъ насъ не пожелалъ быть другомъ того Потемкина, который писалъ къ Я. И. Булгакову: «вы относите ко мнѣ дѣла Крымскія, это еще болѣе увеличиваетъ заслуги ваши. Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами Турки. Ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бѣ побѣждены; но Русская кровь также бы потекла.» Съ человѣкомъ, дышащимъ такимъ свѣтымъ чувствомъ человѣколюбія: и расстаться бы нехотѣлось! И это чувство было въ немъ не притворное; онъ оплакивалъ даже и смерть непріятелей; онъ себя только не щадилъ. Никто не можетъ укорить и Петрова, онъ не былъ ни искателемъ, ни рабомъ случайности, онъ былъ вполне другомъ Потемкина, умѣвшимъ въ человѣкѣ, цѣнить достоинство человѣка. Кто бы также не захотѣлъ бесѣдовать съ такою открытою душою, съ какою Фонъ-Визинъ бесѣдовалъ съ Графомъ Н. И. Панинымъ? Но между осмнадцатымъ и девятнадцатымъ вѣкомъ, промелькнули столѣтія всемірною исторію. Въкъ прежнихъ писателей отмежеванъ отъ насъ цѣлымъ міромъ историческимъ. Онъ, какъ будто затерялся для насъ; а если иногда и выказывается, то это черезъ какую то даль не разгаданную:

«Закрѣты будуще дни
Отъ смертныхъ тайными судьбами.»

Такъ говорилъ Сумароковъ почти лѣтъ за сто до того времени, когда непостижимая длань Провидѣнія, часъ отъ часу болѣе, раскидывала передъ очами изумленной нашей вселенной поприще событій, дотоле небывалыхъ въ ея предѣлахъ. Но и при развитіи и совершеніи сихъ необычайныхъ событій, *Шатобрианъ* въ исторіи своей повторилъ то же, что сказалъ Сумароковъ. «Кто, говоритъ онъ: кто знаетъ, что затаявается въ лонѣ будущаго?» Между тѣмъ тутъ и проявляется новое свидѣтельство, что живой порывъ мысли самъ собою увѣковѣчивается.

СТАТЬЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Сближеніе мыслей Карамзина съ мыслями А. П. Сумарокова. Переходъ пренія о русскомъ языкѣ изъ вѣка Сумарокова въ нашъ вѣкъ. — Замѣчаніе на отзывъ Князя П. А. Вяземскаго о Сумароковѣ и Ломоносовѣ.

Русскій языкъ упрямъ: безъ постояннаго труда не переупрямишь его.»

(Князь П. А. Вяземскій).

Въ одно утро, по обыкновенію своему, сидя въ огромныхъ креслахъ, Вольтеръ занятъ былъ работою. Кто то вошелъ къ нему, но видя, что перо, какъ будто быстрою молніей летало по бумагѣ, хотѣлъ удалиться. «Останьтесь, сказалъ онъ ему: останьтесь. Вы мнѣ не мѣшаете; я занятъ ничтожною прозою.»

Но для приобрѣтенія силы въ этой, такъ называемой ничтожной прозѣ, онъ каждый день перечитывалъ по нѣскольку страницъ проповѣдей *Мисильона* и отыскивалъ тайну сильной живописной прозы *Паскаля*, дѣлалъ непрестанно замѣчанія на мысли его, въ которыхъ по словамъ *Фонтана*: «слогъ быстръ, какъ мысль и такъ естественъ, что у него и мысль и слогъ одно и то же.» Тотъ же Графъ *Фонтанъ* прибавляетъ: «мы понимаемъ краснорѣчье *Босюета*; онъ заимствуетъ роскошные образы свои у поэтовъ; въ немъ дышетъ вдохновеніе чловѣка, стоящаго между небомъ и землею, чтобы двигать души слушателей. Нѣкоторые ораторы пытались подражать *Босюету*; но кто отважится подражать *Паскалю*? онъ сотворилъ свой слогъ. Отъ чего же слогъ его ознаменованъ такою творческою печатью? отъ того, что онъ самъ, по видимому, обыкновенныя слова, облекъ силою мысли, оживляющею слово.»

Повторимъ и здѣсь: оболочка прозы также блекнетъ отъ перелета времени, какъ и оболочка стиховъ: остаются однѣ мысли, если въ нихъ хранится, что иибудь живительное для бытія чловѣчества.

А потому вмѣсто пространныхъ разсужденій о томъ, какъ трудно было *Сумарокову* изобрѣтать прозу для всѣхъ разрядовъ сочиненій и какъ, не смотря на то, умѣлъ онъ ясно предлагать

животворныя мысли, созидающія благо общество, и некоторые мысли его сблизу съ мыслями Карамзина.

«Не всѣ, говоритъ Карамзинъ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній; судья спасаетъ невинность; отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ памятники благотворенія, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія; всѣ равно полезны Государству.»

«Какое званіе, говоритъ Сумароковъ: по моему мнѣнію первое? челоуѣка просвѣщеннаго и полезнаго обществу; въ чемъ бы личная сила его просвѣщенія ни состояла: министръ ли онъ, или полководецъ, или философъ, или математикъ, или поэтъ или историкъ, но науки всему душа. Нужно военнымъ людямъ и почтеніе и уваженіе; но чтобы они не думали, что военное искусство душа и всей премудрости и всего достоинства и всего благоденствія. Славно умирать за отечество, но столь же похвально и жить для него. Въ одну минуту узналъ *Монтескью* по дѣйствию войска, что нѣтъ уже *Туреня*; а что былъ на свѣтѣ *Кольбертъ*, того Европа вѣчно не забудетъ. Всѣ должности и науки питаютъ земледѣлецъ; воинъ защищаетъ; ученый просвѣщаетъ, достойны ува-

женія въ трудящихся для пользы отечества; одни туеядцы заслуживаютъ презрвнїя.»

Предлагая мысль Карамзина о законахъ, повтoрю о томъ же и изъ сочиненїй Сумарокова, хотя эта мысль и была же выше приведена. Но о такихъ предметахъ можно всегда припоминать.

«Какимъ великимъ дѣломъ, говорятъ Карамзинъ, украсится въкъ Александровъ, когда будемъ имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ заковъ, ясно и мудро написанныхъ... Метода и порядокъ заключаютъ въ себѣ какую то особенную силу для разума, и судья, обвиняя однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою.»

«Есть Государыня! говоритъ Сумароковъ: весьма дикое разрушеніе правосудїя. Судьи увѣряютъ, что человекъ можетъ быть правъ по законамъ, а по совѣсти виноватъ *)... Невѣжество—источникъ неправды; бездѣльничество полагаетъ основаніе храма сего: безуміе созидаетъ, пронирство утверждаетъ. Разрушь, Государыня! разрушь стѣны сего пагубнаго храма! низвергни его столпы и разори основаніе: но прежде повели собрать потребное для новаго сданїя, и вели основать училища и проч:

*) Смотри. Част II.

Вотъ еще образецъ слога Сумарокова изъ похвального слова Елисаветъ. «На горахъ Кіевскихъ проповѣдователь новой благодати водрузилъ крестъ и начерталъ не немъ: *на семь мѣстъ православіе будетъ*. На берегахъ Невскихъ Александръ Невскій побѣдивъ непріятеля, предвозвѣстилъ будущія Петровы побѣды, созданіе Петербурга и будто рекъ: «на семь мѣстъ поставленъ будетъ великій градъ и всѣ силы человѣческія не преодолеютъ его.» *Ремъ*, издвываясь надъ ничтожной оградой первоначальнаго Рима, перескочилъ черезъ нее. Кто изъ недалеко видящихъ не могъ за малое почесть первый домъ въ Петербургъ, первое морское судно, первое изъ отроковъ состоящее войска Петра Великаго? *Ромуловъ* городъ сталъ повелителемъ всего міра; Хижина Петра стала сѣвернымъ Римомъ, Петровъ ботикъ сталъ отцемъ великаго флота, Петрова войско—стало страхомъ сильнѣйшихъ непріятелей.

А обратясь къ Петру I, Сумароковъ сказалъ:

«Не въ великолѣпіи ищутъ великіе Государи Величества, не въ великолѣпіи искалъ и ты великій Государь славы своей. Твое великолѣпіе было попеченіе о государствѣ; въ немъ было украшеніе и сіяніе твоего вѣнца.»

Вотъ какимъ слогомъ писалъ Сумароковъ 1759 года. А что сказалъ Н. М. Карамзинъ 1803 го-

да о трудностяхъ встрѣчаемыхъ писателями въ Русскомъ языкѣ? Вотъ его слова.

«Французъ, прочитавъ Монтеня, Паскаля, пять или шесть авторовъ вѣка Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; помы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника.»

Такъ, еще повторяю писалъ Карамзинъ 1803 года: а какія свѣтскія книги были у насъ 1750 года? Тутъ, такъ сказать, одно показаніе годовъ вѣдчаетъ пальмами Сумарокова.

Замѣчу тутъ же, что нашъ поэтъ и въ прозѣ и въ стихахъ сходствовалъ почти во всѣхъ мнѣніяхъ съ Вольтеромъ, какъ будто предварительно о томъ сносілся съ нимъ.

Вотъ новое доказательство. «То не оспоримо, говоритъ Вольтеръ, что повидимому совершенно все равно, чтобы тотъ или другой слогъ что либо означали. Но то неоспоримо, что еслибъ собрали людей, обладающихъ вѣрнымъ умомъ и слухомъ, то они бы смягчили многія наши выраженія.»

«Нужно, говоритъ Сумароковъ: составить общество для усовершенствованія Русскаго языка: не изъ *Локка* и *Ньютона*; не изъ дворянъ только, часто далекихъ въ знаніи отечественнаго слова, но изъ истинныхъ любителей роднаго языка. Ибо неопытные писатели, опираясь на людей незнающихъ силы его, въ неизбѣжную упадутъ бездну.»

Мы теперь споримъ о правописаніи, о сліяніи словъ; о начертаніи некоторыхъ буквъ; обо всемъ этомъ можете прочитать въ десятой части полныхъ сочиненій Сумарокова. Между прочимъ; въ наставленіи наборщикамъ его сочиненій, онъ говоритъ: «набирая буквы для моихъ сочиненій, *силъ* ни гдѣ не ставить; русскимъ людямъ онѣ ненадобны; мы пишемъ по русски не для иностранцевъ.... Не спрягайте также двухъ словъ въ одно.»

Князь И. А. Вяземскій весьма основательно говоритъ: что: «чтобы хорошо овладѣть языкомъ, недовольно писать на немъ много, нужно еще много читать и перечитывать писателей отечественныхъ и не однихъ образцовыхъ и современныхъ.»

Прибавляя къ этому, что сочиненія Кантамира, Сумарокова, Княжнина показываютъ постепенное измѣненіе языка, онъ рѣшительно называетъ Ло-

моносова *родоначальниками* нашей словесности, который самъ за себя говорить.»

Не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, покажу я да-
лѣе и по свидѣтельству самаго Сумарокова и по
ходу времени, что Ломоносовъ не проложилъ ему
ни одной тропинки на поприщѣ новой нашей
словесности. Они оба были *родоначальниками*
свѣтскаго или гражданскаго нашего языка; они
оба двинули русскую словесность на всѣхъ ея
путяхъ и двинули ее собственною своею мыслию,
и собственными своими выраженіями изобрѣтае-
маго ими слога. Каждому изъ нихъ, какъ будто
предназначено было, какъ нибудь то особеннымъ опре-
дѣленіемъ, обратить вниманіе на различные пред-
меты, чтобы въ одно время и нераздѣльными си-
лами убыстрять ходъ новаго Русскаго слова. Ло-
моносовъ то парилъ съ Пиндаромъ полетомъ ли-
рическимъ; то спускался изъ далей заоблачной
на землю обтекалъ мыслию всѣ области ви-
димой и сокровенной природы на каждомъ ша-
гѣ своемъ разсыпалъ новое богатство выраже-
ній, приличныхъ сущности его предмета. Сума-
роковъ, выходя изъ области Мельпомены и Талии,
разбиралъ всѣ тонкости тогдашней Философій;
обозрѣвалъ и выражалъ всѣ дѣйствія міра нрав-
ственнаго; а что еще важнѣе, вмѣстѣ съ выраже-
ніемъ того міра, предъявлялъ, повторимъ и здѣсь:
все то, что созидаетъ благо быта общественнаго

и человеческого. На примѣръ: въ статьѣ, подъ заглавіемъ: *счастливое общество*; онъ говоритъ:

«Тамъ книга узаконеній начинается: *чего себѣ не хочешь, того другому не желай*, а оканчивается за добродѣтели воздаянія; а за преступленіе наказаніе. Народъ боится преступать законъ. Спасительная безопасность, упованіе на невинность и неизбежное наказаніе содержать членовъ сего народа въ предѣлахъ честности. Въ Государственномъ совѣтѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ болѣе судей, нежели писцевъ и бумаги исходить очень мало. Писцы пишутъ коротко и ясно; дѣла во всѣхъ приказахъ вершатся не по числу голосовъ, но по книгѣ узаконеній, отъ чего ни споровъ, ни неправды не бываетъ. Тѣ, которые не правильно быють челомъ, сверхъ потерянна тяжбы и убытковъ, приходятъ у всѣхъ въ презрѣніе; а тѣ, которые не по книгѣ узаконеній дѣла вершатъ, за неправду лишаются должностей своихъ. Вотъ почему узаконенія, ясно изображенныя, соблюдаются свято и не нарушимо дѣла рѣшаютъ чрезвычайно скоро, отъ того, что мало спорять, а еще меньше пишутъ и ни чслобитчиковъ, ни отвѣтчиковъ лишняго говорить не допускаютъ; главная же причина скорости дѣлъ — безпристрастіе.

Рѣшительно можно сказать, что такого удив-

вительнаго явленія, какое представляет Ломоносовъ и Сумароковъ не было ни гдѣ и ни въ какой словесности. Вездѣ была очевидная постепенность. Въ Италіи *Дантъ*, *Аріостъ* и *Тассъ* не были современниками. Несправедливо говорить Буало, будто бы во Франціи только съ появленія *Мальгерба* образовались и поэзія и языкъ. До *Мальгерба* были во Франціи и поэты и историки, и въ языкъ Французскомъ были такія выраженія, которыя кажется, какъ будто излились изъ пера какого нибудь писателя девятнадцатаго столѣтія.

Вотъ доказательство: еще не раздавался ни одинъ звукъ лиры Мальгербовой, а *Маргерита де Валуа*, оплакивая смерть своего любовника, писала:

«Atys, de qui la perte attriste mes années,
Atys, digne des vœux de tant d'ames bien nées
Que j'avais élevé pour montrer aux humains
Une oeuvre de mes mains.»

Еще безмолвствовала Мальгербова лира, а Карлъ IX виновникъ, или орудіе убійственной *Вороломеевой* ночи, писалъ къ поэту своего времени *Ронзару*:

Tous deux également nous portons des couronnes,
Mais, roi, je les reçois; poëte, tu les donnes.»

Въ этихъ двухъ пригърахъ чистое слово поэтическое. А до Ломоносова и Сумарокова у насъ не было ни одного подобнаго стихотворческаго выраженія. Не будемъ ихъ раздѣлять: они оба радоначальники новой русской словесности и чѣмъ болѣе будетъ она процвѣтать, тѣмъ болѣе будутъ созрѣвать первоначальныя ихъ заслуги.

Конецъ первой части.

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА

ШИШКОВА,

Любителя русского слова и ревностного за-
щитника произведений пера А. П. Сумарокова.

Ты былъ ревностнѣйшимъ защитникомъ произведеній пера А. П. Сумарокова; ты съ живымъ чувствомъ знатока и опытнаго любителя нашего роднаго слова, предъявлялъ заслуги его на поприщѣ свѣтской нашей словесности; тебѣ и посвящаю дѣсь послѣднія части книги моей о Сумароковѣ. Онѣ твои. Ты вызывалъ мысли, слово и духъ Сумарокова.

И сколько такихъ незабвенныхъ подвиговъ оставилъ ты въ жизни русскаго слова!... Въ то время, когда при первыхъ опытахъ переводовъ съ иностранныхъ нарѣчій, языкъ нашъ, столь обильный своими сокровищами, часъ отъ часу болѣе очуземивался; ты первый на колыбель юнаго поколѣнія возложилъ драгоцѣнный *подарокъ для дѣтей*; ты первый въ нашемъ отечествѣ дока-

II

заль, что подлинникъ иностранный можно одушевлять жизнью роднаго слова. Сердечное твое перо породило юныхъ питомцевъ съ любовью и охотою затверживать задушевную рѣчь русскую. Эти пальмы въ новомъ блескѣ разцвѣтутъ и на безмятежной твоей могилѣ. Другъ дѣтей — благодѣтель всѣхъ возрастовъ жизни человеческой.

И ты всѣ годы и всѣ дни жизни своей посвящаль развитію слова русскаго на всѣхъ его путяхъ. Не моему слабому перу изображать поприще долговременнаго служенія твоего Престолу и Отечеству; не моему также перу высказать достоинство изданныхъ тобою книгъ, по той части, которая съ такою славою проявилась на поверхности морей и Океана. Этотъ сугубый подвигъ

изобразится словомъ сильнѣйшимъ и достойнѣйшимъ твоей памяти.

А я иду только мыслію за постепеннымъ ходомъ заслугъ твоихъ общей нашей словесности.

Ты, сынъ росіи незабвенный! ты у колыбели дѣтей сталъ на стражу роднаго нашего слова; ты и зрѣлому поколѣнію современниковъ своихъ въ книгѣ своей о *старомъ и новомъ слоgѣ*, оказалъ важную услугу. Тутъ съ вѣнкомъ твоимъ сочетался и другой вѣнокъ неувядаемый; вѣнокъ нашего исторіографа, который по духу книги твоей, отмѣнилъ въ прежнихъ произведеніяхъ пера своего нѣкоторые иностранные отклики, и бытописаніе свое одушевлялъ словомъ самобытнымъ.

Доблестный сынъ отечества! вся обширная

IV

Россія помнишь твое слово о любви къ отечеству, читанное тобою въ бесѣдѣ любителей русскаго слова 1811 года, на канунъ того великаго нашего 12-го года, когда Россіи предстала новая жизнь самоотверженія при встрѣчѣ двадцати вооруженныхъ Европейскихъ народовъ. Не въ укору имъ напоминаемъ объ этомъ. Императоръ Николай I-й на памятникѣ поля Бородинскаго примирилъ Европу съ Россіею и Россію съ Европою. Тамъ, на знамени Искупителя рода человеческого изображено: *въ Нелѣ спасеніе наше!*

Нѣтъ! ты не умеръ, ревностный любитель отечества и нашего роднаго слова! Я видѣлъ тебя въ тотъ великій день, тысяча восемь сотъ двенадцатаго года, іюля пятнадцатаго, когда читалъ ты въ стѣнахъ Слободскаго дворца въ купе-

ческомъ и дворянскомъ собраніи живымъ , сильнымъ , громкимъ голосомъ; читалъ воззваніе Императора Александра I: «Да идутъ всѣ сыны Россіи по стопахъ гражданина Космы Минина и князя Пожарскаго.» Слезы блистали тогда въ очахъ всѣхъ твоихъ слушателей, но не отъ страха предстоявшей всеобщей опасности, но отъ умиленія душевнаго.

Нѣтъ! ты не умеръ, почтенный сынъ Россіи! Твой голосъ раздается въ глубинѣ моего сердца; и слышь голосомъ возлагаю усердную лепту воспоминанія на твою безмятежную могилу.

«Твоя отъ твоихъ тебѣ и приношу.»

СЕРГѢЙ ГЛИНКА.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

И

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА

СУМАРОВА.

Ожесточай судъ. судя самаго
себя, и ослабляй судя другаго
(Сумароковъ част. VI стр. 264)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

СУМАРКОВЪ И ЛОМОНОСОВЪ

«Увы! лишь въ свѣтъ вспоминаемъ
Безсмертенъ—смертный человекъ.»

(Державинъ.)

Важнѣйшее обстоятельство жизни *Сумарокова* и *Ломоносова* заключается въ разрѣшеніи вопроса: « кто изъ нихъ въ свѣтской нашей словесности первый изобрѣлъ новый слогъ? слѣдственно: кому изъ нихъ на этомъ поприщѣ принадлежитъ первый вѣнокъ? Мы усмотримъ изъ очевидныхъ свидѣтельствъ, что онъ принадлежитъ имъ нераздѣльно: а между тѣмъ, рассмотримъ предварительно, что особенно одушевляетъ писателей на ихъ трудномъ и тернистомъ пути; на томъ пути, на которомъ человекъ всего себя посвящаетъ стремленію мыслей и потомству? Сумароковъ говорилъ: « великаго требуетъ труда изслѣдованіе и изученіе отечественнаго слова, но за то и величайшее находимъ въ томъ удовольствіе.

Также мыслилъ и Ломоносовъ. Въ одной изъ одъ своихъ онъ сказалъ:

» Хотябъ руно златое
Я могъ, какъ Язонъ получить:
Тобъ музамъ, для житья въ покоѣ,
Не усомнился подарить. »

Наконецъ, Державинъ, въ восторгѣ лирическомъ восклицалъ:

« Меня ничто вредить не можетъ;
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сглохнетъ;
А я пиятъ — я не уйру. »

Что же подкрѣпляетъ писателей и поэтовъ и въ ихъ трудахъ и въ борьбѣ съ стрѣлами зависти и съ предубѣжденіями современниковъ? Два писателя, *Вольтеръ* и нашъ соотечественникъ П.А. *Плетневъ* разрѣшили этотъ вопросъ. «Похвала справедливая, говоритъ *Вольтеръ*: долгъ, а не дань. Она единственная награда писателю. И кто же увѣнчиваетъ ихъ этою хвалою, кромѣ тѣхъ, которые проходя такое же поприще должны знать основательнѣе другихъ и трудность и цѣну хорошаго сочиненія?»

Нашъ соотечественникъ еще разительнѣе высказалъ эту мысль. Онъ не ограничиваетъ плодовъ мысли писателей однимъ временнымъ поприщемъ; онъ переселяетъ ее и за тотъ предѣлъ, когда человекъ отдавъ земную жизнь могилѣ,

существуетъ одною жизнью душевною. Вотъ его слова: «Что составляетъ истинную награду писателю? утѣшительная надежда передать всю душу свою потомству и послѣ смерти жить своимъ твореніемъ.»

Изобретѣніе новой русской словесности, есть нераздѣльное *твореніе* и Сумарокова и Ломоносова; нераздѣльное потому, что каждый изъ нихъ своею мыслию, безъ всякаго посторонняго руководства пролагалъ пути слову русскому въ томъ объемѣ, въ какомъ оно до того не существовало. Но Ломоносовъ болѣе *извѣстенъ* слогомъ лирическимъ; я говорю: болѣе *извѣстенъ*, а не прибавляю, будто бы онъ особнно изобрѣлъ его: ибо какъ показано было въ первой части, Сумароковъ писалъ лирическимъ слогомъ еще въ стѣнахъ кадетскаго Корпуса 1736 года, а Ломоносовъ, находясь за границею, препроводилъ оттуда первую одусвою 1739 года. Вотъ какъ объясняется объ этомъ Сумароковъ: «Ломоносовъ нѣсколькими годами былъ меня постарѣе; но изъ этого не слѣдуетъ, будтобы я его ученикъ; о чемъ, ни мало не трогая чести сего поэта, предувѣдомляю потомковъ.» (*)

Нѣкоторые предполагаютъ, будтобы Сумароковъ питалъ, какую-то враждебную ненависть къ Ломоносову. Это не справедливо. Не тогда по-

(*) См: пол: соч: часть IX

знается истинная пріязнь, когда счастье улыба-
ется; она очевиднѣе дѣйствуетъ въ туманныхъ
превратностяхъ жизни и тогда, когда нечего намъ
ждать отъ того, кто былъ соперникомъ на-
шимъ на одномъ съ нами поприщѣ.

Привѣтствовавъ Екатерину 1764 года съ ново-
лѣтіемъ, Холмогорскій нашъ поэтъ, сказалъ:

«Терплю, гонящій въ гробъ недугъ!»

и вскорѣ потомъ оставилъ свѣтъ. Ревностный его
почитатель, Графъ А: С: *Воронцовъ*, воздвигъ ему
въ Певской Обители памятникъ, достойный поэта,
одушевлявшаго русское слово; а Сумароковъ воз-
лагая на гробъ его вѣнокъ стихотворческой, сказалъ:

«Онъ нашихъ странъ *Малербъ*; онъ *Пиндару*
подобенъ.»

Вотъ и другое доказательство уваженія
Сумарокова и къ Ломоносову и къ сокро-
вищу мысли человѣческой. Когда по смерти
Ломоносова перепечатали въ искаженномъ видѣ
оды, Сумароковъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ го-
ворилъ: « О, Ломоносовъ! Ломоносовъ! что бы ты
сказалъ, когда бы увидѣлъ кривописаніемъ напе-
чатанныя сочиненія свои? Не кажется ли, что это

возмѣдіе тебѣ за то, что въ частныхъ нашихъ распряхъ, ты противурѣчилъ мнѣ и въ правописаніи и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ личныхъ ссоръ, во всея были согласны?» (*)

Но Сумароковъ *критиковалъ* оды Ломоносова? не *критиковалъ*, а *разбиралъ* ихъ и *раздѣлялъ* на строфы: *прекраснѣйшія*, *прекрасныя*, *весьма хорошія*, *хорошія*, *исрядныя*; наконецъ на строфы, которыя, по мнѣнію его, требуютъ поправленія. Такой разборъ, не укоризна, но знакъ уваженія и вниманія къ дарованію и трудамъ писателя и поэта. Одну только самолюбивую посредственность задымляетъ фиміамомъ лести. А ктоже *разбиралъ* Сумарокова съ такою безпристрастною отчетливостію? Впрочемъ писатели наши спорили и спорили часто; но не о почестяхъ, не о дарахъ блестящаго счастья, не объ искательствѣ въ случайной знаменитости. Воздвигая новое зданіе русской словесности, они напрягали все усилія и все способности ума своего, чтобы соорудить его на основаніяхъ прочныхъ, твердыхъ и, если возможно, не зависящихъ отъ всѣхъ превратностей своенравнаго времени. А потому у нихъ происходили жаркія, сильныя пренія *объ удареніи словъ*, *о правописаніи* *о смыслѣ и знаменованіи выраженій*: они, такъ сказать: грудью

(*) Часть X.

отставвали каждую букву; это была борьба славная; борьба за жизнь и силу слова отечественнаго; борьба, достойная двухъ первыхъ изобрѣтателей новой русской словесности.

Въ продолженіи цѣлаго года, между нашими поэтами кипѣлъ споръ, гдѣ ставить букву *i* и букву *и*. Сумароковъ утверждалъ, что первую должно ставить передъ *гласными*, а вторую передъ *безгласными*; Ломоносовъ упорно придерживался противному мнѣнію. «Наконецъ, говоритъ Сумароковъ:» Ломоносовъ по точномъ изслѣдованіи мнѣнія моего, хотя цѣлый годъ мнѣ противурѣчилъ, сталъ съ большимъ жаромъ защищать оное; но не успѣлъ писменно со мною въ томъ согласиться.» (*)

А тутъ и скажу съ Сумароковымъ:

» Счастья нѣтъ безъ огорченья,
Какъ на свѣтѣ ни живи!

Не привлекали нашихъ поэтовъ ни какія вышнія обольщенія свѣта; но есть въ сердцѣ нашемъ сокровенный пріютъ, въ которой увѣртливость человѣческая забрасываетъ порывы досады и тревоги; а чѣмъ сильнѣе стремленіе духа, тѣмъ онъ легче и волнуется. Пов-

(*) Часть X.

торяю и здѣсь: находились люди, котрые или изъ зависти или для забавы бросали яблоко раздора между жаркими спорщиками. »А отъ этого, говоритъ Сумароковъ: у насъ часто завязывались споры и не окраснорѣчи и не о языкѣ.» (*)

Но ни какіе споры не возбуждали въ сердцѣ Сумарокова кипѣнія желчи противъ его сопротивника. «Многіе, говоритъ онъ, нѣкоторые неправильныя ударенія словъ въ Ломоносовѣ, принимаютъ за пѣтическое упражненіе. Имъ это непростительно; а Ломоносову извинительно потому, что онъ не только не уѣздный, но сельскій уроженецъ. Не подумайте: будтобы я хочу укорять Ломоносова произхожденіемъ его: не граммы дворянскія, Музы возводятъ на Парнасъ; дворянствомъ только тѣ кичатся, которые ни какого другаго не имѣютъ достоинства.» (**). А въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ прибавляетъ: «такихъ писателей, какъ Ломоносовъ и я, потомки не скоро увидятъ; а особливо потому, что языкъ нашъ и поэзія исчезаютъ.» (***)

Станемъ ли упрекать Сумарокова за это изреченіе? назовемъ ли самонадвѣніемъ сознание,

(*) Часть X.

(**) Часть X.

(***) Часть IX.

подтвержденное истинною историческою? Говоря о людяхъ и событіяхъ, нужно и то и другое обзрѣвать въ подлинномъ ихъ видѣ; нужно соображать настоящее съ минувшимъ, чтобы высмотрѣть, что нибудь въ туманной дали будущаго. Есть истины математическія, есть истины историческія, хотя и не рѣдко и искажаемыя; есть и живыя истины нравственныя, ясныя какъ солнце, когда предубѣжденія страстей не затѣмняютъ ихъ. Такъ думалъ *Сократъ* и всѣми силами старался убѣждать въ томъ, что существуютъ истины непреложныя, идущія на ряду съ судьбою человечества и выражающія всѣ переходы жизни нравственной. Наконецъ: есть истины, непосредственно принадлежащія и къ поприщу слова человеческого.

А къ сему поприщу, повторяю снова: принадлежитъ та неоспоримая истина, что *Сумароковъ* и *Ломоносовъ* нераздѣльно изобрѣтали слогъ новой словесности. И нигдѣ не было такого удивительнаго зрѣлища въ словесности: два молодые человѣка, вовсе другъ другу неизвѣстные, предприняли дать новое движеніе и новый ходъ отечественной нашей рѣчи. *Ломоносовъ*, родясь подѣ кровомъ рыбацкѣй хижины, подѣ грозной бурей тучъ и мятелей, самороднымъ пареніемъ свѣтлой мысли, опровергъ мнѣніе *Монтескю*, будтобы отъ различныхъ степеней теплоты и

стужи, зависить или полеть или оцъпейвнїе души человеческой. Сумароковъ опровергая это мнѣніе, въ посланіи своемъ къ Дюку де Браганце, говоритъ:

«Твердятъ напрасно мнѣ,
»Что нашъ прикованъ умъ къ какой нибудь странѣ.
»Такіежъ люди мы, съ такими же умами,
 Такіежъ души и унасъ,
 Какіе и у васъ» (*)

Хотя Сумароковъ и получилъ на зарѣ жизни блистательное образованіе по тогдашнему времени, но ни подъ кровомъ домашнимъ, ни въ стѣнахъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, не могъ ни у кого замѣтывать мысли о преобразованіи нашей словесности. «Я, говоритъ онъ: будто сквозь дремучій лѣсъ, скрывающій отъ меня парнасъ, проходилъ безъ проводника.» (*) Въ то же самое время, какъ уже было сказано, Ломоносовъ учился за рубежами отечества; следовательно каждый изъ нихъ шелъ своимъ путемъ, не зная другъ друга лично и не ведя между собою переписки. Но у мыслей есть какое то непостижимое взаимное стремленіе къ той же и одной истинѣ и къ одинакой цѣли. *Веніаминъ Франклинъ* за океаномъ, а Ломоносовъ на берегахъ Невы, въ одно и то же время, безъ всякаго

(*) Часть XV

(**) Часть XV.

сношенія, отыскивали дѣйствія силы электрической. По такому же стремленію мысли, какъ будто въ одно мгновеніе, одушеваясь лирическимъ вдохновеніемъ, и въ одно и тоже время Сумароковъ и Ломоносовъ пролагали ходъ новой нашей словесности собственными усиліями преодолевая всѣ трудности и преграды. «Намъ русскимъ, говоритъ Н. М. *карамзинъ*! еще больше труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Лютаня, Паскаля шесть или пять писателей вѣка Людовика XV: Вольтера, Руссо: Томаса Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ *формахъ*; но мы прочитавъ множество различныхъ нашихъ книгъ, сберемъ только *матеріальное* или словесное богатство.»

Любопытно замѣтить, что къ имени *Мармонтеля*, Н. М. Карамзинъ прибавилъ; «неподражаемый въ сказкахъ своихъ.» А одинъ изъ блистательнѣйшихъ новыхъ французскихъ писателей, *Вилеминъ*, говоритъ: «Мармонтелевы сказки, по принужденному и надутому своему слогу, никуда негодятся. Вольтеровы сказки и романы хороши: но вѣнецъ разказа въ осмнадцатомъ столѣтіи, принадлежитъ Дидероту, сочинителю повѣсти: *два Бордовскія друга.*»

Это сказано мимоходомъ. Но вотъ главное: если и Карамзинъ въ свое даже время видѣлъ и предъ-

являлъ, сколько трудностей стѣсняють перо русскихъ писателей; то, что же предстояло Сумарокову и Ломоносову при совершенномъ недостаткѣ слога для свѣтской нашей словесности?

Въ образецъ новаго слога, Н. И. Гречъ на вечернемъ своемъ чтеніи приводилъ оду Ломоносова на взятіе *Хотина*. Опытный нашъ знатокъ русскаго слова, соображал произведенія двухъ первыхъ нашихъ поэтовъ, могъ бы показать различіе двухъ новыхъ слоговъ въ родѣ лирическомъ при самомъ его началѣ. Миѣ кажется, что въ одѣ Ломоносова болѣе полета восторженнаго; а въ первыхъ лирическихъ стихахъ Сумарокова болѣе мягкости, не чуждой однако ни порыва, ни силы выраженія поэтическаго. Ломоносовъ въ приступѣ къ одѣ своей, восклицаетъ.

»Восторгъ внезапный умъ плѣвилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой;
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долину тишина глубокой;
Внимая ничто, ключъ молчить,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы;
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.»

Такъ писалъ Ломоносовъ за рубежами отече-

ства 1739 года; а Сумароковъ въ стѣнахъ кадетскаго корпуса говорилъ 1736 года.

«Вперяясь въ перекъны странъ,
Взыграй, взыграй, жол мнѣ лира!
И счастья шаткаго обманъ,
И нѣсколько хотя исчисли
Людей тщеславныхъ праздны мысли;
Тѣхъ смертныхъ, конхъ праха нѣтъ,
Которы въ ярости мѣшались
И только въ книгахъ лишъ остались
По памяти ужасныхъ бѣдъ.» (*)

Другой примѣръ. Описывая пожаръ, постигшій Москву 1748 года, Ломоносовъ восклицаетъ.

«Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ нятется умъ!
Еще кружится мгла густая,
Еще навосить страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдъ въ горниль-небо рдится;
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.»

Изображая волненіе народа, постигшее Москву во время смертопоснаго повѣтрія, Сумароковъ говоритъ :

Къ тебѣ, Москва! къ тебѣ зову!
Простри ты очи въ край днесь дальный

(*) *Часть вторая*, Сумароковъ упоминаетъ, что эти стихи были первымъ опытомъ его въ стихотворствѣ.

Возвысь унылую главу
И ободри свой духъ печальный;
Откинь съ чела густую твнь;
Твой возвратился ясный день,
Ликуй, какъ прежде ликовала;
Отбрось печальны мысли прочь,
Скончалася та адска ночь,
Какъ ты рвалась и тосковала...
Какіе страшные часы:
Явилась Фурія изъ ада?
Терзала ты свои власы
И трепетали стѣны града.
Горитъ геенна, всходитъ дымъ
И исчезаютъ жизни съ нимъ.
Въ насъ кровь мятется, сердце ноетъ. —
И гибнетъ жалостно народъ;
Намъ мнилось: сохнутъ токи водъ;
Дрожить земля и воздухъ воетъ.»

Между тѣмъ, когда Ломоносовъ гремѣлъ еще одною трубою лирическою, Сумароковъ облеталъ мыслию и все цопринцѣ поэтнчское и всѣ пути всемірныхъ лѣтописей. Съ вѣрною картиною событий, онъ соединялъ живое выраженіе и точность мысли. Отъ 1739 до 1745 года, Ломоносовъ издалъ уже четыре оды; но въ четвертой одѣ его есть строфа, которая должна уступить первоначальному опыту Сумарокова. Привѣтствуя Петра третьяго со днемъ тезоименнцства, Ломоносовъ, между прочимъ говоритъ:

«Фисонъ шумитъ; Богдадъ пылаетъ;
Тамъ вода и звуки въ воздухъ бьютъ;

Ассирски стѣны огонь терзаетъ
И тавръ и кавказъ въ понть бѣгутъ.
Единъ трясеть свирѣпымъ югомъ
И дальнымъ восточныхъ странъ округомъ;
Сильнѣйшій горь, огня, вѣтровъ,
Огмститель храбръ враговъ сварливыхъ,
Каратель странъ въ союзъ живыхъ —
Россійскій родъ и плодъ Петровъ,»

А Сумароковъ, описывая разрушеніе Трои,
сказалъ.

«Тамъ башни—пепломъ покровенны;
Домъ царскій грудами лежитъ;
Жилища, храмы разрушенны
И Ксанъ въ пустой странъ шумить.
Такъ, Троя! ты въ огонь пылала
И искры въ облака мѣтала,
Въщяя міру свой конецъ.»

Сближая, такимъ образомъ Лирическія произведе-
нія двухъ нашихъ поэтовъ, я не скажу съ Карамзи-
нымъ, будтобы: «Ломоносовъ былъ *первымъ* обра-
зователемъ нашего языка и *первый* открылъ
въ немъ изящность, силу и *гармонію*.» Это об-
щій подвигъ Ломоносова и Сумарокова. «Геній Ло-
моносова, прибавляетъ Н. М. Карамзинъ: совѣ-
товывался только съ самимъ собою.» И Геній
Сумарокова точно также дѣйствовалъ. Наконецъ
Карамзинъ говоритъ :

«Ломоносовъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ оста-
вилъ неизгладимую печать великихъ дарованій.»

И почти въ слѣдъ за этимъ, онъ прибавляетъ:
«Проза Ломоносова вообще не можетъ для насъ
служить образцемъ.» (*)

Въ этомъ отчасти Карамзинъ ошибся. Сума-
мароковъ позднѣе Лирика нашего занялся прозою;
а Указъ 1741 года, писанный Ломоносовымъ при
генераль прокуроръ князь Я. П. *Шаховскомъ*,
отличается чистымъ, безпримѣснымъ русскимъ
слогомъ. Вотъ сей достопамятный Указъ.

«Несытая алчба къ корысти (**) дошла до того,
что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для право-
судія, сдѣлались торжищемъ лихоимства; пристра-
стіе предводительствуетъ судей, а каварство и
ухищреніе — служатъ ободреніемъ беззаконни-
камъ. Въ такомъ достойномъ сожалѣніи состояніи
находятся многія дѣла и бѣдные, утѣсненные
неправосудіемъ люди.»

Въ слѣдствіе сего указа предписывалось Сенату,
всѣми мѣрами искоренять зло; а въ заключеніи
сказано: «Возведеннымъ быть судіями другихъ,
надлежитъ почитать свое отечество — родствомъ
а честность — дружбою.»

(*) Сочин. Карамзина часть VII. 315

(**) Это выраженіе; *несытая алчба* и всю сущность Указа, Ло-
моносовъ перенесъ въ одну изъ своихъ трагедій. Вотъ его слова.

«Несытая алчба иманія и власти

«Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?

«Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?

«И кого на насъ не устремила зла?»

«Въ Ломоносовъ, говоритъ Карамзинъ: длинные періоды утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей.»

Этого нельзя сказать о прозѣ Сумарокова. У него слово высказываетъ мысль; а мысль сливается съ словомъ. Предложу примѣръ. Разбирая различныя свойства ума, Сумароковъ говоритъ: « Иногда и *скорыхъ* людей по бѣглости ихъ мыслей, называютъ *остроумными*, хотя остроуміе ни сколько не связано съ бѣглыми мыслями. Острый разумъ состоитъ въ проникательности, а пылкій въ одной скорости. Есть люди, остроумные, кототорые медленны въ поворотахъ разума и есть люди малоумные, которые и не имѣя проникательности, одною бѣгlostію блистають и подобныхъ себѣ людей скудомныхъ удивляють мнимою своею хитростію. Острый разумъ доходить до основанія; пылкій касается одной поверхности. Министру довольно одного остроумія и здраваго разсужденія; судѣе довольно одного здраваго разсужденія и безпристрастія; полководецъ только и стихотворецъ безъ пылости разума обойтись не могутъ. Имъ въ самой скорости нужны все обороты и перевороты мыслей. Однако простительнѣе, зачернить бумагу, нежели потерять войско. Но сколько при скороуміи полководцу и стихотворцу пылкость полезна, столько же она и вредна безъ

остроумія. Бредъ стихотворца ему одному вреденъ: но опрометчивость полководца губитъ войско. И такъ, когда говорится: *человѣкъ пылкій*, это называется: *человѣкъ разумный*. А если кому посчастливилось быть остроумнымъ и пылкимъ, тому въ важныхъ дѣлахъ необходимо должно удерживать пылкость свою. Ленивыя лошади погоняются, а ретивыя удерживаются: такъ и медленность разума должна быть понуждаема благоразсужденіемъ, а пылкость удерживаема. Что скоростію испорчено, то иногда и долговременностію неможетъ быть исправлено. Есть пословица: *что написано перомъ, то не вырубишь и топоромъ*; и другая: *дуракъ броситъ камень въ воду, сто улыбокъ его не вынутъ.*»

Тутъ слышенъ отголосокъ новаго слога русской словесности, а еще слышнѣе душевный голосъ Сумарокова. Вполнѣ зналъ онъ свойство нрава пылкаго, стремительнаго; но гдѣ шло дѣло о пользѣ общей, тамъ самоотверженіе побуждало въ немъ все личное. Онъ зналъ, повторимъ и здѣсь: онъ зналъ какъ трудно бороться съ кознями и пронырствами коварства, и невзиралъ на то, онъ отважно устремлялся на эту борьбу, говорилъ:

«Гдѣ я ни буду жить въ Москвѣ, въ яѣсу, или въ
полѣ,
Богатъ, или убогъ, терпѣть не буду болѣ
Безъ обличенія—презрительныхъ судей;
3

Пуускай злодѣйствуетъ, пусть мнѣ вредить кашей;
Пуускай жена его со всею меня ограбить;
Пусть ухищреніе мнѣ повсюду сѣти ставить,
Пусть крючкотворцы всѣ и мыши изъ архивъ
Стремятся на меня: Доколь буду живъ,
Пойду на всѣ бѣды за правду и законы.»

Н. М. Карамзинъ 1818 года въ стѣпахъ Россійской Академіи говорилъ о *движеніи слова*; послѣ него нѣсколько разъ о томъ же повторено.* Но что значитъ: *движеніе слова*? Если должно живымъ словомъ высказывать все то, что необходимо для блага общаго и для пользы человечества? то все это показано было въ изложеніи мыслей Сумарокова. Если же *движеніе слова* особенно состоитъ въ выраженіяхъ порывистыхъ и въ быстрыхъ оборотахъ, то и этому найдемъ въ немъ примѣры.

Опровергая мнѣніе, будтобы Россія до оснадцатаго столѣтія погружена была въ глубокой мракъ невѣжества, Сумароковъ говоритъ: «и прежде, нежели родился Петръ Великій, уже слава твоя, Россія! блистала и простиралась по всей Европѣ. А когда ты достигла новой силы твоей, тогда твое младенчество казалось окрестнымъ областямъ ужасными тучамъ, изъ которыхъ во дни Петровы сверкнули молніи и громъ раздался по всей подсолнечной.» И потомъ обращаясь къ Ека-

(*) См. Отечев. записки.

теринъ Второй, восклицаетъ: «Правосудіе душа общаго благоденствія. На тебя надѣмся, Великая Екатерина! что ты установленными законами защитишь праваго, вдовицу и сироту; исторгнешь жало изъ устъ лютаго злодѣя: свяжешь руки грабителя. Твоею премудростію исправятся суды и судящіе: *и возсіятъ* во днехъ твоихъ правда.»

Тутъ и огонь и жизнь и движеніе! А это писано тогда, когда наша свѣтская словесность и разговорная и печатная, едва выходила изъ колыбели. Сумароковъ и Ломоносовъ сочинили похвальные слова; но каждый изъ нихъ шелъ своею стезею. Ломоносовъ витійствомъ своимъ обилень, великолѣпнень; онъ рукою роскошною рассыпаетъ цвѣты; для изображенія одной мысли у него рѣкою льются слова; одна могучая, сильная его грудь способна была высказывать звучные обороты рѣчей его, едва ли обширностію своею и плодovitостію не превосходящихъ оборотовъ рѣчей Цицерона. Онъ словами рисуетъ картины; онъ переселяетъ въ нихъ всю пышность видимой природы. Не то въ Сумароковъ. Я не стану сравнивать его съ Демосѣеномъ; всѣ сравненія нашихъ ораторовъ съ древними ораторами недостаточны. Разница говорить подъ открытымъ небомъ передъ лицомъ цѣлаго народа и произносить, рѣчь въ стѣнахъ зданія и передъ избраннымъ

обществомъ слушателей. Но Сумароковъ также бережливъ на слова, какъ и вигія афинскій. У него не стеченіе и не наборъ словъ заполоняеть мысль, но мысль затѣсняетъ въ себя слова, чтобы истина представлялась разительнѣе и живѣе. Это было постоянное его правило. «Ясная истина, говорилъ онъ, не требуетъ общирности» (*) Объясняется ли онъ о законахъ и о враждахъ людей? онъ вамъ скажетъ: «еслибъ не было внутренняго зла; начто бы законы? еслибъ не было зла внѣшняго; начто бы оружіе?» (**) Выражаетъ ли онъ шаткость и непрочность всѣхъ вымысловъ человѣческихъ? онъ говоритъ: «все человѣческое портится, а солнце и луна все тѣже и донынѣ.» Разсуждаетъ ли о достоинствѣ человека, онъ пишетъ: «чины называются достоинствами человека, а мнѣ кажется, что они имена званія человека.»

«Ты честью хвалишься, но честь та не твоя:
Будь прашуръ мой Катонъ, но тѣ Катонъ, не я.»

«Пускай лестно питаемая гордость и всѣ права
отниметь удобродѣтели; но вмѣсто укашенія, она
обезобразится ими.»

Эта мысль перешла и къ Державину.

(*) Часть I

(**) Часть X.

(***) Часть VI.

«Какихъ ни вымышлай пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Неможно вѣкъ носить личинъ
И истина должна открыться;
Когда не свергъ въ бояхъ, въ сулахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ сопостатовъ;
Всякъ думаетъ, что ты Чупатовъ
Въ марокскихъ лентахъ и звездахъ.»

И далѣе Сумароковъ продолжаетъ: «Честь наша состоитъ не въ пышныхъ именахъ. Тотъ *силтельный*, кто сердцемъ и разумомъ *силеть*; тотъ *превосходительный*, который другихъ людей достоинствомъ *превосходитъ*; и тотъ бояринъ, который *боллетъ* объ отечествѣ.»

У Державина:

«Я Князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстями владѣю;
Болринъ — коль за всѣхъ болѣю.»

И въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ сказалъ:

«Безъ крылъ отнюдь нельзя летать намъ къ небесамъ;
Достоинъ я, коль я снискалъ почтенье самъ;
А если ни къ какой я должности не годенъ;
Мой прадедъ дворянинъ, а я не благороденъ.» (*)

Державинъ дарилъ Сумарокова пальмами, сближая поэзію свою съ его мыслями; а Сумароковъ однимъ сильнымъ изреченіемъ изобразилъ и увѣковѣчилъ полетъ лирической мысли Ломоносова.

(*) Часть IV.

«У Ломоносова, говорить онъ: былъ живой духъ. Тутъ весь нашъ Холмогорскій поэтъ, живой духъ, крыленный собственною силою творческою. Сумароковъ современника своего Ломоносова называетъ и нашимъ *Пиндаромъ*. И это суцная правда.

Изображая Пиндара, Горацій какъ будто предвѣстилъ нашего поэта Ломоносова. Вотъ слова Римскаго поэта; и въ нихъ также виденъ весь нашъ лирикъ.

«Какъ рѣка быстрая, наводненная бурными потоками дождя проливнаго, широко растекается и великолѣпно стремится волны свои; такъ и Пиндаръ устремляется къ пожатію вѣнковъ Аполлона.»

Ломоносовъ изъ самыхъ простыхъ случаевъ извлекаетъ изображенія, изумляющіи мысль. Императрица Елисавета возвращается съ береговъ Москвы рѣки на берега Невы; у него кишитъ не ода, но цѣлая поэма; онъ Пиндаръ и Омиръ. Взгляните на русскихъ вопновъ.

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Аякиду
И что немейскимъ львомъ покрытъ;
Или ужасную Егиду
Нося — враговъ своихъ страшить;
Пронзасть, рветъ и разсѣкаетъ;
Противныхъ силы низлагаетъ;

Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ ;
Здѣсь шлемъ съ главою, тамъ трупъ лежитъ ,
Тамъ мечъ съ рукою отбитъ валится :
Коль злоба жестоко казнится !

Но это не порывъ высокопарный ; это убѣж-
деніе въ святости и союзовъ и въ ненадежности
силъ человѣческихъ.

Поэтъ продолжаетъ :

« Народы, нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь ;
Союзы соблюдать учитесь ;
Храните искренню пріязнь ;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте :
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ
Предъ Божимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнь ;
Предъ нимъ — и горы исчезаютъ ;
Предъ нимъ — пучины иссыхаютъ. »

И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ восклицаетъ :

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ *многимъ*,
По холмамъ грозный исполинъ,
Ступаетъ по стремнинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ.
Вѣетъ воздухъ вихремъ за собою ;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещать
И сѣдомъ дерева лежать,
Что множество вѣковъ стояли,
И бури ярость презирали. »

Кто же этотъ дивный исполинъ? Русскій флотъ!

«Такъ флотъ російскій въ Понть дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ,
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня — отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Сгншить съдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ,
Наносятъ Готфамъ *страхъ великъ*.
Уже надежду отвергають
И въ мгль свой флотъ и стыдъ скрываютъ.»

Смерть исторгла изъ рукъ русскаго нашего Пиндара гремлящую его лиру; а Сумароковъ, все еще прислушиваясь къ ней, говорилъ: «Великій былъ бы Ломоносовъ мужъ въ стихотворствѣ, еслибъ вычищалъ оды свои.» (*)

На это отвѣчаю стихомъ самаго Сумарокова:

«До солнца и орелъ еще не долеталъ..» (**)

Довольно и приближаться къ солнцу.

Оплакивая преждевременную кончину Ломоносова, Сумароковъ говорилъ: «Ломоносова и Поповскаго нѣтъ; а другіе стихотворцы мнѣ неизвѣстны.» (***)

Вспылчивъ, горячъ былъ Сумароковъ, но онъ не разилъ гнѣвными перунами могилы Поповскаго за то, что онъ по особенному пристрастію своему

(*) Часть X.

(**) Часть VII.

(***) Часть X.

къ Ломоносову, въ надписи къ портрету его, сказалъ:

«Московскій здѣсь парнасъ изобразилъ витію,»
«Что чистой слогъ стиховъ и прозу ввелъ въ Россію.»

Замѣчая недостатки въ одахъ Ломоносова, Су-мароковъ защищалъ его, противъ тѣхъ, кото-рые не понимали подлинной души поэзіи нашего лирика. «Ломоносовъ, говорить онъ : гнушался, что его громкимъ называли. Его достоинство въ одахъ не *громкость* ; но объ этомъ долго гово-рить.» (*)

Но мы объ этомъ, по возможности объяснимся. Одна громкость — звукъ пустой. Пиндаръ и Ло-моносовъ отъ смѣлыхъ, орлиныхъ полетовъ, пе-реходятъ къ звукамъ душевнымъ и безмятежнымъ. «Сокровище Аполлона : восклицаетъ Пиндаръ, сокровище музъ! спутница ихъ пѣснопѣній—ли-ра златая ! однажды сотрясенная , ты издаешь въсть звучную хорамъ ; ты погашаешь стрѣлы громовыя , вѣчными огнями опламененныя ; вла-стелинъ пернатыхъ, орелъ, засыпаетъ подъ скипет-ромъ Юпитера!» И такъ далѣе.

И вслѣдъ за тѣмъ , изливалъ изъ той же гром-кой лиры , звуки унылые , Пиндаръ говорить : «Мы жильцы однодневные. Жизнь—сонъ тѣни; при-зракомъ проходить человекъ. Счастливъ смертный, окинутый безмятежною завѣсою неизвѣстности;

(*) Часть IX.

онъ уклоненъ отъ стрѣль клеветы и злобы. Завиденъ и переходъ его къ рубежамъ жизни. Задушевнымъ друзьямъ своимъ, онъ оставляетъ доброе имя, драгоценнѣйшее изъ всѣхъ благъ земныхъ.» Ломоносовъ, бросая молніи и громы въ одѣ своей на войну 1759 года, вдругъ, какъ будто самъ себя возражая и оплакивая горькую участь челоуѣчества на всѣхъ его путяхъ, восклицаетъ:

«Нѣ мало смертны, мы родились,
И должны удвоить свой тѣнь?
Еще ли мы мало утомились
Житейскихъ тягостей бременъ?»

Обращаюсь къ общему разсказу о Ломоносовѣ и Сумароковѣ.

«Однажды, говоритъ Сумароковъ: спросилъ я у Ломоносова: для чего онъ въ нѣкоторыхъ словахъ *Ф*, а не *Ф* ставилъ?» онъ отвѣчалъ: «Эта буква стоитъ подпершись; следовательно бодрѣ.» Ломоносовъ былъ права веселаго и часто любилъ отшучиваться. Сумароковъ прибавляетъ: «отвѣтъ Ломоносова забавенъ, но не важенъ.»

И тогда на шаткомъ и часто тревоженномъ поприщѣ словѣсности были подыски другъ подъ другомъ. Сумароковъ вмѣсто слова: «въ сей день:» употребилъ: *днесь*. А Ломоносовъ на перехорѣ ему вмѣсто: *нынѣ*, сталъ писать: *пань*.» Но, за-

мъчаетъ Сумароковъ: «*нѣтъ* не знаменуетъ той точной краткости, какая заключается въ словѣ: *днесь*. А *нынѣ* нельзя употреблять вмѣсто *нынѣшъ*; ибо писатели не вправѣ *ль* претворять въ *ь*» (*)

Оба наши поэты дорожили словомъ Русскимъ; но Сумароковъ любилъ языкъ отечественный со всею пылкостью пламенной души своей. Въ статьѣ: *о коренныхъ Русскихъ словахъ*, онъ говоритъ: «Начто намъ вводить чужія слова? Чужія слова всегда странны будутъ и знаменованія ихъ будутъ недостаточны; слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный нашъ языкъ. А то еще страннѣе, когда мы называемъ или еще и пишемъ чужими странными словами то, чему у насъ есть точныя свои названія. У насъ свой древній и несмѣшенный языкъ; на чтоже портить его словамъ изъ новыхъ и смѣшанныхъ нарѣчій? Языкъ Нѣмецкій смѣшался съ другими, а Французскій родился въ вѣкъ невежества отъ Латинскаго, Гальскаго и Нѣмецкаго.» (*) И въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: «Честолюбіе возвратитъ когда нибудь съ этаго пути вреднаго заблужденія.» (**). А если будемъ въ этомъ упорствовать, то, что можетъ воспослѣдовать? Сумароковъ отвѣчаетъ: «съ новою *модю* вошло къ намъ и ново-

(*) Часть X.

(*) Часть IX.

(**) Тамже стр: 245

модное *кривописаніе* съ словами Нѣмецкими и Французскими и съ выговоромъ ихъ. Наше Русское слово отъ этого еще не очистилось; а можетъ быть и въ двѣсти лѣтъ не очистится.» (*)

Разсуждая о языкахъ, близкихъ къ первоначальнымъ ихъ источникамъ, Сумароковъ говоритъ : » — Русскій языкъ близокъ отъ своего происхожденія, что отъ множества коренныхъ словъ ясно-видно. А это доставляетъ языкамъ естественную красоту и великолѣпіе; ибо народы, составляя себя языкъ, являютъ словами начертаніе естества и съ мыслию и съ чувствомъ сходство произношенія. Гордая вещь получала гордое имя; нѣжная, нѣжное имя и пр: но этого преимущества нѣтъ въ языкахъ, отдаленныхъ отъ своего происхожденія, унасъ *дождь*, точный *шумъ* раздробленно ліющихся изъ воздуха водъ. *Журганіе*: потоки мѣлкихъ струй. *Шумъ*: великое движеніе воздуха. *Гроить*: воздушное движеніе съ трескомъ. *Вѣтръ*, *буря*, *вьюга* и проч:» (**)

Жалѣлъ также Сумароковъ, и что порчею языка лишились мы силы глаголовъ славянскихъ. (***) Но болѣе всего цѣнилъ онъ ясность и живую простоту слога. «По моему, мнѣнію, гово-

(*) Часть X.

(**) Часть IX.

(***) Часть X.

рить онъ : пропади то великолѣпіе слога, въ которомъ нѣтъ ясности. Многіе говорили, что проповеди Архіепископа *Теофана* потому не хороши, что онѣ очень просты. Но что похвальнѣе простоты, искусствомъ очищенной и что глупѣе тѣхъ людей, которые въ естественности слога, ищутъ какой то хитрой кудреватости.» (*)

Замѣтить можетъ быть: что Сумароковъ отвергалъ грамматику Ломоносова? отвѣчаю : но гдѣ теперь преподають ту грамматику и сколько грамматикъ послѣ нее издано? Мнѣніе Сумарокова о грамматикѣ вообще, чрезвычайно справедливо. « Грамматика, говоритъ онъ: заключается въ природномъ словѣ всѣхъ народовъ; и всегда превосходные писатели предшествовали грамматикѣ; ибо люди говорятъ и пишутъ, не справляясь непрестанно съ грамматикою, но слѣдуя разуму, основанному на естествѣ. Вотъ почему грамматика устанавливается народомъ, а еще болѣе писателями. Когда гремѣли Омировы пѣснопѣнія, тогда у грековъ не только не было грамматики, но не было еще и прозаическихъ сочиненій; но то неоспоримо, что творецъ *Иліады* и отецъ поэтовъ, зналъ грамматику.» (**)

Скажутъ: стало быть грамматика бесполезна?

(*) Часть IX,

(**) Часть IX.

напротивъ того, Сумароковъ говоритъ:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ. (*)»

Слѣдственно Сумароковъ самъ себя противурѣ-
чить, если онъ и отвергаетъ грамматику и признаетъ
необходимость ее? Нѣтъ. Онъ утверждаетъ толь-
ко, что грамматика есть плодъ чистаго, общаго
разговорнаго слова и живыхъ, точныхъ и яс-
ныхъ выраженій, почерпаемыхъ изъ произведе-
ній искусныхъ и опытныхъ писателей. Хотя
онъ упражнялся во всѣхъ родахъ словесности,
но онъ не ставилъ ихъ образцами для тогдаш-
нихъ правилъ грамматическихъ; онъ говорилъ
только, что въ его время не было ни достаточ-
наго числа ни писателей, ни переводчиковъ, по
которымъ бы можно было утвердить основатель-
ныя правила грамматическія.

Замѣчу также, что несправедливо укоряютъ
Сумарокова въ какомъ то высокоумномъ самолю-
біи. Недовѣрчивость къ самому себѣ, свидѣтель-
ство скромности, а не самохвальства. По право-
душію своему, Сумароковъ не присвоивалъ себѣ
того, что принадлежало другимъ. «Хотя непре-
станныя ударенія на словахъ или *стиль*, мнѣ не
нравились: говоритъ онъ: но къ отмѣненію ихъ

(*) Часть X.

я ожидалъ товарища. Такъ и случилось. *Козницкій* и *Мотонось*, которымъ никогда не намекалъ я о ненависти моей къ *силлабъ*, сами предварили меня въ томъ при изданіи *трудо.любивой Пчелы* (*) Предварилъ меня и умный *Полетика* въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ о начертаніи именъ прилагательныхъ и собственныхъ. *Мы* въ выставкѣ крупныхъ буквъ и нѣмцовъ перешеголяли.» (**)

Что Сумароковъ предложилъ о грамматикѣ, то относится и къ риторикѣ. Она преподаетъ правила, но не учитъ краснорѣчію. Витійство и сильныя выраженія, даръ природы и вдохновенія души и сердца. А все это и до грамматики и до риторики существовало въ твореніяхъ Омира. Вотъ почему трагикъ *Есхиль* называлъ свои трагедіи: *стѣлками съ Омировыхъ пироевъ*. Въ *Иліадѣ* страсти *пируютъ*; въ *Одисеѣ* ходъ ихъ безмятеженъ. Самъ Ломоносовъ въ риторикѣ своей говоритъ, что творческіе образцы, а не правила руководствуютъ къ краснорѣчію.

Видѣли мы, что указъ писанный Ломоносовымъ 1741 года проложилъ путь чистому русскому слогу въ бумагахъ Государственныхъ; видѣли мы также, что Сумароковъ, не по препорученію, но пособственному побужденію, предъявилъ

(*) Часть X.

(**) Часть V.

1762 г. въ трехъ-суточный срокъ , предоставленный Екатериною второю для свободнаго печатанія, всѣ незабвенныя мысли, относящіяся къ существованію законовъ, столь же ясныхъ и благотворныхъ, какъ и солнце равно озаряющее и палаты и хижины.

Оба наши поэта оставили еще и другіе безсмертные памятники. Ломоносовъ предъявилъ открытіе руды золотой; а Сумароковъ предъявилъ средство, какъ охранять народъ отъ умноженія цѣпей на ежедневныя и необходимыя нужды.

Объяснюсь.

Въ осьмой одѣ своей Ломоносовъ говоритъ, обращаясь къ Елисаветѣ:

Толякое земель пространство,
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія,
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ. (*)

Скажутъ это поэзія, но у поэзіи есть зоркій взглядъ. Притомъ же Ломоносовъ, еще болѣе и убедительнѣе развиваетъ эту мысль въ словахъ, относящихся къ изученію природы въ различныхъ ея объемахъ.

(*) Часть X

Предрѣченіе Ломоносова сбылось. Возникають и въ Россіи рудники Перувианскіе. Но есть еще сокровище, драгоцѣннѣйшее всѣхъ другихъ блесковъ; это сокровище: *хлѣбъ насущный*. Не справедливо мыслятъ въ семнадцатомъ столѣтіи Австрійскій полководецъ Монтекукели, будтобы для успѣшной войны нужно только: *деньги, деньги и деньги*. Начало нашего девятнадцатаго столѣтія показало, что даже кусокъ хлѣба бываетъ дороже всѣхъ другихъ драгоцѣнностей. Сильныя ополченія гибли отъ недостатка въ дневной пищѣ. Но это дѣло военнаго искусства какъ запасть продовольствіе и какъ сберечь его для сохраненія войска. А есть и война громоносная, ежедневная, трудная и нерѣдко война гибельная; война нужды съ необходимыми потребностями для жизни. Какъ же уравнивать эту войну? Сумароковъ отвѣчаетъ въ статьѣ: «*о всегдашней равенности въ товарахъ.*» Много или мало вывоза товаровъ пошлина ни убавляется, ни прибавляется и сборъ государственный въ казнѣ съ нихъ равенъ. Много или мало сожнется въ Россіи хлѣба, но люди къ пропитанію своему требуютъ равной мѣры. Ровна пошлина, ровна мѣра пропитанія; ровна должна быть и цѣна во всякое время, хотя много хотя мало вывезено товаровъ, или много или мало сжато хлѣба. Въ случаѣ неурожая: помогаетъ ли возвышеніе на него цѣны народу? Она помо-

гаетъ только злочестивымъ продавцамъ, обогащающимся несчастіемъ человѣческимъ.»

И потомъ прибавляетъ: «но это зло отвращено будетъ тогда, когда учредятся у насъ *хлебныя Магазины*, что легко можетъ быть въ Россіи, столь обширной и столь изобильной.» (*)

Видѣли мы въ первой части, видимъ и здѣсь живое въ томъ свидѣтельство, что А. П. Сумароковъ заботливой и зоркой мыслию входилъ во весь разряды быта народнаго. Онъ все обозрѣлъ отъ законодательства, упрочивающаго спокойствіе общественное, до *хлебныхъ магазейновъ*, гдѣ должна хранится, такъ сказать: запасная жизнь народа. Ломоносовъ занимался болѣе изслѣдованіемъ наукъ естественныхъ; а Сумароковъ, оглядѣвъ всю область тогдашняго умозрѣнія, или какъ нынѣ говорятъ: *мышленія*, (**) разсматривая мнѣнія *Спинозы*, онъ сказалъ: «у Спинозы было доброе сердце, но онъ заблуждался; онъ не тамъ искалъ Бога, гдѣ должно было искать Его.» Прочитайте письмо его къ *Пасику* о

(*) Часть X. стр 317.

(**) *Мышленіе*, не новое слово. Обращаясь къ Израильскому народу, *Моисей* говоритъ: «яко сія премудрость ваша и *смьшленіе* предъ всеми языки.» (второз. глава 4,) слыши, израилью! заповѣди живота, впуши разумѣти *смьшленіе* (*Варусь* Гл, 3.)

внѣшнемъ и духовномъ чловѣкѣ: вы удивите съ какою тонкостію онъ разбиралъ и развивалъ дѣйствіе силы мыслящей, тогда еще когда, едвали были унасъ для того выраженія условныя. Взгляните на письмо его къ одному изъ ученѣйшихъ тогдашнихъ московскихъ физиковъ: и вы усмотрите, тогда съ какою выразительностію Сумароковъ владѣлъ и ученымъ нарѣчіемъ. (·) Наряду съ Вольтеромъ или, лучше сказать: со всѣми философами оснадцатаго столѣтія, Сумароковъ придерживалася мнѣніямъ *Локка*. Посмотрите же: съ какою отчетливою тонкостію выраженій, онъ во всѣхъ подробностяхъ изложилъ опытъ Англійскаго философа или мыслителя: «о разумнѣн чловѣческомъ.» (***) Я не перепѣчатываю этихъ статей. Съ того времени, столько *системъ* погрузилось въ рѣку *Лѣту*, что и не для чего ихъ оттуда вызывать. Давно ли разглашали, что *ключе* окыскалъ весь *міръ допотопный*; а теперь увѣряютъ, что какой то найденный новый слѣдъ или отпрыскъ того заветнаго міра, опрокинулъ великолѣпное зданіе его системы. Въ неутомимомъ духѣ чловѣческомъ, одна мысль также поглощаетъ другую, какъ въ неизмѣримомъ океанѣ одна волна заливаетъ другую. Но океанъ и въ

(·) Часть IX.

(**) Часть VI.

самою порывистою разливъ встрѣчаетъ преграду; а духъ человѣческой, обтекая весь міръ земной, стремится и за предѣлы поднебесности, въ области горній.

Сумароковъ чрезвычайно былъ ученъ. Статья его о *математическомъ исчисленіи*, помѣщенная въ *десятой* части полныхъ его сочиненій, свидѣтельствуетъ о глубокихъ его свѣденіяхъ въ *математику*. Известно также, что тогдашній *Лейпцигскій курфюрстъ*, изъ особеннаго уваженія къ нашему поэту, день своего рожденія ознаменовалъ избраніемъ его въ члены; *ученаго Лейпцигскаго общества*.

Снова повторю: Сумароковъ и Ломоносовъ въ словѣ русскомъ, какъ будто заключали весь наслажденія жизни своей; но первый домогался болѣе внюхать во весь его сокровенности. Изъ *десятой* части полныхъ его сочиненій явствуетъ: съ какимъ раченіемъ разбиралъ онъ и каждое слово и каждую постановку словъ и каждое ихъ удареніе. Все ли это такъ? объ этомъ не разсуждаю, тѣмъ болѣе, что въ книжнѣ новыхъ преній о словесности, трудно согласить противуборствіе мнѣній. Скажу только, что Сумароковъ не увлекался безусловнымъ самонадѣяніемъ, въ родномъ словѣ видѣлъ не только внѣшнее начертаніе, но и полноту жизни народной. Страшно было для него и помыслить о томъ, чему под-

вергается общество человеческое съ искаженіемъ слова роднаго. Повидимому, это такъ было резко выражено, что и смѣлый *Новиковъ* замѣнилъ то мѣсто точками. (*) Предъявилъ онъ также что и въ его время спорили: должно ли сообразоваться въ правописаніи съ выговоромъ простонароднымъ? должно ли писать, какъ говорятъ или придерживаться языку книжному? (**) Замѣтимъ также, что въ статьѣ: «о первоначальномъ произхожденіи русскаго народа.» Онъ доказываетъ, что сравнительное изслѣдованіе различныхъ нарѣчій, ведетъ къ отысканію первоначальной ихъ колыбели. «Мы, говоритъ онъ: мы коронъ праотцевъ нашихъ по сіе время удержали; а языкъ къ отысканію исторической истины, вѣрнѣйшій руководитель и я могъ бы цѣлый небольшой составить словарь: о *сходствѣ языковъ*. (***) Следственно Сумароковъ проложилъ поприще къ составленію: сравнительнаго словаря двухъ сотъ языковъ. Онъ проложилъ также и А. С. Шишкову стезю къ отысканію корней словъ. «Разумная грамота, говоритъ онъ: есть ясное начертаніе и изображеніе тончайшихъ нашихъ мыслей и тончайшаго нашего чувствія» Сумароковъ предварилъ насъ и въ сближеніи нарѣчій, сходственныхъ и сродственныхъ съ языкомъ сла-

(*) Часть X.

(**) Часть X.

(***) Часть X.

вянскимъ. (*) У насъ донскиваются также основаній славянскаго языка въ языкъ *санкритскомъ*. Сумароковъ говоритъ, что Азіятскіе и Африканскіе языки имѣютъ сходство съ нашимъ языкомъ. «Но, прибавляетъ онъ: и это не отъ внезапности а отъ того, что Коиты, Зиряме, Зерты, и Скифы, извлекали языки свои изъ одного источника.» (**). При такомъ разнообразномъ распространеніи мыслей, А. П. Сумарокова не забыть и колыбели дѣтей, для которыхъ сочинилъ первоначальное наставленіе историческое, географическое и нравственное,» недавно въ одномъ новомъ французскомъ журналѣ сказано: » Если мы живемъ въ вѣкъ чудесъ; то взойдемъ на возвышеніе, откуда могли бы обнять мысленными очами, что дѣйствительно полезно. (***)

Свидѣльствами историческими доказалъ я, что ни у Сумарокова, ни у Ломоносова нельзя оспаривать первенства въ изобрѣтеніи новаго слога нашей словесности; оно нераздѣльно и непосредственно принадлежитъ имъ. Теперь взглянемъ на то, кто болѣе поддѣйствовалъ на современниковъ своихъ? По свойству своей поэзіи, Ломоносовъ особенно ознакомилъ съ собою Дворъ, тог-

(*) Часть X.

(**) Часть X.

(***) Журналъ французскаго языка стр. 433.

дашнюю знаменитость большаго свѣтан Академію Наукъ, гдѣ разсматривали и разбирали первую его оду. Сумароковъ въ одно время ознакомилъ съ собою и Дворъ и народъ и все тогдашнее юное поколѣніе любителей русской словесности. Напрасно предполагають, будто бы наши россіянки хладнокровны были въ тотъ вѣкъ къ русскимъ сочиненіямъ. Юныя питомцы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго монастыря) съ восхищеніемъ представляли трагедіи Сумарокова и игрою своею приводили въ восторгъ зрителей. Громкія рукоплесканія долетѣли до Сумарокова съ береговъ Невы на берега Москвы рѣки. Хотя уже жизнь его часть отъ часу болѣе западала въ туманныя унынія; но новая дань пальмовъ, увѣнчавшихъ его трагедіи, одушевила его и онъ препроводилъ посланіе къ двумъ первымъ Воспитанницамъ упомяятаго Учебнаго Заведенія: къ *Нелидовой* и *Борцовой*. Онъ междупрочимъ говорилъ:

«Исполненнаго къ вамъ почтеніемъ отличнымъ,
Кто не былъ никогда на свѣтъ двуязычнымъ,

Примите дань похвалъ ;

Онъ правдѣ, истинѣ душой неизмѣнялъ.

.

Я былъ въ отсутствіи; но мыслию былъ съ вами

И зрѣлъ душевными очами,

Какъ *Рубановская* въ пристойной страсти ей,
Тамъ съ *Алексеевой* входила въ жарки споры ;

И жалосные взоры
Въ тоскъ души своей,
Ужь къ смерти ставъ готовой
Въ минуты страшнаго часа,
Съ *Молчановой* и *Львовой* —
Взводила въ небеса !

Арсеньева, цвѣтя, вѣкъ старый избираетъ ;
Служанку съ живостью *Алымова* играетъ ;
Подъ видомъ *Левшеной Ильмена* умираетъ .

Скажите имъ,
Усерднымъ голосомъ моимъ :

Имъ — дочерямъ *Талии* и дочерямъ *Мельпомены* ;
Что еслибъ изъ земныхъ восталъ отъ гроба нѣдръ,
И расточенные свои онъ собралъ члены,
Восхитился бѣ, то зря въ россіи, — мудрый Петръ,
Воздвѣлъ бы на небо свои тогда онъ руки
И въ совершенствѣ зря хитрѣйшей вкусъ науки,
Возвысилъ бы Герой свой съ радостію гласъ :
«Въ россіи *Геликонъ*; на сѣверъ *Парнасъ*.»

Отличительнымъ свойствомъ въ А. П. Сума-
роковъ было то, что онъ при всей страсти своей
къ Словесности, предпочиталъ даже и ей все то,
что относится къ внутреннему благу обществен-
ному. Онъ любилъ и превозносилъ хвалами *Ра-*
ссина, но въ очахъ его, *Кольбертъ*, давшій но-
вую жизнь внутренности Франціи, былъ выше
Расина. » Что былъ на свѣтѣ *Кольбертъ* ; гово-

рить онъ: того Европа вѣчно не забудетъ: (*) Съ жаромъ защищалъ онъ учрежденіе Академіи Художествъ противъ мнѣнія людей предубѣжденныхъ; но мудрое законодательство предпочиталъ онъ всѣмъ памятникамъ блистательнѣйшихъ искусствъ. «Вавилонскія стѣны, говоритъ онъ: и пирамиды египетскія, обманули надежду своихъ соорудителей. Важнѣе всего открывать пути просвѣщенію и ограждать безопасностію общество человѣческое. Да и что значуть всѣ похвалы, если онъ не согласны съ дѣлами?» (**)

Я не обременялъ хвалами ни Сумарокова, ни Ломоносова. Ихъ вѣнды, ихъ заслуги, ихъ жизнь въ собственныхъ ихъ твореніяхъ. Но нашъ девятнадцатый вѣкъ, столь обильный необычайными происшествіями, можно назвать повѣркою всего того, что на различныхъ поприщахъ дѣятельности человѣческой, называлось славою и что ввѣчаемъ *безсмертіемъ*. Въ осмнадцатомъ столѣтіи Лирика Жанъ Батиста *Руссо* величали: *великимъ Руссо*, а теперь громкія его оды называютъ одною художественною, поддѣльною работою искусственнаго восторга. (***) *Лагарпъ* превозносилъ его *кантаты*; и онъ палъ. *Бартеlemi*,

(*) Часть X.

(**) Часть II.

(***) *Велемень*.

новый переводчикъ Виргиліевой Енеиды говоритъ, что поэзія Виктора Гюго и Ламартина, затмила превосходствомъ своимъ кантаты Жанъ Батиста Руссо. При такой превратности въ Словесности чтоже остается неизмѣннымъ? постоянное душевное стремленіе къ пользѣ общей. Сильное терпѣль при жизни своей гоненіе другой Руссо *Жанъ-Жакъ*. Но за живое вниманіе его къ колыбели дѣтей, ему воздвигли памятникъ въ стѣпахъ той самой Женевы, гдѣ огромляли его поруганіемъ. Предположимъ, повторяю и здѣсь: что поэзія А. П. Сумарокова, большею частію отжила; но жаркое его чувство любви къ человечеству никогда не угаснетъ. Какъ ревностный сынъ отечества онъ говоритъ: «служба отечеству, молчи! Не тебѣ, ему вспоминать твои заслуги.» А какъ человекъ, испытавшій горькія душевныя волненія, въ стихахъ своихъ: *на отчальніе*, выраженное со всею стремительностію пылкаго его духа, онъ сказалъ:

«Къ тебѣ, о, Боже мой! молитву посылаю:
Не дай невиннаго въ отчальніи зрѣть;

Надъ могилою А. П. Сумарокова нѣтъ никакого памятника; но на камнѣ, обросшемъ мохомъ, надпишите сердечное участіе его въ жребіи невинности; и каждый, прочитавъ слова, обращенныя къ Богу:

«Недай невинности въ отчаяніи зрѣть!»

Поклонится праху чловѣка, желавшему, чтобы невинность не страдала и не упадала подъ тяжелымъ бременемъ отчаянія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

**ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЭЗИЮ И МЫСЛИ
СУМАРОКОВА О СТИХОТВОРСТВѢ.**

Поэзія—Музыка душъ чувствительныхъ.

(Вольтеръ.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

До приступленія къ общему взгляду на поэзію предложу мысли Сумарокова о *стихотворствѣ*. Русское *стопосложеніе* было для него естественною музыкою. Онъ чрезвычайно вслушивался въ выговоръ словъ; внимательно присматривался къ растановкѣ ихъ; онъ вѣрилъ, что слова черезъ слухъ переливаются въ сердце. Что за исключеніемъ *спондея*, болѣе пяти стопъ нѣтъ въ Русскомъ языкѣ; и что природа, какъ будто соразмѣрно пяти чувствамъ, вложила ихъ въ слово человѣческое. Выдумывать шестую стопу, по его мнѣнію, все тоже, что еслибъ какой нибудь естественный испытатель захотѣлъ изобрѣсть шестое чувство.

Вольтеръ называлъ поэзію музыкою душевною. Также мыслилъ и Сумароковъ. «Стопы, говоритъ онъ: не на произволѣ нашемъ, но на самой при-

родъ основаны; онъ суть голосъ *музыки* и выраженія цѣлаго *чувства*.»

Вотъ разборъ его пяти слѣдующихъ стопъ:

«*Во первыхъ*: Хорей.—Хорей есть нѣжная стопа сама собою и болѣе относится къ сердечнымъ чувствамъ, но въ ней нѣтъ живости Ямба.»

«*Во вторыхъ*. Ямбъ.—Ямбъ стопа великолѣпна, живая «Но, прибавляетъ Сумароковъ: «дѣльно ли мы ее въ одной одѣ употребляемъ?» Замѣчу и здѣсь, что Сумароковъ первый упомянулъ, что Ямбъ посвященъ (это его выраженіе) разговорамъ трагедіи, комедіи, и сатирамъ.

«*Въ третьихъ*. Дактиль. — Дактиль особенно употребленъ былъ у Грековъ и у Римлянъ, но и они иногда мѣшали его съ *спонделями* и *хорейми* для разнообразія живописи поэзіи и для выраженія чувства. Въ этой стопѣ дышетъ какое то уныніе; а отъ сочетанія съ *спонделями* и *хорейми*, она становится живѣе, великолѣпнѣе и блестяще, у древнихъ она произносилась не *тоническимъ* протяженіемъ, а сочетаніемъ буквъ, по приличію и по нѣкоторымъ узаконеннымъ условіямъ.

«*Въ четвертыхъ*: Амфиврахій. — Амфиврахій смѣсь нѣжности и живости.»

«*Въ пятыхъ*: Анапестъ. — Анапестъ стопа жи-

вопысая, великолѣпная, способная одушевлять оды, еслибъ всѣ наши лирическія строфы, не присвоили себѣ отъ одъ Ломоносова, по примѣру нѣмецкихъ одъ, ямба. «Къ этому, прибавляетъ Сумароковъ: и я отъ нѣмецкихъ ямбовъ тоже заимствовалъ.»

«Касательно *Пиррихій*, писателю нѣтъ нужды узнавать, когда онъ хорей или ямбъ; между *хорейскими* стопъ, онъ самъ собою будетъ хореемъ, а между *ямбали*, ямбомъ. Но писатели должны знать, что чистые хорей и чистые ямбы.»

«Спондей, долженъ бы состоять изъ двухъ долгихъ слоговъ, а *пиррихій* изъ двухъ короткихъ. Но пиррихій самъ собою существовать не можетъ и спондей чуждъ долготы *тонической*.»

Не вхожу ни въ какія разсужденія о стопосложеніи, предложеномъ Сумароковымъ. Но въ очеркахъ о его сочиненіяхъ, мнѣ надлежало показать на чемъ онъ основывался, избрѣтая различныя роды стихотвореній. Ибо говоря стихомъ Сумарокова:

«Земля плодовъ безъ солнца не рождаетъ.»

И мы видимъ съ какою подробностію онъ отдаетъ отчетъ о тѣхъ источникахъ, откуда извлекалъ свое стихотворство. Отъ чего же, спо-

рять: можетъ быть, поэзія Сумарокова отжила или отживаетъ? *Во первыхъ*: отъ того, что вкусъ и времена перемѣнились; во вторыхъ и потому, что на поприщѣ нашей Словесности еще все, какъ будто, мимолетной молніей исчезаетъ. Давно ли въ очеркѣ князя П. А. Вяземскаго, Державинъ изображенъ величественнымъ орломъ, парящимъ подъ небесами, а теперь куда его сводятъ? да и многіе ли изъ нашихъ писателей остались на прежнему театрѣ ихъ славы? Но дѣло не о томъ. Показывая съ какимъ раченіемъ Сумароковъ занимался слогомъ стихотворческимъ, я замѣчу, что и Вольтеръ, какъ будто условясь съ нимъ, въ одно и тоже время тѣмъ же занимался.

Вотъ одинъ примѣръ изъ его разбора Корнелиева театра.

« Не должно объясняться такъ, какъ сказано въ трагедіи *Никомедь*. »

« Non ; mais il n'a surtout laissé ferme en ce

р о и т ,

D'estimer beaucoup Rome et de ne la craindre

р о и т . »

« Смыслъ прекрасный ; но однозвучныя рѣшмы не пріятны слуху. »

Съ такою же тонкостію разбираетъ и Сумаро-

ковъ разстановку и, такъ сказать: душу словъ. «Если *спондеи* говорить онъ: состоитъ изъ двухъ существительныхъ, то который слогъ разительнѣе выражаетъ мысль писателя, тотъ и важнѣе, тотъ и длиннѣе; то есть: тотъ силу у другаго слога не отниметъ. Н. П.

*Огнь адъ
Меня страшитъ.*

«Адъ болѣе долженъ устрашать нежели *огонь* слѣдственно адъ выставленъ долгимъ слогомъ, а огонь короткимъ. Переставьте эти слова; выйдетъ слабость.»

«Адъ, огнь меня страшитъ.»

«А когда этотъ стихъ будетъ обращенъ въ *хорическій* или *ямбическій*: и я разнесу *адъ* и *огнь*, тогда каждый долгій слогъ сохранить силу свою.» (*)

«И адъ и огнь меня страшитъ.»

Такъ обозрѣвалъ Сумароковъ музыку стихотворенія и силу словъ; но съ общемою мыслию его о поэзиі нельзя согласиться. «Свобода, праздность и любовь, говорить онъ: суть источники стихотворства.»

(*) Часть X.

Что *любовь* бываетъ вдохновеніемъ , Сумароковъ въ томъ правъ. Но еслибъ *праздность* производила такое чудо , то сколько было бы вездѣ поэтовъ? Если подъ словомъ *свободы*, по отношенію къ поэзіи, понималъ онъ полетъ души, превышающей оковы приличія и ничтожныя условія свѣта, въ такомъ случаѣ онъ былъ бы правъ. Но онъ присовокупилъ къ *свободѣ*, *праздность*; а потому тутъ и свидѣннѣ той *свободы* , которая переселяетъ душу изъ міра вещественнаго въ міръ духовный.

Въ 18 столѣтіи, *Лагарпъ* называлъ поэзію игрою ума. А въ нашъ вѣкъ сочинитель книги: *о тайнахъ жизни*, возражая *Лагарпу* говоритъ:

«Какъ ! Уже ли поэзія только область лжи и мечты? Правда, что ложь и насмѣшки долго заплотняли эту область. Къ сожалѣнію, вдохновеніе Божественное часто превращается у насъ въ одинъ порывъ воспламеннаго воображенія.»

«Безспорно, что поэзія можетъ быть очаровательною и въ вымыслѣ. Мы перѣдко и въ разговорахъ олицетворяемъ любовь; а въ драмахъ выводимъ ее на театрѣ. Тутъ вымыслѣ сливается съ жизнью иносказанія.»

Обратимся къ *Лагарпу*. Онъ говоритъ : «Вотъ

условіе между Геніємъ и толпою: онъ творить; она судить. Она требуетъ отъ него забавы; а онъ выпрашиваетъ у ней рукоплесканій. Онъ порывается къ славъ; а она раздааетъ вѣнки.»

«Неправда. Ни Корнелій, ни Расинъ, ни Босюегъ, ни Фенелонъ не выманивали у толпы рукоплесканій. Высокая мысль, какъ пожвращающій огонь, воспламеняла ихъ геній и душу. Если кто изъ полководцевъ домогается погрешекъ молвы, его разобьютъ; если и трагикъ за тѣмъ же погонится, его освищутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что слава—достояніе генія но геній и слава безъ всѣхъ условій сами собою идутъ другъ къ другу и подають другъ другу руку. Это встреча душевная. Геній не смущается ни страхомъ, ни надеждою. Высокое чувство, величественная цѣль; вотъ что одушевляетъ его всею силою мысли; а если и онъ иногда ощутитъ изнеможеніе, тогда въ до-полненіе его мысли, міръ горній даритъ его вдохновеніемъ.» (*)

Такая свыше вдохновеная пѣснь гремѣла изъ подъ сводовъ неба, въ пустынномъ отдаленіи отъ вихря міра земнаго: то была пѣснь Богу, Изведшему народъ Израильскій изъ тяжелой работы египетской. Ненужно говорить, какое вдохновеніе пламенѣетъ въ священнѣхъ пѣснопѣніяхъ

(*) См. книгу Іова.

Давида. Сумароковъ переложилъ всѣ его псалмы. Но гдѣ смертному взять тотъ духъ, который носился надъ Давидомъ? Кто училъ его звукамъ арфы побѣждать и успокоивать волнующійся духъ Саула? Эта тайна неисповѣдимая. Въ преложеніи псалмовъ Сумарокова мы видимъ счастливыя выраженія; Н. П. въ преложеніи псалма: *услышите сія вси язъцы:*

«Невсакъ ли смертный умираетъ?
Богатства и чиновъ здѣсь смерть не разбираетъ;
Всему она творитъ конецъ;
Снимаетъ со главы властителя вѣнецъ;
Въ престольномъ скиптрѣ отъемлетъ градъ,
Какъ посохъ пастуха увядшаго при стадѣ.»

Приближались нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ къ вдохновенію Давида.

По глубокому душевному вдохновенію, *духовныхъ стихотвореній* Ф. Н. Глинки, названы: *неземною поэзію*. (*) Можно замѣтить, что и преложеніе псалмовъ Н. М. Шатрова одушевлено сильными выраженіями и порывами духа поэтического. Слышны звуки арфы Давидовой и въ концертахъ нашего *Бортнянскаго*. Знаменитая пѣвица *Каталани* въ бытность свою на берегахъ Невы, слушала однажды духовное его пѣніе. Лице ея постепенно измѣнялось и ручьи слезъ брыз-

(*) См Русское Чтеніе Н. И. Греча.

нули изъ глазъ ея. А *Бортнянскій* погруженный въ какую то глубокую думу, смотрѣлъ на небо какъ будто ожидая отъ туда новаго вдохновенія.

Ненужно упоминать о торжествѣ поэзій въдревней Греціи. Но на одно мгновеніе, перенесемся на игры олимпійскія. Тутъ вся Греція. Тутъ *Корина спорить съ Пиндаромъ* о вѣнкахъ лирическихъ; тутъ юный *Фукидидъ*, заливаясь слезами при слушаніи *Иродотовой* исторіи, летитъ въ его объятія, и самъ одушевляется гениемъ историческимъ. Далѣе будетъ упомянуто о драматической поэзій Греческой: въ ней, такъ сказать, была вся жизнь Древней Греціи. «Поэзія, говоритъ Сумароковъ: можетъ назваться чистѣйшимъ изображеніемъ естества. Искусство безъ гениа, часто подвержено ослѣплѣнію. Это ясно доказали тѣ, которые старались превзойти Омира, Софокла и и Виргилія. Останемся лучше въ границахъ природы и разума и убѣдимся, что человѣку челоѣчество превзойти не удобно.»

Подъ шумомъ оружія завоевателя Македонскаго смолкли музы греціи, но вскорѣ потомъ гелось ихъ окликнулся въ гимнахъ *Калисоена*. Умолкъ грозный шумъ оружія и *Калисоень* воззвалъ къ Зевесу: «Когда возжигается жертва священная: да будешь ты величественнымъ предметомъ нашихъ пѣс-

ноптій; ты побѣдилъ титановъ и ты предписываешь законы Олимпу. Живые поэты напрасно возвѣщали, будто бы случай разпредѣляетъ державы. Какой безумецъ на одиѣ вѣсы возложить адъ и небо?»

Въ другомъ гимнѣ Калисеенъ говоритъ: «счастливъ тотъ смертный которому улыбается *Диана*; утучненныя бразды его нивъ озлащаются жатвою обильною; стада его умножаются; могила разверзается подъ стопами его послѣ долготнѣяго поприща жизни; раздоръ, низпровергающій обильнѣйшіе дома не возмущаетъ его семейство; съ нимъ за одною трапезою сидитъ и теща и золовка.»

Тутъ слушенъ откликъ изъ одного *Давидова* псалма. И не удивительно. Въ это самое время, по непостижимому опредѣленію Провидѣнія, въ идолопоклонническомъ Египтѣ происходило предложеніе на греческій языкъ книгъ Ветхаго Завета, которыхъ глаголь гремитъ теперь во всѣхъ концахъ нашей вселенной. *Калисеенъ* могъ знать о псалмахъ Давида. Греческаго поэта упрекли за краткость его гимновъ. Онъ отвѣчалъ и посказаніемъ: «Зависть подошла нѣкогда къ уху Аполлона и сказала: чего стоитъ поэтъ, если стихи его не равняются счету волнъ морскихъ? Оттолкнувъ грозною стопою зависть, Аполонъ ска-

заль: «Взгляну на рѣку Ассиріи : обширно ея теченіе; но ложе ея тонетъ въ мутной тинѣ.»

Можно сказать : что на поприщѣ всемірной словесности то только не тускнѣетъ въ области забвенія, что душа и святая любовь къ человѣчеству возлагають на олтарь поэзіи.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ А. П. СУМАРОВА.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ РАЗЛИЧНОЙ МѢРЫ.

I.

Г И М Н Ъ

Премудрости Божіей въ солнцѣ.

Свѣтило городое! всего питатель міра,
Блισταющее къ намъ съ небесной высоты!
О, если бы взыграть мол могла мѣ лира —
Твои достойно красоты!

Вострепетала тма, лишь только лучь пустился —
Лишь только въ высотѣ подвинулся съ небесъ;
Горящею струей доми смертныхъ озарился
И мракъ предъ нимъ исчезъ.

О, солнце! ты и жизнь и красота природы,
Источникъ вѣчности и отблескъ божества!
Тобой жива земля, живъ воздухъ, живы воды —
Душа красоть и естества.

Чистѣйшій бурный огонь, лампада предъ Вѣчнымъ,
Пылающая предъ Нимъ изъ темноты густой;
Волнующаяся стремленьемъ быстротечнымъ,
Висяща въ широтѣ пустой.

Тобою всякое дыханье ликовствуетъ,
Встрѣчаетъ радстно лице твое вся тварь;
Пришествіе твое все въ міръ торжествуетъ:
Небесныхъ Силъ ты вождь и царь.

Объема взоромъ всю пространную державу,
Во вѣки бодрствуя, повсюда блескъ свой льешь;
Великолѣпствуя — вѣщаешь Божью славу
И нашу мысль къ Нему влечешь.

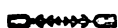
II.

На суету челоуѣка.

Суетенъ будешь
Ты челоуѣкъ,
Если забудешь
Краткой свой вѣкъ.
Время проходить —
Время летить,
Время проводить
Все, что ни льститъ
Счастье, забавы,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и славы, (*)
Все только сонъ.
Какъ ударяетъ
Колоколъ часть;

(*) Сумароковъ первый главу употребляетъ въ множественномъ числѣ и онъ правъ: ибо есть различныя роды славы.

Онъ повторяетъ
Смертнымъ сей гласъ:
«Смертный! будь ниже
Въ жизни ты сей;
Сталь ты поближе
Къ смерти своей.»

III.

На суета мира.

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней,
Среди богатства, чести, славы
Ивъ полной радости своей —
Что это все — какъ дымъ проходить,
Природа къ смерти насъ приводитъ:
Вспоминнай, о, человекъ!
Умрешь, хоть смерти ненавишь,
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнетъ отъ тебя навѣкъ.
Во всемъ на свѣтъ семъ премвна
И все непостоянно въ немъ:
И все составленно изъ тлѣна,
Не зримъ мы твердости ни въ чемъ.
Премвной естество играетъ,
Оно даруетъ, отбираетъ;
Свѣтъ только образъ колеса.
Не грянетъ громъ и вѣтръ не дохнетъ,

Земля падеть, вода изсохнет
И разрушатся небеса.
Зри — какъ животныхъ гибнуть роды,
На собственной свой родъ возри;
Возри на красоты природы
И коловратность разбери :
Зимой луга покрыты снегомъ
Рѣвка спрягается со брѣгомъ,
Творя изъ струй переходъ и мость;
И восхищавшія взоръ розы
Однѣ лишь оставляють лозы
И обнаженный, тощій гроздь.
Почтемъ мы жизнь и свѣтъ мечтою;
Что мы ни дѣлаемъ, то сонъ:
Живемъ, рождемся съ суетою,
Изъ свѣта съ ней выходимъ вонъ,
Достигнемъ роскоши, забавы,
Великолѣпія и славы;
Пройдемъ печаль, досаду, страхъ;
Достигнемъ пышности, богатства;
Преодолѣемъ всѣ препятства,
И послѣ превратимся въ прахъ, (*)
Оставимъ лишнее желанье!
Очемъ излишно намъ тужить?
Умѣримъ мы страстей пыланье:

(*) Богатствъ стяженіе мнѣтъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, преидеть въ чреду свою.»

Повторяю и здѣсь. Державинъ изучалъ Сумарокова: тоже дѣлали и всѣ его современники

Не вѣчно намъ на свѣтъ жить.
Огь смерти убѣжать невозможно;
Идетъ къ ней смертный ложно
И свѣтъ покинетъ навсегда.
На свѣтъ жизни нѣтъ милье
И нѣтъ на свѣтъ смерти злѣе:
Но смерть — послѣдняя беда.

Я нарочито привелъ стихотворенія трехъ различныхъ размѣровъ, чтобы и здѣсь показать, что Сумароковъ и зобрѣтатель всѣхъ родовъ стихотвореній своего времени. Скажутъ, можетъ быть: «но теперь, кто только привыкъ къ перу, напишетъ и живѣе и сильнѣе Сумарокова.» Незнаю. Описывалъ *солнце* и Ломоносовъ. Вотъ его стихи.

»Когда премудростью своею
Всевышній солнце сотворилъ,
Пути различны надъ землею
Въ теченіи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часть Европы,
Сіяетъ въ южны Еѳіопы,
И наки къ намъ проходить вспять,
Полсвѣта дневной теплотою,
Полсвѣта тучной въ ночь росю
Премѣнно тшятся оживлять.»

Для меня и два послѣднія стихотворенія дышутъ какою то томностію, нетяготящею души, но вызывающею ее къ вниманію о себѣ. Сверхъ того, все то, что тутъ читаете, перешло и въ поэзію Державина, только въ другихъ оборотахъ. «Краснорѣчіе, сказалъ *Паскаль*: живопись ума.» Но или полетъ времени стираетъ первобытный блескъ или мы утомляемся приглядываясь къ краскамъ умственной живописи: они какъ то постепенно отцвѣтають, дѣйствительно ли, или только въ нашемъ понятіи? неразбираю этого. Есть же и печатные отклики, что будто и въ Державинѣ исчезаетъ Державинъ. И тутъ скажемъ:

«Все со временемъ проходитъ,
Славамъ въ міръ всѣмъ — предѣлъ.»

Если теперь сочиненія Сумарокова кажутся устарѣлыми, то на прежней своей чредѣ онѣ были новы и на нихъ сіяла печать духа творческаго. Да и въ нашъ вѣкъ: изложена ли хотя одна новая мысль не только поэтическая, но даже и историческая? Удивилъ *Нибуртъ*, возвѣстивъ, что первоначальная Римская исторія представляется въ объемъ поэтическомъ; а известно было, что *Еній* Римскую лѣтопись сочинилъ поэмою. Наконецъ Вольтеръ въ первой половинѣ оснадцатаго столѣтія, легкимъ перомъ и мимоходомъ намекнулъ, что до *Иродота*, Греки, под-

ражая Египтянамъ, писали исторію стихами. Въ поэмѣ *Байрона*, по видимому вездѣ кипитъ жаръ творческій; но и у него почти на каждую мысль, можно указать другою мыслию, существовавшею до него. Здѣсь предложу только то, что относится къ исторіи. «И я люблю, говоритъ онъ въ *Донъ-Жуанъ*: я люблю съ точностію означать числа не только изъ вѣка въ вѣкъ и изъ года въ годъ, но и текущаго мѣсяца. Числа — Приюты почтовьяе, гдѣ судьба перемѣняетъ лошадей, принуждая лошадей, принуждая исторію измѣнять голосъ, мчатъ по царствамъ и державамъ, оставляя на шихъ одни слѣды чиселъ.»

Оборотъ новый, а мысль не новая. «Земли, сказалъ *Фонтенель* въ осмнадцатомъ вѣкѣ: уподобляется огромнымъ скрижалямъ, на которыхъ каждый хочетъ помѣстить имя свое. Когда онъ наполняется, тогда по неволѣ приходится выскабливать прежнія имена, для замѣщенія ихъ новыми. Чтобы было, еслибъ уцѣлѣли всѣ памятники древнихъ; современникамъ негдѣ бы было помѣстить своихъ.»

Послѣ громкихъ и необыкновенныхъ событій нашего вѣка, *Линнэ* сказалъ, что всѣ великія событія исторіи выходятъ изъ храмины суда горняго. Тоже предъявлено было и въ семнадцатомъ вѣкѣ.

томъ столѣтїи. Въ драмы, говоритъ Бальзакъ :
проявляющїяся на землѣ, сочинены на небѣ. Богъ
Творецъ ихъ ; люди — дѣйствующїя только лица .»

Все было сказано и пересказано и въ поэти-
ческомъ и въ политическомъ и въ законодатель-
номъ мїрѣ : главное дѣло въ томъ, какъ все это
приводитъ въ дѣйствїе. « Великая душа законо-
дателя, сказалъ Жанъ-Жакъ Руссо : есть истин-
ное чудо, долженствующее засвидѣтельствовать
призывъ его .» Къ этому одинъ изъ новыхъ писате-
лей прибавляетъ, что для законодателя недоволь-
но дѣйствовать только на умъ, онъ долженъ еще
возбуждать и окрылять и душу. Поэта можно
назвать законодателемъ душевнымъ. Онъ не тре-
буетъ повиновенїя ; но живое его слово увлекаетъ
и мысль и душу. Онъ изъ сочетанїя тѣхъ са-
мыхъ словъ, которыя каждый изъ насъ употреб-
ляетъ въ обыкновенномъ разговорѣ, составляетъ
то очаровательное созвучїе, которое, какъ буд-
то, слышимъ въ первой разъ. Даже и мысль
была извѣстна ; но она кажется новою ; она об-
новлена выраженїемъ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

О Величїи Божїемъ.

Отверзлось небо, мысль взлетаетъ,
Прознаетъ дальность, исчезаетъ,
Не обрѣтая ей конца;
Какъ будто мракомъ покровенна,
Свергается оттоль смущенна
И славить Мудраго Творца.
Тамъ множество свѣтилъ горящихъ,
Подъсолнечнымъ странамъ свѣтящихъ
И тма великихъ твердыхъ твѣ.
Ты царствуешь, Владыко! вѣчно,
И все пространство безъконечно
Господства Твоего предѣль.
Когда бурливый вихрь приходитъ
И воздухъ въ безпорядокъ вводитъ
Пески смущаетъ, прахъ мятеть;
Такъ мысль моя теперь смятенна.
Открылась предо мной вселенна
И вижу я: *конца ей нѣтъ!*
Я свѣтъ на свѣтъ постановляю
И милїоны предъявляю
Ихъ смутной мысли я моей.
Хочу разрушить все препоны,
И чтожь? несчетны милїоны
Песчинка лишь -- вселенной всей.»

Льтъ чрезъ тридцать послѣ Сумарокова, Державинъ, въ одѣ своей *Богъ* сказалъ:

«Свѣтилъ несчетныхъ миліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои творятъ онѣ законы,
Лучи животворящи льютъ;
Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры
Иль вкупѣ всѣ свѣтлѣишіи міры —
Передъ Тобой; какъ ночь предъ днемъ;
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ тобою сія.»

II.

Изъ 13 псалма.

Рече безуменъ въ сердце своемъ.

Безумный говоритъ: «Творца вселенной нѣтъ,
И что состроился собой пространный свѣтъ.»
Такое зданіе устроитсяя собою?
Безумный! зри, вездѣ Создатель предъ тобою;
Возри на небеса,

На солнце, на луну на звѣзды по эфиру,
И къ обитаему намъ сосданному міру,
На горы, на луга, на воды, на лѣса,
Возри и на свое ты собственное тѣло,

Въззвности ль одной, скажи, такое дѣло?
Узрѣвъ себя и мѣръ, смири ты мысль свою!
Чти Щедрого Отца, чти страшна Судію
Въ Создатель — вселенной,
И узы разорви безумства мысли плѣнной.
Что нѣтъ Создателя — ты въ сердцѣ говоришь,
И беззаконія безъ трепета творишь.
Всевышній съ небеси на кругъ земной взираетъ,
И взоръ Божественный повсюду простираетъ.
Злодей!

Знай! видитъ Богъ, что всѣ на свѣтъ стали злобны;
Стремясь къ погибели своей,
Въ безуміи своемъ, они тебѣ подобны.

Имъ тамъ болянь — гдѣ страха нѣтъ.
Вы издвѣаетесь — зря бѣдныхъ сокрушеніе;
Не смѣйтесь! имъ Господь и щить и подкрѣпленье!
Когдажъ народъ поработенный
Самъ Богъ изъ плѣна изведетъ,
Тогда Іаковъ восхищенный
И съ нимъ Израиль оживетъ!

III.

Изъ пророчествъ Исая.

*«Слыши небо и внуши земле; яко Господь возглагола:
«Сыны родихъ и возвысихъ, тѣмъ же отвергошася Мене.»*

Внуши земля! рекъ Богъ: внимайте небеса,
И горы, и поля, и море и лѣса!

Отторглись отъ меня развратною душою
Воспитанные мною.

Передъ пасущими, безгласна тварь, тиха,
И агнцы и волы все знаютъ пастуха;
Меняжъ Израильскій народъ не познаваетъ,
Не чтить и забываетъ.

О беззаконники, лукавства сѣмена!
Противны ваши мнѣ и жалки племена!
Забыли вы, что Я могущъ и вашъ Содѣтель,
Отецъ и Благодѣтель!

Угасла въ васъ любовь, исчезла въ васъ болязнь;
Какую же еще пошлю на васъ Я казнь?
И не довольно ли вы нынѣ сокрушенны,
Всего, всего лишены.

Страну родительску пустыней очи зрять;
Пылаетъ въ облакахъ огонь, грады все горять,
Валятся стѣны ихъ, столь преждѣ горделивы,
Прищельцы грабятъ нивы.

За вашъ развратъ влача яремъ всехъ тяжкихъ бядъ,
Вездѣ въ очахъ у васъ могильной скорби слѣдъ;
Имѣнье ваше все въ чужіе руки пало,
Сокровище пропало.

Когдабъ лишился всехъ сыновъ своихъ Сіонъ,
Тогдабъ безмолною пустынею сталъ онъ.
Содому бы тогда, Гоморру былъ бодобенъ;
Подняться не способенъ.

На что вы множество приносите мнѣ жертвъ?
И агнецъ предо мной, почто поверженъ мертвъ?
Для всесозженія къ чему вашъ огонь пылаетъ?
Того ли Богъ желаетъ?

Къ вамъ больше ни начто не обрашу очей;
Разгнѣвали Меня вы злобою своею;
Усердья нѣтъ ко Мнѣ, нѣтъ къ ближнему любви,
И руки полны крови.

О мойте совѣсть вы, очистите свой духъ,
И отвративъ отъ зла и зрѣніе и слухъ,
Престаньте ложныя вы рѣчи говорить,
И зло одно творить.

И отвергаю всѣ Я ваши жертвы прочь,
Когда не хотите вы бѣдному помочь:
Спасите сироту, вдовицу сберегите,
Гониму помогите!...

Когда смягчитесь вы — смягчусь тогда и Я,
И буду вамъ Отецъ, а вынѣ Судія;
Тогда мой праведный на васъ Я гнѣвъ оставлю,
И васъ отъ бѣды избавлю.

IV

Изъ 38 Псалма.

Рѣчь сохранию пути моя.

На гуслихъ извѣщая слово,
Давидъ Божественный поетъ:
Гоненіе ему не ново,
Давидъ Гонимый вопіетъ:
Я, Боже! мучуся душею;
Но не хочу передъ Тобою
Въ числѣ неправедныхъ я быть;
Огъ беззаконныхъ убѣгаю,
Не льшу злодѣямъ, не ласкою,

И не стремлюсь людей губить;
Но зря неправду — я сержуся,
Противубодрствуя судьбѣ,
Предъ міромъ рабствовать стыжуся,
Подвластенъ одному Тѣбѣ.
Ты мнѣ, мою кончину скажешь;
И срокъ моихъ изчислишь дней,
Ты путь мнѣ истинный покажешь;
Свѣтляникъ Ты души моей.
Почто мы то позабываемъ,
Что мы одушевленный прахъ?
Почто блестящій тлѣнь собираемъ,
И дремлемъ въ пагубныхъ мечтахъ?
Мы всѣ пришельцы здѣсь на время...
Услышь, Господь! мой скорбный гласъ.
Съ меня ты свергни гнѣва бремя,
Доколь мой не ударить часъ.

V.

Изъ 5-й главы Варуха.

«Совлечы, Иерусалиме, ризы плачевныя и озлобленія
твоего, и облекусь въ льпоту славы.»

Сложи Иерусалимъ днесъ ризы ты плачевны,
И облекись одеждою драгой;
Насталъ ужъ вѣкъ другой:
Скончались мгновенья гнѣбны;

Пришелъ бѣдамъ твоимъ конецъ;
И снова на главу возложи златой вѣнецъ!
Огрни стѣнаніе свое отъ груди тѣсной!
Богъ славою тебѣ вѣнчаетъ въ поднебесной.
Твой грозный Судія — столь щедрый твой Отецъ;
Днесъ съ истиной твое спряжется благоденство,
И снидетъ на тебя — миръ, слава и блаженство.
Возстань Іерусалимъ, взойди на высоту,
Являя прежнюю вселенной красоту!
Взнесися на степенъ изъ бѣдности высоко;
Взгляни ты къ Западу, воззри къ Востоку;
Отъ всѣхъ сторонъ
Къ стѣнамъ твоимъ, къ стѣнамъ священна града,
Сбираются опять твои любезны чада,
И полны радости спѣшать узрѣть Сіонъ;
Изъ стѣнъ твоихъ, они въ позорный плѣнъ влеклися,
Но возвратилися и — въ славу облеклися;
Торжественно коснутся вратъ,
И съ велевліемъ войдутъ въ священный градъ;
И на тебя, съ небесъ простретъ Всевышній взоры,
Воззрять на твой престоль,
Исправить доль,
Унизить горы,
И гладки учредить пути,
Чтобы съ радушіемъ народъ твой могъ войтти.
Дни ясные предѣлъ твой обновать, согрѣютъ,
Благоуханіемъ наполнятся лѣса,
Сладчайшіе плоды созрѣютъ
И тѣнь прохладную дадутъ вновь дрevesа;

Печаль и горестъ удавится,

Сіонъ возвеселится;

Ни кто не будетъ унывать,

Израиль станетъ ликовать.

Всевышній дастъ тебѣ во всѣхъ дѣлахъ успѣхи,

Стой въ радость обратитъ, а горести въ утѣхи.

Д К Л О Г И .

У свѣта свои пути, а у сердца своя жизнь.

ESTABLISHED

ESTABLISHED 1850

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

ЭКЛОГИ.

Давно ли Н. И. Новиковъ называлъ Эклоги Сумарокова *неподражаемыми*? Этому минуло лѣтъ семьдесятъ, а кто ихъ теперь читаетъ? Чтоже изъ этого заключить? Новиковъ былъ изъ первостепенныхъ умовъ своего времени; слѣдственно онъ зналъ, что говорилъ; онъ точно былъ убѣжденъ, что ни кто тогда не могъ сравниться съ Сумароковымъ въ этомъ родѣ стихотворства. Эклоги его были новостію. Нѣжность романическая была въ модѣ.

Поэтъ нашъ самъ изображаетъ эту нѣжность въ слѣдующихъ стихахъ въ одной изъ своихъ Эклогъ:

«На свѣтлыхъ небесахъ ужъ нѣтъ угрюмыхъ тучъ,
И ясная луна, какъ солнце, льетъ къ намъ лучъ;
Благоуханіе надъ нашими мѣстами;
Долины тучныя украшены цвѣтами;
Текущи съ горъ ручьи журчаніемъ шумятъ
И сладкой нѣгою въ насъ чувствіе томятъ.»

Но о эклогахъ Сумарокова нельзя того сказать что Вольтеръ говорилъ о Фентенеленевыхъ эклогахъ. Онъ нашихъ крестьянскихъ пастуховъ и пастушекъ не производилъ въ *Дафнисъ* и *Аглаи*. Утомляясь круженіемъ міра существеннаго, онъ мысленно переносился въ золотой вѣкъ, въ волшебный міръ любви и дружбы сердечной. Онъ пылкимъ воображеніемъ рисовалъ въ очахъ своихъ картины нѣжной страсти; онъ то же дѣлалъ, что дѣлалъ Жапъ-Жакъ *Руссо* въ своей *Элоизѣ*; онъ сотворялъ свое общество по своей мысли и по своему чувству. Но Элоиза и теперь еще не отжила; неудивительно. Онъ не изобрѣталъ слога; онъ передалъ только слогу своему стремленіе сердца своего. А Сумароковъ все изобрѣталъ. Труденъ подвигъ того, кто первый вступаетъ на какое бы то ни было поприще. Сумарокову наскучили тогдашнія разговоры—то о модахъ, то о псовой охотѣ, и онъ, посвящая свои эклоги прекрасному полу, писалъ: «говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о ябьдничествѣ, о модахъ, о псовой охотѣ. Неужели такіе разговоры лучше разговоровъ сердечныхъ? Я вызываю любовь, а не сладострастіе. Люди изъ всего дѣлаютъ злоупотребленіе. Что почтеніе правосудія? во сколько изъ него происходитъ ябьдъ и крючкотворства; сколько утѣсеній и гоненій роду человѣческому?»

Несмотря на то, что эклоги Сумарокова за-
таились теперь въ глубокомъ забвеніи, онѣ мо-
гутъ нравиться и по новости и по картицамъ сво-
имъ. Напримѣръ: описывая наступленіе грозы,
онѣ говорятъ:

«Еще ночь мрачная тмы съ моря не сводила,
Еще прекрасная Аврора не восходила;
Корабль покоился на ямарѣ въ волнахъ,
И земледѣлецъ былъ въ снѣ крѣпкомъ по трудахъ;
Сатиры по горамъ не бѣгали лѣсами
И нимфы спали всѣ еще подѣ деревьями:
И вдругъ вѣтръ зашумѣлъ и воды возмущалъ;
Сердитый валъ морской пучину восхицалъ;
Громъ страшно возгремѣлъ и молніи блистали,
Луна и небеса и звѣзды по меркали;
Сокрыли небеса и звѣзды и луну;
Левъ въ лѣсъ бѣжалъ густой, китъ скрылся въ глубину.»

Много въ эклогахъ Сумарокова стиховъ и жи-
вописныхъ и нѣжныхъ и мягкихъ. Перемѣнился
размѣръ. На это отвѣчаю, что въ нашъ вѣкъ, не
только размѣръ стиховъ, но и размѣръ областей
земныхъ въ объемѣ своемъ измѣнился и преобра-
зился. Слѣдственно о размѣрѣ стиховъ нечего и
говорить. Вступая на поприще русской словесно-
сти А. С. Пушкинъ могъ повторить то, что ска-
залъ Юлій *Цезарь*, быстро огромл въ предѣлахъ
Азіи *Фарнака*: «пришелъ, узрѣлъ и побѣдилъ.»
Давно ли было торжество Пушкинца? а теперь

часъ отъ часу болѣе оспориваютъ у него побѣдныя его лавры. У насъ, какъ будто одинъ шагъ отъ наслажденія къ пресыщенію. Мы чего то ищемъ; мы идемъ ощупью въ туманъ нашей словесности; мы высматриваемъ откуда блеснетъ яркой, новой, животворной лучъ. Мы, какъ будто силнмся, что то сказать: и вдругъ — отталкиваемъ отъ себя мысль недоконченную. Не то было при Сумароковъ; онъ все высказывалъ, онъ и въ предисловіи къ эклогамъ откровенно объявляеть, что по причинѣ не достатка душевной жизни въ тогдашнемъ обществѣ, онъ удаллся въ область мечты. И не онъ одинъ это дѣлалъ. Въ посланіи своемъ къ И. И. *Шувалову*, *Ломоносовъ* говорилъ:

«О лѣтъ я пишу, во имъ ненаслаждаюсь,
И только лишь въ одномъ мечтаніи живу.»

По какому то непостижимому опредѣленію судьбы, мысль туманная въ половинѣ осмнадцатаго вѣка витала подъ небосклономъ Европы? Въ одно время вышли плачевныя Юнговы ночи и эклога, сочиненная въ одномъ изъ Германскихъ городовъ, подвергшемся ярму иноплеменному. Въ ней какъ будто предрѣчена была участь, постигшая въ началѣ нашего девятнадцатаго столѣтія, не одинъ городъ, но всѣ и области Германскія.

Вотъ эта эклога.

Дернинъ и Бернаръ.

Д Е Р Н И Н Ъ.

Утѣшимся, Бернаръ! небесное свѣтило —
Суровыхъ зимнихъ бурь порывы укротило;
Поля поблекшія лелѣить вновь зефиръ;
Пусть въ честь любви, вину гремитъ звукъ нашихъ лиръ.
Съ Авзоньей, Греціей мы не владимся въ споры.
Волшебный неба сводъ манилъ къ себѣ ихъ взоры.
Гдѣ духу нашему ихъ силою ожить?
И Фіокритова давно свирѣль молчитъ.
На Рейнѣ виноградъ: а гдѣ души паренье?
Но гдѣ любовь, мой другъ! вѣрь, тамъ и вдохновенье.
Есть въ сердцѣ жизнь своя; а сердцемъ кто живетъ,
Тотъ пѣснь душевную, тотъ пѣснь любви найдетъ.
Орфеей подъ шумомъ бурь и грозныхъ зимъ фракійскихъ
Душою утопалъ въ восторгахъ Олимпійскихъ.
Орфеей любилъ; вотъ все! Онъ лирою своей
Безчувственныхъ успѣлъ олушевить людей.

Б Е Р Н А Р Ъ.

Да! лира древняго, безсмертнаго Орфея
Смиряла тигровъ, львовъ. — Любовью пламеня,
Онъ тартаръ укрощалъ. Но намъ не тотъ удѣлъ;
Ахъ подъ чужимъ ярмомъ нашъ огческій предѣлъ!
Здѣсь цвѣи скорбныя мысль нашу оковали;
Здѣсь пѣсни прежнія могильнымъ воплемъ стали!
Что видимъ? сборщиковъ безжалостная длань
Торопится собирать съ имущества нашихъ дань.

У насъ осталось лишь жизни грустной бремя!
Съ *Виргилиемъ* теперь бесѣдовать не время.
Мы жертвы жалкія разгнѣванныхъ небесъ;
При утѣснителяхъ несмѣемъ лить и слезъ.
Сокроемся въ лѣса; свободнѣй тамъ вздохнемъ
И отъ мучителей вдали, мой другъ! умремъ.
Для сердца, для любви край нуженъ безмятежный;
Въ когтяхъ у ястреба пѣвецъ умолкнетъ нѣжный —
Умолкнетъ соловей.»

И *Виргилій* говорилъ, что подъ шумомъ бурь
военныхъ затихаетъ голосъ музъ. Въ нашъ толь-
ко тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ гремѣ-
ла лира и въ станѣ воиновъ и вездѣ, гдѣ серд-
це сердцу пересылало вѣсть п о грозныхъ бит-
вахъ и о Москвѣ, принесшей себя въ жертву пла-
мени за Россію. Въ этомъ годѣ цѣлая его поэма.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

**СТИХОТВОРЧЕСКІЙ ПИРЪ НА ВОРОБЬЕ-
ВЫХЪ ГОРАХЪ.**

П И Р Ъ

Былъ пиръ великолѣпный на воробьевыхъ горахъ въ Васильевскомъ у князя Михаила Никитича *Волконскаго*. Были на этомъ пирѣ торжественномъ , Графъ П. И. Панинъ , Еропкинъ , Пресвященный Самуилъ Архіепископъ *Крутицкій* и другія значительныя лица того времени. Главнымъ гостемъ былъ Гр. П. И. *Панинъ* , воспитатель Императора Павла Петровича. Былъ тутъ и Сумароковъ. При задравныхъ кубкахъ , нашъ поэтъ каждого изъ почетнѣйшихъ гостей привѣтствовалъ стихами, въ видѣ *Мадригаловъ*. Вотъ , что онъ говорилъ Гр. Панину:

«Что Панинъ сваялъ намъ, Россія все то видитъ:
Нашъ Князь невѣжество и гордость ненавидитъ.
Любовь къ отечеству во всемъ его видна,
Екатеринина душа ему дана.»

Надобно перенестись въ то время, когда А. П. Сумароковъ владычествовалъ на Русскомъ парнасе и когда стихотворенія его цвѣли еще пол-

ною жизнию : тогда можемъ вообразить, какое кивніе произвело за обѣдомъ чтеніе его мадригаловъ. Но въ этомъ свѣтъ и къ самымъ блистательнымъ торжествамъ , черѣдко приурочивается какая то роковая тѣнь. Незнаю по какому случаю: но поэтъ нашъ принужденъ былъ помѣстить въ свою карету *Монбруна*, уроженца тогдашней отживавшей Франціи , сочинителя передѣланной наизнанку Вольтеровой *Генріяды*. Изказа Вольтера, онъ превозносилъ себя до небесъ , нещадно бранилъ и Фернейскаго поэта и другихъ Французскихъ писателей и въ тоже время ропталъ, что въ Россіи нѣтъ хорошаго бургонскаго вина. Сумароковъ былъ пылокъ, порывистъ: но тутъ онъ былъ олицетворенною кротостію. *Монбрунъ* изливъ желчь свою на своихъ соотечественниковъ, опрокинулся на Сумарокова и называя его льстецемъ , набивался въ число его друзей. Сумароковъ наотрѣзъ ему сказалъ, что онъ не искалъ и не ищетъ ни дружбы ни пріязни его. Раздосадованный Монбрунъ напалъ на Русскихъ и на русскій языкъ, котораго во все не понималъ. Сумароковъ смѣючись проговорилъ свои стихи:

«Достойной похвалы невѣжды не убавятъ,
А то не похвала, когда невѣжды хвалятъ.»

Персвель ему эти стихи по французски, совѣтывалъ почаще перечитывать переиначен-

ную Вольтерову Генріяду и очень спокойно до-
везъ его до его дома. Въ благодарность за эту
послугу, Монбрунъ разглашалъ въ Москеѣ, что
Сумароковъ взятое у Вольтера и Расина выдастъ
за свое. А Сумароковъ говорилъ, что самохваль-
ство такихъ людей, каковъ Монбрунъ, вреднѣе
для Русскихъ оружія Манголовъ. «Татары, прибав-
ляетъ Сумароковъ, завоевывали нашу землю; а Мон-
бруны, безслава свое отечество, затягиваютъ и насъ
въ свои ребяческія дурачества. «Нападаю на Воль-
тера, не знаю за что Монбрунъ съ такимъ же жаромъ
нападалъ и на *Даржана*, сочинителя *Иудейскихъ*
писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли въ на-
шу почту духовъ. Замѣтимъ еще, что у насъ на зарѣ
нашей словесности въ быстромъ были ходу и мад-
ригалы и другіе стишки ; а во Франціи передъ
бурею, опрокинувшею старинный ея бытъ, мад-
ригалы и стишки отгѣсняли прежнюю ея поэзію
и замѣняли ребяческими погремушками.

СТАТЬЯ ВЕДМАЯ.

БАСНИ

Басни Эзоповы , одушевленные здоровымъ смысломъ,
вездѣ и всегда будутъ услаждать разумъ. Въ волшеб-
ныхъ сказкахъ больше порывовъ воображенія, но то
бредъ, а нездравый смыслъ и негодосъ природы.

(Вольтеръ.)

Б А С Н И

«Что дѣлаеть *Зевесъ* на вершинѣ Олимпа?» спросилъ однажды *Езопъ* у *Θаллеса*. «Мудрецъ отвѣчалъ: «Зевесъ понижаетъ того, кто возносптся; а повышаетъ того, кого понижаютъ.» Такъ ли это было или нѣтъ? не знаю; но очевидно, что славная цѣль *Езоповыхъ* басенъ: давать уроки тщеславію человѣческому и уроки рѣзкіе. Такой урокъ всего живье предоставленъ въ баснѣ: *дубъ* и *трость*. Вотъ, какъ разказываетъ се *Езопъ*. «Дубъ издѣвался надъ тростью: игральще малѣйшаго дуновенія вѣтерка, говорилъ онъ горделиво: какъ ты жалка въ очахъ моихъ, когда на берегахъ болота, гдѣ ты едва замѣтна, сгибаешь голову отъ перелета зефира! Взгляни на меня: посмотри, куда возносптся чело мое и какъ крѣпокъ мой стволъ, противуборствующій яростнѣйшамъ бурямъ.» Такъ самохвальствовалъ дубъ. И внезапно налетѣлъ вихрь и на трость и на дубъ. Трость гнулась и вѣтръ только гнулъ и раскачивалъ ее. Вся сила бури опрокинулась на дубъ. Онъ крѣпился: онъ мечталъ, что выдер-

жить порывы бури : но вихрь обхватилъ его, разшаталъ и низвергъ. Паль горделивецъ къ стопамъ трости, надъ которою ругался.»

Никто изъ подражателей Езоповыхъ басенъ не выразилъ того, что высказалъ Езопъ. У Лафонтеня и его переводчиковъ: эта басня поэма; дубъ падаетъ отдѣльно, какъ исполннъ высокоумрннй; онъ не видѣлъ и не чувствовалъ своего уничтоженія. Но Езопъ разгадалъ всю тайну презорливой гордыни : ей ужаснѣ всего упасть въ очахъ того и смириться, передъ тѣмъ, кого она огромляла презрѣнiемъ, дубъ Езоповъ ощутилъ эту глубокую, эту лютую рану: онъ паль къ стопамъ смиренной трости.

Въ баснѣ Сумарокова много шума, движенія и волненія и она оканчивается:

«Дубъ паль и дубъ погнбъ: спѣсь пала и погнбла.»

Еслибъ Сумароковъ подобно Езопу сказалъ : «спѣсь пал» къ стопамъ скромной трости: тогда бы въ одномъ этомъ стихѣ высказалась вся Езопова басня. Кромѣ Дмитриева и Крылова, переведена и Княжнина басня: *дубъ и трость*. У него трость не возражаетъ на самохвальство дуба, и кланяется.

Вотъ слова Княжнина:

«Какъ водится, предъ знатымъ господиномъ,
Предъ силой коего все — мелкая черта,
Трепещущая трость, не разъяв рта,
Почтенному дубовымъ чиномъ,
Чтобъ лишнихъ избъжать суетъ,
Даетъ поклонами отвѣтъ.»

Не то хотѣлъ сказать Езопъ. Наглая сила можетъ обижать скромную, слабую невинность; но невинность передъ нею нестанетъ низкопоклонничать и унижаться. У Езопы трость безмолвствуетъ; она борется съ порывами вѣтра и, какъ будто не заботясь о дубѣ и о его самохвальствѣ, ждетъ спокойно рѣшенія участи своей. У невинности двѣ невидимыя силы: правота и чистая совѣсть. «Нужно, говоритъ Вольтеръ: необыкновенное искусство въ вымыслахъ воображенія. Въ басняхъ *Езопы* владычествуетъ вездѣ здравое сужденіе и онъ будутъ всегда услажденіемъ народовъ.»

Обращался къ Сумарокову, приведу, между прочими баснями, басню его: *пастухъ-мореплаватель*. Но прежде предложу о томъ разказъ изъ Езопы, а другой, относящійся къ семнадцатому столѣтію.

«Одинъ купецъ, говоритъ Езопъ: нагрузивъ корабль товарами, пустился въ Индію. При отплытіи

его вѣтеръ дулъ благопріятно и море было спокойно. Но едва пристань скрылась изъ глазъ плавателей, вѣтеръ внезапно перемѣнился; море взволновалось; умчало корабль на мѣль, гдѣ онъ и разбился. У купца погибли всѣ товары; а онъ самъ съ трудомъ спасся на обломкахъ корабля. Черезъ нѣсколько дней прогуливаясь на берегъ морскомъ, куда вышелъ послѣ кораблекрушенія и, какъ будто воображая, что безмятежное море снова заманиваетъ его къ себѣ, онъ сказалъ: «море вѣроломное! Тщетно мнимымъ своимъ спокойствіемъ ты домогаешься меня привлечь. Вѣрься тебѣ, кто хочеть; а я помню, какъ ты обошло со мною и узнавъ твою невѣрность, не вдамся опять въ обманъ.»

А вотъ разказъ семнадцатаго вѣка.

«Одинъ бѣднякъ Цилійскій плылъ въ лодкѣ въ Палерму съ запасомъ финиковъ. Буря настигла его у пристани и онъ насилу спасся, бросивъ свой челнокъ. Вскорѣ потомъ идя вдоль берега и видя море спокойное, какъ будто, заманивавшее его къ вторичному плаванію, онъ сказалъ: «знаю, стихія вѣроломная! знаю чего ты хочешь: ты просишь еще финиковъ.»

Представимъ себѣ какую нибудь страну, гдѣ

даже и въ обыкновенной рѣчи объяснялись книжнымъ языкомъ. Начто далеко заходить; это было у насъ въ Россіи, когда пришло время и до басенъ. Надобно было сочинить для нихъ новый слогъ; но прислушаться въ этомъ не къ чему и не къ кому. А потому и тутъ Сумароковъ, прислушавшись къ собственной своей мысли, разсказалъ намъ своимъ, незаписаннымъ слогомъ содержаніе двухъ приведенныхъ мною басенъ.

ПАСТУХЪ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ.

«Веда веселы дни и безмятежны ночи,
На берегахъ морскихъ овечекъ пастъ пастухъ ;
Красой природы онъ увеселялъ- тамъ духъ —

Увеселялъ и слухъ
И обоняніе и очи ;
Душа его вездѣ
Пріятство находила:
И безпокойствія нигдѣ
Ему не наводила.

Въ пріятный нѣкогда зря вечеръ, на водахъ
Плывущи корабли, помыслилъ: «о судахъ,
И что невидитъ онъ ни страха, ни препятства,
Легящимъ поморямъ искателямъ богатства;
И что отъ бури не всегда

Смущается вода,
И что отъ вѣтра злова
Смущаются вить иногда
Лугъ, нива, рощи и дуброва.»
И такъ продавъ овецъ, собрался онъ въ отъѣздъ;
Жилище то оставилъ,
Гдѣ Флору и Помону славилъ,
И отлучается отъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ,
Нарцисы гдѣ цвѣли, гдѣ розы обитали;
Гдѣ каждый къ розамъ день зефиры прилетали;
Гдѣ солнечны лучи по зелени блистали;
Гдѣ прохладжала дровъ во время зною тѣнь;
Гдѣ вѣжная свирѣль играла каждый день
И соловьи свистали.
Богатствомъ обольстясь, природу онъ забылъ,
Пастушкѣ измѣнилъ.
Съ волною отъ нее спокойство утекаетъ;
А онъ на корабль ужъ море разсѣкаетъ.
На завтра пастуховъ мятется въ море *зракъ*,—(*)
Пучина подъ ногой, надъ головою мракъ.
Тамъ туча бездну возмущаетъ
И гнѣвнаго приходъ борея возвѣщаетъ;
Сводъ неба потемнѣлъ;
Доль моря посинѣлъ,

(*) Зракъ, лице. Въ осьмой одѣ своей говоря о Елисаветѣ, Ломоносовъ сказалъ :

«Душа ея зефира тише,
И *зракъ* прекраснѣе рая»

И плещетъ пѣна;

И мрачная во всей природѣ перемѣна.

Явился злой борей;

Въ жестокости своей

Разверзъ уста и ревомъ дуется;

Мятеся бездна и волнуется;

На суднѣ паруса визжать;

И снасти все дрожать;

Корабль до облакъ возбѣгаетъ;

Возноситъ валь его и въ пропасть низвергаетъ ;

Врученный сей корабль бурей и судьбамъ,

Безъ управленія летаетъ по волнамъ.

А вотъ! ужъ бурей отрѣзано кормило

И мачты поломало;

И вдругъ борей корабль о камень весь расшибъ;

Разрушился корабль и въ тотъ же мигъ погибъ;

Спасенія не зря все плователи стонуть;

Прощаясь съ жизнью, смущаются и тонуть, —

Корысть не вѣрнаго въ край свѣта понесла,

Но снова для любви судьба его спасла;

И доску бѣднаго руками ухватила,

На коей пастушка пастушкѣ возвратила;

Надежда у него овечекъ отняла,

Пастушкина любовь овецъ ему дала.

.....
Онъ вѣкогда смотрѣлъ опять на тихо море

Съ приморскія земли,

И на плывущи корабли,

И вспомни прежне горе,
Въщаетъ онъ: «о, море, море!»
Отнимешь у меня ты деньги ужъ не вскорѣ.
Не ластися ко мнѣ, маня къ судамъ;
И въдай ты, что я уже твоимъ водамъ.
И шелега теперь не дамъ.

Разказалъ эту эту басню *Лафонтенъ*; разказалъ ее и *И. А. Крыловъ*. Но сколько было пособій у Лафонтена! онъ былъ современникомъ и Мольера и Расина и Буало. Были пособія и у Крылова. Онъ писалъ послѣ Хемницера, Богдановича и Дмитріева. А кто былъ до Сумарокова и кто могъ подсказывать ему слогъ басни? никто. Басня его цѣсколько растянута; слогъ Крылова зрѣле и сжатѣе; такъ и должно быть. Сумароковъ изобрѣталъ разказъ; а Крыловъ изъ соображенія существовавшихъ уже до него разказовъ, могъ образовать свой слогъ, для котораго были готовы и слова и выраженія и обороты. Есть разительные стихи и въ баснѣ Сумарокова. Ш. П. говоря о подругѣ мореплавателя — пастуха, онъ сказалъ:

«Съ волпою отъ нее спокойство улетаетъ.»

А что видитъ пастухъ при первыхъ порывахъ бури?

«Пучина подъ погой, надъ головою яракъ.»

Тутъ какъ будто сверкаетъ смѣлый полетъ *Веретовой* кисти. А вотъ и то, что этотъ живописецъ морскихъ бурь могъ изобразить, но чего не могъ высказать:

«На суднѣ паруса визжать
И снасти всѣ дрожать.»

Поэтъ все оживилъ. Пастухъ не самъ спасся; судьба послала ему доску спасительную; она то сохранила его для любви.

Приведу еще нѣсколько басень.

«*Волкъ и ягненокъ*, говоритъ Езопъ:» утоляли жажду въ струяхъ ручья; первый былъ у источника, а другой гораздо ниже.»

А вотъ какъ начинается *Сумароковъ*.

«Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
Однако внизъ рѣки гораздо отступилъ;

Такъ пилъ онъ ниже,

И следственно что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,
Отколѣ токи водъ стремленіе влечеть:

Извѣстно, что вода всегда на низъ течеть.»

Въ этомъ приступѣ поэтъ съ намѣреніемъ высказалъ явственно все то, что должно бы было оградить ягненка отъ всякаго притязательства, еслибъ только алчность могла, что нибудь уважать.

Но тщетны всѣ предосторожности противъ силы
наглой! У волка разгорѣлись, запылали глаза.

«Голодный волкъ ягвенка озираетъ;
Отъ ужаса ягнекъ обмираетъ.»

Въ ясные дни своей жизни, К. Θ. *Батюш-
ковъ* прекрасно употребилъ глаголь *озираетъ*.
«Когда человекъ, говоритъ онъ: разорвавъ завѣсу
сомнѣній, открываетъ новое поприще, становит-
ся на новый рубежъ, *озираетъ* съ него прошед-
шее и будущее; тогда исчезаетъ призракъ юности.»

Заранѣ наслаждаясь вѣрною добычею, волкъ
оглядываетъ со всѣхъ сторонъ жертву свою. По-
этъ говоритъ: *озираетъ*. Въ этомъ словѣ вся по-
гибель невиннаго; а бѣдный ягненокъ, предчув-
ствуя неминуемую бѣду, *обмираетъ*. Онъ еще не
въ челюстяхъ врага; но онъ уже поглощенъ
сверкающими его взорами. Что остается горест-
ной жертвѣ? Оплакать утрату ранней жизни; и
поэтъ влагаетъ въ уста ягвенка точно то, чтобы
онъ и самъ высказалъ, еслибъ обладалъ даромъ
слова. Ягненокъ обмираетъ:

«И мнить: не буду я съ ягнятками играть;
Не станеть на руки меня пастушка брать;
Небуду голоса я слышать ужъ свирѣли,
И птички для меня въ послѣдній разъ пропѣли;
Не на зеленомъ я скончаюся лугу;
Уиру на семъ песчаномъ берегу.»

«Волкъ, продолжаетъ *Езопъ*: искавшій только предлога, чтобы растерзать ягненка, мгновенно къ нему ринулся.»

Тутъ и конецъ Езоповой басни. Ринуться на ягненка и растерзать его: дѣйствіе не раздѣльное. Езопъ писалъ не въ томъ золотомъ вѣкѣ, когда ягнята разгуливали съ волками дружелюбно. У Сумарокова до времени волкъ не шевелится съ мѣста. Начто ему дѣлать лишній шагъ? Ягненокъ огроменъ уже однимъ взоромъ его. А между тѣмъ поруганіе невинности, роскошный пиръ для злобы. Она съ неистовою радостію домогается заклеить ея жельчью клеветы; поразить ядовитыми насмѣшками и эхидными укоризнами. Она усиливается оправдать свое злодѣйство. Въ баснѣ Сумарокова волкъ — злоба олицетворенная. Опираясь на силу, онъ учреждаетъ и судъ и расправу надъ жертвою своею; онъ дѣлается и свидѣтелемъ и доносчикомъ и судьей. «Слово не стрѣла, а пуше убиваетъ, говоритъ пословица.» Изъ челюстей волка летитъ на ягненка стрѣлы: и какія стрѣлы!

«Волкъ почалъ говорить: бездѣльникъ! какъ ты смѣешь

Питье мое мутить,

И въ воду чистую мнѣ сору напустить?»

Да ты такую мать имѣешь,

Которая ко мнѣ учтивства не храня,
Вчера блеяла на меня.» —
Ягненокъ отвѣчаетъ,
Что мать его дней съ-тридцать умерла;
Такъ волка не она ко гнѣву привела;
А токъ воды бѣжить на низъ, онъ часть;
Такъ волкъ его опивокъ не встрѣчаетъ. --
Волкъ третью виной ягненка уличаетъ:
«Не мня, что ты себя, бездѣльникъ! извинилъ;
Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.»
Ягненокъ отвѣчалъ: «тому ужъ двѣ недѣли,
Какъ псы его заѣли.» —
«Такъ дядя твой или братъ,
Или, можетъ быть и свать
Бранилъ меня вчера; я знаю это точно,
И говорю тебѣ я это не нарочно.»
Ягненокъ былъ отвѣтъ:
«Ахъ! всей моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ.»

Волкъ, какъ будто смутился, ягненокъ изложилъ все съ живою, съ ясною отчетливостію. Онъ правъ во всемъ; правда его свѣтла, какъ солнце. Но Сумароковъ умѣлъ представить въ волкѣ и злобу и ябеду. Волкъ у него все еще прислушивается; ему надобно вполнѣ одержать побѣду неправоты. Онъ выжидаетъ; онъ видитъ, что ягненокъ еще что то хочетъ вымолвить; и — онъ вымолвилъ:

«Лелѣить лишь меня прекрасная пастушка!»

Какое торжество для Волка — ябедника! И какъ зорко высмотрѣлъ поэтъ всѣ извилины ябеды! Ей нужно только къ чему нибудь прицѣпиться; ей нуженъ одинъ только намекъ, и невинная жертва не избѣжитъ ея когтей. У нее своя логика, свое уложеніе. И еслибъ она присутствовала при осужденіи ягненка, она бы, съ волчьимъ лякованьемъ возгласила:

«А! а! вертушка!

Не отвертись ты; вчера твоя пастушка
Блеяла на меня. Комолыя рога
И длинный хвостъ- у этого врага;
Густая шерсть, копыта невелики:
Довольно ли тебѣ, плутышка! сей улики!
Пастушкѣ я твоей покорившей слуга
За то, что на меня блеять она дерзаетъ:
А ты за то умри!» Ягненка волкъ терзаетъ.

Это и басня и цѣлая историческая драма ябедническихъ козней.

Стрѣлокъ и змѣя.

Глазами голубя стрѣлокъ остгилъ —
И только изъ ружья въ него помѣтилъ,
Змѣя въ травѣ бѣду клубя,
Въ него пустила жало.

Знать! къ тебѣ притомъ, сказать бы надлежало:
Другаго ты не тронь, храни себя.

Въ этомъ правилѣ вся великая тайна быта общественнаго. Тайна, повидямому простая, но въ противуборствіи страстей человѣческихъ, почти на каждомъ шагу встрѣчающая препоны. Необычайнаго надобно самоотверженія, чтобы сказать:

«Я Счастіе свое, зрю въ счастіи другихъ.»

У Сумарокова много удачныхъ и сильныхъ выраженій, которыя, повторю и здѣсь: замѣтывалъ у самаго себя. Предполагаютъ, будто бы *Лабрютень* съ какимъ то безопаснымъ небреженіемъ набрасывалъ на бумагу басни свои: но это несправедливо. Басни были дѣломъ всей его жизни и въ нихъ нерѣдко выскальвается то, что продолжается и въ современной нашей исторіи. Прочитайте басню его: *гадатели* и вы въ томъ убѣдитесь. Сверхъ того, въ жизни его недавно изданной, находятся свидѣтельства, что онъ нѣкоторыя басни свои пересочинялъ по нѣскольکو разъ. Нашъ баснописецъ Н. А. *Крыловъ* въ этомъ ему подражаетъ. Онъ всюю силою мысли своей вслушивается въ басни свои; обдумываетъ

каждое слово, каждое выраженіе и за то за каждую басню пожинаетъ новыя пальмы. Сумароковъ не могъ этого дѣлать и по чрезвычайной живости духа своего и потому, что передъ очами его не было образца для повѣрки оборота выраженій. У него въ разказѣ перо не поспѣшало за мыслию. Чтобы онъ сдѣлалъ, еслибъ жилъ въ наше время; не знаю: но что онъ сдѣлалъ въ свое время, то неоспоримо доказываетъ творческій духъ его въ русскомъ словѣ.

«Признавая, говоритъ Карамзинъ: басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ, мы не сравниваемъ ихъ съ Лафонтеновыми, которыя плѣняютъ любезной простотою и живописными стихами. Русскій басенникъ можетъ правиться только легкостію и рѣзкою сатирою. Лафонтень также колитъ глаза пороку, но всегда въ видѣ неизъяснимаго добродушія. Сумароковъ колитъ сильнымъ стихомъ безъ пощады.»

И это доказываетъ басня его: *Залцъ*.

«Толкнулъ какой то льва рогами звѣрь;
За то скотинѣ всей рогатой
Несчастіе теперь,
И ссылка платой.
Въ приказъ,
Пришелъ о томъ указъ:»

«Ступай! не говори ни слова

И понесите вонъ отсель тѣла, рога и души.»

Великій зайцу страхъ та ссылка навела.

«Рогами, мнѣть: почтутъ въ приказъ зайчьи уши»

До зайца тотъ указъ ни въ чемъ не подлежитъ;

Однако онъ, какъ всѣ, скорѣе прочь бѣжитъ.

Страхъ звѣря побвждаетъ,

А заяцъ разсуждаетъ:

«Подьячій лютеъ,

Подьячій плутъ

Подьяческія души

Легко пожалуютъ въ рога большія уши;

А ежели судья и судъ меня оправятъ,

Такъ, справки, выписки однѣ меня задавятъ.»

Люди передаютъ слово и мысль безсловеснымъ, а они даютъ уроки людямъ. «Левъ, говоритъ *Махиаель*: не можетъ служить образцемъ въ дѣлахъ увертлевыхъ; онъ и самъ нерѣдко попадаетъ въ сѣти. Будь лисицей, чтобы не попасть въ просакъ; будь львомъ, чтобы пугать волковъ.» По свидѣтельству *плутарха*, Лакедемонскій полководецъ *Лизандръ*, прекратилъ умомъ изворотливимъ двадцати семи лѣтнею войну Пелопонезскую, и захватилъ Аѣнцы. Слыша упреки за расчетливую хитрость, онъ возразилъ смѣючись:

гдѣ неудается дѣйствовать силою львиною, тамъ надобно увиваться смѣтливостію лисьею.»

Странное дѣло! У насъ объ этой ябеднической лисьей пронырливости около цѣлаго столѣтія кричатъ въ повременныхъ нашихъ изданіяхъ; а ябеда все идетъ своимъ чередомъ. Писали объ ней *въ адской погтѣ; во всякой всягитѣ*; прошло полвѣка, явилась *погта духовъ*; прошло еще полстолѣтія, вышелъ въ свѣтъ Ивацъ *Выжигинъ*. Вездѣ тѣже стрѣлы на ябеду, а правда и совѣсть, какъ будто ни на шагъ не отодвинули происковъ ябеды. Къ чему же служить и басни и сатиры и все то, что пишемъ въ укоризну ябеды и въ защиту правоты?

На вѣковомъ поприщѣ исторіи два только встречаемъ случая, когда басни послужили къ временной пользѣ. Первое событіе, когда Римскій народъ, отъ угѣсненія алчныхъ занмодавцевъ бѣжалъ на гору Авентійскую и когда Консулъ *Мелій* разсказалъ о членахъ, отказавшихся служить желудку, перезвалъ опять народъ въ стѣны Рима.

Если это истина, то уже и тогда Езоповы басни извѣстны были въ Италіи.

А вотъ, какъ у Езопа изложена, эти басня, смѣшавшаяся съ однимъ изъ важнѣйшихъ происшествій Римской исторіи.

Однажды члены ополчились на желудокъ. «Мы, говорили они: истомляемся до смерти отъ работы: и для чего? для горделивца, который вовсе не участвуя въ трудъ нашемъ, поглощаетъ весь его плоды.» — «Пусть, говорила рука: онъ самъ себя добываетъ пищу; не хочу ему давать ничего. «Мы, кричали ноги: мы столько шагали и бродили для этого лѣнивца, что выбились одъ усталости изъ мочи. Пора намъ отдохнуть. Мы впредь и не пошевелимся для него.» Отринутый членами желудокъ вскорѣ, отоцалъ, обсзнилъ; тому же подверглись и члены. Наконецъ постепенно мертвъли и о мертвъли вмѣстѣ съ желудкомъ.»

Предлагая и разказъ Сумарокова, снова повторю: что на путяхъ нашей словесности отъ разказа его, пробило около ста лѣтъ.

Голова и члены.

Членъ члену въ обществѣ помога;
А общій трудъ — въ немъ къ счастью дорога.

Послушайте! какой былъ некогда советъ.

Сказала голова желудку: «ты мой советъ!

Изрочно поживаешь:

Мы мучимся, а ты глотаешь.

Что ни накопимъ, мы стремишься ты прибрать

И наши добычи торопишься пожрать,

Какой бояринъ ты, чтобъ мы тебѣ служили!» —

Всѣ члены, весь советъ желудку извѣщаль:

«Мы, твердо положили,

Чтобъ такъ, какъ ты живешь, и мы покойно жили!»

«Но что послѣдуетъ? желудокъ истощаль

И въ гробъ пошелъ: а при его особѣ

Увянувъ вмѣстѣ съ нимъ подобно — какъ трава —

Всѣ члены, и сама безмозгла голова,

Покоятся во гробъ.»

Другое историческое событіе, сочетавшееся съ Езоповою баснею: было то, когда Александръ Македонскій, собираясь на завоеваніе всемірное, требовалъ, чтобы Аѳиняне выдали ему всѣхъ своихъ ораторовъ. Вмѣсто пустыхъ витійственныхъ рѣчей, *Демосвентъ* припомнилъ имъ слѣдующую Езопову басню: «Собаки такъ неусыпно стерегли овецъ, что у волковъ какъ ни разгарались на нихъ зубы, но ни смѣли къ нимъ подступить. Гдѣ опасно дѣйствовать явною силою, тамъ уловляютъ хитростью. Такъ подступили и волки. Они

предложили овцамъ перемиріе; овцы согласились и для общей безопасности положено было дать съ обѣихъ сторонъ заложниковъ. Собаки перешли къ волкамъ; а волченята къ овцамъ. Овцы заликовали новою жизнію; но очень не-къ-стати. Спустя нѣсколько дней, слыша вопли волченятъ, кличущихъ матерей своихъ, волки сперва поглотили сонныхъ собакъ; а потомъ ринулись къ овцамъ и подъ предлогомъ будто бы онѣ нарушили перемиріе, обижая заложниковъ, мигомъ растерзали ихъ.»

РАЗСКАЗЪ СУМАРОКОВА.

Волки и овцы.

Не вѣрь безчестнаго ты миру никогда,
И чти врагомъ себѣ злодѣя за всегда.
Съ волками много лѣтъ въ побранкѣ овцы жили;
Съ волками наконецъ
Установленъ миръ вѣчный у овецъ;
И овцы имъ собакъ закладомъ положили.
Владычествуетъ вѣкъ у нихъ Астрея въ поляхъ;
И сторожей овцамъ не надобно ужъ болѣ.
Переимѣнился нравъ и волчье естество;
А волки давъ овцамъ отраду,
Спѣшатъ къ ихъ стаду
На мирно торжество.

Не будетъ отъ волковъ овцамъ худыхъ судьбинокъ,
Хотя собакъ у стада нѣтъ . . .

Однако Римляне, Сабинокъ

Уносить на подклять.

Губительски сердца наполнилися желчью;

Овечье стадо все пошло въ поварню волчью.»

Жаль, что Аристотель по примѣру Демосеена, не развилъ передъ очами юнаго своего питомца той басни, въ которой жадность существенное промѣняла на тѣнь. Тоже случилось и съ завоевателемъ. Едва палъ онъ на смертный одръ въ стѣнахъ роскошнаго Вавилона, — всѣ исполнскія его завоеванія перешли подъ остріе меча его полководцевъ, а семейству его недосталось и тѣни владычества. А сколько и послѣ Александра было такихъ превратностей! Ужели и уроки исторіи стоятъ на одной чредѣ съ баснями, а иногда и уступаютъ имъ свои опыты? А потому: снова обращаюсь къ баснямъ.

Въицемъ Езоповыхъ басень служить то, что Сократъ въ послѣдніе дни жизни своей перелагалъ ихъ въ стихи. Известно также, что жертвуя собою на полѣ битвы отечеству, онъ никогда не домогался высокихъ степеней между согражданами. Умный Римскій баснописецъ *Федръ*, полу-

чившій при Августъ свободу, слѣдуя примѣру Сократа и вѣря *Пифагору*, что отъ невзгоды городской, надобно идти бесѣдовать съ откликами льсовъ; въ туманные дни Тиверіева правленія, удалился въ глубокое уединеніе и занимаясь сочиненіемъ басенъ, объяснилъ ихъ тайну. «Одинъ человекъ, говоритъ онъ: подпавъ подъ ярмо неволи не смѣя вслухъ высказывать правду, перемѣстилъ сокровенныя мысли свои въ разказы басенные и подъ этою оболочкою уклонился отъ гнѣва сильнаго и отъ клеветы непріязненной.» (*)

Показавъ важность Езоповыхъ басенъ и вѣрный на нихъ взглядъ нашего первоначальнаго баснописца, продолжаю выписывать басни изъ притчей его, прибавляя, какъ можно менѣе оговорокъ. Но то на всегда останется въ русской словесности истинною историческою, что сочинитель *притчей*, въ разказѣ и слогѣ самъ себя былъ у насъ въ свое время единственнымъ образцемъ.

(*) См. предисловіе къ третьей книгѣ басенъ Фелра.

Р А З Д Ъ Л Ъ.

Съ великимъ, малому, водить опасно дружбу.
Загаркали: «походъ! война! идуть на службу.»
Но кто герои тѣ? осель, лисица, левъ;
И разгораются геройски души;
Ружье лѣсницъ, — хвостъ; ослу — большія уши,
А льву — ужасный зевъ;
Изъ зва — смерть и гнѣвъ;
Взоръ люта зверя блещеть,
И лѣсъ
Трепещеть.
Не Геркулесь,
То въ кожъ львиной,
Съ разбойничьей дубиной,
Приблизился къ лѣсамъ,
Но въ львиной кожъ левъ туда приходитъ самъ;
И кто ни встрѣтится, нещадно всѣхъ караетъ.
Затѣвъ брань,
Онъ собираетъ
Дань.
По добычи домой пустился,
Съ побѣдой возвратился.
Которыхъ онъ звѣрей геройски одолевъ,

Ослу велѣль,
Дѣлить то на три части.
Осель мой знаетъ ужь давно,
Что должно раздѣлять наследіе равно;
Съ ословой стороны былъ тотъ дѣлежъ безъ страсти,
А сверхъ того, еще указы такъ велѣть.

Дѣлять:

Но части не исправны,
Причина — что всѣ равны.
Прогнѣвался мой Левъ и заушилъ Осла,
Сказавъ: ты этаго не смыслишь ремесла,
И ты забылъ, что я звѣрей властитель главный!
Осель — охъ! охъ!
И вдругъ издохъ.

А Левъ велѣль лисѣ дѣлить находку,
Не хочется лисѣ итти во львову глотку,
Съ овинъ большую часть, и часточку — съ кулакъ,

Лисица положила,

И другу услужила.

«Кто? Левъ спросилъ: тебя училъ дѣлиться такъ?
И отъ чего, мнѣ такъ усердно удружила?»
Лиса, туда, сюда, хвостомъ верть, верть
Огвѣтствуетъ ему: *ослова смерть.*

С п о р ъ о п е р в е н с т в ѣ .

Когда то двѣ козы вогъ такъ-то жизнь теряли:
Собаки вмѣсто *Паркѣ*, ихъ время прями:
Всей силой козы въ лѣсъ отъ нихъ бѣгутъ;

Однако за собой и псовъ онъ влекутъ,
Но быстротою ногъ злодѣевъ увѣрили,
Что скроются въ лѣсу,
А имъ одинъ желвакъ оставить на носу,
Такія мысли псамъ тѣ козочки внушали.

Въ лѣсъ узкой былъ проходъ :
Не можно вдругъ вести въ ворота двухъ подводъ.
На почтѣ добъжавъ до самыхъ тѣхъ воротъ,
Остались онъ спасенія въ надеждѣ;
Однако завели двѣ дуры разговоръ,

Вступили въ споръ :
Которой дурь прежде,
Итти на *Пановъ* дворъ.
« Не къ стати тѣ затѣи !
Я внука *Амолюи* ! » —

« А я отъ той козы, котору *Галатеи*
Въ даръ далъ *Циклопъ*,
Преславный *Полифемъ* одноглазый лобъ. »

О знатномъ родѣ враки,
И Парки и собаки,
Не много чтутъ ;
Застали ихъ собаки тутъ,
И родословіе козамъ истолковали.

К р е с т ь я н и н ь и С м е р т ь .

Крестьянинъ въ старости и въ бѣдности страдая,
Дрова рубилъ,

И жизни наконецъ такой онъ не взлюбилъ,
Остатокъ лѣтъ своихъ ни съ смертью не равнял,
«Что въ нихъ? онъ говорилъ:
Уже тотъ вѣкъ прошелъ, который былъ пріятель:
Прошелъ тотъ вѣкъ, какъ я былъ веселъ и здоровъ;
Приди, о смерть, приди! я въ гробъ итти готовъ.»
Сей голосъ стариковъ,
Былъ смерти очень внятень,
Его услыша зовъ,
Смерть все свои дѣла другія оставляетъ,
И стараго у дровъ,
Усердно посѣщаетъ ..
Какъ неоставить все, когда ее зовутъ?
Другіе отъ нея и окны все запрутъ;
Онажъ и неспѣсива,
И что къ нему пришла; ни мало нѣтъ въ томъ дива.
«За чѣмъ ты звалъ меня?»
Она у старика не грозно вопрошала:
«Мнѣ слышалось, что жизнь тебѣ противна стала?»
Старикъ нашъ о робѣвѣ, ответственъ стени.
«Нѣтъ дѣло не отомъ, предъ тобой могила;
«Я звалъ, чтобъ ты дрова снести мнѣ пособила.»

ЧЕРЕПАХА

Повѣрьте мнѣ: добра болтаньемъ не найдемъ;
И часто только имъ—мы въ пагубу идемъ.
Наскучивъ ползаньемъ, вздурилась черепаха:
Изъ царства русскаго зевать;
Въ пути себя не видя страха,

Въ Парижѣ хочетъ побывать.
Неговорить уже по Русски
И вретъ и бредить по Французски;
Съ ней больше о Руси никто не говори.
А только это ври:
«Парижъ, Верхалья, Тюльери!»
Ея всегдашнія о Франціи погудки,
И путешествованіе—проповѣдали двѣ утки,
И говорятъ ей такъ! въ пути тебѣ потѣть,
Нелучше ли въ Парижъ, *мадамъ!* тебѣ летѣть;
А мы тебѣ летѣть поможемъ:
Ты знаешь: черепахъ мы никогда не гложемъ.
И не для нашей ты родилася тѣмъ:
Такъ мы не сбѣлаетъ, *мадамъ,* тебѣ бѣды:
А намъ во Францію извѣстны всѣ слѣды.»
Согласна съ ними черепаха,
И стала птаха.
А какъ она летитъ! а вотъ,
Ей утки палку дали въ ротъ
И понесли ту палку
Подобно, какъ *портшезъ* иль нѣкую качалку
И говорятъ: «молчи, лети и домъ неси!»
Но пташечка не помолчала
И закричала:
«Превосходительство мое на небеси!»
Вскричала, сорвалась: летѣла къ верху птаха
А къ низу черепаха.
Изъ спальньки своей на шагъ не выходя,

Летѣла въ облака и небо находя.
Но отъ нескромности свои разшибла латы;
носъ, челюсть и палаты.

РАЗБОРЪ ДВУХЪ БАСЕНЬ,

Сумарокова и Лафонтена.

Въ баснѣ Лафонтена: *дровосѣкъ и смерть*: болѣе живописи ; а у Сумарокова болѣе движенія разговорнаго и естественнаго. Въ семнадцатомъ столѣтїи не только дровосѣкъ не называлъ земли нашей: *machine gonde*, но и *Паскаль*, сообразуясь съ мнѣніемъ престонароднымъ, представлялъ солнце , обращающимся вокругъ земли. Смерть не разбираетъ ни цвѣтущей юности, ни согбенной старости. А потому Сумароковъ безъ всякъхъ околичныхъ описаній , выражаетъ словами горе крестьянина.

Вотъ его рѣчь:

«Уже тотъ вѣкъ прошелъ, который былъ прїятель;
Прошелъ тотъ вѣкъ, какъ я, былъ веселъ и здоровъ.
Приди, о, смерть! приди! я въ гробъ итти готовъ.»

Это живой голосъ страдальца ; а слѣдующїи стихи очень остроумны:

«Смерть всѣ свои дѣла другія оставляетъ

И старика у дровъ

Усердно посѣщаетъ.

Какъ не оставить все, когда ее зовутъ?

Другіе отъ нее и окны всѣ запрутъ;

Онажъ и неспѣсива.»

Крестьянинъ Сумарокова *звалъ* смерть: а у Лафонтена дровосѣкъ нашъ разсуждалъ о житейскихъ тягостяхъ, которыя по словамъ Лафонтена:

Lui font d'un malheureux une peinture achevè:

У Лафонтена дровосѣкъ на вопросъ смерти отвѣчаетъ:

«Помоги мнѣ опять взвалить на плечи дрова;
а ты *незасидишл.*»

Это и слишкомъ отрывисто и слишкомъ укороженно для смерти: *ты не засидишл*; не *замедлишл*. Это умствование. У Сумарокова разговоръ и простъ и естественъ. Смерть говорить крестьянину:

«Мнѣ слышалось, что жизнь тебѣ противна стала?»

Оторопѣвъ старикъ, ей отвѣчалъ стѣня!

«Нѣтъ, дѣло не о томъ! передъ тобой могила;

Я *звалъ*, чтобъ ты дрова снести мнѣ пособила.»

Это и лучше и правдоподобнѣе, нежели у Лафонтена.

Сверхъ того, припомнимъ и тутъ, что у Сумарокова небыло ни одного образца въ разказѣ; а у Лафонтена были и *Анютъ* и *Маро* и *Мони-*

тень и *Ремь*. Прибавимъ , что живя въ тѣсной связи съ Расиномъ , Боуало и Мольеромъ , онъ прислушивался къ ихъ совѣтамъ. Въ изданныхъ недавно очеркахъ жизни и сочиненій Лафонтена, есть съемки съ рукописныхъ его басенъ , свидѣтельствующія , что онъ пересочинялъ цѣлыя басни. Вся жизнь его, такъ сказать : была мечтою *басни* и *для басенъ*. Напротивъ того, Сумароковъ изобрѣтая новый слогъ для всеобщей словесности, писалъ и о томъ , что и теперь почитаютъ животворною душою быта человеческого. Наконецъ: нашъ Исторіографъ, зная трудность и силу разказа, говорилъ: «чѣмъ далѣе иду въ исторіи, тѣмъ болѣе вижу, какъ трудно у насъ отыскать слогъ повѣствовательный.»

Пусть назовутъ меня невеждою , но въ баснѣ: *La Tortue et les deux Canards*; разказъ несравненно слабѣ разказа Сумарокова. Лафонтеновы утки солгали черепахъ: будто и Улисъ летѣлъ по воздуху! и самъ Лафонтенъ, какъ будто почувствовавъ обмолвку свою, говоритъ:

«On ne s'attendait guère

De voir Ulysse danscette affaire.»

Сверхъ того онъ заставилъ Французскихъ утокъ величать то время, когда Людовикъ XIV хвалился, что у него сто шестьдесятъ тысячъ матросовъ огромляютъ славою его моря. А Сумароковъ не-

лѣтя никому, представляетъ въ баснѣ своей историческую картину того моднаго свѣта, которой такъ сказать: бредилъ Парижемъ на лву и воснѣ, и куда скакали проматывать вѣковое добро предковъ и когда наши модницы слыша Французскую болтовню попугая, кричали своимъ *маминькамъ*:

Ахъ! маминька! онъ знаетъ по Французски:

Ну! какъ же за моремъ небыть умнѣ насъ,

Когда у птицъ такое просвѣщенье?

У Лафонтена черепаха тогда возгласила славу свою, когда обхватилъ ее со всѣхъ сторонъ крикъ и гулъ удивленнаго народа; а Сумароковъ безъ всѣхъ возгласовъ постороннихъ, самой черепахѣ предоставилъ высказать чванное киченіе. Это порывъ тогосамолюбія, которое и удомосъдлсь въ своемъ углу гордой мыслию залетаетъ за облака.

У Лафонтена на восклицанія зрителей, черепаха отвѣчаетъ:

«Несмѣйтесь право я царица.»

У Сумарокова порывистой откликъ:

Превосходительство мое на небеси!

П и р ъ у л ѣ в а .

Коль истинной невозможно отвѣчать,

Всего полезнѣе молчать,
Съ боярами какъ жить, потребно это вѣдать.
У Льва былъ пиръ,
Пошелъ весь міръ
Обѣдать.
Въ покояхъ сирадь у льва:
(Квартира такая):
А львы живутъ не скудно;
Такъ это чудно!
Пришелъ сирадь волку къ носу,
Волкъ прямо объявилъ бесѣдъ безъ допросу,
Что запахъ худъ.
Услышавъ левъ, кричить: «бездѣльвикъ ты и плуть!
Худова запаха и не бывало тутъ,
И смѣютъ ли въ такіе толки
Входить во львовомъ домъ волки?
А чтобы волкъ впередъ такъ бредить не дерзалъ,
Немножко волка потазалъ;
А именно: на части разтерзалъ.
Мартышка въ трепетъ боясь такой угрозы,
Сказала: «здѣсь нарцисы, розы
Цветутъ!»
Но левъ ей отвѣчалъ: «и ты та кой же плуть;
Нарцисовъ, розъ и небывало тутъ.
Впередъ ужъ несплетишь ты лести;
А за такіа вѣсти
И за пріязнь —
Прими и ты достойну казнь.
Погибъ простякъ волчишка;

За лесть нелѣпую погибла и мартышка,
«Скажи? лисица! мнѣ: хозяинъ продолжалъ.
Какой бы запахъ намъ дышалъ?
Я знаю, что лисамъ чутье досталось вѣжно;
Понюхай ко прилежно.»
Лиса на тотъ вопросъ
Сказала: «у меня залегъ сегодня носъ.

Х у л а и Х в а л а .

Указовъ истины когда молва не въ силу,
Пустой лишь только звукъ и громкая хвала,
И громкая худа.
Нездю кто сказалъ, какому то зонлу;
«Меня, любезный другъ! ты хвалишь завсегда.
И я тебя хвалю всегда,
Однако намъ никто невѣрить никогда.»

У ч е н о й и Б о г а ч ъ .

Разбило судно,
Спасаться трудно,
Жестокій вѣтръ, жесточе чѣмъ палачъ,
Спаслись однако тутъ ученый и богачъ.

Ученый разжился; богатый въ горь.
Наука въ головъ; богатство въ морь.

В о л к ъ с т а в ш и й п а с т у х о м ъ .

—
Когда пріятнымъ сномъ пастухъ въ кустахъ умолкъ,
И овцы спали
И караульщики въ такомъ же снѣ молчали,
Пришелъ для добычи голодный къ стаду волкъ.
«Способенъ случай мнѣ?» подкравшись волкъ, мы-
слить;
Десятка полтора овецъ своими числить.
Не силу онъ, обманъ
Употребляетъ;
Аркасовъ онъ кафтанъ
И шляпу надѣваетъ;
И подпирается онъ посохомъ его.
Мнить: «волчьего на немъ нѣтъ больше ничего»
Изрядный молодецъ въ пастушьемъ волкъ нарядѣ!
А еслибъ грамотъ онъ зналъ,
Конечно бы на шляпѣ подписалъ:
«Аркасъ мнѣ имя, я—пастухъ при этомъ стадѣ.
Съ Аркасомъ схожимъ быть
Чего еще тогда, ему недостовало?
Чтобъ голосомъ его немного подвопить.
Лишь только закричалъ? все дѣло льно стало:
Перетревожилъ всѣхъ ужасный стаду слухъ:
17

Перетревожилось отъ страха стадо вдругъ,
Всѣ овцы заблѣяли;
Собаки лаять стали;
Проснулся и пастухъ.

Кастаномъ лицемѣрь опутанъ! Какъ спастись?
Немогъ бѣжать, ни защищаться.

П ъ т у х ъ.

У куръ была война,
Невѣдомо того, за что была она.
Герои жестоко сердились,
Однако не гордились.
Окончилась брань; воинскій жаръ утухъ.
Въ закуть, на войну не выходя птухъ
Кричить: «подайте мнѣ враговъ, и я сражуся,
И я уже сержуся
И покажуся.»
Пошелъ на бой;
Но не откликнулось ничто войной.
Имѣйте сердце смѣло
Тогда, когда еще не кончилось дѣло.

З а я ц ъ и Л е в ъ.

Левъ зайца хочетъ изловить:

Бѣги! чтобъ жертвою не быть!
Но заяцъ не бѣжить; подъ дерево онъ скрылся,
Какъ будто въ нору гдѣ глубокую зарылся.
А лучше если побѣдишь.
Бѣги! но ты дрожишь.
Бѣги! не выдержишь съ лѣснымъ героемъ бою...
Но поздно ужъ бѣжать; — твой врагъ передъ тобою.

Война Орловъ.

Дрались орлы. И очень были злы.
За что?
Того неведаетъ никто.
Подъ самыми они дрались небесами:
Не на землѣ дрались, по выше облаковъ:
И видно, что они дрались изъ пустяковъ.
Деремся вить и мы: за что? не знаемъ сами.
Довольно, что орлы повоевать хотять;
А перья — внизъ лѣтять.
Дерутся совѣстно они, безъ лицемѣрья:
Орлы поссорились, стрѣлкамъ, орлины перья:

Ворона и лиса.

И птицы держутся людскаго ремесла,
Ворона сыру кусъ когда то унесла

И на дубъ съла;
Да только лишъ еще ни крошечьки не ѣла.
Увидѣла лиса во рту у ней кусоѣъ,
И захотѣлось дать воронѣ ей уроѣъ.
Хотя туда не вспрынетъ,
Кусочикъ хитростью достанетъ,
Хотя какъ дубъ и ни высоѣъ.
«Здорово!» говорить лисица!
«Дружокъ! воронушка! названная сестрица!
«Прекрасная ты птица:
«Какія ноженьки! какой носокъ!
«И можно те сказать тебѣ безъ лицемѣрья;
«Что несказанно ты, мой свѣтъикъ! хороша;
«И поугай ничто, передъ тобой душа!
«Прелестивѣ сто разъ, твой дружокъ! перья.
«Я правду говорю! тутъ слова лести нѣтъ.
«О если бы еще умѣла ты и пѣть,
«То не былобъ тебѣ подобной птицы въ мѣръ.»
Ворона горлушко разинула поширь;
Быть хочеть соловемъ,
«А сыру, думаетъ: и послѣ я поѣмъ!
Теперь же дѣло не опиръ.»
Разинула уста,
И видить чуть конецъ лисицына хвоста!
Хотѣла пѣть — не пѣла,
Хотѣла ѣсть — не ѣла;
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ
Лестъ выманила сыръ лисицѣ на обѣдъ.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

И д и л і и.

Идиліи

Пойте, птички! вы свободу;
Пойте ясную погоду.
Но когда бы въ рощахъ сихъ,
Ахъ! несносныхъ мукъ моихъ
Вы хоть сотубъ часть имѣли,
Большебъ вы не пѣли.
Мчить весна опять прежни красоты;
Лугъ позеленѣлъ, сыплются цветы,
Легки вѣтры возвѣвають,
Розы плѣнь свой покидаютъ,
Тають снѣги на горахъ,
Рѣки снова въ берегахъ
Веселясь, струями плещутъ;
Все премѣнно, только мнѣ,
Къ сей печальной сторонѣ,
Солнчны лучи не блещутъ.

Это не Идилія; это грустный откликъ старинной французской пѣсни:

«Гдѣ ты! отрада прежнихъ дней?»

Идиліи писать не такъ легко, какъ думаютъ. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ явился достойный соперникъ *Θεокрита*, *Віона* и *Мосхуса*; то былъ незабвенный *Геснеръ*. Онъ не подражалъ природѣ; природа и сердца сами высказывались въ его Идиліяхъ. Н. И. *Гнѣдигъ* въ Идиліи своей: *Рыбаки*, въ русскомъ объемѣ, оживилъ рыбаковъ *Θεок-*

рита. Неподдѣльною природною нежностію ды-
шать и Идиліи В: И: *Панаева*. И если Идилія,
по смыслу Греческаго слова *Идилія* значить:
изображеніе, то какъ прелестно изображень при-
ступъ къ Идиліи его: *Меналкъ* и *Тирсисъ*,

«Въ осенню ночь *Меналкъ* лѣтами отягченный,
Какъ вѣтви тополя зимой
Бываютъ снѣгомъ убѣлнены;
Такъ съдиною уможенный,
Оставя хижину и дряхлую рукой
На юнаго опершись сына,
(Тирсиса даровалъ Зевесъ едина:)
Побрелъ на ближній холмъ,
Да насладится тамъ полночя тишиною,
Сводъ неба озаренъ былъ полною луною,
Какъ бы склонясь съ высотъ серебряннымъ челомъ,
Она волшебный свѣтъ на землю проливала,
А зеркальна рѣка ея и тверди видъ
Въ своихъ струяхъ изображала.
Повсюда тишина, угрюмый боръ молчать,
Лѣсъ дремлетъ, мертвымъ сномъ одѣяна равнина,
Пожося во мгль,
Все спить;
Лынь изъ рѣдка въ селъ
Ночной пѣтухъ кричить,

Безмолвствуя Меналкъ, взиралъ на сводъ небесный:
Взоръ старца пробвгалъ, теряясь по звездамъ;
Душа за взоромъ въ слѣдъ стремилася къ богамъ.

Тирсмь же, ювоша прелестный,
Смотрѣлъ съ холмовъ рѣку; (вблизи она текла)
Смотрѣлъ и любовался,
Какъ ясный мѣсяцъ отражался
Отъ яснаго ея стекла.

«Надобно, говоритъ Флоріанъ: чтобы любовь пастуховъ была также чиста, какъ ясные струи ихъ источниковъ. И прелестнѣйшая пастушка утрачиваетъ очарованіе свое вмѣстѣ съ стыдливостію. Подобно этому главная прелесть пастушескаго произведенія въ томъ состоятъ, чтобы внушать добродѣтель.» Въ этихъ словахъ высказана душа Идиллій.

Одна изъ Идиллій *Мосхуса* похожа на свадебныя наши пѣсни; и она сочинена въ память сговора *Елены* съ *Менеасемъ*. Юныя Гречацки, украся головы вѣнками и, говоря выраженіемъ Державина: какъ будто изъжно плавая лавами предъ Еленою, пѣли:

«Что заря послѣ ночи; что весна послѣ зимы,
такова и Елена между нами. И высокъ и строенъ

и величавъ ея станъ. Какъ красуется борода на нивѣ обильной; какъ въ саду цвѣтетъ кипарисъ; какъ конь Фесалійскій возвеличиваетъ колесницу: такъ и блѣлорумяная Елена честь и слава Лакедемона.»

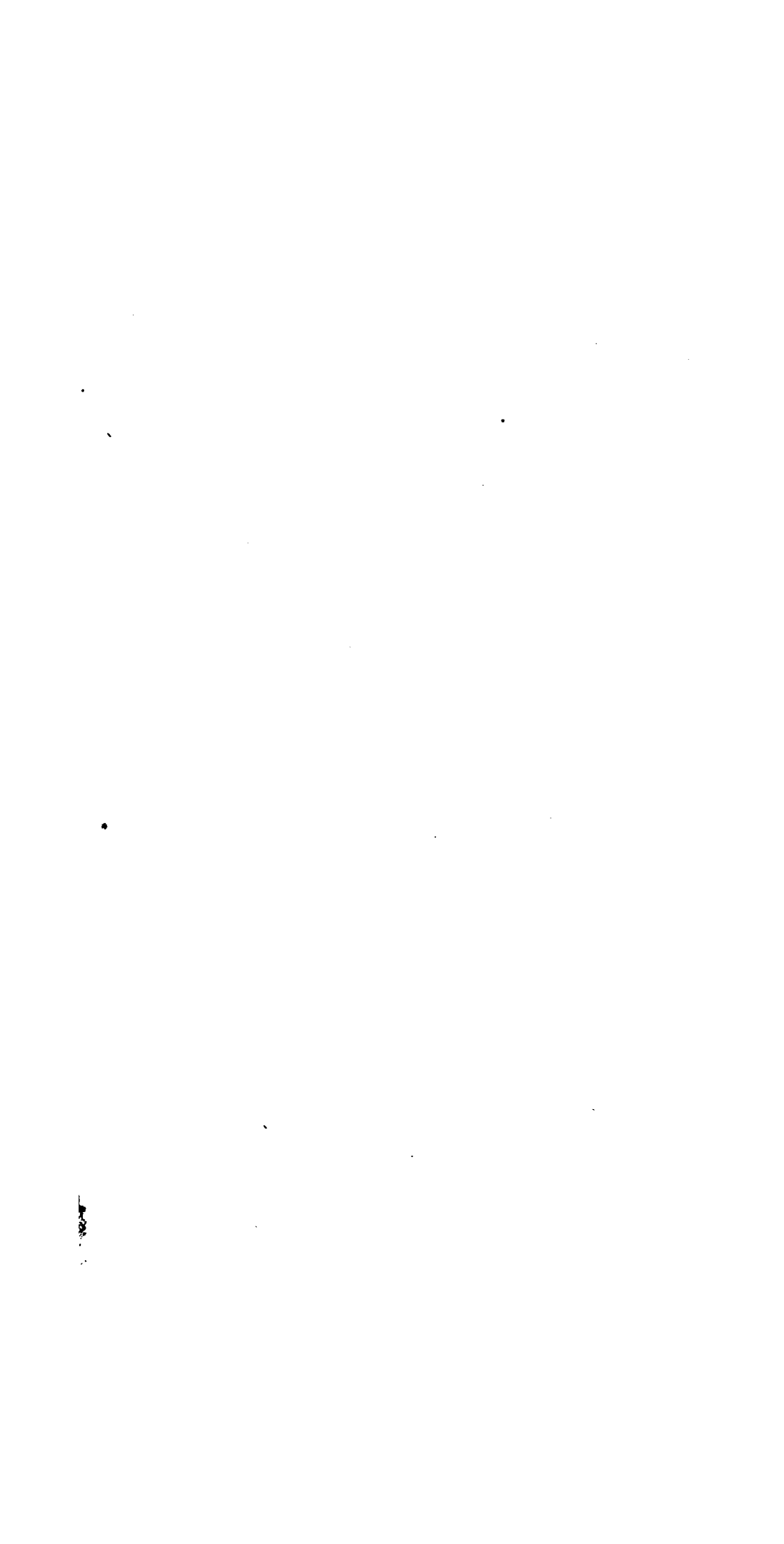
«Кто лучше ея спрядетъ и уложитъ въ корзину работу? кто лучше ея по утку пуститъ челнокъ; и кто ловчѣе ея отдѣлитъ полосу? кто достойнѣе ея воспѣвать Минерву и Діану? Всѣ любви въ ея очахъ.»

«Краса дѣвицъ! ты стала супругою. А мы на зарѣ утренней, пускась въ запуски по пестрымъ лугамъ, нарвемъ цвѣтовъ душистыхъ и сплетемъ тебѣ вѣнокъ. Краса родины нашей! въ разлукъ съ тобой, мы такъ о тебѣ будемъ жалѣть; какъ новорожденный ягценокъ жалѣетъ груди матери своей.»

«Мы первыя изъ цвѣтовъ красивыхъ сплетемъ вѣнокъ; мы первыя привѣсимъ его подъ тѣнь явора; и надпишемъ на корѣ его, чтобы путникъ видѣлъ и читалъ: *уважай меня! я дерево Елены.*»

Говорятъ что въ поэзіи *Мосхуса*: *Феокрита* и *Біона*, отражаются отблески очаровательнаго небосклона Сициліи. Но я не отважусь описывать того неба, подъ которымъ раздавались звуки ихъ

свирьлей. Кто не былъ въ Сициліи; тотъ увидить ее, читая *письма о Сициліи* А. С. Норова. Замѣчу только, что первую стезю къ Идиліямъ проложила страдальческая смерть прекраснаго пастуха *Дафниса*. Часто и очень часто исчезаетъ память о счастливыхъ; а съ памятью страдальцевъ сердце, какъ будто сродняется. Это тайна задушевная.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

НАДПИСИ.

Въ Европѣ уваженіе покупается золотомъ.

(Вольтеръ).

Въ замѣчаніяхъ своихъ на Паскалевы мысли, Вольтеръ сказалъ: «въ Европѣ уваженіе покупается золотомъ.» Покажу я въ очеркахъ комедій Сумарокова, что и въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, курится золоту и деньгамъ тучный олимпъ хвалебный. Но не то было въ древней Греціи. Аѳиняне укоряли *Перикла*, за растрату казны общественной на сданія и памятники великолѣпные. Периклъ возразилъ: «согласитесь, чтобы я выставилъ на нихъ мое имя; и я за все уплачу.» Народъ не согласился. Извѣстно также, что *Фриניה*, занимавшая въ Греціи такую же чреду, какъ и *Аспазія*, вызывалась возобновить *Фивы* съ тѣмъ, чтобы въ надписи было сказано: «Александръ Македонскій разрушилъ Фивы, а Фриния возобновила ихъ.» Народъ и на это не согласился. Такое уваженіе къ буквамъ, высказывающимъ слово человеческое, можно назвать торжествомъ слова душевнаго.

Въ древнемъ Египтѣ надъ книгохранилищемъ *Озимандіаси*, была на опись: «здѣсь врачевница души.»

На предверіи храма Дельфійскаго въ золотыхъ буквахъ сіяла надпись: «познавай самаго себя.»

На памятникъ, воздвигнутомъ въ проходѣ Термопильскомъ въ честь Спартанцевъ, сподвижниковъ *Леонида*, была надпись: «прохожій поди, скажи Спартѣ, что мы, здѣсь умерли, повинулсь ея законамъ.»

Эту надпись сочинилъ *Симонидъ*, неоднократно соотязавшійся съ *Пиндаромъ* о пальмахъ лирическихъ, и сохраненная Историкомъ *Діодоромъ Силійскимъ*.

Тотъ же *Симонидъ* подъ картиною живописца *Полиглота*, представлявшею Троя, начерталъ слѣдующую надпись: «*Полиглотъ* Фазійскій сынъ *Аглоофая* нарисовалъ картину города Троя.» Казалось бы, что этого простѣе? но тутъ упомянуто мѣсто рожденія *Полиглота*; тутъ упомянуто имя его отца; наконецъ тутъ упомянута Троя, увѣковѣченная *Омировою* *Иліадою*. Тутъ и вся слава отечественная и художника и всей Греціи.

У Римлянъ такія же были простыя надписи, какъ и у Грековъ. На статуѣ *Корнеліи*, дочери Сципіона, была надпись: «Корнелія, мать Графовъ.»

На гробъ поэта *Тасса* надписано: «здесь кости Тассовы.»

1645 года на поляхъ *Нордлинскихъ* въ упорной битвѣ съ принцемъ *Кондеемъ*, убитъ былъ Австрійскій полководецъ *Мерси*. Его погребли на поле сраженія съ надписью на памятникъ: «*sta, viator! heroum calcas.*» Остановись, прохожій! ты попираешь прахъ героя.

Люди нерѣдко спорятъ и о томъ, что само собою и явственно и очевидно. Во Франціи некогда было преніе на какомъ языкѣ предлагать надписи: на Латинскомъ или на Французскомъ? Разумется: что предлагается для всего народа, то и для всѣхъ должно быть понятно. 1782 года 17 Августа воздвигнуть былъ памятникъ основателю Петербурга съ надписью: «Петру Первому, *Екатерина вторая.*» Эта надпись принадлежит Сумарокову. Нельзя не замѣтить, что *семнадцатое* число августа нерешло въ необычайныя событія нашего девятнад-

цатаго столѣтія. 1812 года августа семнадцатаго въ Цареве—Займище Кутузовъ принялъ начальство надъ войскомъ. 1813 года августа семнадцатаго прогремѣлъ бой *Кульмскій*.

Въ стихахъ къ памятнику Петра Перваго, Сумароковъ говоритъ :

«Въ знакъ благодарности къ Нему россіи всей,
Екатериною воздвигнуть образъ сей.
Но еслибъ Первый Петръ воскресъ въ Россіи нынѣ,
Онъ крашебъ памятникъ воздвигъ Екатеринѣ.
Петръ внутреннихъ враговъ и вѣншихъ побѣдилъ,
Объялъ величествомъ и море онъ и сушу ;
Прославя Россіянъ, богатствомъ наградиъ,
Петръ далъ намъ — *бытіе*, Екатерина — *душу*».

Въ стихахъ къ домику Петра перваго, Сумароковъ говоритъ :

«Каковъ сей домикъ малъ, такъ Петръ великъ на свѣтѣ.»

Въ надробной надписи Карлу XII, онъ же говоритъ :

«Едва отъ ужаса сей камень недрожитъ :
Полвочный Александръ зарытъ подъ нимъ лежитъ».

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

ПЪСНИ.

Любовь кольцо, а у кольца нѣтъ конца.

(Русская пословица).

Съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ я въ *Современникъ* о пѣсняхъ или *рунахъ* Финовъ. Почтенный собиратель ихъ долго недоумѣвалъ: выпустить ли ихъ въ свѣтъ, составляя нѣчто цѣлое или предать огню? Къ счастью онъ остановился на первой мысли; онъ выдалъ ихъ въ свѣтъ и подарилъ читателей новымъ свидѣтельствомъ, что мысль и душа человѣческая независимо ни отъ какихъ небосклоновъ дѣйствуютъ своею жизнію внутреннею. Финъ подъ сѣнію вѣковыхъ лѣсовъ; при видѣ грозныхъ скалъ гранитныхъ; при кипѣніи волнъ бурнаго моря: поетъ и природѣ угрюмой передаетъ свою душу. Напрасно умный Г. *Ленротъ* предполагалъ, что общее сочувствіе не оцѣнитъ его труда. Такія вдохновенія можно назвать живою, неподдѣльную летописью души и сердца человѣческаго. И какъ часто: встрѣчаемъ противное, въ такъ называемыхъ нашихъ исторіяхъ! Въ нихъ или пристрастіе, или лесть, или искаженія истины, или и позорная корысть затмѣваютъ и изменяютъ событія. Извѣстный *Арх-*

тинъ говорилъ: «у меня два пера: одно золотое; то есть *продажное*; а другое желѣзное; то есть: *неподкупное*.

И поэтъ Фернейскій, препровождая къ другу своему *Делавиллю* какую то рукопись историческую, писалъ: «мы условились уничтожить всѣ истины. А потому пробѣгите рукопись и если встрѣтите какую нибудь тѣнь истины, которую надобно вычернить: извѣстите меня о томъ.»

Можно истреблять истину и природу тамъ, гдѣ душа молчитъ и гдѣ сердце истлѣваетъ въ оковахъ приличія.

Но тамъ, гдѣ сердце, такъ сказать, породнилось съ природою, тамъ изъ него излетаютъ звуки истиннаго чувства; тамъ и семейныя и народныя событія становятся исторіей. А потому среди всѣхъ измѣненій историческихъ остаются лучи для повѣрки событій, тѣ лучи: нравы, повѣрья, обычаи и вдохновенія душевныя.

Вотъ почему драгоценны памятники народныхъ пѣсень.

Извѣстно что и въ отдаленной Камчаткѣ, гдѣ природа какъ будто высказывается невольнымъ

существованіемъ: и тамъ у сердца есть свое чувство и свои звуки.

Вотъ одна изъ Камчадалскихъ пѣсень:

Потерялъ жену и душу
И пойду съ печали въ лѣсъ;
Буду съ дровъ сдирать тамъ кору;
Утку въ море погоню:
И поглядывать я стану:
Не найду ли, гдѣ души?

Предлагая эту пѣсню, Сумароковъ говоритъ:
« Изъясненіе природнаго чувства всего лучше и сильнѣе. »

Тоже и на островахъ Алеутскихъ. Примѣчательно только то, что когда нашъ *Колумбъ Шелиховъ* открылъ ихъ и когда русскій священникъ безъ всякой стражи, съ оди́нмъ знаменіемъ креста, обходя селенія *Алутовъ*, подвигъ ихъ къ крещенію: жители сами собою отринули всѣ прежнія свои пѣсни и сочинили новыя. Пѣніе ихъ величайшее удовольствіе, ихъ страсть. При посѣщеніи другъ друга, они цѣлыя ночи проводятъ въ пѣнье, сидя на лавкахъ передъ хижинами своими и ударяя въ бубны. Душа человѣческая вездѣ хочетъ чѣмъ нибудь высказаться. Въ прежнихъ Алеутскихъ пѣсняхъ

были воспоминанія и о дѣлахъ ратныхъ; новыя дышутъ кротостію, отвлекающею ихъ отъ распрей и отъ расправъ судебныхъ. Тамъ какъ будто проявилась какая то сердечная *утопія*.

Когда раздались у насъ заунывные напѣвы, которыхъ звуки откликаются даже и въ самыхъ нашихъ живыхъ и яркихъ плясовыхъ пѣсняхъ? не могу опредѣлить. Въ области удѣльнаго правленія, когда земля Русская кипѣла междуособными битвами, слышна была едвали не одна заунывная пѣсня супруги князя *Игоря*, павшаго въ борьбѣ съ *половцами*; а въ другихъ пѣсняхъ сколько можно предполагать, болѣе было возгласовъ, удалства и такъ называемаго богатырства. Напѣвы, тоскливые, заунывные, можетъ быть, стали изливаться изъ сердца въ ту тяжелую годину, когда ярмо Монгольское тяготѣло надъ землею Русскою. Отъ такой же причины и степи, населенныя *Монголами*, огласились напѣвами заунывными, когда въ половинѣ XVII столѣтія, говоря словами *Г. Коваленскаго*: на обломкахъ поколѣнія *минь* возвысился домъ Манжурскій *Дай-Цинатъ*.

Не стану ничего говорить о пѣсняхъ древнихъ *Бардовъ*; онѣ всею извѣстны. *Озеровъ* породилъ *Осіана* съ нашею словесностію. Но нельзя не

замѣтить, что подъ небосклономъ Турціи, въ *Албаніи*, и теперь еще слышны отклики пѣсней *Бардовъ*.

Вотъ, какъ объ этомъ рассказываетъ поэтъ *Байронъ*.

«Въ предѣлахъ Турціи, говоритъ онъ: *Арнауты* или *Албанцы* поразили меня сходствомъ своимъ съ Горцами *Шотландскими*. Одежда, видъ, образъ жизни, все одинакое; даже и горы *Албаніи* были бы горами древней *Каледоніи*, еслибъ солнце болѣе лелѣяло ихъ. Шлемъ *Арнаутовъ* тонкій; станъ, ихъ нарѣчіе — отклика *цельтическаго*; словомъ: все напомнило мнѣ царство *Морвенское*.»

Не стану также говорить ни о *Труверахъ* ни о *трубадурахъ*; но приведу только одинъ романсъ, относящійся къ пятнадцатому столѣтію и доказывающій, что во *Франціи* давно существовали запасы для различныхъ родовъ поэзіи.

Вотъ этотъ старинный романсъ.

»Oui! c'est vous que j'adore;
Oui! c'est vous, belle Iris.
Vermillon qui vous colore
N'est pas un signe de courroux.
En tout pays où vous vivrez
Sera toujours le printemps.

Votre charmante image
Vivra toujours dans mon coeur.
Fort content je veux mourir,
Pourvu que ce soit pour vous.» (!)

«Юная дѣва! плѣнешь я тобой!
Не гнѣва румянцемъ ланиты пылають:
Стыдливостью милой, онъ вызванъ душой!
Розы съ тобою—вездѣ разцвѣтають,
И сердце сроднилось съ любовью твоей?
И смерть мнѣ — отрада; смерть — для тебя.

Кромѣ свѣточныхъ, свадебныхъ и другихъ
различныхъ пѣсней у насъ есть и пѣсни *хоро-*
водныя; когда вереница сплетая и переплетая
руки поеть:

«Заплетися плетень!
Ты развѣйся какъ золотая.

Припѣвалили что нибудь древніе Греки при
своихъ *хороводахъ*? не знаю; но этотъ *хороводъ*,
только въ обширѣйшемъ протлженіи изображенъ
на щитѣ *Ахиллеса*, куда также перешелъ изъ
древнихъ Фивскихъ памятниковъ.

Сохраненіе душевныхъ родныхъ пѣсень и вос-
поминаній тѣмъ еще драгоценнѣе, что нерѣдко
и одинъ откликъ изъ нихъ дѣйствуетъ на серд-
це сильнѣе всѣхъ витійственныхъ рѣчей и убѣж-
деній.

Покоря Аѳинны, *Лизандръ* учредилъ пирь въ честь торжества своего. По тогдашнему обыкновѣнію лира грѣмѣла во время пиршества; пѣвецъ *Фокій* съ сильнымъ душевнымъ чувствомъ возгласилъ стихъ изъ Еврепидовой *Електры*: «дщерь Агамемнона! Електра! я пришелъ къ сельской твоей хижинѣ!»

Тутъ всѣ пирующія припомня о быстрыхъ и необычайныхъ превратностяхъ судьбы человеческой, среди ликованія своего прослезились и — Аѳины были спасены.

Русская наша пословица говоритъ: *слово не стрѣла а пуца убиваетъ*. Слѣдственно, и здѣсь повторю: въ словѣ человеческомъ есть и *жизнь* и *смерть*. А потому и въ пѣсняхъ и во всемъ — отыскивайте слово жизни.

Было время когда и слова пѣсень А. П. Сумарокова вездѣ раздавались. Но съ того времени столько разъ измѣнялись и душа и слогъ нашихъ пѣсней, что теперь, кажется пѣсень его, какъ будто никогда и небыло. Впрочемъ онъ и въ этомъ родѣ стихотворства новую проложилъ у насъ стезю. Наши, такъ называемыя, народныя пѣсни, одушевленныя заупычливостію, какъ будто, вмѣстѣ съ голосомъ прямо изливались изъ сердца. И въ пѣсняхъ Сумарокова сердце говорило; онъ не поддѣлывался подъ чувство; но многія выраженія отжили и то, что нѣкогда плѣняло слухъ, покажется теперь страннымъ. И въ мое еще время вездѣ пѣли:

«Прости, мой свѣтъ въ послѣдній разъ
И вспомни какъ тебя любилъ.»

Пѣли также и эту пѣсню:

»Самъ себя я не навязу,
Не страшуся ничего;
Окончанія не вижу
Я страданья моего.

Сердце стонетъ,
Взоръ мой тонетъ
Здѣсь въ слезахъ и день и ночь.
Духъ томится,
Солнце тмится,
Въ полдень убѣгая прочь.

* * *

Что мнѣ въ славѣ колы покоя
Я не вижу никогда
И несносною тоскою
Я терзаюся всегда?

И такъ не разпространяясь о пѣсняхъ А. П.
предложу здѣсь только двѣ пѣсни, близкія къ
духу русскому; двѣ сатирическія и военную пѣ-
сню на взятіе Бендеръ.

Д в ъ р у с с к і я п ѣ с н и .

—————

I.

Вѣнокъ.

⇒⇒□□⇐⇐

Гдѣ ни гуляю, ни хожу,
Грусть сердечную терплю;
Скучно тамъ гдѣ я сажу;

А все милаго люблю.
То не лютая была,
То не увячье мнѣ молодой!
Плачу я, мучуся всегда;
Вижу тебя я и воснѣ.
Такъ ли я мила тебѣ?
Такъ ли ты тужишь обо мнѣ?
Семка сплету себѣ вѣнокъ
Я изъ лазоревыхъ цвѣтовъ;
Брошу ка въ чистой я потокъ,
Свѣдать: мой миленькой каковъ?
Тужить ли онъ въ той сторонѣ,
Часто ли мыслить обо мнѣ?
Тонетъ ли тонетъ вѣнокъ;
Или онъ къ верху плыветъ?
Любить ли любить ли дружокъ
Иль не въ любви со мной живетъ?
Любить ли онъ, какъ я его,
Меньше или вовсе ничего?
Вижу вѣнокъ пошелъ на дно;
Вижу, вѣнокъ мой потонулъ.
Знать на умъ у насъ одно;
Знать о мнѣ миленькой вдохнуть?
Стала теперь я весела;
Знать, что и я ему мила.

II.

П Л Я С О В А Я .

Въ роцѣ дѣвки гуляли:

Калина моя! малина моя!

И весну прославляли:

Калина моя! малина моя!

Дѣвку горестъ томила:

Калина моя!

Дѣвка тутъ говорила :

Калина моя!

Я лишилася друга ;

Калина моя!

Вянь трава чиста луга ,

Калина моя!

Не всегда мѣсяць ясный!

Калина моя!

Не цвѣти ты, день прекрасный!

Калина моя!

Не плещяте вы, воды;

Калина моя!

Не пойду въ хороводы,

Калина моя!

Не нарву цвѣточковъ:

Калина моя!

Не сплету я вѣвочковъ.

Калина моя!

Я веселія не знаю;

Калина моя!

Другъ! тебя воспоминаю!

Калина моя! малина моя!

Изъ этаго перелета отъ пѣсней, сочиняемыхъ по образцу французскихъ прежнихъ романическихъ пѣсень, можно видѣть какъ бы Сумароковъ писалъ пѣсни въ наше время. Но зато сколько теперь у насъ и пособій; мы почти непрестанно открываемъ новые памятники русской старины; а при немъ едвали и былъ напечатанъ Несторовъ лѣтописецъ по списку Кенигсберскому. Но при всѣхъ этихъ пособіяхъ мы не можемъ утвердительно сказать: какія пѣсни *старинныя* и какія *новыя*. Пѣсни Даниила *Кириши* не входятъ ни въ какой разрядъ; въ нихъ отпечатокъ своего слога и они во всемъ отличаются отъ слѣдующихъ пѣсень:

Туманно, красное солнышко, туманно!

Печальна, красная дѣвица, печальна!

или

Вспомнишь ли меня мой милой

Въ чужой дальней сторонѣ?

или: «Ахъ какъ палъ туманъ на сине море!»

Я полагаю, что всѣ эти и имъ подобныя пѣсни современны Сумарокову. Во первыхъ потому, что слогъ ихъ дышетъ новыми выраженіями; во вторыхъ потому что Сумароковъ показалъ, что и онъ можетъ писать пѣсни въ духъ народномъ; наконецъ многія наши пѣсни были сочинены и въ кругу блестящемъ Н. П. пѣсня:

Во селѣ селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разгулялась, разыгралась
Красна дѣвица душа.

Сочинена Л. А. *Нарышкинымъ*; а Екатерина сочинила изъ нее одну изъ своихъ оперъ. Тогдашняя грамотная знаменитность, видя страсть Екатерины ко всему русскому; видя, что и Она сочиняетъ русскія пѣсни желала передъ Нею блеснуть такими же пѣснями. Этого соревнованія нельзя осуждать. А потому рѣшительно можно сказать, что и новымъ народнымъ пѣснямъ, Сумароковъ далъ движеніе. Двѣ приведенныя мною пѣсни убѣдительно въ томъ свидѣтельствуютъ. Мы увидимъ, что и въ двухъ сатирическихъ пѣсняхъ русская замашка, неизвѣстная до нашего поэта. Военная его пѣсня также изъ первыхъ въ этомъ родѣ пѣсней. Черпай онъ изъ тѣхъ источниковъ, которые теперь у насъ въ глазахъ; то, вѣроятно слогъ его, соответственный полету мыслей и чувству, долго бы существовалъ жизнию своею.

ДВѢ САТИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Судьба взяточника.

I.

Савушка грѣшенъ,
Сава повѣшенъ.
Савушка Сава!
Гдѣ твоя слава?
Больше непадки
Мысли на взятки:
Савушка Сава!
Гдѣ твоя слава?
Гдѣ дѣлись цуки:
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава?
Прудъ въ вертоградѣ;
Савушка въ адѣ.
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава?

Синица. (*)

Прилетѣла на берегъ синица
Изъ заполярнаго моря,

(*) Изъ этой пѣсни вышла народная пѣсня:

«За моремъ синичка
Не пышно жила.»

Изъ за холодна океана;
Спрашивали гостейку прїѣзжу :
За моремъ какіе обряды? —
Воеводы за моремъ правдивы ;
Дьякъ тамъ цуками невздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцовъ не просятъ,
За носъ тамъ писцы судей неводятъ;
Сахаръ подъячій покупаетъ;
За моремъ подъячіе честны,
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ,
За моремъ почетныя люди
Шен назадъ не загибають ;
Денегъ въ землю за моремъ не прячуть .
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
Людьми тамъ не торгуютъ .
За моремъ старухи не брюзгливы;
Добрыхъ людей не злословятъ .
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ дома, гдѣ добрые люди .
За моремъ люди не морочатъ,
Изъ избы сору не выносятъ .
За моремъ ума не пропиваютъ,
Сильные безсильныхъ не даютъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ,
Учатся за моремъ и дѣвки .

За моремъ того не болтають:

Двушкль двъ разума ненадо;

Надобно ей личко, да нанарядъ,

Надобны румяны, да бѣлы.

Тамъ языкъ отцовскій не въ презренье;

Тамъ не странствуютъ за темъ по свѣту,

Чтобы воздухомъ чужимъ не къ стати

Головы, пустыя набивая,

Пузыремъ надутымъ возвращаться.

Вздору тамъ ораторы не мелятъ;

Стихотворцы вирши не крапають;

Мысли у писателей тамъ ясны,

Рѣчи у писателей согласны.

За моремъ невѣжда не пишеть,

Критика злобой не дышетъ.

Гордости за моремъ не терпятъ,

Лести за моремъ не слышно,

Подлости за моремъ невидно.

За моремъ нѣтъ туньядцевъ,

Всѣ люди за моремъ трудятся:

Всѣ тамъ отечеству служатъ:

Лучше роботящій тамъ крестьянинъ,

Нежели пышный туньядецъ.

Огромная спесь *архолоетовъ* своего времени,

которые слишкомъ приподнимали носъ, Сумароковъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ сказалъ :

«Гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсъ.»

И къ этому прибавилъ такіе же непонятные и смѣшныя звуки, какъ непонятна и смѣшна заносчивая спѣсь. (*)

Военная пѣсня.

На взятіе Бендеръ Гр. Петромъ Ивановичемъ
Панинымъ.

—

О ты крѣпкій, крѣпкій Бендеръ Градъ!
О разумный, храбрый Панинъ Графъ!
Ждетъ Европа чуда славнаго,
Ждетъ Россія славы новыя.
Чтобъ Бендеры можно было взять.
Петръ Великій, храбрый, мулрый Петръ
Далъ Петру свой умъ и мужество;
И устами Самодержицы
Щедрой, Мудрой и Великой,
Говорить онъ Графу Панину:
«Не былъ городъ Бендеръ взятъ никѣмъ,
Вижу града стѣны крѣпкія!»

(*) Въ комъ силъ много, въ томъ мало ума. (Сумароковъ.)

Вижу множество турецкихъ войскъ;
Здѣсь число войскъ русскихъ малое,
Да въ тебѣ душа великая:
Покажите вы величество
Чады и матери имперіи;
Будьте славой Самодержцы:
Будьте пользою отечества.» —

Панинъ на это отвѣтствуетъ огь Невы при-
шедшему голосу:

«Я клянуся передъ воинствомъ
Градъ возьму, или умру подъ нимъ!
Увѣчаемся здѣсь лаврами,
Иль падемъ подъ кипарисами.»
Слышенъ голосъ войска храбраго:
«Градъ возымею, иль всѣ умремъ съ тобой.»
Наступилъ уже рѣвенья день:

Приближается ночь темная,
Скрылось солнце въ морѣ бурное;
Изъ за лѣса не возшла луна;
Не мѣшаетъ небо мрачное.
Войско двинулося къ крѣпости;
Загремѣли громы страшные,
Заблестали свѣтлы молніи,
Зашумѣли войска русскія,
Встрепетали врата градскія;
Зажигается селеніе,

Разгараются всѣ сданія.

Панинъ! Панинъ! ты исполнилъ то;

Въ чемъ ты клялся передъ воинствомъ:

Стонуть, стонуть побѣжденные;

Торжествуютъ побѣдители.

СТАТЬЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Епистола о стихотворствѣ.

О вы, которые стремитесь на Парнасъ,
Нестройнаго гудка имѣя грубый гласъ;
Престанте воспѣвать! пѣснь ваша непрелестна,
Когда музыка вамъ прямая неизвѣстна.
Но въ нашемъ ли одномъ народѣ только врутъ,
Когда искусства нѣтъ, или разсудокъ худъ?
Прадонъ и *Шапельинъ*, не въ тотъ ли вѣкъ писали,
Когда свои стихи потомству посвящали,
Корнель и *Расинъ*, *Депро* и *Моліеръ*,
Дела-Фонтенъ, и гдѣ имъ слѣдуетъ *Вольтеръ*?
Нельзя чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ,
И правильно письма не смысла сочинить,
Захочетъ вдругъ творцемъ и стихотворцемъ быть.

Онъ только лишь слова на рифму прибираетъ:
И соплетенный вздоръ стихами называетъ.
А что онъ соплететъ нескладно, безъ труда,
Передо всеми то читаетъ безъ стыда.
Стихи слогать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Познающій — одной и реной утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнь нашу мысль брала;
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
Она должна сама намъ въ разумъ встрѣчаться,
И къ стати приходивъ, ложиться гдѣ велятъ,
Невольные стихи чтеца не веселятъ.
Но это вѣдь не плодъ единыи охоты,
Но прилежанія и тяжкія работы.
Однако тщетно все; когда искусства нѣтъ,
Хотя творецъ трудясь, струями потъ прольетъ;
И больше если кто на Геликонъ дерзаетъ,
Противу силъ своихъ и грамоти не знаетъ.
Онъ мнитъ, что онъ слѣпивъ стишокъ, беби вознесъ
Предивной хитростью до самыхъ до небесъ.
Тотъ кто не гуливалъ плодовъ пріятнымъ садомъ
За вишню—к.юкву чететь, рлбину—виноградомъ,
.....
.....
Взойдемъ на Геликонъ, взойдемъ, увидимъ тамо
Творцовъ, которые достойны славы прямо.

Тамъ царствуетъ Гомеръ, тамъ Сафо, Теокрытъ,
Есхиль, Анакреонъ, Софокль и Эврипидъ,
Менандръ, Аристофанъ и Пиндаръ восхищенный,
Овидій сладосный, Виргилій несравненный,
Теренцій, Персій, Плавтъ, Горацій, Ювеналъ,
Лукрецій и Луканъ, Тибуллъ, Проперцій, Галь,
Малербъ, Руссо, Кино, Французовъ хоръ реченный
Мильтонъ и Шекспиръ хотя непросвѣщенный,
Тамъ Тассъ и Аріостъ, тамъ Коллозесъ и Лопъ,
тамъ Фондель, Гинтеръ тамъ, тамъ остроумный
Попъ.

Послѣдуемъ такимъ писателямъ великимъ.

А ты немысленный вспѣваешь гсасомъ диккимъ!

Все то что дерзостно певѣжа сочинить,

Труды его, ему, преобразятся въ стыдъ.

Безъ пользы на Парнасъ слагатель смѣлый восхо-
дить,

Коль Аполлонъ его на верхъ горы не взводитъ.

Когда искусства нѣтъ, нль ты не тѣмъ рожденъ,

Не строенъ будетъ гласъ, и слогъ твой принужденъ.

А если естество тебя тѣмъ одарило,

Старайся, чтобъ сей даръ искусство озарило;

Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,

И что начнешь, нищѣ къ тому приличныхъ словъ,

Не раздражая Музъ худымъ своимъ успѣхомъ:

Слезами Талию, а Мельпомену смѣхомъ.

Пастушка за серебро и золото — на лугахъ
Имѣеть весь уборъ въ единныхъ лишьъ цвѣтахъ,
Лугъ-Камней дорогихъ и перль ей не являетъ;
Она главу и грудь цвѣтами украшаетъ.
Какъ не изысканъ, простъ всегда ея нарядъ,
Такой и долженъ быть въ стихахъ пастушнихъ
складъ;

Въ нихъ гордыя слова, сложенія высоки,
Въ лугахъ поднимають вихрь и возмущаютъ потоки.
Оставь свой пышный гласъ въ Идилліяхъ своихъ
И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ;
Панъ скроется въ лѣсахъ отъ звучной сей погоды,
И Нимфы у потокъ уйдутъ отъ страха въ воды.
Любовнудь пишетъ рѣчь, или пастушій споръ?
Чтобъ не былъ ни учтивъ, ни грубъ ихъ разговоръ,
Чтобъ не былъ твой пастухъ крестьянину примъ-
ромъ,

И не былъ бы опять придворнымъ кавалеромъ.
Вспѣвай въ Идилліи мнѣ ясны небеса,
Зеленя луга, кустарники, лѣса,
Біющіе ключи, источники и роци,
Весну, пріятный день, и тихость темной ночи.
Дай чувствовать ты мнѣ пастушью простоту
И позабыть стихи, читая суету.
Плачевной Музы гласъ быстрѣе проницаетъ,
Когда она въ любви власы свои терзаетъ.
Но знай, ея восторгъ твѣ больше горитъ,

Что сероце лишь одно по чувству говорить.
Любовникъ въ сихъ стихахъ стенанье возвѣщаетъ,
Когда Авроринъ всходъ быть съ милою мѣшаетъ;
Иль грустно онъ вздохнувъ, часы свои клянеть,
Въ которыя въ глазахъ его Ирисы вѣтъ;
Или жестокости Флисы вспоминаеть,
Или свой пламень ей сердечный открываетъ;
Иль съ нею разлучась, представивъ тѣ красы,
Со вздохами твердить прошедшіе часы.
Но хладенъ будетъ стихъ, и весь твой плачь притворство,
Когда то говорить одно лишь стихотворство;
Не жалокъ будетъ гласъ, оставь и не трудись;
Коль хочешь ты писать: такъ прежде ты влюбись:
Гремящій въ одъ звукъ, какъ вихоръ слухъ
пронзаетъ,
Хребетъ Рифейскихъ горъ далеко превышаетъ.
Въ ней молнія дѣлитъ на полы горизонтъ,
То верхъъ высокихъ горъ скрываетъ бурный Понтъ.
Эдипъ гаданьемъ градъ отъ Сфинкса избавляетъ,
И сильный Геркулесъ злу гидру низлагаетъ.
Скамандрины брега боговъ зовутъ на брань.
Великій Александръ кладетъ на Персовъ дань.
Велкій Петръ свой громъ съ береговъ Балтій-
скихъ мечеть,
Россійскій мечъ во всѣхъ концахъ вселенной блещетъ.

Творецъ такихъ стиховъ, вскидаетъ всюду взглядъ
Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
Онъ ичится въ быстротѣ во всю края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворены.

Разнообразіемъ поэзія цвѣтетъ; (·)

И Эпопеи стихъ размѣрише идетъ.

Летай тамъ въ облакахъ; летай орломъ, стрѣлою,
Но осторожно мысль ты низводи съ собою.

Гласъ лирный такъ, какъ вихрь порывами тер-
заетъ;

А гласъ эпическій не дерзостно взлетаетъ.

Въ поэмъ жизнь своя колеблетъ не вдругъ,

Но силой творческой ведетъ и мысль и слухъ.

Стихъ этотъ полнъ притворствъ; въ немъ добро-
дѣтель смѣло

Преходитъ въ божество, пріемлетъ духъ и тѣло.

Минерва — мудрость въ немъ, Діанэ — чистота,

Любовь — то — Купидонъ, Венера — красота.

Гдѣ громъ и молнія, тамъ ярость возвъщаетъ,

Разгнѣванный Зевесъ, то землю устрашаетъ.

Когда встаетъ въ моряхъ волненіе и ревъ,

Не вѣтеръ то шумитъ—Нептунъ являетъ гнѣвъ.

И Эхо въ немъ не звукъ, оно рѣчь выражаетъ, —

Нѣтъ! Нимфа то въ слезахъ Нарциса воспоминаетъ.

Эней перенесенъ на Африканскій брегъ,

Въ страну, въ которую склоняли вѣтры бѣгъ,

Не приключеніемъ; но гнѣвная Юнона
Стремится погубить остатокъ Иліона.
Эолъ въ угодность ей Средьземный понтъ терзалъ,
И грозные валы до неба воздымалъ.
Онъ мстилъ Парисовъ судъ за торжество Венеры,
И вѣтрамъ растворилъ глубокія пещеры.
Теперь разсмотримъ мы и духъ и силу драмъ,
Какъ долженъ представлять творецъ пороки намъ,
И какъ должна цвѣсти святая добродѣтель.

Посадскій, дворянинъ, Маркизь , Графъ, Князь,
Владѣтель

Возходятъ на театръ; творецъ находитъ путь,
Чтобъ зрителей своихъ, чрезъ дѣйство умъ тронуть.
Когда захочешъ слезъ—введи меня ты въ жалость;
Для смѣха предо мной представь мірскую шалость.
Не представляй двухъ дѣйствъ, къ смѣшенію мнѣ

думъ:—

Къ предмету одному стремиться хочеть умъ.

.....
.....

Аѳины и Парижъ зря юну царску дщерь,
Которую сразилъ отецъ, какъ лютой зверь,
Въ стенаніи своемъ единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить,
И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить.
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрять;

Чтобъ я забывшись, возмогъ тебѣ повѣрить,
Что будто не игра — то дѣйствіе твое;
Но самое тогда случившась бытіе.
И не бречя въ стихахъ пустыми мнѣ словами,
Скажи мнѣ только то, что страсти скажутъ сами.
Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобы тогда, какъ ты, мнѣ представляешь Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы въ Пекину;
Всмотряся въ Римъ, я Римъ, такъ скоро непокину.
Явленіями множи желаніе, творецъ!
Познать, какъ дѣйствию положишь ты конецъ.
Трагедія намъ плачь и горестъ представляетъ;
Какъ люто, напримѣръ, Венеринъ гнѣвъ терзаетъ.
Въ прекрасной описи, въ Расниновыхъ стихахъ,
Трезецкій Князь забылъ о рыцарскихъ играхъ,
Воспламененіе почувствовавши крови.
И вѣчно быть преставъ противникомъ любви,
Предъ Арисіею стыдился говорить,
Что онъ уже не сталъ тотъ гордый Ипполитъ,
Который нѣкогда стрѣламъ любви ругался,
И равнодушіемъ безстрастнымъ величался.
Страшится Греки, чтобъ сынъ Андромихинъ имъ,
Лѣтами возмужавъ, не сталъ отцемъ своимъ.
Трепещутъ имени Гекторова народы,
Которые онъ гналъ отъ стѣнъ Троянскихъ въ
воды,

Какъ онъ съ побѣдою по трупомъ ихъ бѣжалъ
И въ корабли ихъ огонь изъ рукъ своихъ металъ.
Страшася, плодъ его стремятся погубить,
И въ отрасли весь корень Пріамовъ изтребить:
Пирръ хочеть защититъ: защита не мала!
Но чтобъ супругою она ему была.
Она въ смятеніи низвержена въ двѣ страсти,
Не знаеть что сказать при выборѣ напасти.
Богининъ сынъ противъ всѣхъ Грековъ возстаеть,
И Клитемнестринъ плодъ, подъ свой покровъ
береть.

Неронъ прекрасную Юнию похищаетъ;
А къмъ она жила—огъ яда умираеть.
Она, чтобъ жизнь ему на жертву принести,
И вѣрность и любовь до гроба соблюсти,
Подъ защищеніе героя прибѣгаетъ,
И образъ Августовъ слезами обливаетъ;
И бремя одолевъ враждебныхъ ей судьбинъ,
Отъ свѣта злобцаго спъшцтъ въ Вестальскій чинаъ,
Монимъ—за любовь, приносятся отрава.
А Талъя—Франціи и Мельпомены слава.
Меропа безъ любви, плѣнила всѣхъ сердца,
Умноживъ славы блескъ безсмертнаго творца.
Творецъ ея нашель богатство Геликона.
Альзира наконецъ — Вольтерова корона.
Каковъ въ трагедіи, Расинъ былъ и Вольтеръ,

Таковъ въ комедіяхъ искусственный Молиеръ.
Какъ славить, напримѣръ, тѣхъ Федра и Меропа,
Не меньше и творецъ прославленъ Мизантропа.
Мольеровъ лицемѣръ живетъ и не падеть;
Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, вънокъ его цвѣтеть.
Женатый философъ, тщеславный, возсіяли,
И честь *Детушеву* въ безсмертіе вписали.
Для знающихъ людей ты игрищъ не пиши;
Смѣшить безъ разума—даръ подлыя души.
Не представляй того, что мнѣ на нигъ пріятно;
Но Чтобъ то дѣйствіе мнѣ долго было внятно.
Душа комедіи — насмѣшкой править нравъ:
Смѣшить и наставлять — прямой ея уставъ.
Представь бездушнаго подъячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ;
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ
Дурача самъ себя, онъ простоту дурачить,
И думаетъ, что тѣмъ, на свѣтъ что то значить.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ *Ерго* ничего.
Представь мнѣ гордаго, раздута какъ лягушку;
Скупаго, что готовъ въ удавку за полушку;
Представь картежника, который снявши крестъ,
Кричитъ изъ за руки, съ фигурой сидя: *Рестъ*.

О таинственныхъ Музъ! уставовъ ихъ податель,
Разборщикъ стихотворствъ, и тщательный писа-
тель!

Который Франціи Музъ жертвенникъ открылъ,
И въ чистомъ слогъ самъ примѣромъ ей служилъ,
Скажи мнѣ *Буало!* свои въ Сатирахъ правы,
Которыми въ стихахъ ты чистилъ грубы нравы!
Въ Сатирахъ должны мы, пороки осуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и глупостямъ, играючи смѣяться ;
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы страстныя сердца она влекла:
Намъ это зеркало, сто разъ нужнѣй стекла.
Тщеславный лицемѣръ свитымъ себя являетъ,
И въ мысли ближнему, погибель соплетаетъ.
Лстецъ хочетъ высказать, что онъ вселенной
другъ,

И разливаетъ ядъ во знакъ своихъ услугъ.
Набитый ябедой прехищный душевредникъ
Старается, чтобъ быть у всѣхъ людей наследникъ,
И что противу правъ заграбивъ, получить,
Съ неправеднымъ судьей на части то дѣлить.
Богатый бѣднаго невинно угнѣтаетъ,
И совѣсть изъ судей мѣшками выгоняетъ,
Которы, богатясь страхъ Божій позабывъ,
Пекутся лишь о томъ, чтобъ правый судъ былъ
кривъ.

Богатый въ ихъ судъ, не зреть ни въ чемъ препятства:

Наука, честность, умъ, по ихъ, среди богатства.
Охотникъ до вѣстей, коль нечего сказать,
Бѣжитъ съ двора на дворъ, и мыслить что сол-
гать.

Трусъ, пьянъ напившись возносится отвагой,
И за ребятами гоняется со шпагой.
Такое что нибудь, представь Сатирикъ намъ.

Разсмотримъ свойство мы, и силу Эпиграмъ.
Онъ тогда живутъ красой своей богаты,
Когда сочинены остры, замысловаты;
Быть должны кротки и сдѣла ихъ вся въ томъ,
Чтобъ ничто вымолвить съ насмѣшкою о комъ.
Складъ Басенъ долженъ быть шутивъ, но бла-
городенъ,

И низкій въ ономъ духъ къ простымъ словамъ
пригоденъ.

Какъ то де *ла-Фонтенъ* разумно показалъ,
И басеннымъ стихомъ увѣковѣченъ сталъ.
Напомнимъ съ головы до ногъ всѣ притчи шуткой,
И сказки пѣвъ, игралъ все тою же погудкой.
Быть кажется, что стихъ до волъ онъ вертѣлъ,
И мнител, что писарь ни разу не вспотѣлъ;
Казалось, Граціи перомъ его водили,
И въ простотѣ рѣчей искусство проявили.

Вотъ складъ еще смѣшныхъ геройскихъ
поэмъ (*)

И нѣчто поминуть хочу я и о немъ.

Онъ въ подлу женщину — Дидону превращаетъ;

Или намъ бурлака — Энеемъ представляетъ;

Являя рыцарями буиновъ, забіякъ,

И такъ такихъ поэмъ шуточныхъ, складъ двоекъ.

Въ одномъ — богатырей ведетъ отвага въ драку,

Парисъ Оитидину далъ сыну *переляку*.

Гекторъ не на войну идетъ — въ кулачный бой,

Не воиновъ — бойцевъ ведетъ на брань съ собой.

Зевесъ — не молнію, не громъ съ небесъ бросаетъ, —

Онъ изъ кремня огонь желѣзомъ высѣкаетъ;

Не жителей земныхъ имъ хочетъ устрашить,

На что то хочетъ онъ лучинку засвѣтить.

Стихи — владѣющіи высокими дѣлами,

Въ семъ складъ пишутся ничтожными словами.

Въ другомъ — такихъ поэмъ, искусстному творцу,

Велятъ перо давать духъ рыцарскій борцу.

Поссорился буянь — но подлая то ссора;

Не гонитъ Ахилесъ отважнаго Гектора.

Запачканный кузнецъ въ семъ складъ есть — Вул-

канъ,

А лужа отъ дождя, не лужа — океанъ.

Ребенка баба бьетъ — то гивная Юнона.

(*) Поэмы героическія, — тѣ, которыя, въ смѣшномъ видѣ, представляютъ важныя событія замѣнятыя лица.

Плетень вокругъ гумна — то стѣны Иліона.
Въ семь складъ надобно, чтобъ Муза подала
Высокія слова, на низкія дѣла.

Въ Эпистолы — творцы тѣ рѣчи избирають,
Какія свойственны тому, что составляютъ;
И самая въ стихахъ сихъ главна красота,
Чтобъ былъ порядокъ въ нихъ и въ слоге чистота.

Сонетъ, Рондо, Балладъ: — играюще стихотворно;
Но должно въ нихъ играть разумно и проворно.
Въ Сонетъ требуютъ, чтобъ очень чистъ былъ
складъ.

Рондо — бездѣлица; таковъ же и Балладъ.
Но пусть ихъ пишетъ тотъ, кому они пріятны:
Хороши вымыслы во всѣхъ родахъ, понятны.
Составъ ихъ хитрая въ бездѣлкахъ суета:
Мнѣ стихотворная пріятна простота.

О пѣсняхъ нѣчто мнѣ осталось представить;
Хоть пѣснопѣвцевъ тѣхъ никакъ нельзя исправить,
Которые, что стихъ, не знаютъ, и хотятъ
Нечаянно попасть на сладкій пѣсень ладъ.
Нечаянно стихи изъ разума не льются;
И мысли ясныя невѣжамъ не даются.
Коль строки съ рѣчами — стихами то зовутъ:
Стихи по правиламъ премудрыхъ Музъ плывутъ;

Слогъ пѣсенъ долженъ быть, пріятенъ, простъ и
ясенъ,

Витійствъ не надобно: онъ самъ собой прекрасенъ;

Чтобъ умъ въ немъ былъ сокрытъ, а говорила
страсть;

Не онъ надъ нимъ большой; въ немъ только —
сердца власть.

Не дѣлай изъ богинь, красавицъ примѣра,

И въ страсти, не вспѣвай: «прости моя Венера!

Хоть всѣхъ собрать богинь, тебя прекрасный
нѣтъ!»

Скажи прощаяся:— «Прости, прости мой свѣтъ!

.....
.....
.....

«Прости въ послѣдній разъ, и помни какъ лю-
билъ!»

Кудряво въ горести никто не говорилъ.

Когда съ возлюбленной, любовникъ разстается,

Тогда Венера въ мысль ему не попадется.

Ни ударенія прямого нѣтъ въ словахъ,

Ни соприженія малѣйшаго въ рѣчахъ,

Ни риѣкъ порядочныхъ, ни мѣры стопъ при-
стойной

Нѣтъ въ пѣснѣ скаредной, при мысли недостой-
ной...

Но что я говорю, прп мысли? да въ такой

Пречудной пѣсенкѣ нѣтъ мысли никакой.
Пустая рѣчь, конецъ не видѣшь, ни начало;
Писцы въ нихъ бредятъ все, что въ разумъ ни
попало.

О чудные творцы! престаňte вздоръ сплетать:
Нѣтъ славы никакой безсмысленно писать.

Здѣсь въ окончаніи еще напоминаю
О разности стиховъ, и рѣчи повторяю.
Коль хочешь пѣть стихи, помысли ты сперва,
Къ чему твою, мой другъ! способна голова.
Не то пой, что тебѣ по прихоти угодно,
Оставь то для другихъ, пой то, тебѣ что сродно.
Когда не льститъ тебѣ всегдашній града шумъ,
И ненавидитъ твои лукавства свѣтска умъ;
Пріятна жизнь въ мѣстахъ, гдѣ къ услажденью
взора,

И обонянія, ликуеть нѣжна Флора;
Гдѣ чистыя струи по камешкамъ бѣгутъ,
И птички сладостно Авроринъ всходъ поютъ,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются веселою свободой.
Пускай на верхъ горы взойдетъ твоя нога,
И око кинетъ взоръ въ зеленые луга,
На рѣки, озера, въ кустарники, въ дубровы:
Вотъ мысли тамъ тебѣ по склоности готовы.
Когда ты мягкосердць и жалостливъ рожденъ.
И ежели притомъ любовью побѣжденъ;

Пиши Элегіи, воспѣвай любовны узы,
Плачевнымъ голосомъ, стѣнящей *Де-ла-Сузы*.
Когда ты рвешься, зря на свѣтъ тьму страстей,
Ступай за *Буало* и исправляй людей:
Смѣешьсяяль глупостямъ — представь мнѣ ихъ при-
мѣромъ,
И представляя ихъ, иди вслѣдъ за *Мольеромъ*.
Когда вмѣешь ты духъ гордый, умъ летушь,
И вдругъ изъ мысли въ мысль стремительно бѣ-
гушь,
Оставь Идилію, Элегію, Сатиру,
И Драмы для другихъ; возьми гремящу лиру,
И съ пышнымъ Пиндаромъ взлѣтай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси;
Онъ нашихъ странъ *Мальзербъ*: онъ Пиндару
подобенъ; —
А ты *Штиверіусъ* лишь только вратъ способенъ.
Имя важну мысль, великолѣпный духъ;
Пронзай войнскою трубой вселенной слухъ.
Пой Ахилесовъ гнѣвъ; — иль двигнуть русской
славой,
Воспой Великаго Петра мнѣ подь Полтавой;
Чувствительнѣй всего — трагедія сердцамъ;
Она поручена въ удѣлъ такимъ творцамъ,
Которыхъ можетъ мысль входить въ чужія страсти,
И сердца чувствовать другихъ бѣды, напасти.

Виргилій брани пълъ, Овидій въздыхалъ,
Горацій громкій гласъ изъ лиры извлекалъ,
Иль лиру отложя, на страсти ополчался,
Которымъ Римъ тогда безумно предавался.
Различною стезей шли Римскіе пѣвцы;
Но музы равныя дарили имъ вѣнцы.
Вѣнчаютъ пальмами, Трагедія и Ода,
Пиши лишь только то, къ чему влечетъ природа;
И сердцу говоря, дай пищу и уму; —
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

Очерки Писателей, упомянутыхъ въ Эпистоляхъ о
Стихотворствѣ.

Анакреонъ. Предаваясь праздности и нѣгѣ *Анакреонъ* жилъ сперва въ Самосѣ, (за 500 л. до Р. Х.) при дворѣ *Поликрата*, а потомъ у *Ипарха*. Душою поэзіи его были сладострастіе и вино. Онъ едвали не первый изъ Греческихъ поэтовъ, воскурилъ еніямъ упоенія страстей. Обвиняли въ этомъ *Епикура*; но не справедливо. Епикуръ говорилъ о душевномъ наслажденіи и велъ жизнь безмятежную въ удавленіи отъ міра роскошнаго; Анакреонъ же, воспѣвая въ стихахъ своихъ утѣхи чувственыя, повторялъ правило Сарданапала, поработеннаго одной позорной чувственности.

Аристофанъ. — Сочинитель комедій и современникъ *Европида*, *Сократа*, *Платона* и *Демосоена*. Изъ 54-хъ представленныхъ его комедій, остались только однанадцать. Въ комедіи *Анохреанс*, онъ увѣщаетъ Аѳинлянъ, для общей пользы Греціи, примириться съ Спартанцами.

Комедія его: *Облака*, устремлена къ осужденію Сократова ученія. Сократъ присудствуя при преставленіи, участвовалъ въ общемъ рукоплесканіи зрителей. Въ комедіи—*Оводы*, *Аристофанъ* вооружался противъ криводушныхъ судей и сутяжниковъ. *Расинъ* заимствовалъ изъ нее свою комедію *Челобитники*, а *Мольеръ* изъ его *Сурепіады* т. е. *Недоросля*, учащагося философіи, заимствовалъ своего *Мъщанина во дворянствѣ*.—Хотя въ комедіи своей: *женскій клубъ*, *Аристофанъ* бросалъ стрѣлы на умственную Платонову республику; но Платонъ, въ двустипіи своемъ, сказалъ, что, «Грации, желая воздвигнуть себѣ храмъ нетлѣнный, избрали умъ *Аристофана*.» Знакомъ также *Діонисія Сиракузскаго* съ правами и правленіемъ *Аѳинъ*, онъ говорилъ ему, что *Аристофанъ* лучшій и вѣрнѣйшій ихъ живописецъ.

Аріостъ. Уроженецъ Ферарскій, родился 1533 г., умеръ 69 лѣтъ. «Въ поэмахъ *Аріостъ*, говоритъ *Вольтеръ* въ его *Моргандѣ*, въ *Роландѣ влюбленомъ* и *Неистовомъ*, какъ будто жили всѣ вымыслы *Омировой Одиссеи* и *Илліады*. Въ нихъ видишь и *Сервантова Донъ-Кихота*. Но онъ единствененъ въ приступахъ къ пѣснямъ поэмъ своихъ.»

«Напр. въ 44 пѣсни въ *Неистовомъ Роландѣ*, обращаясь къ дружбѣ, онъ говоритъ:

« И кровь соломенный бываетъ
Пріютомъ дружбъ иногда,
Но тамъ, гдѣ пышная чреда,
Она оттуда убѣгаетъ» — и проч.

Виргилій, родился въ *сѣ Анбасѣ* близъ Мантуи, въ 6842 г. отъ основанія Рима, за 70 л. до Р. Х. Онъ пользовался милостью Императора Августа, пріязнею *Мецената*, *Памона* и былъ другомъ *Горація*. Въ *Эклогахъ* своихъ, подражалъ онъ *Θеокрыту*; въ *Георгикахъ*— *Изіоду*; въ *Энеидѣ* *Омиру*. Но какъ будто чувствуя, какъ далеко отстоитъ поэма его, отъ творца *Илліады* и *Одиссеи*, онъ въ продолженіе десяти лѣтъ, въ тайнѣ занимался отдѣлкою и обработкою сочиненія своего. Самъ новый переводчикъ *Виргилія*, *Бартелеми*, признается, что онъ особенно отличается одними подробностями, а не душою поэмы. Въ льстивыхъ своихъ посланіяхъ къ *Лудовику XIV*, сатирикъ *Буало* сказалъ :

«Un Auguste aisément peut faire des Virgiles.»

Виргилій со образуясь съ духомъ вѣка своего, льстилъ *Августу* и былъ въ этомъ поэтотъ его времени. Но и *Августъ* не доставилъ ему того творческаго духа, который сблизилъ *Омира* со всеми вѣками и сроднилъ со всѣмъ человечествомъ. Отдадимъ однако справедливость и *Виргилію*. Болѣе всѣхъ

другихъ зная недостатки своей Энеиды, онъ завѣщалъ ее сжечь. Но по препорученію Августа, она была пересмотрена друзьями умершаго поэта, *Тукомиъ* и *Варіемъ* и издана въ свѣтъ.

Вольтеръ. «Въ то самое время говоритъ *Велемень*: когда *Ломоть* спорилъ о томъ, какъ писать трагедіи, *Вольтеръ* издалъ своего Эдипа. По тогдашнему странному обычаю *Вольтеръ* и въ эту трагедію, взятую съ Греческаго театра, не къ стати включилъ страсть любви; надъ чѣмъ онъ самъ въ послѣдствіи смѣлся. Любя трудъ и вихрь большаго свѣта; предаваясь разсвѣности и игрѣ; переезжая изъ одного замка въ другой; сочиняя въ переезды свои, *Вольтеръ* выдавалъ трагедію за трагедіей. Но три его трагедіи: *Артемидра*, *Ерифилъ* и *Маріама* не увѣнчались успѣхомъ. Въ это время вышло уже первое изданіе *Генріады*. Между тѣмъ: огромилъ онъ острою Эпиграмою одного изъ тогдашнихъ вельможъ. Недостойный богачъ нанялъ чтобы подстеречь поэта и подвергнуть побоямъ. Раздраженный *Вольтеръ*, удалясь отъ свѣта, днемъ и ночью учился биться на шпагахъ и Англинскому языку, чтобы въ случаѣ гоненія удалиться въ Англію. Утвердясь въ шпажномъ дѣлѣ, онъ вызвалъ обидчика на поединокъ. Но по жалобѣ его малодушнаго обидчи-

ка, онъ посаженъ былъ въ бастилію. Освободясь оттуда онъ поспѣшилъ въ Англію, гдѣ пробывъ три года, и ознакомясь короче съ театромъ *Шекспира*, занялся новымъ драматическимъ ученіемъ; чего, повторю и здѣсь: нельзя было сдѣлать Сумарокову и по духу его времени и по тогдашнему у насъ драматическому ходу. Наконецъ, при перемѣнѣ Министерства, Вольтеру разрѣшенъ былъ въѣздъ въ отечество, куда онъ возвратился, такъ сказать, въ сопровожденіи *Шекспира Невтона* и *Локка*. Не думалъ однако Вольтеръ, что въ томъ самомъ Парижѣ, гдѣ въ его время превозносили *Заиру* до облаковъ, что тамъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ знатоковъ французской словесности покажетъ и докажетъ, что *Оросманъ* со вѣтъ блескомъ своей французской образованности, далекъ отъ *Отелло* называемаго въ XVIII столѣтіи, произведеніемъ *дикаго гения*. Объясняясь объ этомъ и сравнивая появленіе тѣни въ *Гамлетѣ* Шекспира, съ такимъ же появленіемъ Вольтеровой *Ерифиллы*, Влемень восклицаетъ: «О Вольтеръ! гений блестящій, умъ удивительный. Какой бы урокъ вкуса могъ ты заимствовать у необразованнаго Шекспира?..»

Вольтеръ бы на это отвѣчалъ: «Если бы въ мое время не передвѣлывалъ я *Шекспира* на ще-

голеватый образец французских трагиковъ ; меня бы освистали!» Не думалъ также и Лагарпъ, страстный почитатель Фернейскаго поэта, что съ переменною вкуса, столь же превратнаго, какъ и моды; что XIX вѣкъ, станетъ оспоривать у Вольтера трагическія его пальмы. А что говорилъ Лагарпъ въ исходѣ XVIII столѣтія Вотъ его слова :

«Если можно отважиться высказать какой нибудь доводъ о предметахъ, подверженныхъ *всегда различію мнѣній*. Расинъ—для знатоковъ-читателей будетъ совершеннѣйшимъ поэтомъ—писателемъ; а Вольтеръ — для людей, собранныхъ въ театръ, будетъ превосходнѣйшимъ трагическимъ гениемъ, когда-либо владычествовавшемъ на сценѣ.»

Давно ли это было сказано? И какъ все это переменилось! А потому и здѣсь можно повторить, что на поприщѣ мысли человеческой, то только цвѣтетъ жизнь, что относится къ общему существованію человечества.

Я распространился въ очеркѣ о *Вольтерѣ*, по двумъ причинамъ; во первыхъ: что и самые блистательные успѣхи, переменною вкуса, измѣняютъ

ся. Во вторыхъ: какъ издатель очерковъ жизни Сумарокова, я долженъ сказать, что въ тѣхъ горестныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ упомянуто было въ 1 части, Вольтеръ, препоручилъ *Лагарпу*, издававшему: (*Вѣстникъ французскій*), подъ его руководствомъ, помѣстить разборъ трагедіи *Синава и Трувора* Получа о томъ извѣстіе нашъ огорченный Трагикъ, въ 27 своей Элегіи, восклицалъ:

«Слезами я кроплю, Вольтеръ: письмо твое»

Горацій. Ветуза была колыбелью Горація 655 отъ основанія Рима. Не кичась породюю, онъ самъ извѣщаетъ, что отецъ его былъ *отпущенникомъ* и благодарить его за то, что въ самомъ посредственномъ состояніи онъ отправился съ нимъ въ Римъ, гдѣ и доставилъ ему воспитаніе на ряду съ дѣтьми рыцарей и сенаторовъ. «Судя по моей одеждѣ и прислугѣ, говоритъ Горацій: полагали, что я наследникъ богатыхъ и пышныхъ предковъ; а у отца моего былъ только не большой участокъ земли.» Но примѣчательнѣе всего то, что отецъ самъ провожалъ его ко всѣмъ наставникамъ. «Указывая мнѣ на доблести мужей добродѣтельныхъ, прибавляетъ Горацій: и на людей порочныхъ, отецъ мой внушилъ мнѣ уваженіе къ первымъ и

отвращеніе отъ послѣднихъ. Но этотъ же разборъ добродѣтелей и пороковъ нечувствительно заохотилъ меня къ Сатиры.»

Изъ Рима попечительный отецъ отправилъ сына своего въ Аѳины: ему было тогда осмнадцать лѣтъ. Подъ очаровательнымъ небосклономъ Греціи ознакомься съ твореніями Пиндара, онъ одушевлялся его поэзіею и уроками древнихъ Греческихъ философовъ. «По возвращеніи моемъ въ Римъ, говоритъ Горацій: добрый Виргилій представилъ меня Меценату.» Тутъ припомнишь слова поэта.

«Какъ друга я—готовъ соперника обнять.»

Достопамятны и слова Мецента, помѣщенные въ завѣщаніи Императору Августу. «Умоляю тебя, говорилъ онъ, помни о Гораціи, какъ и обо мнѣ.» Августъ приглашалъ поэта въ письмоводители свои; но привыкнувъ къ независимости духа, онъ отказался отъ этой чреды. Августъ не только не сердился, но пригласилъ его быть просто у него жильцемъ и собесѣдникомъ.

Но шуму Рима и великолѣпнымъ чертогамъ Августа, предпочиталъ Горацій сельское уединеніе, гдѣ сочинялъ и Сатиры и искусство поэтическое и посланія дошедшія, до нашихъ временъ и произведшія многихъ подражателей. Нѣкото-

рыя лирическія творенія, оживотворенныя полетомъ Пиндарскихъ одъ; а другія дышатъ слишкомъ вольнымъ Анакреоновскимъ сладострастіемъ. По говору словами трагика: Рима уже не было тогда въ Римъ, Рима Фабриціевъ и Цинцинатовъ.

Депрео-Буало. Кромѣ поэмы: *Le Lutrin*, онъ всѣмъ одолженъ Горацію. Слогъ его чрезвычайно правильный, ясный, но не творческій. Вотъ, какъ объ этомъ говоритъ Вольтеръ въ стихахъ своихъ къ *Гельвецію*, сочинителю поэмы: *счастіе*.

«Другъ милый! Творческій пѣвецъ!

Дай лиру мнѣ свою услышать наконецъ.

Отъ неба получилъ ты пламень вдохновенный

Которымъ *Буало* холодный не горѣлъ;

Въ немъ подражанія духъ видѣнъ неизмѣнный.

Есть творческій полетъ и ризъ есть звукъ пустой:

Даръ творческій кипитъ и онъ сродненъ съ душой.

Быть можетъ, нѣкогда, я пламенѣлъ тѣмъ жаромъ;

А онъ теперь твоимъ сталъ даромъ.

Детушъ. Послѣ Мольера и Ренъяра, онъ считается лучшимъ французскимъ комикомъ. Но въ нашъ XIX вѣкъ и въ *Детушъ*, кажется то тусклымъ подраженіемъ, что въ Шекспирѣ, одушевлено силою творческою. Въ *Детушевой Ко-*

медіи: *Расточительный*, слуга, промотавшемуся своему господину, отдаетъ всѣ свои деньги. *Расточительный* восклицаетъ:

« Не благодарные! вотъ одинъ мой другъ;
О подлецахъ вездѣ кричатъ я буду...

(*Къ слугѣ*) Поди.

Но и это явленіе взято изъ превосходной творческой Шекспировой драмы; изъ *Тимона Нелюдина*. Всѣ мнимые друзья, всѣ ласкатели оставили *разорившагося Тимона*; одинъ вѣрный управитель его предлагаетъ ему помощь. *Тимонъ* восклицаетъ. « У меня былъ управитель и чисто-сердечный и праводушный; и теперь онъ одинъ подаетъ мнѣ руку помощи: это почти перемѣняетъ дикую мою ненависть. Другъ! дай мнѣ на тебя наглядѣться. Простите мнѣ боги! мое негодованіе, мою ярость общую, всемірную, непрерывную. Я возвѣщаю о существованіи *одного честнаго чловѣка*. Вслушайтесь внимательно; прислушайтесь хорошенько! возвѣщаю объ одномъ, объ одномъ и—не болѣе; а этотъ одинъ—управитель. »

У Детуша - *Расточитель* проситъ чтобы слуга вышелъ. Ему стыдно на него смотреть. У Шекспира — *Нелюдимъ* всматривается въ лице

гестнаго челоуька, какъ будто въ какое нибудь чудесное существо; и послѣ различныхъ распроевъ, то вѣря, то не довѣря, трогается до слезъ и наконецъ прогоняетъ управителя.

— Не распространяюсь о *Детушевскихъ* комедіяхъ, изъ которыхъ у насъ нѣкоторыя переведены. У него въ комедіи: *Тщеславный*; находится стихъ о критикѣ, который часто приписываютъ *Буало*.

Вотъ онъ: «La critique est aisée, mais l'art est difficile.»

Буало этаго бы не сказалъ. Критика — искусство; и очень трудное.

За *Детушемъ*, въ примѣчаніяхъ *Сумарокова*, упомянуто о *Еврипидѣ* и *Есхильѣ*.

Очерки о нихъ предложу въ обзорнѣи различныхъ переходоеъ драматическаго искусства.

Камоенсъ родился при наступленіи мореплавательной славы Португаліи и умеръ около 1577 г. въ то время, когда воюя въ Африкѣ, пропалъ какъ будто безъ вѣсти король Себастьянъ. Бурна была юность *Камоенса*, подобно волнамъ того океана, на которомъ онъ плавалъ и гдѣ родилась у него мысль поэмы его *Лузіяды*. Подобна была такъ

же и его участь превратнымъ волнамъ морскимъ. Слава его живетъ и теперь на чредѣ Эпической поэзіи, но море поглотило все имущество его. Въ горестномъ туманѣ исчезаютъ часто свѣтлые дни гениевъ вдохновенныхъ! Это испыталъ и *Коминсъ*. Въ той самой Португаліи, славу которой увѣковѣчилъ онъ поэмою своею, палъ онъ и подѣ бремя болѣзни и еще подѣ тягостнѣйшимъ игомъ нужды. Устрадальческаго одра его остался одинъ только вѣрный Гаванскій невольникъ, которій на улицахъ Лиссабонскихъ, вымаливалъ во имя Божіе насущный хлѣбъ для злополучнаго поэта. А почти въ этоже самое время, *Тассъ*, также влачившій жизнь унылую, приветствуя отважнаго мореходца *Воско-де-Гаму*, восклицалъ: «Герой счастливый! тебя воспѣлъ тотъ великій гений, котораго славный полетъ опередилъ быстроту кораблей, открывшихъ страны, приветствуемья первымъ блескамъ зари, предшествующей свѣтлу дневному.»

Кино, родился въ Парижѣ 1633 г., гдѣ и умеръ 1688 г. *Буало*, неумѣя цѣнить красоту его поэзіи, оживленной чувствомъ и лирическимъ вдохновеніемъ, увѣрялъ, что будто смычокъ *Люли* согрѣвалъ его стихи. Это ложь. Его опера *Армида* стала на ряду съ Армидою поэмы Тасса.

Корнель родился въ Руанѣ, 1606 г. а умеръ въ

рижъ 1685 г. У Корнея, говоритъ Фонтенель, не было ни одного предшественника, который могъ бы руководствовать его на пути трагическомъ. А у Расина — былъ вождь Корнель, Кардиналь *Ришелье*, домогавшійся всѣхъ знаменитостей, и завидуя славу Корнея, гналъ его трагедію *Сидя*; но вопреки ему, *Сидя* Корнея восторжествовалъ на театрѣ.

О *Корнелъ* можно сказать, что онъ былъ, какъ будто выходцемъ изъ временъ древняго Рима. Вотъ любопытное письмо старшаго Бальзака, изъ Рима къ *Корнелю*; Ваша Трагедія исцѣляетъ больныхъ. Я едва отъ простуды могъ говорить; но читая вашу Трагедію, ожилъ вашею славою и потому, голосъ мой громко и справедливо говорить вамъ о славу вашей. Не страшитесь. Духъ вашъ не упадетъ, подъ бременемъ величія римскаго. Вы оживили Римъ въ Парижѣ и перенесли его туда въ цѣлости. Вы представили не Римъ *Кассіодора*, не Римъ, разгромленный *Теодорикомъ*; вы представили Римъ *Тита Ливія*.»

Такъ мыслятъ и въ нашемъ XIX столѣтїи, тотъ, доселѣ неразгаданный человекъ, который, на скаль Еленской, оживотворялся духомъ, трагедій *Корнея*.

Александръ Семеновичъ Шипковъ къ показанію, съ какою творческою силою, Сумароковъ умѣлъ передавать мысли великихъ поэтовъ, приводитъ въ примѣръ отрывки, переведенные имъ изъ Полювкта.

Изъ Полювкта, Корнелиевой Трагедіи. Дѣйствіе IV, явленіе II.

Полювктъ.

Source delicieuse en misere feconde,
Que voulez-vous de moi, flateuses voluptés?
Honteux atachemens de la chair et du monde,
Que ne me quités-vous, quand je vous ai quités?

Стремисься роскошь ты, истотникъ лютой части,
Прельщеньемъ пагубнымъ мои воздвигнуть страсти.
О притяженія плотскихъ мірскихъ заразъ!
Оставьте вы меня, коль я оставилъ васъ.

Въ семъ переводѣ нѣтъ ничего уступающаго смыслу и силѣ подлинника. Далѣе:

Allez, honneurs, plaisirs. qui me livrez guerre,
Toute votre félicité
Sujette à l'instabilité
En moins de rien tombe par terre,

Et comme elle a l'éclat du verre,
Elle en a la fragilité.

Ступайте нынѣ прочь метаніе и смѣхи,
И честь и щастіе и всѣ мои утѣхи;
Искати васъ мое желанье протекло,
Вы свѣтлы таковы и ломки какъ стекло.

Сей переводъ гораздо лучше подлинника. Переводчикъ, избѣгнувъ погрѣшностей, сохранилъ красоты сочинителя. Вольтеръ дѣлаетъ на сіи Корнелиевы стихи слѣдующія замѣчанія: «первое (говоритъ онъ), *tombé par terre*, есть всегда худое выраженіе; причина тому, что *par terre* не нужно и низко: *il est tombé par terre*, говорится только въ просторѣчьи. Второе, *et comme elle a l'éclat du verre, elle en a la fragilité*: мысль сія есть одна изъ тѣхъ мнимыхъ хитростей ума (*soffetti*), за которыми писатели такъ часто гонялись. Не блескъ дѣлаетъ ломкость: драгоценныя каменья гораздо болѣе блещутъ, но весьма крѣпки.» — Оба сіи Вольтеровы замѣчанія нейдутъ къ нашему переводчику. Онъ неимѣетъ сихъ погрѣшностей. У него нѣтъ выраженія подобнаго выраженію *par terre*, и въ стихъ его: *вы свѣтлы таковы и ломки какъ стекло*, нѣтъ того ложнаго уподобленія, какое заключается во Французскихъ стихахъ.

Et comme elle a l'éclat du verre,
Elle en a la fragilité.

Стихи сии говорятъ: *послику оно (щастіе) такъ свѣтло, какъ стекло, то столько же и ломко: следовательно свѣтлости приписываютъ ломкость. Русской стихъ напротивъ и ломкость и свѣтлость приписываетъ стеклу, которое оба сии свойства въ себѣ имѣеть. Далѣе:*

Ainsi n'espérez pas qu' après vous je soupire.
Vous étalez en vain vos charmes impuissans;
Vous me montrez en vain par tout ce vaste empire;
Les ennemis de Dieu pompeux et florissans.

Il étale a son tour de revers équitable,

Par qui les grands sont confondus;

Et les glaives qu'il tient pendus

Sur les plus fortunés coupables,

Sont d'autant plus inévitables

Que leurs coups, sont moins atendus,

Не буду въздыхать о васъ на свѣтъ болѣ:

Не подвергаюся я больше вашей воли.

Вы тщетно смятесь принудить сердце пасть,

Являя Божіихъ враговъ и честь и власть;

На нихъ Богъ яростно десницу простираетъ,

И беззаконниковъ ногами попираетъ.

Хотя не мнать они, что правда имъ грозитъ,

Незапный ихъ ударъ повержетъ и сразитъ.

Сей переводъ, не взирая на уменьшеніе свое двумя стихами, сохраняетъ въ себѣ весь смыслъ и силу подлинника. Далѣе:

Tigre altéré de sang, Décie impitoyable,
Ce dieu t'a trop longtems abandonné les siers;
De ton heureux destin Sois la suite éfroyable:
Le Scythe va venger la Perse et les chrétiens.
Encor un peu plus outre, et ton heure est venue,
Rien ne t'en saurait garantir;
Et la foudre qui va partir,
Toute prête a crever la nue,
Ne peut plus être retenue
Par l'atente du repentir.

Ненасытимый тигръ, Монархъ немилосердый;
Противу Божіихъ рабовъ въ гоненьѣ твердый;
Ты скоро щастливой судьбы узришь конецъ:
Престоль твой зыблется отъ Скифовъ и вѣнецъ:
Пріймешь скоро мзду, которой ждуть тираны,
Отмстится Христіанъ невинна кровь и раны.
Дрожи и трепещи отъ страшнаго часа:
Готова молнія оставить небеса,
И громъ отъ горныхъ мвствъ въ тебя ударить грозно!
Раскаешься тогда, но то ужъ будетъ поздно.

Въ семъ переводѣ, при точномъ сохраненіи смысла, больше жару, силы и звучности, нежели

въ подлинникъ. Переводчикъ не увлекался ни рабскимъ подражаніемъ, ни далекимъ отступленіемъ отъ подлинника. Онъ чувствовалъ, что дополнительные стихи, таковыя напримѣръ, какъ: *prête a crever la lue*, можно выпускать; но заключающихъ въ себѣ главную силу, таковыхъ, какъ: *la foudre varpartir*, не выпускалъ, и старался на своемъ языкѣ, приисканіемъ приличныхъ словъ, выразиться равносильнымъ образомъ:

Готова молнія оставить небеса,

И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударить грозно.

Вотъ что при переводахъ наблюдать должно, и что рѣдко наблюдается.

Въ этихъ стихахъ, говоритъ Сумароковъ: вижу я Омира; четвертое дѣйствіе прекрасно, прибавляетъ онъ; пятое — превосходно и достойно славы лучшихъ трагиковъ въ свѣтѣ.»

Лукавъ, родился въ Корду, около 38 лѣтъ послѣ Р. Х. Осьми лѣтъ привезенъ онъ былъ въ Римъ, гдѣ и воспитывался въ домѣ дяди своего *Сенки*. Неронъ сперва осыпалъ его милостями, а потомъ поразилъ его гоненіемъ за то, что онъ побѣдилъ его въ борьбѣ поэтической. Пылкій Поэтъ, вступая и за себя и за челоувѣчество, терзаемое Нерономъ, вступилъ противъ него въ заговоръ, составленный Пизономъ. Онъ пригово-

ренъ былъ къ такой же казни, отъ которой умеръ и дядя его Сенека, философъ и наставникъ Нерона; т. е. онъ умеръ открытіемъ крови изъ жилъ, недостигнуть еще и тридцати лѣтъ. Онъ назвалъ поэму свою: *Фарсалий*, по имени той битвы, которая побѣдоноснымъ мечемъ Юлія — Кесаря подклонило Римъ и подъ ярмо Тріумвировъ и подъ ярмо Тиверіевъ и Нероновъ. Поэма его дышетъ болѣе историческою нежели стихотворною жизнію. Сильная и мужественная его кисть, нерѣдко однимъ выраженіемъ вполне высказываетъ душу челоуѣка: «Боги, говоритъ онъ; держали сторону Кесаря, а Катонъ отстаивалъ Помпея.» Вольтеръ и Сумароковъ замѣтили въ Лукановой поэмѣ слѣдующія стихи.

Что значить Римскаго величья погребальны,
То призраки тщеславія опальны;
Все будетъ тризною могильной наконецъ:
Созженія огонь тѣмъ торжествамъ вѣнецъ.

Лукрецій родился 656 года отъ основанія Рима и принадлежитъ къ сословію рыцарей. Полагаютъ, что онъ посѣтилъ Аѳины, гдѣ учился у Епикурейца Зенона философіи Епикуровой. Живя въ то время, когда кипѣли кровопролитныя междоусобныя битвы, потрясавшія Римъ и вида

торжество силы и злодѣйства, онъ полагалъ, что міръ земной преданъ на произволь случайности и собственной судьбѣ своей. Но въ то же время, онъ представляетъ и все ужасы разпространенія страстей человѣческихъ. Удалась въ уединеніе отъ волненій общенародныхъ, онъ занялся сочиненіемъ поэмы: *о естествомъ вещей*. Наслаждаясь прелестями сельской природы, онъ одушевилъ ими поэзію свою. Даже и среди отвлеченнѣйшихъ понятій, все дышетъ свѣжею жизнью. Пламенною также кистию изобразилъ онъ любовь, олицетворенною въ *Венеру*. Но, если вѣрить преданію, то или ревность или раздраженная любовь, разстроили его умъ и отравили его жизнь. Полагаютъ, что жена или любовница дали ему отраву. А притомъ въ сердцѣ его обитала та глубокая чувствительность, которая и удваиваетъ прелесть жизни и нерѣдко истомляетъ ее. За эту чувствительность и за нѣжное стремленіе къ дружбѣ, онъ получилъ названіе *любителя*. Какъ бы то ни было, но полагаютъ также, что отраву нерѣдко повергала его въ помѣшательство ума и что онъ въ силѣ возраста своего, кончилъ жизнь самоубійствомъ. *Цицеронъ* издалъ поэму его; хотя *Лукрецію* онъ и нигдѣ не упоминалъ о ней въ сочиненіяхъ своихъ. Она посвящена *Меллию Гемеллу*, бывшему Намѣстникомъ въ Виваніи, куда

сопровождали его поэтъ *Катуль*, Курій *Ниціасъ*— знаменитый грамматикъ и наконецъ *Лукрецій*.

Малербъ. Лирикъ родился въ Нормандіи около 1555, умеръ въ Парижъ 1628 года.

«Наконецъ явился *Малербъ*, говоритъ Буало: и онъ вдохнулъ въ поэзію созвучность и плавность.» Но по замѣчанію старшаго *Бальзака*, и въ *Монтень*, былъ слогъ сильный, звучный и мужественный. Душа его была краснорѣчива и высказывалась выраженіями мужественными.» А къ этой душѣ краснорѣчивой прислушивался поэтъ Байронъ и каждое утро прочитывалъ изъ *Монтаня* по нѣскольку главъ. Поэзія въ душѣ слова, а не въ счетъ и не въ размѣръ строкъ. Всѣмъ извѣстны стансы *Малерба*, на смерть дочери Президента *Дюперье*, дышащія такимъ сильнымъ и глубокимъ чувствомъ. — Должно также замѣтить что онъ жилъ въ царствованіе 6 французскихъ Королей.

Менандръ. Афинянинъ и ученикъ *Феофраста*, которому *Лабрюеръ* подражалъ въ своихъ очеркахъ нравовъ; родился въ 109-й Олимпіадѣ. — «*Менандръ* говоритъ *Сумароковъ*: — лучший комическій греческій писатель. Современники ува-

жали его и некоторые изъ тогдашнихъ владѣльцевъ приглашали ко двору своему; но предпочитая жизнь въ отечествѣ всѣмъ лестнымъ вызовамъ, онъ не оставлялъ Аѳинъ, гдѣ нѣжное сердце его услаждалось дружбою и любовью.» И Квинтиліанъ такого же мнѣнія о Менандрѣ.

Мильтонъ родился въ Лондонѣ 1606 года. Сумароковъ называетъ *Потерянный Рай* — поэмою вдохновенною и въ этомъ выраженіи заключается главная жизнь Мильтоновой поэмы. И такъ не входя ни въ какія оговорки о семъ превосходномъ твореніи, упомяну только, чему послѣ смерти писателей нерѣдко подвергаются сочиненія ихъ. Около 1752 г. Шотландецъ *Лаудеръ* вздумалъ увѣрять, будто бы Мильтонъ, поэму свою заимствовалъ изъ книги Карла перваго, сочиненной пухъ въ темницѣ. Но клевета обнаружилась — и пальмы поэта Альбіонскаго разцвѣли съ новымъ блескомъ. Замѣтили только, что Мильтонъ включилъ въ поэму свою нѣсколько стиховъ изъ трагедіи Гроція: *Изгнаніе Адама*. Но развѣ можно упрекать Еврепида, за то, что въ хорѣ своей *Ифигеніи*, онъ подражалъ второй пѣсни Иліады. Напротивъ того, Аѳиняне съ восторгомъ приветствовали рукоплесканіемъ Еврепида за то, что

онъ подражая Омиру, принесть памяти его новую дань уваженія.

Мольеръ. Подражая древнимъ комическимъ писателямъ, онъ говорилъ, что пользуется законнымъ правомъ переселять въ комедіи свои, все хорошее, гдѣ бы его не встрѣтилъ. Комедіи его всѣмъ извѣстны. Примѣчательно то, что при появленіи комедіи его: *Документы* (les Fâcheux), на него возстали и придворные и Парижскій большой свѣтъ. «Онъ все увеличиваетъ; у него слогъ и картины перепутаны.» Замѣчаетъ и Сумароковъ, что у Мольера не всѣ развязки удачны и это справедливо. Но върнѣ всего то, что одна изъ Мольеровыхъ комедій: LES PRÉCIEUSES RIDICULES, нанесла рѣшительный ударъ тогдашней ходульной словесности. Послѣ перваго представленія этой комедіи, умный *Ренбергъ* сказалъ *Шапелену*, извѣстному напыщенностью слога своего:

«Мы съ вами одобряли то, что такъ пересуждено остроумно и съ такимъ здравымъ смысломъ. Повѣрьте: намъ придется сжечь то, что мы обожали, и обожать то — что мы сожгли.»

Овидій. «Кромѣ извѣстныхъ сочиненій Овидія, говоритъ Сумароковъ: отъ времени утратились

его поэтическія лѣтописи и трагедія *Медел*, объ которой отзывается съ похвалою Квинтиліанъ, Тацитъ и другіе.» Овидій шелъ сперва цвѣтущимъ путемъ и жизни и Поэзіи. Императоръ Августъ и дворъ его къ нему расположены были благосклонно; но внезапно при томъ самомъ дворъ какая-то не разгаданная тайна отуманила на всегда жребій его. Августъ сослалъ его на берега Чернаго моря, въ мѣсто, прослывшее подъ именемъ *Овидіополя*, гдѣ изливалъ онъ грусть свою въ унылыхъ Элегіяхъ. Тщетно умолялъ онъ Императора возвратить его изъ тягостной ссылки. Мрачный Тиверій, непреклонный и къ слезамъ и къ дарованіямъ поэта, отвергалъ съ такимъ же ожесточеніемъ его прошенія; въ седьмой годъ царствованія своего, заставилъ онъ злополучнаго Овидія сойти преждевременно въ могилу. Въ извѣстной поэмѣ своей: *искусство любить*, изображая скоротечность нашихъ красныхъ дней, онъ совѣтуетъ юнымъ Римлянамъ украшать свой умъ и особенно усовершенствоваться въ природномъ словѣ. *Героиды* его привлекательны и воображеніемъ и глубокимъ знаніемъ *Мифологіи*. Онъ также первый издалъ и *Превращенія* и поэтическія *Лѣтописи*. Полагаютъ, что онъ также проложилъ стезю къ *романамъ*; но лица его извѣстные, а вымысль зак-

лучается только въ рѣчахъ. Онъ передалъ весь жаръ чувства своего Пенелопѣ, Геро, Аріанѣ, Сафо. Въ плачевныхъ Элегіяхъ своихъ, онъ описываетъ свирѣпья племена, непрестанно угрожавшія мѣстопробыванію его. Описываетъ зиму, оковывавшую льдомъ и Дунай и море; описываетъ грозный шумъ потоковъ въ то время, когда снѣгъ исчезаетъ на вершинахъ горъ и когда луга испещряются цвѣтами.»

Горестенъ былъ его жребій, но жаль, что увлекаясь лестію, онъ называлъ Августа видимымъ богомъ міра и возжигалъ олимпіамъ его статуи и даже статуи Тиверіа. Поэтической духъ его упадаетъ подъ бременемъ гнѣвной судьбы.

Омиръ. Изъ Греческихъ поэтовъ, Эсхиль, первый называлъ свои трагедіи *отблесками Омировыхъ поэмъ*; а у насъ, какъ уже было сказано, Сумароковъ прежде всѣхъ показалъ, что Омировы поэмы предшествовали и грамматикъ и риторикъ и что поэзія его одушевила греческую словесность. Въ первой части Очерковъ жизни Сумарокова, я предложилъ свидетельства о томъ — новыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ древнія *Тивы*, что Омиръ въ *Илліадѣ* своей подражалъ памятникамъ *Фивскимъ*. А здѣсь упомяну

только и къ славъ Омира и къ торжеству творческой поэзіи, что она во всѣ времена дѣйствуетъ на души, способныя чувствовать вдохновенія генія. На островѣ Елены, герой XIX столѣтія, порицая нѣкоторые вымыслы, включенные *Виргиліемъ* въ *Энеиду*, говоритъ: «еслибъ *Омиръ* описывалъ взятіе Трои, онъ не вывелъ бы деревяннаго *Виргиліева* коня въ которомъ укрывались Греки. Читая *Илліаду*, видишь непрестанно, что *Омиръ* участвовалъ въ подвигахъ военныхъ и что истолкователи его ошибаются, будто бы онъ провелъ всю жизнь свою въ училищахъ города *Хіо*. А читая *Энеиду* видишь школьнаго учителя, который самъ ничего не дѣлалъ. Еслибъ самъ *Агамемнонъ* велъ поденныя записки, то онъ невѣрнѣе бы были *Илліады* и въ означеніи мѣстъ и въ правдоподобіи дѣйствій военныхъ. Это вѣнецъ *Омира*.»

И повторимъ еще: это и вѣнецъ поэзіи вдохновенной.

Персій, уроженецъ *Етрурскій*, жилъ при *Неронѣ*, видѣлъ быстрые успѣхи разврата, но былъ непоколебимъ въ правилахъ добродѣтели, замѣштаннѣхъ имъ у наставника своего *Стойка Корнана*. Твердость духа его тѣмъ удивитель-

нѣе, что онъ прибылъ въ Римъ осмнадцати, а умеръ двадцати осьми лѣтъ. Въ слоги его сжатомъ и сильномъ, остался отголосокъ мужественной его души. Шестъ его Сатиръ — живая исторія нравовъ времени Нерона, достойныхъ Нерона, изображеннаго потомъ Тацитомъ.

Пиндаръ, уроженецъ Ѡивскій, жилъ до Р. Х. за 470 л. Изъ многочисленныхъ его сочиненій, по замѣчанію Сумарокова: остались однѣ однѣ посвященныя играмъ Олимпійскимъ, Истмискимъ, Пивискимъ и Немейскимъ. Но съ громкими звуками лирными, сливались и душевныя вдохновенія о судьбѣ человѣческой. Какъ будто подражая древнимъ Египтянамъ, которые во время пиршественнаго ликованія, въ воспоминаніе скоротечности жизни, ставили на столъ черепъ могильный. И Пиндаръ, среди ристалищъ великольныхъ, среди торжества соединенной Греціи и среди радостныхъ кликовъ, зазывалъ мысли слушателей своихъ урокомъ опыта. Изчисляя дары счастья, онъ напоминалъ и о быстрыхъ его превратностяхъ. «Счастіе какъ будто играетъ, восклицалъ онъ: желаніями смертныхъ, то возносящихся, то пресмыкающихся и нерѣдко быстро переносящихся отъ мечты къ мечтѣ.» И такія слова излетали изъ устъ его съ почст-

наго мѣста, которое нарочно съ особеннымъ украшеніемъ устраивалось для него на играхъ. Известно также, что спустя 100 л. послѣ смерти перваго греческаго лирика, Александръ Македонскій предавъ Ѡивы, родину Пиндара — пламени, пощадилъ домъ поэта.

Плавтъ—названный *отцемъ Римской комедіи*, родился за 237 л. до Р. Х. въ *Сарзинѣ* — деревнѣ *Омбрійской*. При Варронѣ ему приписывали сто двадцать комедій, но Варронъ признавалъ подлинными только двадцать одну. Изъ двадцати, дошедшихъ до насъ, отличается *Амфитрионъ*, которому такъ счастливо подражалъ *Мольеръ*. Изъ комедій *Шкатулки* или *Ларники*, Французскій комикъ заимствовалъ счастливѣйшія свои черты. Комедіи его *Живой Мертвецъ*, подражалъ *Реньяръ*, въ своей комедіи: *Негальное Возращеніе*, а *Детушъ* подражалъ ей въ своемъ *Ногнонѣ Барбантѣ*. Наконецъ комедія его *Менехмы* или *Близнецы*, перешла на всѣ Европейскіе театры. Но если новые комики подражали Плавту, за то и онъ заимствовалъ у Грековъ и завязки и ходъ и весь внѣшній объемъ комическій. Однако это не препятствовало успѣхамъ его и, по словамъ Варрона, еслибъ Музы хотѣли объясняться по

латынь, то онъ заговорилъ бы его языкомъ. Цицеронъ также выхвалялъ золотой и острый слогъ его. Но при Августъ, когда нравы и нарѣчія стали утончаться, многія выраженія его показались грубыми отъ того, что вкусъ перемѣнился.

Попъ. Сумароковъ отдаетъ справедливость переводу *Поповскаго*: *Опыта о челоуѣкѣ*, Англійскаго поэта. А Вольтеръ говоритъ, что Попъ въ поэзіи своей смягчилъ дикіе звуки Англійскаго языка. «Его, прибавляетъ онъ; легче всѣхъ переводить, потому что онъ вездѣ вразумителенъ и что предметы его произведеній относятся къ общей словесности.

Проперцій, жилъ въ царствованіе Августа, въ дружественной связи съ Корнеліемъ Галомъ, Меценатомъ и Виргиліемъ. Любовь была душою его Элегій и ему принадлежитъ выраженіе, повторенное баснописцемъ Лафонтеномъ и другими «*Любовь! ты погубила Трою!*» Меценатъ вызывалъ его, чтобы онъ на лирѣ прогремѣлъ хвалу новымъ торжествамъ Августа; но онъ не могъ измѣнить лирѣ Элегической. Замѣчаютъ однако, что онъ въ сильныхъ стихахъ воспѣлъ будущее разбитіе Парѣянъ, разбившихъ *Красса*, известнаго богатствомъ и составлявшимъ триумвиратъ съ Кесаремъ

и Помпею. Онъ воспѣлъ также и битву Акциумскую, предавшую Августу владычество надъ древнимъ міромъ. Въ Петраркѣ, слышимъ отголосокъ Элегій Проперція.

Расинъ, любимый трагикъ А. П. Сумарокова. И упрекнемъ ли, повторяю и здѣсь, упрекнемъ ли *Отца Русскаго театра* въ томъ, что онъ отъ полноты сердца говорилъ современникамъ своимъ «Я явилъ вамъ театръ Расиновъ!» Другаго театра и не могъ онъ тогда представить; тогда духъ времени искалъ, требовалъ и наслаждался одними вдохновеніями сердечными; тогда еще бури политическія не вызывали громоносныхъ движеній Шекспира. Сумароковъ назвалъ Расина: *французскимъ Евриподомъ*. Въ третьемъ дѣйствіи *Митридата*, рѣчь сего непреклоннаго врага всемірнаго Римскаго владычества, онъ называетъ: рѣчью, вдохновенною душою Омира. И къ этому прибавляетъ: «вотъ какъ ошибаются тѣ, которые приписываютъ Расину одну нѣжность.»

Но нашъ Русскій трагикъ не ослѣпленъ пристрастіемъ и къ Расину. Въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, въ монологъ Митридата, есть, говоритъ онъ, не только недостойное Расина, но даже недостойное и дѣйствія комическаго.»

Митридатъ , волнуемый недоумѣніемъ , восклицаетъ :

Какихъ ; свидѣтелей , какихъ примѣтъ искать ?
Нѣтъ ! хитрость небо мнѣ само теперь внушаетъ ;
Что льстить любви , ее легко то обличаетъ .
Царицу позову ; — ея смущенный взглядъ
Не скроетъ отъ меня любви коварной ядъ .

Тутъ же , по остроумному замѣчанію Сумарокова , трагедія переходитъ въ продѣлки Скопцовскія ; и герой Азім уцѣпляется за хитрости Фигаро . А этого не замѣтили ни Вольтеръ , ни Лагарпъ . Вольтеръ только признается , что иностранцы называютъ нѣкоторыя лица Расиновыхъ трагедій сколками съ французскихъ щеголеватыхъ маркизовъ и проч . а къ этому прибавляетъ : « Расинъ принесть эту дань своему времени . » Тоже отчасти дѣлалъ и Сумароковъ .

Такой же вѣрный взглядъ у Сумарокова и на Ифигенію Расина . Вольтеръ хвалитъ второе дѣйствіе ; а Сумароковъ говоритъ : « Первое явленіе втораго дѣйствія меня не трогаетъ , а усыпляетъ ; появленіе *Ерифиллы* , отнимаетъ силу и у трагедіи . Второе явленіе хорошо ; хороши и нѣкоторыя другія и пораженіе театральное было бы сильно , ес-

любъ не было *Ерифилы*.» Съ такою же отчетливостью разбираетъ Сумароковъ и другія трагедіи, любимаго своея трагика. Разсматривая Федру, онъ указываетъ и на то, что Расинъ заимствовалъ у Еврипида.

Сумароковъ перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ Федры; предлагаю описаніе чудовища, ополчившагося на Иполита.»

»Ужасный страшный вопль изшелъ на насъ
изъ волнъ,

»Весь воздухъ возмутилъ, и воздухъ сталъ имъ
полнъ.

»Земля изъ чреслъ своихъ подобно восклицала,

»И гласу глубины стоная отвѣчала.

»Злой трепеть застужалъ въ насъ кровь во злы
часы:

»Отъ страха, конскихъ гривъ вздымались власы.

»Воздвиглись на хребтъ текуція долины,

»Кипящая гора, изъ водныя середины.

»Валъ ближится, біеть, разить, ломаясь въ брегъ

»И въ пѣнъ на брега чудовище извергъ.

»Широкое чело рогами вооружено

»И желтой коркою все тѣло покровенно:

»Дичайшій былъ то волъ , прегрозный былъ то
змій,

»Онъ хвостъ віющійся, віяся влекъ землей
»Дрожали берега, его пречуднымъ ревомъ,
»И небо на него гнушаясь зрѣло съ гнѣвомъ;
»Земля пугалась имъ, испорченъ воздухъ сталъ,
»И валъ, что несъ его, со страхомъ утекалъ. «

Руссо. Лирикъ. Показано, что поэзія его упала въ мнѣніи нынѣшняго вѣка, отъ того, что онъ занимаясь разлетными стихотвореніями, не держался ни какой определенной, положительной цѣли, относящейся къ жребію человечества и переживающей мимо-летныя цвѣты.

«*Сафо.* «Ея Элегіи и другія стихотворенія говорятъ Сумароковъ: выхваляли Сократъ, Аристотель, Страбонъ, Діонисій Галикарнасскій, Лонгинъ и Императоръ Юліанъ. А Овидій подражалъ ей въ выраженіяхъ, относящихся къ чувству сердечному.

Торковато-Тассо. Силою творческаго духа своего, *Тассъ* самъ чувствовалъ, что включенные имъ вымыслы въ *Освобожденный Іерусалимъ* о волшебствѣ Армиды и другіе подобные, не соответствуютъ величію предмета, и потому намъ-ренъ былъ въ поэмѣ своей подъ заглавіемъ: *Іерусалимъ завоеванный*, многое перемѣнить. Но

известно, что преждевременная кончина лишила Тасса и сына — въ Ковитоліи и возможности исполнить новый подвигъ поэтической. Впрочемъ, содержаніе предполагаемой поэмы, подробно объяснено въ письмѣ, отысканомъ *Дероде-Ламалемъ* и препровожденномъ къ *Мишо*, сочинителю исторіи о крестовыхъ походахъ. Въ этомъ письмѣ Тассъ говоритъ: «Человѣкъ, обладающій предметомъ своимъ, долженъ уметь судить себя.» Горестныя превратности жизни злополучнаго Торквато, который изъ великолѣпныхъ Княжескихъ палатъ, перешелъ въ домъ страждущихъ отсутствіемъ ума, препятствовали подарить потомство новымъ безсмертнымъ твореніемъ. Но онъ указалъ къ нему путь: и слава тому кто пожнетъ тѣ палмы, которыя смерть похитила изъ рукъ великаго поэта Италіи, гдѣ и въ первомъ видѣ своемъ, поэма его сдѣлалась поэмою народною.

«*Теренцій*, говоритъ Сумароковъ: превосходнѣйшій римскій комикъ, родился въ Карфагенахъ, во вторую Пуническую войну, въ 560 г. отъ основанія Рима. Онъ былъ въ числѣ невольниковъ сенатора *Теренція Лукана*. Видя природныя его способности, достойный римскій сенаторъ, доставилъ ему и воспитаніе и свободу и

по принятому обыкновению передалъ ему имя свое. Лелій и Циціонъ Африканскій обходились съ нимъ на дружеской ногъ. Вотъ названіе шести оставшихся его комедій: *Аріена*, (*Ἠσαυτοντιμογιμενος*) или человекъ самъ себя наказывающій, *Гесура или Магика*, *Форміонъ*, *Евнухъ Адельфы*. Последнія принятія съ громкими рукоплесканіями, выдержали въ одинъ день два представленія.

Но нѣтъ розы безъ шиповъ. Зависть распукала молву, будтобы Теренцій выдаетъ подъ своимъ именемъ чужія произведенія и будто бы онъ особенно принадлежать Лелію и Циціону. Досадуя на эту молву, Теренцій изъ Рима удалился въ Грецію. Одни полагаютъ, что онъ умеръ возвращаясь моремъ изъ Греціи въ Римъ, другіе пишутъ, что онъ кончилъ жизнь въ Аркадіи, въ городъ Сямифиль, пораженный горестью о потерѣ перевода своего комедіи *Менандра* и объ утратѣ новыхъ своихъ произведеній. Отличался чистотою и легкостью слога онъ былъ искуснымъ живописцемъ природы и нравовъ.

Тибулъ, былъ другомъ Горація и Овидія. Элегія его дышатъ нежнымъ чувствомъ и, какъ будто, отголоскомъ того золотого времени, когда счастливый смертный довольствовался вдохнове-

ніями души и простыми дарами щедрой природы. Въ одной изъ элелій своихъ , онъ восклицаетъ: «Слава жатвамъ ! слава обильному винограду! О Боги! подкрѣпляютъ насъ помощію своею! Не отвергайте даровъ отъ убогой трапезы и скудныхъ сосудовъ! Они напоминаютъ о земледѣльцахъ первыхъ дней міра!» Съ такими чувствами , трудно было учиться въ Римъ, въ то время , когда роскошь Азіятская , замѣнила тѣ дни, когда прежніе Римляне переходили отъ сохи на чреду Диктаторовъ. Тибуль исчезъ въ юности лѣтъ.

Лафонтенъ. «Кажется, говоритъ Сумароковъ: что сами Музы сочинили басни и сказки его.

Шекспиръ. Сумароковъ, первый изъ Русскихъ писателей ознакомилъ насъ съ именемъ и театромъ Шекспира. Увлекаясь мненіемъ Вольтера, онъ говорилъ, что у Шекспира *очень много худого и чрезвычайно много хорошаго.* Но въ наше время, то самое, что казалось въ Англійскомъ поэтѣ дикимъ и несообразнымъ съ величіемъ трагедіи, оказалось, говоря словами Гете: золотыми плодами , которые Шекспиръ на золотомъ блюдѣ подноситъ всему человѣчеству. Это суцная правда.

Изъ всѣхъ драматическихкихъ писателей древнихъ

и новыхъ, одного только *Шекспира* можно назвать современникомъ всѣхъ вѣковъ и жителемъ всѣхъ странъ. Рѣдко заглядывая въ мѣръ, такъ называемый блестящій и образованный, онъ жилъ въ общемъ мѣръ человѣческомъ; зоркою мыслию наблюдалъ всѣ движенія, всѣ переходы страстей, а по вдохновенію души своей, создалъ неподражаемый мѣръ драматической. Онъ, такъ сказать переселилъ въ него весь объемъ и всѣ волненія нашей земной вселенной. Духъ его парилъ надъ нею; взоръ его все осмотрѣлъ; а слова и сердце все высказали. Въ Римѣ драматическомъ, онъ былъ Римляниномъ; въ Аѳинахъ—Грекомъ; въ отечествѣ своемъ — историкомъ Англіи; а болѣе всего вездѣ былъ человѣкомъ, вступающимъ за человечество. Никому не передалъ онъ своей тайны; но самыя драмы за него говорятъ: «онъ все читалъ и все сообразилъ глубокою мыслию!» А потому театръ его — театръ всемірный. Но кромѣ Англіи, онъ около трехъ столѣтій затанавливался въ могилѣ, въ ожиданіи возрожденія; во второй половинѣ оснадцатаго столѣтія, при появленіи французской словестности, онъ сталъ колебаться. Наконецъ *Самуилъ Джонсонъ*, новымъ изданіемъ его драмъ, началъ его пробуждать; а нашъ вѣкъ воскресилъ и привѣтствовалъ его рукоплесканіями. Вольтеръ видѣлъ драмы его на

Лондонскомъ театрѣ, дивился его полету, но все однако назвалъ его: *геніемъ дикимъ* и *недозрѣлымъ*; стараясь иногда подражать ему но подражанія его доказываютъ, что въ душѣ есть вдохновенія, предъ которыми гаснутъ все усилія искусства. Трудно было ему выпутаться изъ драматическихъ оковъ вѣка Лудовика XIV; трудно было ему убѣдиться, что тогдашнія приличія драматическія, были часто одною клеветою на природу. Не то стало въ нашемъ XIX столѣтіи. 1832 г. Вильменъ, говоря о Вольтерѣ, сказалъ: «Вольтеръ назвалъ шекспира *недозрѣлымъ геніемъ*, но онъ хорошо бы сдѣлалъ еслибъ бралъ уроки у этаго *недозрѣлаго генія*. Вольтеръ не могъ брать уроки у Шекспира, а еслибъ даже и понималъ его душу, то тогдашніе парижскіе зрители не понялибъ Волтера. Мелочный духъ большаго свѣта, отживавшей Франціи окидывалъ мншурною завѣсою все душевное и все творческое. Разсматривая произведенія *Монтескю*, Вильменъ говоритъ: «Сколько предметовъ, чуждыхъ счастливой нѣгѣ его вѣка, предъявилъ онъ сплюю генія своего!» Несправедливо Вильменъ называетъ вѣкъ нѣги и безопасности *счастливымъ*: онъ видѣлъ, что изъ этой безпечной дремоты загремѣло въ часъ роковой; зашумѣла буря, разлетѣвшаяся по областямъ европейскимъ въ громахъ и молніяхъ, и

она, какъ будто вызвала *Шекспира* изъ трехъ вѣковъ сна могильнаго. Не знаю, еслибъ дѣйствительно онъ пробудился и взглянулъ на новый европейскій міръ, повторилъ бы онъ то, что сказалъ въ одной изъ своихъ трагедій: «о небо все-видящее! что это за свѣтъ такой?» Тѣнь его бевмолствовала но вмѣстѣ съ проявленіемъ его трагедій, мысль европейская съ какимъ то стыдомъ взглянула на оковы, такъ называемаго *классицизма*. Необычайныя событія нашего вѣка, вызвали и необычайный драматическій міръ Шекспира.

Ювеналъ, уроженецъ Акипумисскій. Подобно *Луцинію*, вооружался онъ на пороки, подобно *Персію*, любилъ чистую нравственность и добродѣтель.

У него небыло тонкаго ума *Горація*, но онъ превосходитъ и его и двухъ упомянутыхъ сатириковъ, сильною, непреклонною ненавистью къ общему разврату его вѣка. Ужасною, но разительною и вѣрною кистію, изобразилъ онъ картину тогдашнихъ нравовъ. Гонимый врагами добродѣтели, онъ, подъ предлогомъ начальства надъ римскою когортою, сосланъ былъ въ Египетъ на осмидесятомъ году жизни своей. Но посмерти главнаго врага своего *Париса*, былъ отъ туда вызванъ и кончилъ жизнь свою при *Адрианѣ*.

Теокритъ. Ураженецъ Сиракузскій. Хотя современникъ его Птоломей Филадельфъ заманилъ его въ Египетъ къ блистательному своему двору; но онъ тамъ не утратилъ живаго вдохновенія природы. Стихотворенія его состоятъ изъ тридцати идиллій и двадцати двухъ эпиграмъ или надписей. Впрочемъ у него не всѣ идилліи пастушескія. Въ нихъ включены и небольшія поэмы, между которыми особенно отличается поэма: *Сиракузанки празднуюція Адониса*.

Фондель. Сумароковъ называетъ его Голландскимъ *Виргиліемъ* и онъ первый извѣстилъ у насъ, что этотъ трагикъ, жившій въ XVII столѣтіи, отличался трагическимъ искусствомъ.

Вотъ что говоритъ о Фондель почтеннѣйшій П. А. Корсаковъ, передавшій душу поэзіи древней Батавіи:

«Всѣ часы, свободные отъ лавочныхъ занятій своихъ, посвящалъ онъ чтенію и успѣлъ узнать — вещь не слишкомъ трудную въ его время, — успѣлъ узнать все, что было лучшаго въ тогдашней голландской литературѣ. Томимый жаждою познаній и любопытствомъ сроднится съ новыми образцами, онъ, самоучкой, освоился съ

языками нѣмецкимъ и французскимъ , пополнилъ недостатокъ своего воспитанія основательнымъ изученіемъ языка латинскаго и, двадцати шести лѣтъ отъ роду, могъ уже переводить прозою и стихами *Виргілія* , *Овидія* и *Горація*. И проч. и проч.

СТАТЬЯ ДВЕНАДЦАТАЯ.

**ПРИМѢРЫ РАЗЛИЧНЫХЪ СЛГОВЪ
СУМАРОКОВА ВЪ ПРОЗѢ И НОВОЕ СБЛИ-
ЖЕНІЕ МЫСЛЕЙ ЕГО СЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ
И НИКОЛЕВЫМЪ.**

1

2

3

4

5

УВАЖЕНІЕ Сумарокова къ памяти Ломоносова; новое свидѣтельство о вниманіи ихъ къ слову отечественному.

Мы нерѣдко торопимся дарить безсмертіемъ современныхъ писателей при жизни ихъ, и едва охладѣетъ перо въ ихъ рукъ; мы какъ будто стыдятся возжигаемаго имъ виміама, торопимся срывать пальмы съ ихъ могилъ. Не такъ, повторю и здѣсь: поступалъ Сумароковъ. Давно уже смолкла громкая лира Ломоносова, а Сумароковъ среди всѣхъ волненій тревожной жизни, вызывая память современника своего, внимательно разбиралъ

его оды; безпристрастно отличалъ превосходное отъ посредственнаго, а посредственное отъ слабаго. Гдѣ же вовсе исчезали лирическіе звуки Ломоносова, тамъ онъ просто говорилъ: «объ этомъ ничего не скажу.» Вотъ *разборъ* и *разборъ* благонамѣренный; ибо въ немъ нѣтъ и капли той ѣдкой желчи, которою зависть ополчаетъ стрѣлы свои. Замѣтимъ также, что Сумароковъ не допытывался у могилы Ломоносова: «зачѣмъ онъ писалъ то, а недругое?» онъ только разъ упомянулъ, что еслибъ Ломоносовъ не выходилъ изъ области лирической, то въ стихахъ его было бы болѣе жизни роднаго слова. Одинъ только разъ онъ это замѣтилъ; а впрочемъ присматривается къ сочетанію словъ и прислушивается въ Ломоносовѣ къ музыкѣ поэзіи. Въ доказательство этаго приведу по нѣскольку строфъ изъ одъ Ломоносова, раздѣленныя, какъ выше было сказано, на три степени.

Въ *первой* одѣ Сумароковъ на чреду прекраснѣйшихъ строфъ возводитъ двадцать вторую и двадцать пятую строфы, дышущія мирными звуками. Во *второй* отличаетъ вторую строфу, одушевленную, говоря словами Сумарокова: «живымъ духомъ лирическимъ.»

«Взнесись превыше молній, муза!
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орель.»

Въ третьей особенно замѣчаетъ строфу двѣнадцатую; въ которой Лирикъ — предсказываетъ неизмѣнное счастье Россіи. Въ *четвертой* отдаетъ преимущество строфамъ осьмой, девятнадцатой и двадцать первой. И такъ далѣе. Подлинныхъ строфъ, означаемыхъ Сумароковымъ, приводитъ трудно потому, что одамъ Ломоносова были различны изданія. Н. П. въ одѣ:

«Уже врата отверзло лето.» и проч.

Только четырнадцать строфъ; а по цифрамъ Сумарокова свыше двадцати. Впрочемъ, какъ бы то ни было, по любопытные, заглянувъ въ десятую часть, увидятъ почти двѣ цѣлыя страницы наполнены циферными указаніями на различныя степени одъ Ломоносова. Прибавимъ, что онъ даже защищалъ оды Ломоносова отъ нападковъ *Тредьяковскаго*. (*)

Одинъ очень умный изъ нашихъ новыхъ писателей, извѣщая о новомъ изданіи сочиненій Ломоносова, говорить, что нашъ поэтъ, подражая *Гюнтеру*, писалъ на различные случаи со-

(*) Часть X. стр. 94.

временные; а потому не вдаваясь въ разборъ одъ, онъ замѣтилъ только слѣдующіе стихи оды, выбранной изъ *Иова*:

«Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить?»

Нестану упоминать, что можно было бы при чтеніи одъ Ломоносова, сдѣлать тоже, что сдѣлалъ Сумароковъ; то есть: отличить разныя степени строфъ и показать, что въ нихъ сохранило прежнюю жизнь и какія выраженія устарѣли, замѣчу только, что съ движеніемъ общества перемѣняются не только мнѣнія политическія, но и то, что относится къ поэзіи. У насъ теперь требуютъ *Положительнаго*. Но что такое *положительное*? Толи, что не зависитъ ни отъ перелета столѣтій и ни какихъ превратностей историческихъ? А много ли по нынѣшнему выраженію: такихъ *мировыхъ мыслей*? Въ міръ духовномъ Богъ и вѣра; въ міръ видимомъ — природа и человѣкъ; въ міръ душевномъ *геній*. Геній поэзіи, геній законодательства; геній устроитель блага человѣчества. Вотъ что всплываетъ надъ бездною временъ и дотолъ будетъ жить, доколѣ вмѣстѣ съ словомъ человѣческимъ не обезмолвствуетъ вся

природа. Но взглянувъ на вѣкъ Ломоносова, увидимъ, что для него поэзія его не была *предположительною*; она была для него внутреннимъ убѣжденіемъ; слѣдственно: была поэзією: *положительною*. Сумароковъ, впрочемъ, и тогда уже предвидѣлъ, что выраженія:

«Цѣлуйтесь громы съ тишиною;
Упейтесь молвіи росю:»

Выйдутъ изъ употребленія. А зять его Княжнинъ сказалъ:

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать;
Онъ всегда Екатерину,
За рюемой безъ-ума гонясь,
Уподобляли райску криву.»

Съ Державинымъ слогъ одъ перемѣнился. Но должно съ историческою истиною замѣтить, что двѣ сказки Екатерины: «Хлоръ царевичъ и Февей:» открыли новое поприще ея поэту: она окрылила его мысль. Но не прошло еще столѣтій: а и въ этой мысли не находятъ: полной, положительной поэзіи. Оды смолкли. Явилась поэзія *исопредѣленная*, *тоскливая*: возстаютъ и противъ нее. Надлежало бы однако сказать: «от-

чего громаы лирическіе спали — на слезливую тоскливость?» У насъ въ чрезвычайномъ ходу изрѣченіе *Бональда*: «Словесность — выраженіе общества.» Въ древней Греціи давно сказано было, что съ измѣненіемъ нравовъ измѣнялась и слово народное. «Въ прошедшемъ вѣкѣ 1751 года, Вольтеръ сказалъ: «поэзія и витійство высказываютъ свойство народовъ.»

Требуютъ у насъ *положительнаго* и не объясняютъ значенія этого слова; вооружаются на туманную, мечтательную слезливость; и также непредъявляютъ причинъ: отъ чего наполнила она и мысли и перья новыхъ писателей. Сильно возстаютъ на эту слезливость *Филаретъ Шаль*, но онъ явственно и опредѣлительно говоритъ, что причиною упадка вдохновенной поэзіи въ Европѣ — *китайская ничтожность*, закравшаяся въ бытъ общественный и стѣснившая пареніе духа. Онъ правъ. Въ мірѣ поэзіи ничтожность отнимаетъ у души порывы вдохновенія; въ мірѣ общественномъ, такая же ничтожность разсѣиваетъ и увлекаетъ вихремъ своимъ мысли и душу. Объ этой Европейской болѣзни *Жанъ-Жакъ Руссо* писалъ еще въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка. А сколько съ того времени промелькнуло великихъ событій! И среди сихъ громкихъ событій разда-

вался голосъ чловѣка необычайнаго: «отъ величественнаго до смѣшнаго — одинъ шагъ!» Такъ трудно возвратиться на стезю природы и разсудка, съ которой мелочныя пречуды сводять быть общественный.

Тоже бываетъ и съ словомъ чловѣческимъ и съ словомъ роднымъ. Легко изказать ихъ; легко затѣснять ихъ чужезычіемъ: но трудно возвращать къ первоначальному ихъ источнику. Вотъ почему, скажу и здѣсь: что два первые основатели новой нашей словесности: Сумароковъ и Ломоносовъ дорожили отечественнымъ словомъ, какъ заветнымъ сокровищемъ. Упомянувъ о пользѣ, принесенной славянскимъ словомъ Русскому языку, Ломоносовъ говорить: «сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славянскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣе-причастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупотребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.»

Говорилъ и Сумароковъ, что съ отмиженіемъ глаголовъ славянскихъ утратилась сила въ нѣкоторыхъ нашихъ выраженіяхъ. Потомъ прибавлялъ: лишились мы точности и силы въ глаголахъ славянскихъ.

Стараніемъ безграмотныхъ и несмысленныхъ писцевъ лишаемся мы ежедневнои уцѣлевшихъ красотъ языка : а современемъ и всѣхъ лишимся. Грековъ и Римлянъ дикія племена лишили роднаго ихъ слова , а мы сами лишимъ себя прекраснаго нашего языка. Вотъ ожидаемая польза отъ размноженія переводовъ и сочиненій, которыми невѣжды обогащаются! Древняя исторія неогцѣненнаго *Романа* доставляетъ читателю, незнающему иностранныхъ языковъ, нѣкоторыя свѣдѣнія ; а языкъ нашъ заражаетъ , какъ моровая язва.»

Ломоносовъ говоритъ : «нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій немогли довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку чуждыхъ ; однако оныя чрезъ долготу времени перестали быть противны.»

Но отъ чего? отъ того, что и въ тѣхъ несвойственныхъ оборотахъ языку славянскому слышимъ чуждія слова.

А вотъ какъ , снова повторимъ, Сумароковъ объясняется о переводахъ:

«Кто пишетъ, долженъ мысль очистить напередъ,
И прежде самому отдать себѣ отчетъ ;
Чтобъ сочиненіе изображалось ясно
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Потомъ скажу: какой похваленъ переводъ ?
Гдѣ мысли слогъ какой, такой тамъ и народъ.
Что очень хорошо на языкъ Французскомъ,
То можетъ скаредно быть въ переводъ Русскомъ.
Не мни, переводя, что слогъ тебѣ готовъ ;
Творецъ даруетъ мысль ; но не даруетъ словъ.
Ты, путаясь, какъ твой творецъ ни славенъ,
Небудешь никогда, *французся*, исправенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,
Не мни, чтобъ помощью тебя снабдилъ и онъ.
Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка,
То будетъ переводъ твой нѣкая загадка.

Въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ говорить :

«Прекрасенъ нашъ языкъ одною старинной.»

Но отъ чего? Ломоносовъ отвѣчаетъ : «отъ того, что отъ временъ Владімира почти болѣе, нежели въ теченіи семи сотъ лѣтъ, языкъ нашъ не столько измѣнился, чтобы стараго не можно было разумѣть.»

А далѣе онъ прибавляетъ : «что и изъ развалинъ Греціи и Рима сквозь звуки въ отдален-

ныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, впроповѣдовавшихъ дѣла своихъ героевъ.»

По общему жребію всего земнаго, сколько громкихъ именъ героевъ, смолкли въ переходѣ вѣковъ: но горе, если вмѣстѣ съ лицами онѣмѣетъ и языкъ родной. Сумароковъ содрагался при одной мысли о томъ; а потому съ величайшимъ раченіемъ разбиралъ оду Ломоносова:

Вотъ нѣсколько замѣчаній его.

«Царей и царствъ земныхъ отрада:

Возлюбленная тишина

Блаженство сель, градовъ ограда.»

Градовъ ограда сказать не можно, молвить селеній ограда, а не ограда града; градъ, отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ.

Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, *городовъ*; а градъ *градовъ*, а не *градовъ* и проч.

Солнце блистая съ вѣчной высоты;

На бисеръ злато и порфиру;

Что солнце смотреть?

«На злато, бисеръ и порфиру.»

Это правда : но чтобы смотрѣло на тишину, на премудрость, на совѣсть : не знаю.» И такъ далѣе.

Такъ ли эти предложены замѣчанія : не вхожу о томъ въ разборъ Но безпристрастные писатели и тутъ у видятъ, что никакой порывъ желчи не примѣшанъ къ разбору Сумарокова. Скажутъ, что слогъ его устарѣлъ ; но, что значить устарѣніе слога, если мысли сохранили прежнюю жизнь. А въ примѣръ разнообразія слога Сумарокова, предложу три статьи; первая относится къ слогу *душевному*; вторая къ *описательному*; третья къ *писменному*:

Въ первой статьѣ, предлагая разсужденіе о любви къ ближнему, сочинитель говоритъ: «не приучивъ души къ челоуколюбію, трудно то творить другимъ, чего мы себѣ не желаемъ, и весьма то легко тому исполнить, кто любитъ Бога. Творите благо ближнему; а смѣ благомъ содѣлаете благо Богу: а инаго блага мы Его учинить Ему не можемъ, Вся вселенная Его ииѣтъ у насъ другой Богу жертвы, кромѣ любви къ ближнему. Этаго одного Онъ отъ насъ требуетъ, и даровавъ намъ свободу душевную, однаго этого отъ нее желаетъ. Весь законъ заключается по словамъ на

шего Законодавца Христа Спасителя въ любви къ Богу и ближнему; его исполнить не трудно и не ложны слова сін: *«иго мое блиго, бремя мое легко есть.»* Не тяжекъ намъ законъ нашъ, но тѣжки намъ испорченныя наши сердца. Такъ, не законъ, но сердца наши исправленія требуютъ; а такого закона отъ начала міра ни гдѣ не бывало. Гдѣ бы было предписано обманывать, красть, грабить и убивать; ибо такой скаредный законъ былъ бы къ погубленію рода человѣческаго; а нашъ законъ установленъ къ блаженству человѣческаго рода. Искра эта, Самимъ Богомъ въ насъ возженная; искра, которую мы совѣстью называемъ, всегда злодѣяшію прекословить: сей дарованный намъ отъ Бога, даръ къ управленію жизни нашей, вмѣстѣ доказываетъ и то, что есть и Богъ и то, что должна быть добродѣтель и что есть и воздаяніе и наказаніе по смерти. Благодѣяствующій въ сей жизни злодѣй и бѣдствующій праведникъ, безъ будущаго воздаянія и наказанія лишены бы были правосудія, а этого быть не можетъ; потому что есть Богъ; и о томъ что есть Богъ несомнѣвается ни кто изъ людей чистосердечныхъ и благоумныхъ. А сомнѣваются о Немъ и не познаютъ Его только одни непросвѣщенные умствователи, отторженные злосердіемъ и корою науки отъ добродѣтели и отъ естественной просто-

ты, показывающей намъ убидительно бытіе Божіе, и не углубившіяся въ изслѣдованіе премудрости Божіей, уподобляясь мореплавателямъ, не видящимъ ни того берега, отъ котораго они отплыли, ни того, къ которому мчатся. А просвѣщенные наукою люди, чѣмъ болѣе въ ней углубляются, тѣмъ болѣе къ утвержденію и наконецъ къ ясному о пребываніи и величествѣ Божіемъ приходятъ понятію. Не пустившіеся въ море отъ берега люди знаютъ оба берега; а посреди водъ, безъ кормила носимые бурей не видятъ ни еди-наго берега и заблуждаясь по глубинѣ морской, о первомъ брегѣ не мыслятъ, а другаго не знаютъ, и пльва безъ кормила ждуть ежеминутно своей погнѣбели.—»

СЛОГЪ ОПИСАТЕЛЬНЫЙ.

Письмо о красотѣ природы.

Оставь меня, мой другъ! въ уединеніи и не призывай видѣть великолѣпіе городовъ и пышность богатыхъ; жизнь уединенная свойственна моему нраву. Я довольно насмотрѣлся на суеты міра и чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе отвращался отъ нихъ. Для чего мнѣ тратить скоротечную жизнь и летящія минуты? Всегда ли въ жизни приготовляться и ни когда не жить! Что меня въ городѣ можетъ удивить? Все, что тамъ удобно приноситъ удовольствіе и удовлетворять любопытство человѣческое, нахожу здѣсь въ болѣе изобилии. Огромныя зданія потолоки и стѣны, испещренныя живописью, мраморныя полы, сады, біющіе къ верху и многою хитростью понуждаемые ключи: все то на что въ городѣ смотрятъ люди съ удивлені-

емъ, нахожу я здѣсь не въ подражаніи, но въ естествѣ. Какое зданіе столько меня удивить можетъ, какъ огромная вселенная! какой потолокъ прекраснѣе свода небеснаго, съ которато раскаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна, и пригвожденныя къ небу звѣзды блестятъ предъ очами моими? Какія стѣны могутъ быть такъ украшены какъ рощи и дубравы? Какой полъ можетъ быть пріятнѣе зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ извиваются шумящіе и прохлаждающіе источники? Какая музыка можетъ уподобиться пѣнію прославляющихъ свою свободу птичекъ? Эти предвѣстники багряной зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественности музыка—свирѣльная игра и простота пѣсней пастушекъ, мнѣ золотой вѣкъ изображаетъ. Во время полудня, тѣнь сплетенныхъ деревъ даетъ мнѣ чувствовать одну пріятность полудня и излишества жара ко мнѣ не допускаетъ. Пріятный мнѣ вечеръ, на бережкахъ журчащихъ по камешкамъ быстрыхъ потоковъ, сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ сердце. Не препятствуютъ моему сну тягостныя мысли: съ удовольствіемъ засыпаю и съ удовольствіемъ пробуждаюсь. Притворства я здѣсь не вижу; лукавство здѣсь не извѣстно. Одѣваюсь я какъ мнѣ

покойнѣ; говорю и дѣлаю что хочу и въ поведе-
неніи своемъ кромѣ себя ни кому не даю отчета.
Что дѣлается на свѣтѣ—я знать не любопытствую,
и удалюсь отъ свѣта въ простотѣ и въ моемъ
уединеніи обрѣтаю время золотого вѣка.

ВОЕННЫЙ СЛОГЪ.

Письмо къ Г. Полковнику Артиллеріи, Петру
Богдановичу Тютчеву.

Съ великимъ видѣвъ удовольствіемъ, въ какое состояніе нынѣ приведена россійская артиллерія и съ какою исправностью и поспѣшностью въ оной дѣйствуется, уможилъ я свое удивленіе, что стоящіе подъ вашимъ управленіемъ люди съ такимъ же искусствомъ и въ инфантерійской экзерциіи упражняются. Когда они мѣлко пѣли ружье, тогда казалось мнѣ, что они весь свой вѣкъ только тому одному обучались, и достигли до совер-

шенства; а когда они за большее принялись ору-
жіе, и бросать начали громъ и молніи; тогда
невскіе берега затряслися, и земля вострепетала,
а я, вознесенный духомъ на Парнасъ, видѣлъ от-
туда въ иступленіи моемъ на облакахъ Петра Ве-
ликаго, украшеннаго вѣнцемъ славы, и за добро-
дѣли и милости къ отечеству—озареннаго божест-
веннымъ свѣтомъ.

НОВОЕ СООБРАЖЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ МЫСЛЕЙ НИКОЛЕВА И ДЕРЖАВИНА СЪ МЫСЛЯМИ СУМАРОКОВА.

Не помню, гдѣ я читалъ, будтобы Державинъ, выпустилъ какую то ѣдкую *эпиграму* на Сумарокова, которая чрезвычайно его раздосадовала. Если это правда, то Державинъ не правъ. По объему и ходу лирическихъ своихъ произведеній онъ едва ли заимствовалъ нѣсколько выраженій изъ Ломоносова. А я показалъ и доказалъ, что онъ обильнымъ перомъ бралъ мысли у Сумарокова и что въ нѣсколькихъ его стихотвореніяхъ слышны отголоски его поэтическаго духа. Говорилъ и Н. П. Николаевъ въ Народной одѣ своей на покореніе *Огакоа* въ 1789 года:

«Строй, кто хочетъ, громку лиру,
Чтобъ казаться въ высотѣ;
Я настрою пѣсню міру

По солдатски на гудкъ,
Сумароковъ въ епистолю,
Не моея указщикъ волю.»

Онъ не указывалъ его волю, но первый изъ русскихъ поэтовъ указалъ путь къ *игривости* слога. Прочтите въ седьмой части полныхъ его сочиненій оду ко лжи.

Вотъ нѣсколько словъ изъ нее:

«Падите, смертны! предо мною,
Великая богиня я;
И не сравняется съ мною
Богиня — участь здѣсь моя.
«Ты ложь» вы скажете безспорно.
И сколько стало мнѣ покорно
Мужчинъ дѣвицъ, ребятъ и бабъ!
Они мнѣ почести сугубять,
Мою повсюда славу трубятъ.
И въ истинѣ сталъ каждый слабъ.»

Мои не притуплены ноги
Не поскользнуть отъ сильныхъ лицъ;
Вхожу въ господскія чертоги
Для соплетеня небылицъ.
Не зря къ себѣ въ почтенны мѣры—
И дамы, чтутъ и кавалеры
Дворяне и бояры чтутъ;
Въ величїи своей я славы

Преобрашаю «сѣ уставы
И прибыленъ судьямъ мой судъ.»

Тутъ слышимъ игривость Державина въ одѣ на *счастіе*. Впрочемъ и у поэзіи, равно, какъ и у моды, крылья перелетныя. Въ стихахъ своихъ къ А. В. Храповицкому Державинъ писалъ:

Извини мой другъ! коль лестно
Я кого здѣсь воспѣвалъ;
Днесъ скрывать ужъ мнѣ безчестно,
Коль кого разъ похвалялъ;
За слова пусть злоба гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтить.»

Конецъ второй части.

